

.....

BYZANTINOTAUICA

.....

ISSN 2949-6136

.....

BYZANTINOTAUICA

.....

THE JOURNAL OF BYZANTINE
AND MEDITERRANEAN
STUDIES

..... 2

ISSN 2949-6136

VOL. 2

2024

Sevastopol, Simferopol
2024

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

.....

BYZANTINOTAUICA

.....

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

..... 2

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Н.Оріанда
ПІДПИСАНО

Севастополь, Симферополь
2024

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

Е ж е г о д н ы й ж у р н а л

Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований / Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Севастополь, Симферополь: Н.Оріанда.

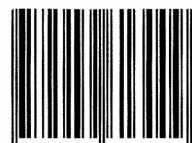
2024. Т. 2. — 2024. — 348 с., ил.

ISSN 2949–6136

Во втором томе журнала представлены работы, посвященные различным аспектам истории и культуры Византии, Причерноморья, Средиземноморья, Кавказа и Руси в позднеантичный и средневековый период. Опубликованы статьи по всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма, Причерноморья и Византии.

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

ISSN 2949–6136

9 772949 613009 >

© Институт истории и археологии
Византии и Причерноморья
Севастопольского государственного
университета, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© «Н.Оріанда», макет, 2024

Редакционная коллегия

Сергей Павлович КАРПОВ (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Николай Николаевич БОЛГОВ — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского национального исследовательского университета; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»;

Сергей Геннадиевич БОЧАРОВ — кандидат исторических наук, доцент, директор НОЦ «Археологические исследования»; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Михаил Вячеславович ГРАЦИАНСКИЙ — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Татьяна Викторовна КУЩ — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Юрий Миронович МОГАРИЧЕВ — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН;

Константин Александрович ПАНЧЕНКО — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Александр Васильевич ПОДОСИНОВ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич БЫСТРИЦКИЙ (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ло-

моносова; старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета.

Редакционный совет

Михаил Дмитриевич БУХАРИН — академик РАН; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Николай Николаевич КРАДИН — академик РАН; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН;

Андреа НАНЕТТИ — профессор; Венецианский институт наук, словесности и искусств (Венеция); Наньянский технологический университет (Сингапур);

Владимир Дмитриевич НЕЧАЕВ — доктор политических наук; ректор Севастопольского государственного университета (Севастополь);

Михаил Борисович ПИОТРОВСКИЙ — академик РАН; генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Ирина Федоровна ПОПОВА — член-корреспондент РАН; директор Института восточных рукописей (Санкт-Петербург);

Славенко ТЕРЗИЧ — действительный член Сербской Академии Наук (Белград).

Editorial Board Editors

Sergey KARPOV (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Head of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University;

Nikolay BOLGOV — Doctor of Sciences (History), Professor, the Chair for Universal History of Belgorod State University; Senior Researcher of the Centre for Digital Technologies in Historical and Archaeological Research of Sevastopol State University;

Sergey BOCHAROV — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Archaeological Research Centre of Sevastopol State University; Leading Researcher of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University;

Mikhail GRATSIANSKIY — PhD, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University;

Tatiana KUSHCH — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Ancient and Medieval History Department of Ural Federal University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Yuriy MOGARICHEV — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Humanity and Social Science of the Crimean Republican Institute for Post-Graduate Pedagogical Education;

Constantin PANCHENKO — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Near and Middle Eastern History of the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University;

Alexander PODOSINOV — Doctor of Sciences (History), Professor, the Head of the Department for Ancient Languages of Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay BYSTRITSKIY (Editorial Secretary) — Candidate of Sciences (History); Senior Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University.

Editorial Advisory Board

Mikhail BUKHARIN — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Sergey KRADIN — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;

Andrea NANETTI — Professor; Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti (Venice); Nanyang Technological University (Singapore);

Vladimir NECHAEV — Doctor of Political Sciences; Rector of Sevastopol State University;

Mikhail PIOTROVSKY — Full Member of the Russian Academy of Sciences; General Director of the State Hermitage (Saint-Petersburg);

Irina POPOVA — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg);

Slavenko TERZIĆ — Full Member of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade).

Содержание

Восток и Запад: евразийское измерение в Средние века

И.Ф. Попова (Санкт-Петербург)

Установление первых прямых контактов Китая с Европой (XIII век)... 13

Восток и Запад Средиземноморья в позднеантичный и средневизантийский периоды

Н.Н. Болгов, Е.П. Славогородская, А.М. Болгова (Белгород)

Интеллектуалы римской и ранневизантийской Ликии..... 21

Е.В. Литовченко (Белгород)

«Я избегаю длинных путешествий»: деловые и частные поездки
в поздней Античности (по эпистолярному Квинта Аврелия Симмаха).... 36

М.В. Грацианский (Москва)

Церковный мир 433 г. и римская кафедра..... 46

Н.А. Гудков (Белгород)

Узурпация Флавия Иоанна 423–425 гг. в контексте
взаимоотношений восточноримского и западноримского двора..... 71

В.В. Прудников (Москва)

Норманны, турки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций
в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в..... 81

Таврика в византийский и генуэзский периоды: история и археология

С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц (Санкт-Петербург)

Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский
памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения 95

В.П. Кирилло (Симферополь)

Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма..... 137

А.А. Роменский (Севастополь)

Ромеи и «обитатели Севера»: идентичность и этнокультурные
контакты в византийской Юго-Западной Таврике..... 172

П.В. Кузенков, Ю.М. Могаричев (Севастополь, Симферополь)

Католические миссии в Горной Юго-Западной Таврике
во второй половине XIII в.: к постановке проблемы..... 195

Н.П. Турова (Симферополь)

Казалии Готии второй половины XIV–XV вв.: материалы
к археологической карте муниципального округа Ялта 217

*Византийская зона влияния:**исторические и археологические аспекты истории Руси и Кавказа***Ш.М. Хапизов** (Махачкала)

Царство Сарир («Авар») в X–XIII вв. — независимое государство или вассал государства ромеев? (К вопросу о границах и внешнеполитической ориентации)..... 271

С.В. Шполянский (Москва)

Металлические накладки с растительным декором в материальной культуре Московской Руси во второй половине XIV–XV вв.: археологический контекст и восточно-средиземноморские влияния..... 288

*Цифровые методы в исторической науке: теория и практика***Н.И. Быстрицкий** (Москва)

Применение искусственного интеллекта для развития исторического знания: перспективы и ограничения 303

Э.Н. Карнаушенко (Севастополь)

Мозаика северной пристройки херсонесской Базилики в базилике: символика, композиция, реконструкция 317

*Рецензия***А.А. Роменский** (Севастополь)

Хронология и территория Руси X в.: спорные вопросы. Рецензия на книгу: Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.). М.: Аквилон, 2020. 560 с. 328

Contents

East and West: The Eurasian Dimension in the Middle Ages

Irina F. POPOVA (Saint-Petersburg)

The Rise of the First Direct Contacts Between China and Europe (13 th C.)	13
--	----

East and West of the Mediterranean in the Late Antique and Middle Byzantine Periods

Nikolay N. BOLGOV, Ekaterina P. SLAVOGORODSKAYA,

Anna M. BOLGOVA (Belgorod)

Intellectuals of Roman and Early Byzantine Lycia	21
--	----

Elena V. LITOVCHENKO (Belgorod)

“I Avoid Long Journeys”: Business and Private Travel in Late Antiquity (from the Epistolary of Quintus Aurelius Symmachus)	36
--	----

Mikhail V. GRATSIANSKIY (Moscow)

The Church Peace of 433 and the Roman See.....	46
--	----

Nikita A. GUDKOV (Belgorod)

The Usurpation of Flavius John 423–425 in the Context of Relations between the Eastern and Western Roman Courts.....	71
--	----

Vitaliy V. PRUDNIKOV (Moscow)

Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors of the End of the 11 th Century.....	81
--	----

Taurica in the Byzantine and Genoese Periods: History and Archaeology

Svetlana B. ADAKSINA, Victor L. MYTS (Saint-Petersburg)

A Byzantine Monument of the 10 th –11 th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance	95
--	----

Vladimir P. KIRILKO (Simferopol)

Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea	137
--	-----

Alexandr A. ROMENSKY (Sevastopol)

Romans and “The Residents of the North”: Identity and Ethnocultural Contacts in the Byzantine South-Western Taurica	172
---	-----

Pavel V. KUZENKOV (Sevastopol), **Yuriy M. MOGARICHEV** (Simferopol)

Catholic Missions in the Mountainous South-Western Taurica in the 2 nd Half of the 13 th Century: Towards the Formulation of the Problem	195
--	-----

Natalia P. TUROVA (Simferopol)

Casalia of Gothia in the Second Half of the 14 th –15 th Centuries: Materials for the Archaeological Map of the Yalta Municipal District	217
--	-----

*Byzantine Zone of Influence:**Historical and Archaeological Aspects of the History of Rus' and the Caucasus***Shahban M. KHAPIZOV** (Mahachkala)The Kingdom of Sarir ("Avar") in the 10th–13th Centuries: An Independent State or a Vassal of the State of the Romans? (The Issue of Borders and Foreign Policy Orientation Revisited) 271**SERGEY V. SHPOLYANSKIY** (Moscow)Metal Overlays with Floral Decoration in the Material Culture of Moscow Russia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Archaeological Context and Eastern Mediterranean Influences 288*Digital Methods in Historical Science: Theory and Practice***Nikolay I. BYSTRITSKIY** (Moscow)

Application of Artificial Intelligence for the Development of Historical Knowledge: Prospects and Limitations 303

Elia N. KARNAUSHENKO (Sevastopol)

Mosaic of the Northern Extension of the Chersonesos 'Basilica in the basilica': Symbolism, Composition, Reconstruction 317

*Review***Alexandr A. ROMENSKY** (Sevastopol)Chronology and Territory of Rus' in the 10th Century: Controversial Issues. Book review: Shchhavelev, A.S. Chronotop derzhavy Riurikovichai (911–987). Moscow: Aquilon, 2020. 560 p. 328

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 13–20

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 13–20

Научная статья

Установление первых прямых контактов Китая с Европой (XIII век)

Ирина Федоровна ПОПОВА

Доктор исторических наук; член-корреспондент РАН; «Ученый Янцзы» (陝西师范大学 长江学者); Директор Института восточных рукописей РАН; Дворцовая набережная, д. 18, 191181 Санкт-Петербург; irina_f_popova@mail.ru

Аннотация: Первые опосредованные торговые контакты Европы с Восточной Азией установились не позднее I в. до н. э., когда в европейских языках появляется название Китая, именуемого по династии Цинь (221–206 гг. до н. э.), а в китайских источниках впервые упоминается далекое государство на Западе – «Великая Цинь» (Да Цинь), т. е. Римская империя. Качественно новая страница в истории сношений Китая с внешним миром была открыта с воцарением здесь монгольской династии Юань (1271–1368). Монгольские разорительные завоевания устранили границы в Евразии и стали вызовом для Ватикана и правителей Европы, что привело к их попыткам установить с Китаем прямые контакты. В статье упоминаются первые миссионеры и купцы, направившиеся в Китай в XIII в. и оставившие записи, из которых затем возникла западная синология.

Ключевые слова: Китай и Европа, династия Юань, первые миссионеры в Китае.

Цитирование: Попова И.Ф. Установление первых прямых контактов Китая с Европой (XIII век) // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 13–20.

Original article

The Rise of the First Direct Contacts Between China and Europe (13th C.)

Irina F. POPOVA

Doctor of Sciences (History); Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Honorary rank “Yangzi Scholar” (陕西师范大学长江学者); Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya naberezhnaya, 191181 Saint-Petersburg, Russian Federation; irina_f_popova@mail.ru

Abstract: The first mediated contacts between Europe and the Eastern Asia started not later than the 1st c. BC, when the denomination of China named after the Qin dynasty (221–206 BC) appeared in European languages and the Chinese sources first mentioned the Roman Empire as a distant Western state “Great Qin”. Whole new page in the history of relations between China and its outer world started with the accession there of the Mongol Yuan dynasty (1271–1368). The devastating Mongol conquests removed the states borders in Eurasia and became a challenge for Vatican and European rulers. This lade to attempts to set up the first direct contacts with China. In this paper are mentioned the first missionaries and merchants, who went to China in the 13th c. and left the notes, thus giving rise to the Western sinology.

Keywords: China and Europe, Yuan dynasty, first missionaries in China.

For citation: Popova, I.F. “The Rise of the First Direct Contacts Between China and Europe (13th C.).” *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 13–20 (in Russian).

Первые опосредованные торговые контакты Европы с Восточной Азией установились не позднее I в. до н. э., когда в древнеримской литературе появились указания на потребление шелковых тканей несомненно китайского производства. В европейских языках появляется название Китая, именуемого по династии Цинь (秦), объединившей страну в 221 г. до н. э., а в китайских источниках начала первого тысячелетия нашей эры впервые упоминается далекое государство на Западе — «Великая Цинь» (Да Цинь 大秦), т. е. Римская империя. В первое тысячелетие нашей эры китайские товары (главным образом шелк) проходили по так называемому Великому Шелковому пути через руки купцов-посредников — согдийцев, арабов, хорезмийцев. Дальнейшее расширение знаний о Центральной и Восточной Азии на Западе было связано с арабскими завоеваниями VII–IX вв. В арабских и персидских исторических и географических сочинениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мукаддаси, Ибн ал-Факиха, Ибн Хордадбеха, Кудамы, Ибн Русте, ал-Йакуби, ал-Масуди, ал-Бируни, Гардизи, Йакута

и др. содержались отдельные, отрывочные сведения по истории и культуре народов Центральной и Восточной Азии.

Возвышение в XII в. итальянских морских республик привело к более активному проникновению на Восток европейцев. Дипломаты, купцы, путешественники, странствующие монахи устремились в страны Азии, ставя перед собой конкретные практические и миссионерские задачи. В это время еще не было создано работ, основанных на оригинальных источниках на языках Восточной Азии; многие сведения черпались из сирийской, византийской и древнеармянской литератур, служивших посредниками между Востоком и Западом. Материал, собранный европейцами путем личных наблюдений и расспросов на Востоке, обобщался в самой разнообразной многожанровой литературе, к которой относились путевые заметки, дорожники, сборники путешествий, романы-путешествия, исторические хроники, проекты крестовых походов, труды миссионеров и паломников, эпистолярная литература, повествовательные новеллы.

Через Центральную Азию были установлены и первые контакты русских с Китаем. К XIII в. относятся сведения о пребывании русских в Каракоруме. Тогда же через Монголию в Китай были доставлены русские пленники, которые составили охранный русский полк при дворе монгольской династии Юань (1271–1368)¹.

Именно в правление династии Юань была открыта качественно новая страница в истории сношений Китая с внешним миром. Монгольские завоевания устранили границы в Евразии и способствовали установлению прямых контактов Китая с Европой. В этот период вновь оживилась начавшая было угасать с середины VIII в. торговля по Великому Шелковому пути. Между Китаем и Западом сложилась небывалая прежде масштабная сеть разветвленных дорог, имевших важное значение для усиления экономических связей между Востоком и Западом. Мусульманские купцы из Средней и Центральной Азии поставляли монгольской знати драгоценности и предметы роскоши и пользовались большими привилегиями в торговой политике монголов. Кроме того, с коммерческими целями в Китай приезжали отдельные купцы из Кыпчакского ханства (территория современного Казахстана) и даже из Европы. Из Китая экспортировали преимущественно изделия традиционного ремесла, такие как шелк и фарфор, импортировали жемчуг, лекарственные вещества, благовония и ткани.

Монгольские разорительные завоевания стали вызовом для Ватикана и правителей Европы, поэтому римский папа Иннокентий IV (1243–1254) направил в Монголию своих посланников, дабы уговорить монголов не вторгаться в христианские государства и заодно разведать обстановку в стране завоевателей. В июле 1246 г. в монгольскую ставку с послани-

¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 15.

ем от папы Римского прибыл итальянский миссионер Плано Карпини (*Giovanni da Pian del Carpine*, 1182–1252) и был принят недавно взошедшим на престол третьим великим ханом Гуюком (1246–1248). В конце года миссионер получил от хана ответное послание с призывом покориться монголам и двинулся в обратный путь. В 1252 г. французский миссионер Гильом де Рубрук (*Guillaume de Rubrouck*, 1220–1293) был направлен в Монголию с посольским поручением от французского короля Людовика IX (1226–1270). Он прибыл ко двору четвертого великого хана Мунке (1251–1259), но его посольство также не имело успеха, и он вынужден был ни с чем уехать обратно. Однако оба миссионера оставили достаточно пространственные записи, зафиксировав наблюдения касательно политики, экономики, нравов, обычаев и жизни в монгольских степях.

С основанием династии Юань центр тяжести политики монголов переместился на юг, и европейцы по-прежнему сохраняли желание поддерживать с ними контакты. Китайский мыслитель Чжу Сыбэнь 朱思本 (1273–1335) в своем сочинении «Черновые наброски Чжэньичжая» писал: «Хотя Западное море² и далеко, но ямские гонцы и купцы-инородцы временами доезжали и дотуда»³.

В 1266 г. по торговым делам в столицу юаньского хана прибыли венецианские купцы братья Николо (1230–1294) и Маттео Поло (1230–1309), получившие у Хубилая радушный прием. Хубилай назначил их помощниками посла — монгольского чиновника, которого они должны были сопровождать с посольской миссией в Ватикан. В пути монгольский посол заболел и был вынужден остаться, а братья Поло доставили письмо юаньского двора в Рим, таким образом выполнив возложенное на них поручение. Спустя некоторое время папа Григорий X (1271–1276) повелел им снова отправиться в монгольскую столицу и доложить Хубилаю об успешном выполнении их миссии. После продолжительного странствия в 1274 г. они во второй раз прибыли в монгольскую столицу. В этом путешествии отца и дядю сопровождал Марко Поло (1254–1324). Марко отличался живым умом, умело вел диалог, почему и был оценен Хубилаем по достоинству и оставлен при юаньском дворе на 17 лет. Император направлял его с инспекторскими поездками в районы южного и юго-западного Китая, а также в Юго-Восточную Азию. Впоследствии ильхан Аргун (1284–1291), четвертый правитель чингизидского государства Хулагуидов, прислал к юаньскому двору сановника Улатая и двух других послов с предложением породниться. Хубилай тогда велел Поло сопро-

² Имеется в виду Средиземное море.

³ Цитируется по: История китайской цивилизации. В 4-х томах / Глава редколлегии Юань Синпэй и др. Перевод с китайского языка под редакцией И.Ф. Поповой. Т. 3. М., 2020. С. 384.

вождать к Аргуну принцессу из рода Болган. По выполнении этой миссии Марко Поло, его отцу и дяде было дозволено вернуться в родную страну. В 1291 г. они сели на корабль в Цюаньчжоу и отправились в дорогу. Путь их пролегал через ильханат Хулагуидов, и по прошествии четырех лет они наконец вернулись в Венецию. Опираясь на воспоминания и рассказы Марко Поло, его современник Рустикелло подготовил записки, образовавшие «Книгу Марко Поло». Книга стала сенсацией: она открыла средневековым европейцам новый чудесный мир Востока, оказала влияние на многие поколения последующих европейских мореходов и землепроходцев. До нашего времени дошло около 140 разных вариантов рукописи этой книги, а количество переводов ее на другие языки превышает 120⁴.

В те же времена случилось первое в истории путешествие жителя Поднебесной в Европу. В западных хрониках упоминается, что каталикосом-патриархом Ассирийской церкви Востока под именем Мар Явалаха III (1245–1317) стал Марк (Marcus), обучавшийся у уйгура, уроженца Ханбулька (нынешнего Пекина) Раббана Саумы (Барсаумы; 1225–1294)⁵, причем, Саума — его имя, а Раббан — уважительное прозвище и сирийское слово, означающее «учитель». Около 1275 г. они оба отправились паломниками в Иерусалим, будучи также посланцами от Хубилая, но в силу обстоятельств дошли только до Багдада. В 1287 г. Саума по поручению патриарха и ильхана Аргуна возглавил посольство в Европу. Саума виделся с французским королем Филиппом IV (1285–1314), встречался с английским королем Эдуардом I (1272–1307), в Риме был на аудиенции у папы Николая IV (1288–1292), причем везде он встречал милостивый прием. По благополучному завершению миссии он вернулся в Багдад и до конца дней служил под началом Мар Явалаха III. Поездка Раббана Саумы в Европу обогатила представления о юаньской династии на Западе. Он сообщил папе Римскому, что великий хан Хубилай «полон теплых чувств по отношению к Ватикану и латинскому народу» и от лица ильхана Аргуна попросил папу послать миссионеров ко двору монгольского правителя⁶. Тогда в Ватикане было принято решение развернуть на Востоке более активную миссионерскую работу.

Еще задолго до образования монгольского государства одна из ветвей христианства (несторианское учение — кит. *несытолипай* 聶思脫里派) распространилась к северу и югу от пустыни Гоби. В керейтских и найманских кочевьях на севере Гоби оно именовалось «светлое учение» (*цзинцзяо* 京教). Со времени основания Монгольской империи до начала юаньской династии несторианство в известной мере было популярно также среди правящей верхушки монголов. Марко Поло сообщал,

⁴ Там же. С. 385.

⁵ Moule A.C. Christians in China before the Year 1550. New York; Toronto, 1930. P. 94.

⁶ История китайской цивилизации. Т. 3. С. 386.

что на стяге восставшего против хана царевича Наяна⁷ особым знаком был «христов крест»⁸. Однако Римская Церковь причисляла «светлое учение» к ложной ветви христианства, посему строила планы усилить распространение на востоке ортодоксального католичества. В 1289 г. по поручению римского папы Николая IV в Китай по морю отправился католический миссионер итальянец Джованни Монтекорвино (*Giovanni da Montecorvino*, 1246–1328). В 1294 г. он прибыл в столицу юаньского Китая и поднес папское послание недавно взошедшему на трон императору Чэн-цзуну (1294–1307), который дал римскому посланнику разрешение на ведение миссионерской деятельности. Из сохранившейся переписки Монтекорвино с братьями по вере видно, что он долгое время проживал в юаньской столице, переводил Новый завет (*Синь юэ* 新約) и Псалтырь (*Даогаоши* 禱告詩), построил два храма, дал приют 150 детям, окрестил около 6 000 человек⁹. Миссионер многократно подвергался нападкам со стороны несториан, нередко несправедливым: однажды был арестован, но смог оправдаться. Зять императора династии Юань и князь Гаотан-ван Коргуз (Георгий, Онгот, ум. 1298 г.) первоначально был приверженцем «светлого учения», но под влиянием миссионера перешел в католичество. В юаньскую эпоху последователей и священнослужителей христианства, включая несториан и католиков, называли *еликэвэнь* 也里可溫 (возможно, от лат. слова *religio*), и всеми делами этой религии занимался специально учрежденный в правительстве Юань департамент «Молений о счастье» (*Чунфу* 崇福司).

В 1307 г. папа Климент V (1305–1314), получив известия о результатах миссионерской деятельности Монтекорвино, официально возвел его в сан архиепископа Пекинского и послал ему в помощь отца Андрея (*Andraw*) и шесть других священнослужителей. Андрей сначала по суше достиг Индии, а затем по морю двинулся в направлении Пекина. В общей сложности на его странствие ушло семь лет и до юаньской столицы дошли только три человека. Их путешествие в Китай описал юаньский автор Чжу Дэжунь 朱德潤 (1294–1365): «Скитаясь, они четыре года шли до Цишими (современный Кашмир), потом еще четыре года — до Чжунчжоу, пересекли семь морей, прибыли в Великую столицу и стали там учить»¹⁰. В 1312 г. Ватикан направил в Китай еще флорентийца Петра,

⁷ Наян (Ная) потомок Учжигина, младшего брата Чингис-хана, в 1287 г. восстал против Хубилая, был побежден, взят в плен и казнен.

⁸ Книга Марко Поло / Пер. старофранцузского текста И.П. Минаева. Ред. и вст. статья И.П. Магидовича. М., 1956. С. 102.

⁹ История китайской цивилизации. Т. 3. С. 387.

¹⁰ Цит. по: Чжунхуа вэньмин ши 中華文明史. 袁行霈主編 (История китайской цивилизации. В 4-х т. Гл. редкол. Юань Синпэй и др.). Т. 3. Peking University Press, 2006. С. 281.

тоже дошедшего до Пекина. Получив поддержку этих людей, Джованни Монтекорвино усилил свою деятельность и открыл отдельный приход в городе Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь) — важнейшем в юаньском Китае международном торговом порту. Около 1328 г. Монтекорвино заболел и умер. Получив весть о его смерти, папа отправил в Китай архиепископа Николая в сопровождении 20 миссионеров. Но Николай со спутниками дошел только до Чагатайского ханства — дальше их следы теряются. В те же годы свое странствие в Срединное государство совершил Одорико Порденоне (*Odorico da Pordenone*, 1286–1331). Сначала он на корабле дошел до Гуанчжоу, затем проследовал на север через города Цюаньчжоу, Ханчжоу и Цзицин. В Пекине он провел три года и, вероятно, застал там престарелого Джованни Монтекорвино. Впоследствии Порденоне, следуя по суше через Тибет и Среднюю Азию, вернулся в Европу, оставив потомкам записки о своих странствиях.

В Пекине среди обращенных Монтекорвино в христианство главным образом были состоявшие на службе в императорской гвардии аланы, кипчаки и русские. Во время правления императора Шунь-ди (1333–1370), через год после кончины первого пекинского архиепископа, члены Тайного совета (Шумиюань 樞密院) Фу Дин и Янь Бухуа, а также начальник левого осетинского отряда дворцовой стражи Сян Шань от лица этих людей написали обращенное Ватикану письмо с просьбой прислать нового архиепископа. Их письмо в 1336 г. взяло с собой посольство, отправленное Шунь-ди в Рим. Посольство состояло из 16 человек и имело при себе также послание от юаньского императора, которое в форме «высочайшего указа государя всех государей, рожденного вечным небом», адресовалось «живущему за семью морями, там, где садится солнце, Его Святейшеству владыке франкских католиков папе Римскому» и предлагало «установить обычай регулярного обмена послами, в чаянии, что Папа пожелает нам благ и в молитвах своих вечно будет помнить о нас, слугах наших и детях Иисуса аланах»¹¹. В 1338 г. посольство прибыло в Авиньон (на юге современной Франции) к папе Бенедикту XII (1334–1342), было радушно им принято, а затем совершило поездку по Европе. Впоследствии папа повелел флорентийскому миссионеру Джованни Мариньоли (*Giovanni de Marignolli*, 1290–1357) и еще нескольким десяткам монахов присоединиться к собравшимся в обратный путь китайским послам и выполнить ответный визит в китайское государство. Совершив путешествие по суше, Мариньоли в 1342 г. прибыл в Пекин. Он поднес императору Шунь-ди письмо от папы и благородного скакуна в дар. Конь тот был высок, черной масти, с белыми задними копытами. В «Истории династии Юань» (Юань ши) сообщается: «Государство франков поднесло небывалого коня».

¹¹ Moule A. C. Christians in China... P. 252.

Тогда же подданные императора сложили стихотворения «Ода небесному скакуну» (*Тянь ма фу* 天馬賦) и «Восхваление небесному коню» (*Тянь ма цзань* 天馬贊), а на экзаменах на получение ученого звания писали сочинение на тему «Государство франков приносит в дар коня». Очевидно, то событие имело большой резонанс. Мариньолли со спутниками провел в Пекине три года, по прошествии которых они добрались верхом в Цюаньчжоу, а оттуда отправились на корабле на запад. В «Истории Мин» (Мин ши) сообщается о том, как после крушения юаньской династии первый минский император Чжу Юаньчжан повелел прибывшему из Европы в конце династии Юань некоему человеку по имени Негулунь (Николай?) «принять ответную грамоту и доставить ее своему повелителю»¹². Затем в Малой Азии началось возвышение Османской империи, а в Средней Азии — Империи Тамерлана (1336–1405), и сухопутные контакты между Китаем и Европой надолго прервались. Но освоенные, в том числе благодаря хождениям китайского адмирала Чжэн Хэ (鄭和, 1371–1433), морские пути позволили европейским миссионерам добраться до Китая и начать новый этап, уже связанный с зарождением западной синологии.

References

- Moule, A.C. *Christians in China before the Year 1550*. New York; Toronto, 1930.
- Popova, I.F., transl. *Istoriia kitaiskoi tsivilizatsii: v 4-kh tomakh [History of the Chinese Civilization: in 4 volumes]*, ed. by Yuan Singpei et al. Vol. 3. Moscow, 2020 (in Russian).
- Marko Polo / Per. starofrancuzskogo teksta I.P. Minaeva. Red. i vst. stat'ya I.P. Magidovicha. M., 1956. S. 102.
- Skachkov, P.E. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniia [Essays on the History of Russian Sinology]*. Moscow, 1977 (in Russian).

¹² Чжунхуа вэньмин ши 中華文明史. С. 282.

Восток и Запад Средиземноморья в позднеантичный и средневизантийский периоды

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 21–35

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 21–35

Научная статья

Интеллектуалы римской и ранневизантийской Ликии

Николай Николаевич БОЛГОВ¹, Екатерина Павловна СЛАВОГОРОДСКАЯ²,
Анна Михайловна БОЛГОВА³

¹ Доктор исторических наук; профессор; кафедра всеобщей истории; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ул. Победы, д. 85, 308015 Белгород; bolgov@bsuedu.ru

² Учитель истории ОГБОУ «Алексеевская СОШ»; ул. Толстого, д. 10, 10309850 Алексеевка Белгородская область;

³ Кандидат педагогических наук; доцент; кафедра всеобщей истории; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ул. Победы, д. 85, 308015 Белгород; bolgov@bsuedu.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка дать характеристику основным персоналиям, связанным с интеллектуальной традицией, в ранневизантийской Ликии. Этот регион Малой Азии отличается от других тем, что дал достаточно большое количество имен деятелей как местного, так и общеимперского масштаба. Особо выделяются фигуры философа Диогена из Ойноанды, ритор Гьерона, врача Гераклита, ратора Николая Ликийского. С Ликией связана жизнь величайшего философа Прокла, а также христианского моралиста Мефодия Патарского (Олимпского). Помимо сохранившихся трудов некоторых из этих авторов, часть информации мы получаем из эпиграфики.

Ключевые слова: Ликия, интеллектуалы, Ранняя Византия, поздняя Античность, риторика, философия, эпиграфика.

Цитирование: Болгов Н.Н., Славогородская Е.П., Болгова А.М. Интеллектуалы римской и ранневизантийской Ликии // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 21–35.

Original article

Intellectuals of Roman and Early Byzantine Lycia

Nikolay N.BOLGOV¹, Ekaterina P.SLAVOGORODSKAYA², Anna M.BOLGOVA³

¹ Doctor of Sciences (History); Professor; Department of World History; Belgorod State National Research University; Pobeda Str., 85, 308015 Belgorod, Russian Federation;

² History Teacher; Alekseevskaya Secondary School; Tolstoy St., 10309850 Alekseevka, Belgorod Region, Russian Federation.

³ Candidate of Pedagogical Sciences; Associate Professor; Department of General History; Belgorod State National Research University; Pobedy St., 85, 308015, Belgorod, Russian Federation.

Abstract: The article attempts to characterize the main personalities associated with the intellectual tradition in early Byzantine Lycia. This region of Asia Minor differs from others in that it gave a fairly large number of personalities of both local and imperial scale. The personalities of philosopher Diogenes of Oinoanda, rhetorician Hieron, physician Heraclitus, and rhetorician Nicholas of Lycia stand out in particular. The life of the greatest philosopher Proclus, as well as the Christian moralist Methodius of Patara (Olympus), is associated with Lycia. In addition to surviving works of some of these authors, we obtain some information from epigraphy.

Keywords: Lycia, intellectuals, Early Byzantium, late antiquity, rhetoric, philosophy, epigraphy.

For citation: Bolgov, N.N., Slavogorodskaya, E.P., and Bolgova, A.M. "Intellectuals of Roman and Early Byzantine Lycia." *Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 21–35 (in Russian).

В отличие от большого количества соседних областей Малой Азии Ликия не обделена видными представителями интеллектуальной традиции иногда не только регионального, но и общеимперского масштаба. Причины этого следует усматривать, видимо, в характере территориально-географического положения Ликии как обязательного пункта в коммуникациях между Западом, Грецией и Востоком (Кипром, Сирией, Египтом).

Ряд имен интеллектуалов Ликии нам известен из эпиграфики II в., что отражает высокий уровень благосостояния как региона, так и всей Империи.

Диоген из Ойноанды (1-я пол. II в.) — философ-эпикурец — одна из наиболее важных фигур такого рода. Образование получил на Родосе. Защищал эпикурейское учение от обвинения в безбожии¹. Подвергал критике учения Пифагора и Эмпедокла о метемпсихозе.

¹ Vassallo C. The Presocratics at Herculaneum. A Study of Early Greek Philosophy in the Epicurean Tradition. With an Appendix on Diogenes of Oinoanda's Criticism of Presocratic Philosophy. Berlin; Boston, 2021.

Наши знания о Диогене ограничиваются тем, что он жил в горной Ойноанде (Эноанде) в Ликии и около 120 г. приказал высечь на стене портика в центре города гигантскую надпись, прославлявшую Эпикура и его учение (ее длина составляет более 50 м). В ней излагались основные положения эпикурейской физики и этики². Надпись была обнаружена в конце XIX в. и опубликована в 1892 г. Она сохранилась лишь частично, — часть плит была употреблена для строительства в последующие эпохи как споллии³. Новые находки фрагментов продолжают⁴.

Диоген решил сделать эту надпись незадолго до своей кончины — он страдал от болезни сердца — для того, чтобы помочь согражданам прийти к правильной жизни (спасти их от страха смерти страха страданий и дать им безмятежность — атараксию). Кроме изложения учения, в надписи содержались и пассажи, направленные против других школ (Гераклита, Демокрита, Пифагора, скептиков).

Диоген излагал философию Эпикура по письмам и сборникам изречений последнего⁵. В надписи содержатся цитаты как из известных «Главных мыслей» и писем, так и неизвестных текстов. Кроме того, Диоген включил в текст надписи и собственные трактаты «О прежних временах», «Письмо к Антипатру» (о множественности миров) и др.

Надпись начинается введением, где автор обещает избавить людей от страданий⁶, затем следует сильно пострадавший раздел, посвященный физике, а заканчивается надпись учением об этике и теологии. Диоген призывает довольствоваться разумными удовольствиями, он полемизирует с мантикой, верой в оракулы, переселением душ и пр., но при этом защищает эпикурейцев от обвинений в атеизме. В самом конце он предсказывает наступление нового Золотого века, когда все люди примут взгляды Эпикура, и тогда «жизнь богов перейдет к людям».

² См.: *Clay D.* The Philosophical Inscription of Diogenes of Oenoanda: New Discoveries 1969–1983 // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd. II.36.4.* Berlin; New York, 1990. P. 2446–2559; *Gordon P.* Epicurus in Lycia: The Second-Century World of Diogenes of Oenoanda. Ann Arbor, 1996; *Smith M.F.* Supplement to Diogenes of Oinoanda: The Epicurean Inscription. Naples, 2003; *Smith M.F.* Thirteen New Fragments of Diogenes of Oenoanda. Vienna, 1973.

³ *Hammerstaedt J.* Zum Text der epikureischen Inschrift von Oinoanda // *Epigraphica Anatolica.* 2006. Vol. 39. S. 1–48.

⁴ *Hammerstaedt J., Smith M.F.* Diogenes of Oinoanda: The Discoveries of 2009 (NF 167–181) // *Epigraphica Anatolica.* 2009. Vol. 42. P. 1–38.

⁵ *Мельников С.А.* Текст завещания Диогена из Эноанды как историко-философский источник // V Российский философский конгресс «Наука. Философия. Общество». Материалы. Т. 2. Новосибирск, 2009. С. 41–42.

⁶ *Petzl G.* Furchterregende Götter? Eine Notiz zu Diogenes von Oinoanda NF 126 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2005. Bd. 153. S. 103–107.

Естественные параллели наблюдаются у Диогена с мотивами Лукреция, а также с праздником Демосфений в городе Ойноанда⁷.

Гиерон, сын Гиерона, гражданин Тлоса и Ксанфа, выступил перед жителями Тлоса с речью, которая была записана на пяти каменных блоках, найденных в 1881 и 1884 гг. в ликийском городе Сидимы. Цель выступления Гиерона — напомнить жителям Сидим об общем происхождении, исторических событиях и прорицаниях, засвидетельствовать тем самым родство и доброжелательные отношения между Тлосом, Пинарами и Сидимами.

Анализ содержания и особенно языка и стиля этой надписи показывает, что она составлена не в традиционных для эпиграфики жанрах, а представляет собой тезисное изложение полноценного литературного произведения⁸. Гиерон строит фразы в виде пространных периодов с длинными абсолютными причастными оборотами (*genetivus absolutus*), разделяет грамматически связанные между собой слова и вводит в свою речь неологизмы и новые эпитеты богов. Е.В. Приходько датирует выступление Гиерона временем между 161 и 171 гг.⁹

Надпись начинается со вступления: в такой-то год (строки утрачены) первого (?) числа месяца Артемисия пританы и, возможно, совет и народ города Тлоса обращаются к пританам и, возможно, совету и народу города Сидим, сообщая им о том, что перед ними выступил с речью Гиерон второй (то есть сын Гиерона), внук Апо[л...], он же Лисимах, гражданин Тлоса и почетный гражданин Ксанфа, пожелавший, напомнив сидимцам об общем происхождении, исторических событиях и прорицаниях, засвидетельствовать родство и доброжелательные отношения между Тлосом, Пинарами и Сидимами.

Фраза о намерениях Гиерона обрывается вместе с отбитой частью блока А и затем следует лакуна размером либо во вторую «страницу» блока А, либо еще в один–два блока. После нее в тексте блоков В–С повествование уже идет от первого лица, из чего можно заключить, что в утраченной части надписи заканчивалось обращение пританов Тлоса к пританам Сидим, и начиналась собственно речь Гиерона¹⁰.

⁷ См.: *Smith M.F.* Elementary, my Dear Lycians: A Pronouncement on Physics from Diogenes of Oinoanda // *Anatolian Studies*. 2000. Vol. 50. P. 133–137; *Smith M.F.* Lucretius and Diogenes of Oenoanda // *Prometheus*. 1986. Vol. 12. P. 193–207; *Smith M.F.* Diogenes of Oinoanda. The Epicurean Inscription. [Istituto Italiano per gli studi filosofici: La Scuola di Epicuro. Suppl. 11]. Napoli, 1993; *Smith M.F.* New Readings in the Demostheneia Inscription from Oinoanda // *Anatolian Studies*. 1994. Vol. 44. P. 59–64.

⁸ *Merkelbach R.* Der Glanz der Städte Lykiens. Die Festrede des Literaten Hieron (T.A.M. II 174) // *Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens*. 2000. Bd. 32. S. 115–125.

⁹ *Приходько Е.В.* Гиерон, сын Гиерона, он же Лисимах, — неизвестный историк из Тлоса // *Языки истории и языки литературы*. Нижний Новгород: ННГУ, 2022. С. 248–265.

¹⁰ Там же. С. 253.

Далее автор говорит о легендарной родословной основателей юго-западных городов Ликии, и с окончания этой фразы начинается текст блока В: «...Тремилла и Праксидики, от которых произошли Тлос, и Краг, и Пинал (Пинар), по другой генеалогии, также и мною неоднократно изложенной в соответствии с Историями Полихарма и других [авторов]» (В 1–5).

Немного спустя Гиерон при первом, видимо, упоминании о Сидимах продолжит: Сидим был сыном Тлоса и Хелидоны, дочери Крага.

Окончив повествование о случившихся на землях двух родственных городов чудесах, Гиерон обращается к служению богине Артемиде, которое тоже связывало два родственных города (святилище Артемиды находилось в Сидимах, но жрицами богини становились девушки как из Сидим, так и из Тлоса) и даже цитирует изречение Патарского оракула, по повелению которого был изменен принцип выбора жриц для служения в этом святилище¹¹.

Несмотря на относительно небольшой объем сохранившейся части надписи, она дает возможность составить общее представление о Гиероне и его литературном творчестве. Гиерон был гражданином сразу двух городов — Тлоса и Ксанфа. Гражданин ликийского города мог получить второе гражданство за особые заслуги перед жителями того или иного города. Так, живший во II в. в Родианополе Опрамоас (Опрамой), сын Аполлония, внук Аполлония и правнук Каллиада, был гражданином Родианополя, откуда происходил его отец, и Коридалл, родины его матери, а впоследствии за свою огромную финансовую помощь получил также почетное гражданство Лимир, Мир, Патар, Ксанфа, Тлоса и Тельмесса¹². Поэтому есть основания предположить, что гражданином Ксанфа Гиерон стал благодаря своей литературной и общественной деятельности¹³.

Гиерон получил прекрасное образование и хорошо знал все тонкости мифологической истории городов Ликии. Так же хорошо он знал греческую литературу. Исторический склад мышления и задачи данной речи делают ее также и памятником историографии, а ее автор, по мнению Е.В. Приходько, достоин называться не только ритором, но и историком.

Из эпиграфики известны еще три интеллектуала римского времени из Ликии¹⁴. Одним из самых известных софистов региона был **Гераклид Ликийский**, который родился в Ликии в 50-х гг. II в. (Sud. A 4735). По словам Филострата (VS II.26), он был очень важным человеком, учитывая его семью, потомок выдающихся предков. Хотя у него было знат-

¹¹ Там же. С. 256.

¹² Подробнее см.: Болгов Н.Н., Славогородская Е.П. Опрамоас из Ликии — крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.) // *Via in tempore. История. Политология.* 2024. Т. 51. № 2. С. 285–296.

¹³ Приходько Е.В. Гиерон... С. 257.

¹⁴ Boer W., den. Die Prosopographische Methode in der modernen Historiographie der hohen Kaiserzeit // *Mnemosyne.* 1969. Bd. 22. S. 269–281.

ное происхождение, он служил архиереем Ликий, что было чрезвычайно важной задачей для жителей региона и римлян. Помимо этой обязанности, он также исполнял обязанности стефанофора в Смирне. Филострат сообщает, что жители Смирны называли этот год в честь этого жреца.

В надписи, найденной в Никополе и датированной 150–230 гг., Гераклид, сын Артемона, чтит свою жену Цецилию Италию. Неясно являются ли изображенный здесь Гераклид и софист Гераклид, упомянутый Филостратом, одним и тем же человеком или разными людьми. Из-за лапидарности надписи упомянутое здесь лицо может и не быть софистом Гераклидом, архиереем Ликий.

Филострат утверждает, что Гераклид был выдающимся софистом с большим талантом к творчеству и риторике (VS I.19; II.19, 20, 26, 27). В своих выступлениях по правовым вопросам он использовал очень ясный и простой язык. Он получил софистическую и риторическую подготовку у лучших педагогов своего времени, учился у Герода Аттика, Адриана Тирского в Эфесе (до 170 г.), Аристокла в Пергаме и Хреста Византийского в Афинах.

Гераклид Ликийский занимал кафедру риторики в Афинах в 193–209 гг. Это означает, что он официально признан софистом. Однако его спор с Аполлонием Навкратисским и его последователем Маркианом Долихским привел к тому, что он потерял эту позицию на кафедре риторики. Кроме того, эти дебаты привели к тому, что он потерял привилегию податного иммунитета (*ἀτέλεια*), которую он получил как софист.

После этого случая он поселился в Смирне. Гераклид открыл там школу, в результате чего молодые люди из Ионии, Лидии, Фригии и Карии стекались в Смирну, чтобы учиться у него. Кроме того, Гераклид способствовал украшению Смирны, отремонтировав фонтан в гимнасии Асклепия и сделав крышу последнего из золота. Однако за порубку священного кедра он был наказан экспроприацией большей части своего имущества. По оценкам, на момент смерти ему было более восьмидесяти лет (230–235 гг.).

Надпись, обнаруженная в Ксанфе, одном из городов Ликийского региона, посвящена **неизвестному ритору** (ТАМ II 297). Из надписи известно, что ритор был превосходный человек, необыкновенный оратор и булевт. Тот факт, что рассматриваемый ритор почитался как булевт, показывает, что этот человек входил в число руководящей элиты города и что как ритор он был неравнодушен к общественным делам.

В надписях, открытых в результате раскопок в Родиаполе¹⁵, эпикурейский **философ и врач Гераклит** постоянно удостаивается ежегодных

¹⁵ Веретенникова Е.П. Ранневизантийский Родиаполь — город внутренней Ликий // *Orbis terrarum Byzantinus...* Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Судак, 24–30 октября 2022 г. / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, В.В. Майко. Симферополь, 2022. С. 29–31.

почестей булэ, демоса и герусии как гражданин Родиаполя, патриот и иерей Асклепия и Гигиэи. В надписи, относящейся к периоду Римской империи, Гераклит упоминается как ведущий врач и писатель своего времени, «Гомер медицинских сочинений» и поэт философских исследований. Ему также была вручена статуя Пайдейи, которая является символом образования. Скорее всего, он был *iátròs telaiδeuμένος*, т. е. имел медицинское образование. Кроме того, тот факт, что его почитали философы-эпикурейцы и в надписи говорилось, что он проводил философские исследования, заставляет думать, что он также был членом эпикурейской школы.

Во времена Римской империи некоторые привилегии, предоставленные софистам, ораторам и философам, предоставлялись также врачам (иатрософистам). Гераклит также получил освобождение (*ἀλειτουρηγία*) от муниципальных повинностей как философ и врач. Он построил храм Асклепию и Гигиэе – богам здоровья, – иереем которых он был всю жизнь. Этим работа, которую он делал для своего города, не ограничивалась: он безвозмездно отдал на родину 15 000 серебряных динариев как для состязаний Асклепия, так и для раздачи.

Кроме того, Асклепион, обнаруженный при раскопках Родиаполя в 2011 г., был построен Гераклитом, и он лечил здесь своих пациентов. Считается, что культ Асклепия в Родиаполь принес Гераклит.

Наконец, из одной надписи известен ритор римского периода **Гермоген** из Тлоса (ТАМ II. 174)¹⁶.

В течение V–VI вв. классическая традиция в Ликии продолжала развиваться на основе предшествующей, а кроме того, в регионе было много интеллектуальных центров. Ликия не обделена и крупнейшими представителями интеллектуальной традиции общеантичного масштаба: достаточно назвать имя Прокла Диадоха — философа поздней античности, происходившего из ликийской семьи.

Знаменитый неоплатоник V в. **Прокл Диадох**, хотя и родившийся в Константинополе, первое образование получил у себя на родине (Marin. V. Procl. 7)¹⁷.

Письменные источники о позднеантичном городе Ксанфе описывают его только как место начального образования самого известного его уроженца — Прокла. Прокл родился в Константинополе у ксанфских родителей в 410 г. Он рано вернулся в свой родовой дом для первоначального обучения грамматике — краеугольному камню классического образования. Этот единичный факт показывает, что в городе, как и во многих других

¹⁶ Papanikolaou D. Sophistic Oratory and Styles in Roman Asia Minor: Hermogenes and the Tlos Sophist (ТАМ II.174) // *Classica et Mediaevalia*. 2012. Vol. 63. P. 120–160.

¹⁷ Болгова А.М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород, 2018. С. 167–183.

районах Малой Азии, существовала традиция учености и учителей, способных привлекать студентов из-за пределов провинции. Впоследствии Прокл приезжал в Ликийю лишь один раз, когда, будучи схолархом Академии, был вынужден ненадолго покинуть Афины из-за интриг его противников.

Менее известен довольно значительный софист из Мир, носивший типичное ликийское имя Николай (**Николай Софист**) спутник Прокла в Афинах.

Все, что известно о Николае, получено из двух записей под этим именем в византийской энциклопедии Суда (Suid. A 165, N 394, 395). Обе они, вероятно, относятся к одному и тому же человеку. Кроме того, Николай упоминается в отрывке из «Жизни Прокла» Марина (VP 10) и в «Философской истории, или Жизни Исидора» Дамаския (Dam. V. Is. 64)¹⁸.

Есть проблема тождества двух Николаев, так как в «Суде» ему посвящено две статьи. В первой из них, которая основывается на данных Дамаския, говорится, что Николай был знакомым философов Прокла и Плутарха (сына Нестория), написал много работ по риторике: прогимназмы, риторические декламации и некоторые другие работы; жил во 2-й половине V в. во времена императора Льва I (457–474), Зинона (474–491) и Анастасия (491–518); тем самым он дожил до конца V в. (Suid. N 394; Damasc. V. Is. 64).

Во второй статье говорится, что Николай происходил из Мир Ликийских, был братом грамматика и сановника (проконсул, консул и патрикий) Диоскорида, учеником Лахара, а также являлся софистом в Константинополе; им написаны сочинение «Искусство риторики» и декламации (Suid. N 395).

Ныне признается тождество этих двух Николаев, так как все, что в них упоминается, непротиворечиво может быть отнесено к одному и тому же человеку. Итак, все источники указывают, что Николай происходил из Мир Ликийских, родился там около 410 г. и был ликийцем в том региональном смысле, который имел место в ранней Византии. Видимо, получив на родине начальное образование, он, как и многие другие молодые люди своего времени, поехал в Афины за получением «высшего образования».

По поводу обучения в Афинах можно утверждать, что Николай прибыл в город около 428 г., что устанавливается по дате прибытия в город Прокла (около 430 г.), так как Николай встречал своего земляка как уже укоренившийся студент.

Не вызывает сомнений тот факт, что Николай учился в философской школе (Академии) Плутарха Афинского, так как это была наиболее извест-

¹⁸ «Николай оратор: он был учеником Плутарха и Прокла — я имею в виду Плутарха, имевшего имя Несторий. Он писал декламации, и риторические упражнения, и другие работы. Процветал в царствование Льва Старшего и до Зенона и Анастасия».

ная и продвинутая школа своего времени. В источниках Николай прямо называется студентом самого Плутарха (Damasc. V. Isid. 64), основателя неоплатонической школы в Афинах в это время. Плутарх же умер в 432 г., так что хронология здесь наиболее подходящая.

Прокл оставил Александрию ради Афин в период с 429 по 432 г. с желанием учиться в неоплатонической школе в этом городе. Поездка Прокла, очевидно, была спланирована заранее. Когда он приехал в Афины, Прокл немедленно попал к своему земляку — ликийцу Николаю (Marin. V. Procl. 10). Будущий великий философ имел прямые и определенные контакты с Николаем, встречавшим его непосредственно в порту. Это могло бы показаться неожиданным, если бы в своей переписке Прокл также не спрашивал о школе Плутарха и возможности поступить в нее. Уже пожилой Плутарх, видимо, не брал много новых студентов, поэтому Прокл неслучайно оказался под руководством Сириана, который в 432 г. сменил Плутарха в должности схоларха.

Данные о Николае подтверждаются и у биографа Прокла — Марина Неаполитанского, который говорит, что Николай, как ликиец и земляк Прокла, встречал последнего в Пирее. Он проводил новоприбывшего юношу в Афины, предложив по дороге воды из священного источника, расположенного рядом со статуей Сократа, и это Марин интерпретирует как добрый знак и знамение будущей великой славы Прокла¹⁹. Разумеется, мы здесь видим проявление вертикальной социальной мобильности по принципу землячества: ликиец помогает ликийцу в новой среде. Не менее важно и то, что именно Николаю принадлежит почетная роль первооткрывателя божественных талантов и способностей Прокла, который пользовался в дальнейшем славой не только величайшего философа своей эпохи, но и одного из последних адептов языческих религиозных культов и теургии. Николая нельзя считать учеником Прокла, как это иногда заявляется в историографии, но лишь другом, так как Николай был немного старше (Прокл родился в 412 г.) и во всяком случае более опытен чем Прокл в том, что касалось студенческой жизни в Афинах.

¹⁹ «Когда он [Прокл] приехал в Пирей и об этом узнали в городе, то встретить его пришел к пристани Николай, впоследствии знаменитый софист, а тогда еще ученик афинских наставников: он хотел принять Прокла и привести его к себе как земляка, потому что и сам был из Ликии. Они пошли в город. По дороге Прокл устал от ходьбы; и вот возле святилища Сократа (а он еще не знал и не слышал, что где-то в этом месте почитается Сократ) он попросил Николая остановиться и посидеть немного, а если можно, то принести ему воды: ему очень хочется пить. Николай тотчас послал за водой, и принесли ее как раз из этого самого святилища: там бил источник невдалеке от самой статуи Сократа. А когда Прокл стал пить, Николай вдруг понял, что это знамение: «Не случайно ты сел в святилище Сократа и в первый раз испил в нем аттической воды!» И тогда, встав, он преклонился перед своим спутником, а потом они пошли дальше к городу» (VP 10).

Также биограф Прокла сообщает, что на тот момент учеником Сириана был Лахар. Он мог быть одним из гетайров-помощников Сириана уже в ранге учителя в школе, а Николай — его студентом, которого послали встречать новичка (Marin. V. Procl. 10–11).

Отсюда возникает вторая линия образования Николая. Несомненно, что Лахар получал в школе Плутарха философское образование. Но вместе с тем мы хорошо знаем, что в дальнейшем Лахар был более известен как крупнейший ритор (софист) середины и 2-й половины V в. в Афинах и руководитель последней известной афинской школы риторики.

Отсюда можно предположить, что, когда Лахар окончательно переориентировался в своих интересах на риторику, которая среди прочего имела значительно больший практический уклон по сравнению с философией (она давала универсальные компетенции для муниципальной жизни и административной работы в государственном аппарате) и приносила более надежный доход, Николай тоже занялся риторикой, хотя свою школу, видимо, не создал (по крайней мере, нам ничего не известно о ней из источников).

Афинский софист Лахар однозначно именуется в «Суде» как (главный) учитель Николая (Suid. Λ 165, Ν 394, 395). Соответственно, напротив, Николай выделялся как один из наиболее продвинутых учеников Лахара, который и сам вскоре стал преподавать в Афинах (432–457).

Достигнув известности за пределами Афин, Николай переезжает в Константинополь и преподает там риторику. Авторы PLRE датируют переезд Николая в столицу 457 г. Источники уточняют, что он стал знаменитым Николаем Софистом во времена правления Льва (457–474), а далее просто жил и работал при Зиноне (474–491) вплоть до времени Анастасия.

Почти наверняка переезд Николая в столицу был связан с его братом Диоскором (Диоскоридам), который был грамматиком и учителем детей будущего императора Льва. Кроме того, он сделал блестящую карьеру: занимал должности префекта Города (Константинополя) и претория, был консулом 442 г. Чтобы занимать эти должности, Диоскор должен был быть христианином. Диоскор также был связан с лидийским городом Фиатира (Suid. Δ 1208, Θ 530).

Вероятно, Николай был одним из профессоров учебного заведения, называемого современными учеными «Константинопольским университетом», основанным Феодосием II (408–450) в 425 г. Но более вероятно, что при поддержке брата в Константинополе процветала риторическая школа самого Николая.

Иногда Николая Софиста называют христианским философом. Для афинской части жизни Николая это совершенно неверно, так как, будучи другом Прокла, первым разглядевшим чудесный дар последнего, Николай не мог избегать языческой философской среды афинской Академии. Пере-

ехав в Константинополь к брату, он, возможно, должен был формально стать христианином. Однако единственную аргументацию по этому вопросу пытается предложить лишь Крейг Гибсон²⁰, опираясь на употребление одного слова, имеющего христианские коннотации. Как представляется, такая аргументация недостаточна для однозначных выводов. Но вместе с тем в целом ничто не противоречит гипотезе об официальном принятии христианства со стороны Николая в столице. Впрочем, все известные связи Николая относятся к язычникам, а в его сохранившемся трактате нет и намека на христианские чувства.

Николай — один из немногих софистов V в., от которого сохранилась часть письменного наследия. Но по поводу последнего также следует сделать уточнение. Первая статья «Суды» приписывает ему Προϋγμνάσματα и Μελέται, вторая — Τέχνη ρητορική и Μελέται.

Ныне сохранились лишь прогимнасы, часть из которых была впервые опубликована как принадлежащая Либанию. Лишь Кристиан Вальц (Rhetores Graeci I. 266–420) впервые отождествил их с сочинением Николая Софиста.

Рукописные свидетельства о прогимнасах Николая скудны. Полный текст, от начала и до конца главы об Энкомии, известен только по одной поздней рукописи (Британский музей 11889 XV в.), где он перемежается с текстом отрывка Афтония об упражнениях. Есть также некоторые фрагменты глав в рукописи в Мюнхене. Текст Николая в основной рукописи о последних пяти упражнениях не сохранился в их первоначальном виде, но доказательства для них были собраны редакторами из цитат византийских комментариев к Афтонию.

Версия всего текста в Rhetores Graeci 1856 г. на сорок лет предшествует открытию Йоханнесом Гревеном рукописи Британского музея и полностью основана на цитатах в комментариях к Афтонию, поэтому ныне безнадежно устарела. Тексты из рукописи Британского музея, а также из всех других известных источников, были использованы Йозефом Фельтеном в критическом тойбнеровском издании 1913 г.²¹, которое стало основой для английского перевода Кеннеди 2003 г.²² Французский перевод и комментарии появились в 1999 г.²³ Сборник примеров прогимнасм,

²⁰ Gibson C. Was Nicolaus the Sophist a Christian? // Vigiliae Christianae. 2020. Vol. 64. P. 496–500.

²¹ Nicolai Progymnasmata / Ed. J.Felten. [Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana; Rhetores Graeci; 11]. Leipzig, 1913. (Далее: Nicolai Progymnasmata).

²² Kennedy G.A. Progymnasmata. Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric, Translated with Introduction and Notes. Atalanta, 2003. P. 129–172.

²³ Fruteau de Laclos H. Les Progymnasmata de Nicolaus de Mura dans la tradition versicolore des exercices préparatoires de rhétorique. Montpellier, 1999.

приписываемых Николаю, можно найти в издании греческих риторов К. Вальца²⁴. Николаю приписывают и некоторые прогимназмы, сохранившиеся как произведения Либания²⁵.

Свод Николая в значительной степени опирается на предыдущие сочинения, а сам он признается, что часто цитирует предшественников. Он также просит своего читателя «не презирать (его), если некоторые места будут найдены и в других книгах». В целом от античности сохранилось четыре сборника прогимназм: Теон (I или V в.), Гермоген (вероятно, II в.), Афтоний (IV в.) и Николай Мирликийский (V в.)²⁶. Пятый принадлежит Либанию.

Также есть упражнения, ложно приписываемые Либанию, автором которых является Псевдо-Николай — автор большой коллекции образцов прогимназм, который не тождественен Николаю Мирликийскому, вышеупомянутому автору сохранившегося трактата с прогимназмами²⁷. Псевдо-Николай сочинил следующие пункты в коллекции, отнесенной к Либанию: повествования 19, 22, 24, 31–32, 34, 36–39, энкомий 9, инвектива 8, этопея 26, экфрасисы 8–28, тезисы 2–3 и введение в закон 1²⁸.

Таким образом, тезка знаменитого святого Николая архиепископа Мир Ликийских, жившего в V в., дает нам важный образ ликийского интеллектуала-язычника, утвердившегося в Афинах эпохи Прокла, что само по себе является важным профессиональным достижением. Но далее в силу земляческих связей, помощи брата-консула и все-таки, по всей

²⁴ *Rhetores Graeci* / Ed. C. Walz. Vol. 1–9. Stuttgart: 1832–1836 (здесь: Vol. 1. P. 263–420).

²⁵ *Hock R.F., O'Neil E.N. The Chreia in Ancient Rhetoric: The Progymnasmata*. Vol. 2. Atlanta, 1986. P. 125–126, 198–233.

²⁶ Это наш Николай. См. о нем также: *Stegemann W. Nikolaos* (21) // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften*. Bd. 17. Stuttgart, 1925. S. 424–457; текст см. в: *Nicolai Progymnasmata*. Англ. пер. с введением и указателями: *Kennedy G.A. Progymnasmata...*

²⁷ О дате и авторстве прогимназм Псевдо-Николая см.: *Hock R.F., O'Neil E.N. The Chreia in Ancient Rhetoric: The Progymnasmata*. Atlanta, 1986. P. 198–204; *Nicolai Progymnasmata*. P. XXVII. [Libanius] (экфрасис 25 приписывается Псевдо-Николаю). См. тж.: *Foerster R., Munscher K. Libanios* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften*. Bd. 12. Stuttgart, 1925. S. 2485–2552 (здесь: S. 2521–2522); *Hebert B.D. Spätantike Beschreibung von Kunstwerken: Archäologischer Kommentar zu den Ekphraseis des Libanios und Nikolaos*. PhD. Diss. Karl-Franzens-Universität Graz, 1983. S. 8–9. По мнению Дж. Кеннеди, Псевдо-Николай жил и работал в конце IV–V вв.; по другим представлениям, его годы жизни нужно отнести к VI в. или позднее.

²⁸ *Stegemann W. Nikolaos* (21). P. 448–449. Автор приписывает следующие тексты Либаниевой коллекции Николаю: повествования 19, 22, 24, 31, 37–39 (Foerster-Munscher 32, 34, 36); этопея 26 и экфрасисы 8–17 (Foerster-Munscher 18–28). См. тж.: *Hebert B.D. Spätantike Beschreibung...* S. 8–9. Этопея 26 иногда приписывается Севиру Александрийскому.

видимости, таланта, он также стал известным софистом в столице: завидная карьера для ликийского провинциала, лишняя раз доказывающая, что в Империи ранневизантийского времени способный юноша мог достичь вершин карьеры интеллектуала своим трудом и при благоприятном стечении обстоятельств.

Представлена в Ликии также и христианская интеллектуальная традиция, причем достаточно ранняя. Из Ликии происходил епископ **Мефодий Патарский** (Олимпский) (ок. 260–312) — крупнейший и единственный ликийский христианский (доникейский) богослов, который написал сочинения против Порфирия (Hier. De vir. ill. 83) и моральный трактат «Пир десяти дев»²⁹. Его родиной была Патара, а служил епископом он в Олимпе³⁰.

Сведения о жизни Мефодия крайне скудны. Имеются разногласия относительно того, какую кафедру он занимал. Греческая традиция считает его епископом города Патара в Ликии. Иероним Стридонский в своем сочинении «О знаменитых мужах» пишет, что Мефодий был «епископ Олимпа в Ликии» (De vir. ill., 83). Иероним сообщает о его мученической смерти в конце последнего гонения или, как утверждают другие, в годы правления Деция и Валериана он получил венец мученичества в Халкиде в Греции.

Известность Мефодий получил своими многочисленными богословскими трудами: он стал первым, кто выступил с критикой учения Оригена. Леонтий Византийский в VII в. включал Мефодия в число знаменитых учителей и Отцов Церкви, живших до правления Константина Великого.

Вероятно, указание на Патару, отстоявшую от Олимпа на 110 км по прямой линии, как на место служения Мефодия появилось вследствие того, что именно в этом городе происходит действие трактата «О воскресении», хотя при внимательном чтении трактата очевидно, что Мефодий был в этом городе лишь гостем.

Несмотря на согласие ученых относительно того, что Мефодий был епископом Олимпским, есть сомнение и в этом факте, поскольку в рукописях не приводится такого эпитета при имени Мефодия. Кроме того, неизвестно была ли вообще в Олимпе в конце III в. епископская кафедра, поскольку город был восстановлен после разрушения позже, в IV в.³¹

Таким образом, интеллектуальная традиция в Ликии римско-ранневизантийского времени выглядит весьма достойно. При дальнейшем исследовании место и роль интеллектуалов Ликии в общей мозаике культуры империи предстанет более отчетливо.

²⁹ Святой Мефодий, епископ и мученик, отец Церкви III века. Полное собрание его творений / Пер. под ред. Е. Ловягина. СПб., 1905.

³⁰ Patterson L.G. Methodius of Olympus: Divine Sovereignty, Human Freedom, and Life in Christ. Washington, 1997.

³¹ Buchheit V. Studien zu Methodios von Olympos. Berlin, 1958.

References

- Bolgov, N.N., and Slavogorodskaya, E.P. "Opramoas of Lycia — the Largest Private Evergetian of the Roman Empire During the Era of Prosperity (2nd Century A.D.)." *Via in tempore. History and political science* 51/2 (2024). P. 285–296 (in Russian).
- Bolгова, А.М. *Rannevizantiiskie portrety: ritory, sofisty, filosoly* [Early Byzantine Portraits: Orators, Sophists, Philosophers]. Belgorod, 2018 (in Russian).
- Buchheit, V. *Studien zu Methodios von Olympos*. Berlin, 1958.
- Clay, D. "The Philosophical Inscription of Diogenes of Oenoanda: New Discoveries 1969–1983." In *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Vol. 2.36.4. Berlin; New York, 1990. P. 2446–2559.
- Den Boer, W. "Die Prosopographische Methode in der modernen Historiographie der hohen Kaiserzeit." *Mnemosyne* 22 (1969). P. 269–281.
- Foerster, R., and Munscher, K. "Libanios." In *Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaften*. Vol. 12. Stuttgart, 1925. P. 2485–2552.
- Fruteau de Laclos, H. *Les Progymnasmata de Nicolaus de Mura dans la tradition versicolore des exercices préparatoires de rhétorique*. Montpellier, 1999.
- Gibson, C. "Was Nicolaus the Sophist a Christian?" *Vigiliae Christianae* 64 (2020). P. 496–500.
- Gordon, P. *Epicurus in Lycia: The Second-Century World of Diogenes of Oenoanda*. Ann Arbor, 1996.
- Hammerstaedt, J., and Smith, M.F. "Diogenes of Oinoanda: The Discoveries of 2009 (NF 167–181)." *Epigraphica Anatolica* 42 (2009). P. 1–38.
- Hammerstaedt, J. "Zum Text der epikureischen Inschrift von Oinoanda." *Epigraphica Anatolica* 39 (2006). P. 1–48.
- Hebert, B.D. *Spätantike Beschreibung von Kunstwerken: Archäologischer Kommentar zu den Ekphrasisen des Libanios und Nikolaos*. PhD. Diss. Karl-Franzens-Universität Graz, 1983.
- Hock, R.F., and O'Neil, E.N. *The Chreia in Ancient Rhetoric: The Progymnasmata*. Atlanta, 1986.
- Kennedy, G.A. *Progymnasmata. Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric, Translated with Introduction and Notes*. Atalanta, 2003.
- Mel'nikov, S.A. "Tekst zavesh'aniia Diogena iz Enoady kak istoriko-filosofskii istochnik [Text of Diogenes' from Oenoada Will as a Historical and Philosophical Source]." *V Rossiiskii filosofskii congress "Nauka. Filosofii. Obshestvo"*. Materialy. Vol. 2. Novosibirsk, 2009. P. 41–42 (in Russian).
- Merkelbach, R. "Der Glanz der Städte Lykiens. Die Festrede des Literaten Hieron (T.A.M. II 174)." *Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens* 32 (2000). P. 115–125.
- Papanikolaou, D. "Sophistic Oratory and Styles in Roman Asia Minor: Hermogenes and the Tlos Sophist (TAM II.174)." *Classica et Mediaevalia* 63 (2012). P. 120–160.
- Patterson, L.G. *Methodius of Olympus: Divine Sovereignty, Human Freedom, and Life in Christ*. Washington, 1997.

- Petzl, G. "Furchterregende Götter? Eine Notiz zu Diogenes von Oinoanda NF 126." *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 153 (2005). P. 103–107.
- Prikhodko, E.V. "Hieron, Son of Hieron, Alias Lysimachus, Is an Unknown Historian from Tlos." In *Iazyki istorii i iazyki literatury*. Nizhnii Novgorod, 2022. P. 248–265.
- Smith, M.F. "Lucretius and Diogenes of Oenoanda." *Prometheus* 12 (1986). P. 193–207.
- Smith, M.F. "New Readings in the Demostheneia Inscription from Oinoanda." *Anatolian Studies* 44 (1994). P. 59–64.
- Smith, M.F. *Supplement to Diogenes of Oinoanda: The Epicurean Inscription*. Naples, 2003.
- Smith, M.F. *Thirteen New Fragments of Diogenes of Oenoanda*. Vienna, 1973.
- Smith, M.F. *Diogenes of Oinoanda. The Epicurean Inscription*. [Istituto Italiano per gli studi filosofici: La Scuola di Epicuro. Suppl. 11]. Napoli, 1993.
- Smith, M.F. "Elementary, my Dear Lycians: A Pronouncement on Physics from Diogenes of Oinoanda." *Anatolian Studies* 50 (2000). P. 133–137.
- Stegemann, W. "Nikolaos (21)." In *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften*. Vol. 17. Stuttgart, 1936. S. 424–457.
- Vassallo, C. *The Presocratics at Herculaneum. A Study of Early Greek Philosophy in the Epicurean Tradition. With an Appendix on Diogenes of Oinoanda's Criticism of Presocratic Philosophy*. Berlin; Boston, 2021.
- Veretennikova, E.P. "Rannevizantiiskii Rodiapol' — gorod vnutrennei Likii [Early Byzantine Rhodiapolis: A City of Inner Lycia]." In *Orbis terrarum Byzantinus... Tezisy dokladov XXIII-I vserossiiskoi sessii vizantinistov RF, Sudak, 24–30 okt'abr'a 2022 g.*, ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsianskiy, V.V. Maiko. Simferopol, 2022. P. 29–31 (in Russian).

Научная статья

«Я избегаю длинных путешествий»: деловые и частные поездки в поздней Античности (по эпистолярию Квинта Аврелия Симмаха)

Елена Викторовна ЛИТОВЧЕНКО

Доктор исторических наук; доцент; декан историко-филологического факультета;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ул.
Студенческая, д. 14, кор. 4, 308007 Белгород; litovchenko@bsuedu.ru

Аннотация: В настоящем исследовании дается краткий обзор корреспонденции позднеантичного эпистолога сенатора Квинта Аврелия Симмаха (ок. 342–402/403) с целью анализа информации о его поездках. В статье сделан акцент на отношении автора коллекции писем к разного рода путешествиям, что позволяет дополнить картину социокультурного облика эпохи. Анализ направлений и целей визитов дает представление о специфике коммуникации в позднеантичном обществе. Симмах выбран центральной фигурой исследования в силу его высокого социального статуса и ораторского таланта, обеспечивших его посредническую роль между сенатом и императором. Направления поездок Симмаха немногочисленны: в основном это территории вблизи Рима, Лаций, Кампания и район Неаполитанского залива, где располагались его семейные владения. Цели путешествий определялись инспекцией владений, государственными и общественными делами. Поездки были связаны с рядом неудобств, поэтому представители аристократии не любили путешествовать, однако частные поездки приносили радость, поскольку чаще всего предполагали отдых. Путешествия Симмаха и информация о них в письмах были важны для самопрезентации автора как сенато-

ра, востребованного деятеля, находящегося в центре всех событий, а также служили для выражения его статуса домовладельца.

Ключевые слова: поздняя Античность, Квинт Аврелий Симмах, эпистолография, путешествия.

Цитирование: Литовченко Е.В. «Я избегаю длинных путешествий»: деловые и частные поездки в поздней Античности (по эпистолярию Квинта Аврелия Симмаха) // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2024. Т. 2. С. 36–45.

Original article

“I Avoid Long Journeys”: Business and Private Travel in Late Antiquity (from the Epistolary of Quintus Aurelius Symmachus)

Elena V. LITOVCHENKO¹

Doctor of Sciences (History); Associate Professor; Dean of the Historical-Philological Faculty; Belgorod State National Research University; 14/4 Studencheskaya st., 308007 Belgorod, Russian Federation; litovchenko@bsuedu.ru

Abstract: The study deals with a brief overview of the correspondence of the Late Antique epistolographer senator Quintus Aurelius Symmachus (c. 342–402/403) in order to analyse information about his travels. The author focuses on the attitude of Symmachus to various kinds of trips, which allows us to complete the picture of the sociocultural shape of the era. Analysis of the directions and purposes of travel gives an idea of the specifics of communication in Late Antique society. Symmachus was chosen as the central figure of the study due to his high social status and eloquence, which ensured his mediating role between the senate and the emperor. The travel destinations of Symmachus are few: mainly, these are the territories near Rome, Latium, Campania and the area of the Bay of Naples, where his family possessions were located. The purposes of travel were related to the inspection of possessions, state and public affairs. Travel was associated with a number of inconveniences, so representatives of the aristocracy didn't like to travel; however, private trips brought joy, because they often involved relaxation. Symmachus' text and information about them in the letters were important for the author's self-presentation as a senator, a sought-after figure, being at the centre of all events, and also served to express his status as a homeowner.

Keywords: Late Antiquity, Quintus Aurelius Symmachus, epistolography, travels.

For citation: Litovchenko, E.V. “I Avoid Long Journeys’: Business and Private Travel in Late Antiquity (from the Epistolary of Quintus Aurelius Symmachus).” *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 36–45 (in Russian).

Тема путешествий, а также проблем, связанных с тяготами пути, была весьма популярна в период поздней Античности и хорошо отражена в частной переписке представителей нобилитета и христианской элиты IV–VI вв. В корреспонденции Авсония, Симмаха, Павлина Ноланского, Иеронима, Сидония и других авторов есть упоминания, а иногда и детальные описания разного рода поездок. Так, Сидоний Аполлинарий подробно представляет свой маршрут из Лиона в Рим в 476 г., отмечая красоты мест, которые он проезжал, и свои страдания от лихорадки, сопровождавшей часть его пути¹.

В письмах как источниках личного происхождения отмечается эмоциональная окраска и субъективное отношение к путешествиям, хотя многие авторы зачастую сходятся во мнении относительно поездок: приятными обычно назывались визиты в гости или на отдых в свои имения, тогда как деловые поездки были менее предпочтительны, хотя и необходимы. Среди более чем 900 писем Симмаха также встречаются тексты, затрагивающие интересующую нас тематику.

Квинт Аврелий Симмах — сенатор, консул и префект Рима, талантливый литератор, родился ок. 342 г. (умер в 402 или 403). Он считался самым важным латинским нехристианским писателем своего времени: современники сравнивали его с Цицероном. Будучи ключевой фигурой древнеримского реставрационного движения на Западе, Симмах был в центре всех политических, социальных и духовных процессов.

Эпистолярная коллекция Квинта Аврелия Симмаха известна и популярна почти в той же степени, что и его усилия в борьбе против усиливающегося христианства, кульминацией которой стала его знаменитая речь «Об Алтаре Победы». Благодаря его обширной переписке в период с 365 по 402 г., его жизнь была детально задокументирована. Исследование Ж.П. Каллу и Дж. Полара² показывает, что письма Симмаха с интересом читали до VI в. включительно. В последующие столетия они были практически забыты и вновь «открыты» в XII в. в связи с распространением *Ars dictaminis* — средневекового описания искусства прозы и, в частности, написания писем. Из общего числа позднеантичных коллекций писем собрание Симмаха самое обширное: сохранилось более 900 писем, 49 официальных докладов (или записок), адресованных императорам (*Relationes*), и фрагменты восьми речей (*Orationes*)³.

¹ *Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina* // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum / Rec. C. Luetjohann, B. Krusch. Vol. 8 (Sidonius, Faustus, Ruricius). Berlin, 1887. Ep. I.5. (Далее: Sid.).

² См.: Symmaque, Lettres. Tome i: (livres i–ii) / Texte établi et traduit par J.P. Callu. Paris, 1972; Polara G. La fortuna di Simmaco dalla tarda antichità al secolo XVII // Vichiana. 1972. № 1. P. 250–263.

³ *Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt* / Rec. O. Seeck // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum 6. Berlin, 1883. (Далее: Symm).

Послания Симмаха на первый взгляд могут показаться формальными и малоинформативными, просто визитными карточками по сравнению с корреспонденцией Цицерона, наполненной сведениями о важных событиях и разнообразными сплетнями, или Плиния Младшего, с его «эссеистической элегантностью»⁴. Хотя, безусловно, и первый, и второй были его основными образцами для подражания: модель Плиния легла в основу коллекции Симмаха, а стиль Цицерона воспринимался как руководство к действию. Симмах высоко ценил «цицеронианский мед» (*Tullianum mel*) и «цицеронианское золото» (*Tullianum aurum*)⁵ в письмах своих корреспондентов.

Римские сенаторы, варварские военачальники, галльская знать и христианский епископ — бенефициары впечатляющей эпистолярной сети, культивируемой Симмахом на протяжении всей его жизни⁶. В силу своего недюжинного ораторского таланта Симмах исполнял роль посредника («медиатора»)⁷ между сенатом и императором, кроме того, он был владельцем нескольких поместий, расположенных в Южной Италии.

В связи с вышеизложенным, письма Симмаха, в которых он упоминает о путешествиях, заслуживают пристального внимания со стороны исследователя. Во-первых, в силу обширности его владений, он вынужден был время от времени посещать свои имения, во-вторых, он навещает своих друзей и знакомых, которые часто зовут его к себе погостить, в-третьих, он приглашает своих родственников и друзей посетить его собственные владения, расписывая их достоинства. Несмотря на негативные высказывания автора относительно путешествий, Симмах, по словам Рене Зальцман, — «человек движения» (*a man in motion*)⁸. Особенно активным в своих поездках Симмах был в период между 370 и 384 гг., когда еще только формировалась его репутация как выдающегося писателя, оратора и государственного деятеля.

Сам сенатор и его люди пользовались римской транспортной системой *cursus publicus*, предназначавшейся для передачи важных сообщений, а позднее — поездок высокопоставленных лиц и перевозки ценных грузов. Эта система представляла собой достаточно развитую инфраструктуру: на протяжении всех римских дорог были расположены станции, обе-

⁴ Kelly G. The First Book of Symmachus' Correspondence as a Separate Collection // Culture and Literature in Latin Late Antiquity. Continuities and Discontinuities / Ed. by P.F. Moretti, R. Ricci, Ch. Torre. Turnhout, 2015. P. 197–220 (здесь: P. 197).

⁵ Symm. Ep. I.31; Ep. III.12.

⁶ Sogno C. Aurelius Symmachus: A Political Biography. Ann Arbor, 2006. P. 176.

⁷ Ibid. P. IX.

⁸ См.: Salzman R. Travel and Communication in the Letters of Symmachus // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity. Sacred and Profane / Ed. by L. Ellis, F.L. Kidner. London; New York, 2004. P. 81–94 (здесь: P. 81).

спечивающие смену лошадей, ночлег, питание и другие услуги. Система содержалась за счет населения провинций и ложилась на него тяжелым экономическим бременем. Ее использование требовало наличия специального разрешения (*evectio*)⁹, формально выдаваемого только для государственных целей, но часто получаемого влиятельными людьми в личных целях. Так, известно, что Симмах благодарил Авсония за четыре таких разрешения, способствовавших увеличению скорости и комфорта в путешествиях его самого и его людей¹⁰, тогда как Мелания Старшая по пути из Палестины в Константинополь пользовалась *cursus publicus*, не имея такого разрешения¹¹.

В коллекции Симмаха, на самом деле, указано не так много направлений его поездок: в основном это Италия, в частности территории вблизи Рима, Лаций, Кампания, особенно район Неаполитанского залива, где были сосредоточены курорты, любимые обеспеченными римлянами, судя по источникам, еще со II в. до н. э. по причине их удачной локации, не требующей длительного путешествия. У Симмахов было полтора десятка вилл на побережье между Лацием и Кампанией: известны имения в Баули¹² и Формии¹³, а также два поместья в Остии¹⁴. В Формии он задержался надолго в 397 г., восстанавливаясь после заболевания¹⁵. Владения Симмахов находились в Самнии, Апулии, на Сицилии и в Мавретании¹⁶.

Также имеются указания на поездку Симмаха к императорскому двору в Милан¹⁷, о его пребывании в Трире в молодости¹⁸ и Африке в качестве проконсула¹⁹. Первая поездка Симмаха ко двору в Трир произошла в 368 г., когда он отправился к императору Валентиниану I для произнесения панегирика в его честь²⁰. Последняя поездка к императорскому двору в Милан состоялась ок. 402 г., незадолго до смерти автора. Это путешествие, по словам Квинта Аврелия, было затруднено нападением варваров²¹. Интересно,

⁹ Подорожная.

¹⁰ Symm. Ep. I.21.

¹¹ Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. 2. London, 1964. P. 830–831.

¹² Совр. Баколи. См.: Symm. Ep. V. 78; IV. 44.

¹³ Symm. Ep. I. 8.11; II. 3.5; V. 93.95; VII. 37.69; VIII. 23; IX. 29.

¹⁴ Symm. Ep. I. 6; III. 55, 82; VI. 8 et 66.

¹⁵ Symm. Ep. VI. 77; VII. 73. 74.

¹⁶ Подробнее об этом см. в: Vera D. Simmaco e le sue proprietà. Struttura e funzionamento di un patrimonio aristocratico del quarto secolo d.C. // Symmaque. Colloque genevois à l'occasion du mille six centième anniversaire du conflit de l'autel de la Victoire / Éd. par G.W. Bowersock, F. Paschoud. Paris, 1986. P. 231–270.

¹⁷ Symm. Ep. VII. 13.

¹⁸ Symm. Ep. IX. 88.

¹⁹ Symm. Ep. VIII. 5; VIII. 21; IX. 115.

²⁰ Symm. Laud. in Valent. sen. Aug. I.

²¹ Symm. Ep. VII. 13. 14.

что эти новые имперские центры, Милан и Трир, хотя и посещались Симмахом, но, судя по всему, не были им любимы или не считались местом сосредоточения имперской элиты, потому что не заслужили ни одного позитивного замечания, да и описания вообще. Более того, поездки ко двору воспринимаются Симмахом не просто как неудобство, а как болезнь (*morbi instar*)²². Для представителя традиционной сенаторской знати, носителя староримских ценностей, существовали только древние центры, такие как столица Ойкумены — Рим и города *Mare inferum*²³.

В целом, его путешествия так же, как и публикация его писем, служили его главной задаче — представлению себя и своей семьи в самом выгодном свете для современников и потомков. Связано это с целями поездок, и, прежде всего, с публичной деятельностью (деловые поездки: посланником сената императору для произнесения речей, панегириков²⁴, участие в дипломатических посольствах²⁵ и т. п.). Карьерный рост напрямую сопрягался с необходимостью путешествий во исполнение поручений императора, так что свидетельства о поездках должны были восприниматься читателями эпистол как маркеры престижа и востребованности человека.

Путешествия предпринимали также с целью инспекции своих владений, отдыха в них, посещения поместий друзей или присутствия на консульских инаугурациях. Последнее мероприятие было очень важным, участие в нем — почетным²⁶, а причины отказа должны быть очень вескими, потому что человек извинялся не только перед виновником торжества, но и массой приглашенных на это мероприятие друзей, чтобы не быть заподозренным в пренебрежении дружеским долгом²⁷. В роли извиняющих обстоятельств могли выступать: поздно пришедшее приглашение, когда на путешествие уже не оставалось времени; опасности поездки, связанные со временем года, ситуацией с дорогами и безопасностью; состояние собственного здоровья²⁸. Так, для примера, в письме своей дочери и ее мужу Симмах объясняет невозможность своего присутствия на консульской инаугурации Гонория в 398 г. сразу несколькими причинами: состоянием здоровья и зимним временем года, когда разливающиеся

²² Symm. Ep. VIII. 31.

²³ Адриатика.

²⁴ Symm. Or. I; Or. III.

²⁵ Symm. Ep. II. 8. 17, 23; V. 36.

²⁶ Рене Зальцман сравнивает степень значимости консульских инаугураций с современными церемониями вступления в должность главы государства (*Salzman R. Travel and Communication... P. 84*).

²⁷ Когда Симмах не смог посетить консульские игры в честь Сиагрия в 380 или 381 г., он направил свои извинения не только самому Сиагрию, но и его другу Проклу Григорию и еще одному другу, имя которого не называется (Ep. V. 34. 38).

²⁸ За 28 лет Симмах отсутствовал на консульских играх шесть раз по какой-либо из вышеперечисленных причин.

реки делают путешествие практически неосуществимым²⁹. Очень похожее оправдание Симмах находит для себя и в случае с консульством Авсония, учителя императора Грациана. Симмах пишет: «Я хотел приехать со всей возможной поспешностью, но поскольку я измотан продолжительной болезнью, которая истощила мои силы, я избегаю длинных путешествий и неудобного жилья, начала холодов и сокращения светового дня и всего остального, что причиняет дискомфорт»³⁰.

Для сравнения можно привести также послание Сидония, в котором он описывает как ландшафты, так и трудности своей поездки в Рим, во время которой он заболел: «После этого я просто пересекал другие города на Фламинской дороге: входя через одни ворота, выходя через другие, оставляя пиценов слева и умбров справа; и здесь мое обессиленное тело стало жертвой либо калабрийского атабула³¹, либо вредного для здоровья воздуха Тосканы, с его ядовитыми испарениями, и дующим одновременно, то горячим, то холодным ветрами. Лихорадка и жажда разорили самую сердцевину моего существа...»³². Причины, связанные со слабым здоровьем, приводит также Руриций, когда объясняет Цезарию Арльскому свое отсутствие на Агадском соборе 506 г.³³

Очень точно отношение нобилей к путешествиям подметил Аммиан Марцелин, который писал, что изнеженные аристократы старались путешествовать с максимальным комфортом и при этом все равно выражали страдания по поводу дорожных неудобств, одновременно сравнивая свои короткие и необременительные поездки с походами выдающихся полководцев³⁴.

Таким образом, многие аристократы не любили путешествовать, но вынуждены были это делать по соображениям престижа. Истинное удовольствие Симмах испытывал только в поездках на курорт и здесь, безусловно, нет ничего удивительного, учитывая, что основная цель такого путешествия — отдых — должна перекрывать возможные неудобства пути. Автор пишет о преимуществах и удовольствии пребывания на морском побережье или в горах, перечисляя такие места, как Кумы, Байи, Капую, Остию, ПUTEОЛЫ и др. (Ep. II. 55; VII. 31, 35, 37).

Послание, посвященное Баули и окрестностям Байев, было отправлено отцу Симмаха с целью пригласить его посетить это место. Автор пишет: «Кампания с ее плодородными полями и стройными деревьями сияет

²⁹ Symm. Ep. VI. 7.

³⁰ Symm. Ep. I. 20. 3.

³¹ Atabulus — название ветра.

³² Sid. Ep. I. 5. 8.

³³ Ruricii Epistularum libri duo // Fausti Reiensis et Ruricii Opera / Rec. A. Engelbrecht. [Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; 21]. Leipzig, 1891. Ep. II. 33.

³⁴ Ammiani Marcellini Res Gestae / Rec. W. Seyfart. Leipzig, 1978. XXVIII. 4. 18.

в это время года; [тебя ждут] Байи с редкими дождями и ласковым солнцем³⁵; [а] столы, которым ты угрожаешь ордами друзей, [уже] нагружены едой»³⁶. Тема продолжается в следующем послании: Симмах завлекает отца в гости «тишиной озера Лукрин и Баули, чистыми водами Байи, многолюдными ПUTEОЛАМИ»³⁷.

Сенатор любил жизнь на лоне природы и говорил, что его пленяет деревенский покой и здоровый воздух, на котором он может наслаждаться хорошими книгами³⁸. Расписывая достоинства курорта, Симмах демонстрирует свое знание мифологии, вспоминая и Бахуса, и Вулкана, и Диону³⁹, тем самым акцентируя, что, наряду с богами, эти места предпочитают богатые и утонченные нобили, ценящие красоту и тишину здешнего пространства, создающего благоприятную атмосферу для проведения досуга в кругу семьи и близких друзей, а также для литературных занятий. Последние, как мы знаем, сами по себе считались одним из идентификационных признаков позднеантичной элиты, т. е. тем самым Симмах утверждает свой высокий статус.

Отметим также, что «курортная» тема не закончилась на первой книге писем автора: в своих более поздних посланиях Симмах возвращается к ней. Но поскольку он сам за это время (с 70-х до 90-х гг. IV в.) повзрослел, то теперь многие вещи воспринимаются им иначе: он по-прежнему испытывает удовольствие, приезжая в Кампанию, но замечает фривольную сторону отдыха в районе Неаполитанского залива, например, «бесстыдное купание (нагими) молодежи в морских водах»⁴⁰, что не пристало и даже может навредить репутации обладателя высших имперских должностей⁴¹. Напротив, Симмах утверждает: «Везде я веду жизнь, положенную консулу, я серьезен даже в моем поместье в Лукрино. На моих кораблях [не слышно] песен, на моих банкетах [нет места] обжорству, нет беготни по баням или бесстыдного купания молодежи»⁴². Симмах рекомендует своей дочери держаться подальше от этих развлечений на морском побережье, а лучше, сидя дома, заниматься прядением. Известно, что богатые римские женщины не сидели за прялками, поэтому очевидно, что здесь использована литературная аллюзия на Пенелопу, чтобы создать для своей дочери образ добропорядочной римской матроны, скромной, испытывающей гордость

³⁵ sole modico temperantur.

³⁶ Symm. Ep. I. 7. 1.

³⁷ Symm. Ep. I. 8. 1.

³⁸ Symm. Ep. V. 78; IV. 44. Цитируется по: Беркова Е.А. Поздняя римская эпистолография (IV–V вв. н. э.) // Античная эпистолография / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1967. С. 260–284 (здесь: С. 279).

³⁹ Symm. Ep. I. 8.

⁴⁰ Salzman R. Travel and Communication... P. 91.

⁴¹ Symm. Ep. VIII. 23.

⁴² Symm. Ep. VIII. 23. 3.

за достижения своего мужа и собственное происхождение⁴³. В данном случае с помощью эпистолярного творчества Симмах позиционирует себя и своих домочадцев как носителей староримских добродетелей, используя антитезу с богатыми и знатными, хотя и легкомысленными, людьми.

Таким образом, поскольку большая часть писем Симмаха появилась в последнее десятилетие его жизни, когда сенатор уже отошел от активной государственной деятельности, он гораздо охотнее делится впечатлениями о частных путешествиях, связанных с пребыванием в своих южных поместьях. Описания таких поездок призваны были показать как обширность владений аристократа, так и его роль рачительного хозяина. Тем не менее, упоминания деловых контактов, хотя и связанные с неудовольствием от тягот пути и отсутствия комфорта, тоже весьма важны: они дают представление о востребованности эпистолографа, его влиятельности, показывают распространенную сеть его связей.

Желание рассказывать в письмах к друзьям и родственникам о приятных путешествиях служит своего рода средством сопротивления изменениям, происходящим в те времена. Путешествия помогали разграничить элитарные и менее знатные слои римского общества и сохранить образ мира без изменений во времени и пространстве. Намеренное отсутствие пространных описаний поездок к новым центрам имперской власти говорит о стремлении законсервировать в своем сознании старые традиции, согласно которым только итальяйские территории — Рим, Кампания и др. — пользовались репутацией престижных локаций и расценивалась как места сосредоточения старой элиты.

References

- Berkova, E.A. "Pozdn'aia rimskaiia epistolografia (IV–V vv. n.e.) [Late Roman Epistolography (4th–5th cent. A.D.).]" In *Antichnaia epistolografia*, ed. by M.E. Grabar-Passek. Moscow, 1967. P. 260–284 (in Russian).
- Callu, J.P., ed. *Symmaque, Lettres. Tome i: (livres i–ii)*. Paris, 1972.
- Jones, A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602. A Social Economic and Administrative Survey*. Vol. 2. London, 1964.
- Kelly, G. "The First Book of Symmachus' Correspondence as a Separate Collection." In *Culture and Literature in Latin Late Antiquity. Continuities and Discontinuities*, ed. by P.F. Moretti, R. Ricci, Ch. Torre. Turnhout, 2015. P. 197–220.
- Polara, G. "La fortuna di Simmaco dalla tarda antichità al secolo XVII." *Vichiana* 1 (1972). P. 250–263.
- Salzman, R. "Travel and Communication in the Letters of Symmachus." In *Travel, Communication and Geography in Late Antiquity. Sacred and Profane*, ed. by L. Ellis, F.L. Kidner. London; New York, 2004. P. 81–94.

⁴³ Symm. Ep. VI. 67. Цитируется по: Salzman R. Travel and Communication... P. 92.

Sogno, C. *Aurelius Symmachus: A Political Biography*. Ann Arbor, 2006.

Vera, D. "Simmaco e le sue proprietà. Struttura e funzionamento di un patrimonio aristocratico del quarto secolo d.C." In *Symmaque. Colloque genevois à l'occasion du mille six centième anniversaire du conflit de l'autel de la Victoire*, ed. by G.W. Bowersock, F. Paschoud. Paris, 1986. P. 231–270.

Научная статья

Церковный мир 433 г. и римская кафедра

Михаил Вячеславович ГРАЦИАНСКИЙ

PhD, кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник; Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века; Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва; gratsianskiy@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье анализируется переписка римского папы Ксиса (Сикста) III (432–440) в связи с восстановлением церковного общения между Римом и Антиохией, фактически прекращенного в результате событий, имевших место в ходе Эфесского собора 431 г., известного как III Вселенский. Небольшое количество сохранившихся посланий Ксиса тем не менее содержит важные письма, проливающие свет на процедуру установления общения новопоставленного римского епископа со своими коллегами — предстоятелями «великих престолов». В статье показано, что в качестве предварительного условия и восстановления общения Иоанн Антиохийский потребовал от Рима присылки синодик — формальных посланий, сообщающих об интронизации церковного предстоятеля. Присылка Ксисом этих посланий фактически означала признание Римом правоты богословской позиции Иоанна Антиохийского и его сторонников, озвученной ими в ходе Эфесского собора и в дальнейшем зафиксированной в соглашении между Иоанном Антиохийским и Кириллом Александрийским, состоявшимся по настоянию императора.

Ключевые слова: III Вселенский собор, папа Ксис (Сикст) III, Иоанн Антиохийский, Кирилл Александрийский, император Феодосий II, церковный мир 433 г.

Цитирование: Грацианский М.В. Церковный мир 433 г. и римская кафедра // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* 2024. Т. 2. С. 46–70.

© Грацианский М.В., 2024

Original article

The Church Peace of 433 and the Roman See

Mikhail V. GRATSIANSKIY

PhD, Candidate of Sciences (History); Leading Researcher; Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages; Moscow State University; Lomonosovsky prospect, 27–4, 119192 Moscow, Russian Federation; gratsianskiy@mail.ru

Abstract: This article analyses the correspondence of Pope Xystus (Sixtus) III (432–440) in connection with the restoration of ecclesiastical communion between Rome and Antioch, which had been effectively terminated as a result of the events that took place during the Council of Ephesus in 431, known as the Third Ecumenical Council. The small number of surviving letters from Xystus, however, contain important letters that shed light on the procedure for establishing communion between a newly ordained Roman bishop and his colleagues, the primates of the “great sees.” The article shows that, as a prerequisite for the restoration of communion, John of Antioch demanded that Rome send *synodica*, formal letters announcing the enthronement of a church prelate. The sending of these letters by Xystus actually meant Rome’s recognition of the correctness of the theological position of John of Antioch and his supporters, voiced by them during the Council of Ephesus and subsequently recorded in the agreement between John of Antioch and Cyril of Alexandria, which took place at the insistence of the emperor.

Keywords: III Ecumenical Council, Pope Xystus (Sixtus) III, John of Antioch, Cyril of Alexandria, Emperor Theodosius II, Church Peace of 433.

For citation: Gratsianskiy, M.V. “The Church Peace of 433 and the Roman See.” *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 46–70 (in Russian).

Собор, созданный императором Феодосием II (408–450) на Пятидесятницу 431 г. в городе Эфесе, вошел в историю как III Вселенский собор¹.

¹ См. о нем: *Hefele Ch.J.* Histoire des conciles d’après les documents originaux. T. 2. Pt. 1. Paris, 1908. P. 219–377; *Camelot P.-Th.* Éphèse et Chalcédoine. [Histoire des conciles oecuméniques; 2]. Paris, 1962. P. 13–75; *Grillmeier A.* Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. 1 (Von der apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalcedon (451)). Freiburg; Basel; Wien, 1990. S. 605–691; Вселенские соборы. М., 2005. С. 52–72; *Л’Юилье П.* Правила первых четырех Вселенских Соборов / Авторизованный перевод с французского под редакцией протоиерея В. Цыпина. Москва, 2005. С. 231–250; *Leuenberger-Wenger S.* Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert. [Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 153]. Leiden; Boston, 2019. S. 19–38; The Council of Ephesus of 431. Documents and Proceedings / Transl. by R. Price with an Introduction and Notes by Th. Graumann. [Translated Texts for Historians. Vol. 72]. Liverpool, 2020. P. 1–84.

Тем не менее, следует полагать, что именно на этом Соборе была впервые сформулирована идея Вселенского собора как особого института, закрепленная и формализованная затем на Халкидонском соборе в 451 г.²

Поводом к созыву Собора послужили враждебные действия Кирилла Александрийского в отношении Нестория Константинопольского, в дальнейшем его же действия, предпринятые в нарушение предписанных императором повестки дня и порядка ведения дискуссий уже в ходе первого соборного заседания, привели к расколу между сторонниками самого Кирилла и Иоанна Антиохийского, не преодоленные вплоть до завершения соборных заседаний осенью 431 г. и в ходе последующих разбирательств при дворе императора. Ключевой для Кирилла Александрийского в ходе перипетий дела Нестория была поддержка со стороны римского папы Целестина (422–432). Несмотря на то, что понтифик оказался не в состоянии разобраться в деталях богословских разногласий между Кириллом и Несторием, своими решительными действиями он поддержал первого, фактически провозгласив последнему ультиматум, оформленный в виде декрета Римского собора³. Впоследствии Целестин доверил Кириллу представлять Рим на созванном императором Соборе в Эфесе и в положении полномочного папского представителя Кирилл оставался даже несмотря на прибытие на Собор собственно римских легатов⁴.

Задачей настоящей статьи является всесторонний анализ папской переписки, связанной с установлением мира между Александрийской и Антиохийской Церквями, предписанным императором Феодосием II. Следует отметить, что основные переговоры шли между представителями и предстоятелями этих двух восточных Церквей, планомерно, хотя и без особого энтузиазма, двигавшихся к поставленной императором цели. Позиция римского епископа при этом не представлялась сторонам принципиально важной, однако именно это обстоятельство и привлекает наше внимание. Целью нашего исследования являются описание и характеристика роли и места римского престола в деле примирения Церквей Востока, а также выяснения на основе этого казуса отношения предстоятелей этих Церквей и императора к важности участия Римской Церкви и ее предстоятеля к общевосточным церковно-политическим процессам в контексте последствий Эфесского собора 431 г.

Несколько позже того, как папа Целестин признал состоявшееся в конце октября 431 г. рукоположение Максимиана Константинопольского

² Грацианский М.В. Эфесский собор 431 г.: между «отступническим синадрионом» и «Вселенским собором» // *Античная древность и средние века*. 2024. Т. 52. С. 83–100.

³ Грацианский М.В. Папа Целестин I и попытка осуждения Нестория Константинопольского накануне III Вселенского собора // *Причерноморье в Средние века* / Под ред. С.П.Карпова. Вып. 12. СПб., 2024. С. 9–45.

⁴ Грацианский М.В. Римская Церковь и осуждение Нестория Константинопольского в ходе III Вселенского собора // *Античная древность и средние века*. 2023. Т. 51. С. 51–75.

и после наступления Пасхи 432 г. отпустил посланников отцов Эфесского собора назад как исполнивших свою миссию, император Феодосий после совета с Максимианом и пребывавшими в Константинополе епископами отправляет с трибуном и нотарием Аристобулом послание Кириллу Александрийскому, содержащее строгое предписание вступить в переговоры с Иоанном Антиохийским об установлении мира. Непростой процесс примирения, занявший в целом около полутора лет, достаточно хорошо освещен как источниками, так и представлен в научной литературе⁵. В связи с наличием сравнительно неплохой источниковой базы, отражающей эти события, весьма показательно фактическое отсутствие какого-либо значимого влияния Римского епископа на этот процесс: все события происходят в треугольнике Восток (диоцез) – Александрия – Константинополь и все значимые акторы этого процесса взаимодействуют в его поле. Роль папства здесь прежде всего хронологическая: к сожалению, датировки первых посланий, и прежде всего послания императора Феодосия к Иоанну Антиохийскому, которое и запустило весь процесс, при полной сохранности самих текстов, не сохранились. Однако именно в послании императора к антиохийскому предстоятелю содержится единственный раз в сохранившейся корреспонденции упоминание имени папы Целестина, и именно это представляет собой *terminus ante quem* для начала спора, поскольку папа Целестин скончался 27 июля 432 г.⁶ Вполне вероятным

⁵ Об этом см.: *Duchesne L. Histoire ancienne de l'Eglise*. T. 3. Paris, 1911. P. 369–380; *Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви*. Т. 4. Петроград, 1918. С. 220–231; *Deureesse R. Les actes du concile d'Ephèse // Revue des sciences philosophiques et théologiques*. 1929. T. 18. 5 5 № 3. P. 408–431 (здесь: P. 421–431); *D'Alès A. Le concile d'Ephèse // Gregorianum*. 1931. Vol. 12. № 2. P. 201–266 (здесь: P. 249–266); *History of the Church / Ed. by H. Jedin, J. Dolan*. Vol. 2 (The Imperial Church from Constantine to the Early Middle Ages). New York, 1980. P. 108–111; *Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. [Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 224]. Rome, 1976. P. 1397–1403; *Вселенские соборы*. М., 2005. С. 61–62; *Abramowski L. Concilium Ephesenum – 431 // Abramowski L. Neue christologische Untersuchungen / Bearb. von A. Schilling, hrsg. von V.H. Drecoll, H.Ch. Brennecke, Ch. Marksches*. Berlin; Boston, 2021. S. 466–471; *Graumann Th. An Early Collection of Acts from the Council of Ephesus (431) in Antioch // Zeitschrift für Antikes Christentum*. 2021. Bd. 25. Heft 3. P. 452–478 (здесь: P. 470–473).

⁶ Дата смерти вычисляется на основе данных «Книги понтификов», в которой указывается, что срок понтификата Целестина составил 8 лет, 10 месяцев и 17 дней: *Le Liber pontificalis / Ed.L. Duchesne*. T. 1. Paris, 1886. P. 230.1. По сообщению Августина, Целестин был избран без какого-либо «раскола в народе»: *Sancti Aureli Augustini opera*. Sect. II. Pars IV (epistulae CLXXXV–CCLXX) / Al. Goldbacher, rec. [Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum; 57]. Vindobonae; Lipsiae, 1911. Ep. 209. P. 347. 16–18. Это может свидетельствовать о том, что, согласно принятой практике, его рукоположение состоялось в ближайшее воскресенье после смерти папы Бонифация I, то есть 10 сентября 422 г. При сопоставлении этой даты с длительностью понтификата, указанной в «Книге понтификов», датой смерти Целестина оказывается 27 июля 432 г.

terminus post quem для начала процесса является время после Пасхи 432 г., которая в тот год приходилась на 3 апреля⁷.

Как следствие, основная переписка о восстановлении общения между Иоанном Антиохийским и сторонниками Эфесского собора, отражающая процесс взаимного признания и восстановления канонического общения, шла уже при участии нового папы Ксиса (Сикста) III (432–440). Тем не менее, об участии Ксиса в этой переписке известно крайне мало и можно делать вывод, что активным это участие не было, а как следствие, и роль Рима во всем процессе можно назвать маргинальной.

Письменное наследие нового папы сохранилось скудно. Из имеющихся в нашем распоряжении десяти писем восемь принадлежат самому папе, а еще два — его корреспондентам. При этом к ситуации 433 г., ознаменованной восстановлением церковного мира с епископами диоцеза Восток, относятся шесть писем⁸. Между тем среди этих немногочисленных посланий содержится уникальный для изучаемого периода документ: личное общительное послание папы, направленное после интронизации. Такое послание обыкновенно присутствовало в составе «пакета» документов, направляемого новопоставленным архиереем «великого престола» другим архиереям его ранга. Вторым важнейшим документом такого рода было соборное послание (синодика), составляемое от имени Собора Церкви, утвердившего избрание и рукоположившего своего главу, однако в данном случае синодика не сохранилась.

По вступлении на кафедру папа Ксис адресовал Кириллу Александрийскому ряд посланий, два из которых сохранились. Именно в силу того, что адресатом послания является Кирилл, в послании идет речь о состоявшемся Соборе против Нестория и затрагивается вопрос установления общения с Иоанном Антиохийским, эти послания сохранились в составе одного из собраний (т. н. *Collectio Atheniensis*), включающих документы, относящиеся к Эфесскому собору. Помимо общительного послания там содержатся еще два сопроводительных письма Ксиса: все они сохранились только в греческом переводе — латинские оригиналы отсутствуют.

Первое из них следует рассматривать как личное краткое обращение, предваряющее официальное общительное послание, предназначенное уже как лично для Кирилла, так и подлежащее оглашению всем епископам египетского диоцеза. Это первое послание было направлено Ксисом через апокрисиариев Кирилла — Гермогена, епископа Риноколуры, и Лампетия, епископа Касия⁹, из Египта, и в нем, прежде всего, сообщалось

См. комментарий Л. Дюшена в его издании «Книги понтификов»: *Liber pontificalis*. P. 231. N. 7. У Дюшена неточно указан номер письма Августина: 207 вместо 209.

⁷ См.: *Grumel V. La chronologie*. [Traité d'études byzantines / Publ. par P. Lemerle]. Paris, 1958. P. 243.

⁸ Еще три представляют собой послания, посвященные делам Иллирика, и одно адресовано Проклу Константинопольскому.

⁹ Оба — участники Эфесского собора. См. об их миссии: *Pietri Ch. Roma Christiana*.

о выполнении ими своей миссии и об их присутствии на поставлении Римского епископа.

Из письма выясняется, что апокрисиарии прибыли еще до рукоположения Ксиса и уже тогда успели с ним познакомиться: это подтверждается тем замечанием, что совершившийся о Ксисе «суд Божий», то есть избрание и рукоположение во епископа, сделал их присутствие для него «еще более приятным» (χαριεστέρους), поскольку они являли присутствие (τὴν παρουσίαν) на хиротонии самого Кирилла. Далее папа указывает на исключительную роль александрийского епископа в Церкви: «Столько тебе должна Вселенская Церковь, сколько и все тебе подчинены, которых ты повсюду и всех победил»¹⁰. Эту фразу, в которой нехарактерное для греческого словоупотребления выражение ἡ κοσμικὴ ἐκκλησία нужно понимать как неудачный перевод латинского *universalis ecclesia*¹¹, можно трактовать как признание папой первенствующей роли Кирилла среди епископов восточной части Империи. Папа сообщает, что подготовил общительные послания и другим епископам, а также то, что через клириков Константинопольской Церкви и диаконов Кирилла таковые уже были отосланы. Ныне же, следуя обычаю, папа отправляет общительное послание и Кириллу, сообщая ему о том «даре с неба» (οὐρανόθεν δεδωρῆσθαι), который он получил, «чтобы о моей хиротонии и о вере мы обратили к твоему единомыслию одни и те же слова»¹². В завершении послания кратко обозначается позиция в отношении Иоанна Антиохийского и его сторонников, которые «вопреки церковной дисциплине управляют Церквями» (παρὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἐπιστήμην ἐκκλησίας διοικούντων): они вместе со своим «предводителем» (ἡγούμενος) должны поддержать решения «святого Собора» и тем самым вернуться в «сообщество священников» (τὸ τῶν ἱερέων συνέδριον), в противном случае они и далее не смогут пребывать в общении с папой, оставшись «в общении и причастии с нечестием» (ἀσεβείας κοινωνοὺς καὶ μετόχους).

Второе письмо — общительное послание Ксиса — адресовано Кириллу Александрийскому в ситуации, когда, как уточняется, апокрисиарии послед-

Р. 1397–1398 и N. 3.

¹⁰ Acta conciliorum oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I. Pars VII. Berlin; Leipzig, 1929. P. 143,34–35: τοσοῦτον γάρ σοι ὀφείλει ἡ κοσμικὴ ἐκκλησία, ὅσον σοι πάντες εἰσὶν ὑποχέριον, ὅς γε πανταχοῦ πάντας νενίκηκας. (Далее: АСО. I.1.7).

¹¹ В латинской Патрологии Миня, где публикация этого послания сопровождается латинским переводом, выполненным издателями, ἡ κοσμικὴ ἐκκλησία переводится как *orbis Ecclesia*. Эта версия представляется нам мало вероятной, поскольку выражения *orbis Ecclesia*, по нашим наблюдениям, не встречается в анализируемом нами круге документов. См.: *Patrologia Latina*. T. 50. Col. 389A. (Далее: PL).

¹² АСО. I.1.7. P. 144,5–7: ἵνα περὶ те τῆς ἐμῆς χειροτονίας καὶ τῆς πίστεως τὰ αὐτὰ πρὸς τὴν σὴν ὁμόνοιαν μίξωμεν ῥήματα.

него прибыли к папскому двору с письмами для папы Целестина, однако оказались на рукоположении нового Римского епископа¹³. В начале Ксист благодарит Бога за то, что в момент возведения его «на вершину священства» (εἰς τὸ ἄκρον τῆς ἱερωσύνης) Тот удостоил его присутствия посланников Кирилла — епископов Гермогена и Лампетия, через которых Ксист в свою очередь передает и «послания, свидетельствующие о нашем поставлении» (τὰ γράμματα μαρτυροῦντων ἡμῶν τῇ χειροτονίᾳ). Ксист указывает, что рукоположение состоялось при полном «единодушии всех» (μεθ' οἷας δὲ πάντων ὁμονοίας), и в этом Кирилл может удостовериться как из данного письма, так и «из донесения братьев» (ἐκ τῆς ἀναφορᾶς τῶν ἀδελφῶν), т. е. из синодики епископов Римского собора, участвовавших в рукоположении. Ксист сообщает о присутствии на рукоположении «всех братьев» (ἅπαντας <...> τοὺς ἀδελφοὺς), включая даже двух пресвитеров диоцеза Восток, что позволило ему как заявить о себе, так и обсудить вопросы вероучения: «Церковь в Риме так сохранила единый голос в поставлении глашатая веры, как в нем всегда соблюдала единое мнение в проповеди веры»¹⁴. Под «глашатаем веры» здесь, очевидно, понимается сам Римский епископ, однако не следует полагать, что тот является «глашатаем веры» для всей «Вселенской Церкви»: в этом обозначении отражается всего лишь представление о роли епископа вообще, как о роли папы для Церкви Римской, для которой он и является «глашатаем веры», гарантирующим ее единство.

Ксист далее заявляет, что написанного о вере его «блаженной памяти предшественником» вполне достаточно. Тем не менее, чтобы внести полную ясность в свою позицию и засвидетельствовать перед Кириллом свое православие — что являлось неотъемлемой составной частью общительного послания, — Ксист говорит, что «необходимо часто повторять то, что было здраво определено» (οὐκ ὀκνητέον ἀναλαμβάνειν πολλάκις τὰ ὑγιῶς ὀρισθέντα), в силу чего он намерен «вкратце» (διὰ βραχέων) заявить Кириллу то, что уже «прежде многословно определило решение апостольского престола» (πολλῷ ἤδη τῷ λόγῳ πάλαι ἡ ἀπόφασις τοῦ ἀποστολικοῦ ὥρισε θρόνον). Сам Кирилл, пренебрегая оскорблениями в свой адрес, заботился о вере (ᾧσον φροντίζων τῆς πίστεως) и, «желая, чтобы более управлялись Церкви, нежели добиваясь своего» (μᾶλλον διοικηθῆναι τὰς

¹³ Ш. Пьетри называет это письмо *tractoria*. Согласно версии Пьетри, которую он уже излагал применительно к посланию папы Зосима, по неизвестной причине названное Марием Меркатором *tractoria*, этот жанр писем предполагал директивное изложение папой своей веры и позиции. См.: *Pietri Ch. Roma Christiana*. P. 1398 и N. 2 и ср. *Ibid.* P. 937–944. В данном случае речь идет об обычном общительном послании, однако Пьетри пытается придать этому письму очевидно несвойственный ему директивный характер, заявляя, что Ксист в нем что-то «постановлял» (*décrotaît*), и называя его при этом совершенно неподходящим термином.

¹⁴ АСО. I. 1. 7. P. 144. 38–40: οὕτως ἡ κατὰ Ῥώμην ἐκκλησία μίαν ψῆφον ἐφύλαξε τῇ καταστάσει τοῦ τῆς πίστεως κήρυκος, ὥσπερ ἐν αὐτῷ τῷ τῆς πίστεως κηρύγματι μίαν αἰὲν γνώμην ἐτήρησαν.

ἐκκλησίας ἢ ἑαυτὸν ἐκδικηθῆναι ἐπιθυμεῖ), удовлетворился «смертью одного того, кто при невоспитанности казался себе учителем и добивался себе кормила страха Господня, однако не смог удержаться на престоле, не умея учительствовать»¹⁵, то есть Нестория. Последний «сам привел себя к крушению: его, ничего не видящего в тумане собственных учений, волна нечестия швырнула на скалу низложения»¹⁶. В отношении него приговор Ксиса остается тем же, остальным немногим, кто не согласен с этим приговором, остается только к нему присоединиться, если они хотят «позаботиться об оставленных ими Церквах»¹⁷. Как следствие, Иоанну Антиохийскому предоставляется единственная возможность, которая уже была озвучена в «ранее отосланных посланиях» (ταῖς προαλεσταλμέναις ἐπιστολαῖς): он должен доказать, что также является кафоликом, присоединившись ко всем осуждениям Эфесского собора.

Завершая свое послание, Ксис призывает Кирилла строго придерживаться того, что определено им и Собором. Своими неустанными трудами Кирилл заслужил венца и одержал триумф, будучи победителем. Папа просит его довести содержание этого письма «до сведения соседних епископов» (εἰς τὴν τῶν γειτνιώντων ἀδελφῶν γνῶσιν). Далее следует важная фраза: «Хотя они прежде всё определили самым полным образом, однако не был безучастным и апостольский престол: ведь не позволяет нам быть в стороне от таких забот попечение всех Церквей»¹⁸.

Послание Ксиса является примечательным в ряде отношений. Прежде всего, обращение папы к Кириллу как к брату лишено каких-либо признаков превосходства. Как и его предшественник, Ксис целиком признает учительный авторитет и даже лидерство Кирилла Александрийского, его преимущественную роль в деле ниспровержения ереси, свидетельствует о приверженности более ранним постановлениям в отношении Нестория, соглашается с основным условием воссоединения с Иоанном Антиохий-

¹⁵ АСО. I. 1. 7. Р. 145. 15–17: ἐκείνου μόνου ἀρκούμενος τῷ θανάτῳ, ὃς δοκῶν εἶναι ἐν ἀπαιδευσίᾳ διδάσκαλος ἐξεδίκει ἑαυτῷ τὰ τοῦ δεσποτικοῦ φόβου πηδάλια, ἀλλ' ἐπιμένειν τῷ θρόνῳ οὐκ ἠδυνήθη, διδάσκειν οὐκ εἰδώς. Употребленное здесь выражение «смерть» применительно к Несторию, которого физически никто не убивал, следует рассматривать как понятие homicidium, которое подразумевало «социальную» смерть или казнь невинно осужденного — лишение его общественного статуса и положения. См. разъяснение этого: *Болотов В.В.* Лекции... Т. 4. С. 223–224. Впрочем, о невинности Нестория с точки зрения папы Ксиса речи идти не может.

¹⁶ АСО. I. 1. 7. Р. 145. 17–19: μόνος οὖν εἷη ναυαγῆσας αὐτός, ὃν ἐν τοσαύτῃ ὁμίχλῃ τῶν ιδίων διδαγμάτων μηδὲν ὁρῶντα τὸ τῆς ἀσεβείας κύμα προσέρρηξε τῷ σκοπέλῳ τῆς καθαιρέσεως.

¹⁷ АСО. I. 1. 7. Р. 145. 23–24: γίνωσκέτωσαν γὰρ ἔσεσθαι φροντίδα περὶ τὰς καταλειφθείσας παρ' αὐτῶν ἐκκλησίας...

¹⁸ АСО. I. 1. 7. Р. 145. 36–37: εἰ καὶ πάλαι πληρέστατα πάντα ὥρίσαντο, μὴ ἀργεῖν ὅμως τὸν ἀποστολικὸν θρόνον. οὐ γὰρ ἐπιτρέπει ἡμᾶς ἡρεμεῖν ἀπὸ τῶν τοιούτων φροντίδων ἢ ὑπὲρ πασῶν τῶν ἐκκλησιῶν μέριμνα.

ским — необходимостью присоединения последнего к решениям Эфесского собора. Последняя фраза общительного послания наиболее примечательна: папа вновь цитирует применительно к римскому «апостольскому престолу» выражение апостола Павла из 2-го послания к Коринфянам *попечение всех Церквей*¹⁹, которое уже встречалось в предсоборном послании папы Целестина к константинопольцам, и тем самым обозначает собственное, как бы апостольское, попечение папского престола. Причем эта фраза приведена в неявной полемике с теми, кто считает или может счесть реакцию Рима недостаточной или запоздалой. Таким образом он уравнивает до некоторой степени свое собственное утверждение об общецерковной роли Кирилла Александрийского, который заботится и о всеобщей вере, и о должном управлении Церквями, и вообще имеет «всех подчиненными», как это сказано в сопроводительном письме: все это является для папских документов беспрецедентным признанием как вероучительных, так и «трансграничных» административных полномочий предстоятеля другого «великого престола».

Очевидно, что соборные и общительные послания по поводу рукоположения Ксиса рассылались во многие места и среди их адресатов значились и ведущие отцы Эфесского собора. Одним из них был Флавиан, епископ города Филиппы в Македонии²⁰, бывший представителем на Соборе отсутствовавшего по неизвестной причине митрополита Руфа Фессалоникского и одним из самых активных сторонников Кирилла Александрийского. Сохранилось и краткое послание, адресованное ему Ксисом. Оно составлено в формате личного сообщения, предваряющего общительное послание, и свидетельствует о формальных рамках общения нового римского епископа и его македонского визави. Как показывает первая фраза письма, они установились достаточно тесные: «В обычае у твоего блаженства внимательно беседовать с апостольским престолом: ведь, будучи испытанным иереем, ты так провел дело Божие, что с триумфом над врагами вернулся во вверенную тебе Церковь»²¹. Это однозначно свидетельствует о весьма тесных связях Флавиана, действовавшего, очевидно, с ведома и по поручению Руфа Фессалоникского, с римским престолом, и о наличии постоянных консультаций, о которых нам, впрочем, более ничего не известно.

¹⁹ 2 Кор. 11:28.

²⁰ О Македонии и Филиппах см. фундаментальное исследование Поля Лемерля: *Lemerle P. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine: recherches d'histoire et d'archéologie*. [Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 158]. T. 1–2. Paris, 1945. См. тж.: *Vanderspoel J. Provincia Macedonia // A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman, I. Worthington. Oxford, 2010. P. 251–275; Verhoef E. The Church of Philippi in the First Six Centuries of Our Era // HTS Theologiese Studies / Theological Studies. 2005. Vol. 61. № 1–2. P. 565–592.*

²¹ АСО. I. 1. 7. P. 143. 9–12: Νενομισμένον ἐστὶ τῇ ὁσιότητι τῇ σῇ τὸν ἀποστολικὸν θρόνον προσεχῶς ὁμιλεῖν· οὕτως γὰρ τὴν θεῖαν ὡς ἅτε ἱερεὺς δόκιμος ἐξεβίβασας ὑπόθεσιν, ὡς θριαμβεύοντά σε κατὰ τῶν ἐχθρῶν εἰς τὴν πεπιστευμένην σοι ἐκκλησίαν ἐπανελθεῖν.

Далее Ксист уточняет, что о подвигах Флавиана он узнавал как из самих его «многочисленных донесений», так и со слов посланника Целестина на Соборе пресвитера Филиппа, который особо выделял роль Флавиана²².

Завершение письма также показательно и свидетельствует о близких отношениях и доверии между Флавианом и Ксистом, а также о заслугах епископа Филиппийского перед римским престолом: «За таковые свершения твоих деяний причитается [тебе] от Римской Церкви благодарность, которую через любезнейшего нашего Урса, посланного от нашей стороны иподиакона содержит личное слово, отдающее должное решениям о преемстве и сообщающее о нашем положении. Ведь справедливо для святой твоей души взаимно сообщать это подобно тому, [как это делал] тот, чье лицо то есть служение я по Божьему промыслению принял»²³. Последняя фраза доказывает, что в близких отношениях с Римом Флавиан состоял уже во время восхождения на кафедру предшественника Ксиста Целестина, коль скоро традиция посылать синодику филиппийскому епископу существовала уже тогда. Следовательно, Флавиан был хорошо известен в Риме еще до понтификата Целестина.

Восстановление общения с Иоанном Антиохийским и церковный мир 433 г.

Остается неясным информировал ли император епископа Римского о начале переговоров о примирении: ни соответствующего послания, ни вообще прямых свидетельств об этом не сохранилось²⁴. В послании

²² Ibid. P. 143. 13–17.

²³ Ibid. P. 143. 18–24: ὁφείλεται ἀπὸ τῆς Ῥωμαίων ἐκκλησίας τοῖς τοσοῦτοις καμάτοις τῶν σῶν πράξεων εὐχαριстіа, ἦντινα διὰ Οὕρσου τοῦ προσφιλεστάτου ἡμῖν καὶ ἀπὸ τῶν ἡμετέρων πλευρῶν ὑποδιακόνου ἐκτεμφθέντος ὁ κατὰ πρόσωπον λόγος ἐγκλείει, καὶ τὸ τῆς ἀγάπης ὄφλημα ἀποδίδους τοῖς τῆς διαδοχῆς τύποις καὶ ποιῶν τῆς ἡμετέρας καταστάσεως τὴν γνῶσιν. δίκαιον γὰρ τῇ ἀγίᾳ σου ψυχῇ ἀμοιβαδὸν τοῦτο παρατλησίως ἐκείνῳ κατατιθέναι, οὗτινος τὸ πρόσωπον ἦτοί τὴν ὑπηρεσίαν παρὰ τῆς θείας προνοίας διαδέδεγμα.

²⁴ В. де Фриз высказывается об этом следующим образом: «Император действует во время Собора и после него вплоть до заключения мира в 433 г. как верховный и суверенный арбитр по отношению к соперничающим партиям. На римского епископа он при этом вообще не обращает внимания. Этот факт совершенно просмотрели те апологеты, которые желали представить Эфес как триумф папства» (Der Kaiser fungiert aber während des Konzils und nachher bis zum Friedensschluss von 433 als der oberste und souveräne Schiedsrichter zwischen den streitenden Parteien. Vom Bischof von Rom nimmt er dabei überhaupt keine Notiz. Diese Tatsache haben die Apologeten, die aus Ephesos einen Triumph des Papsttums machen wollten, völlig übersehen: *De Vries W.* Die Struktur der Kirche gemäss dem Konzil von Ephesos (431) // *Annuaire historiae conciliorum*. 1970. Bd. 2. Heft 2. S. 22–55 (здесь: S. 44)); «папского авторитета для него просто не существует» (Die päpstliche Autorität existiert für ihn einfach nicht: Ibid. S. 45); «общение епископа Рима в глазах императора не является единственно решающим. Епископ Рима — один из многих» (Die communio des Bischofs von Rom ist also in den Augen des Kaisers nicht die allein entscheidende. Der Bischof von Rom ist einer von vielen: Ibid.).

Феодосия II к Иоанну Антиохийскому присутствует единственное указание на роль папы в этом процессе: «Вы, я имею в виду тебя и святейшего епископа александрийцев Кирилла, пойдя друг другу навстречу, устраните возникшее между вами осложнение и недоумение, в то время как те досточтимейшие мужи, о которых мы сказали выше, обещают, что если ты подпишешься под низложением Нестория и анафематствуешь его учение, не останется никакого повода для пререкания, но немедленно и святейший епископ Кирилл и твое почтение и те, кто с ним, а также святейший епископ славного Рима Целестин и всякий, кто ни есть повсюду священник правой веры, вступит в общение с твоим почтением»²⁵.

Непростой процесс примирения длился достаточно долго, сопровождался расколами и спорами как в диоцезе Восток, так и в Египте, несмотря на имеющееся желание главных антагонистов — Кирилла Александрийского и Иоанна Антиохийского — прийти к соглашению. Еще раз подчеркнем, что позиция римской кафедры при этом не играла никакой роли: основные задействованные лица в сохранившихся документах ее не упоминали и на ее авторитет не ссылались; в несравненно большей степени эти документы свидетельствуют о роли императора в церковно-политических процессах и восприятии его авторитета иерархами²⁶. Замена на папском престоле при этом никак не повлияла на ход событий: реакция на рукоположение папы Ксиса (Сикста) в пределах Восточной Римской империи не отмечена в источниках, хотя, как показывалось выше, официальный обмен синодиками состоялся, а вопрос восстановления общения Церквей, принявших участие в Эфесском соборе, с Востоком в них занимал видное место. Показателен сам факт, отраженный в посланиях Ксиса, что на его рукоположении присутствовали эмиссары Египта, Константинополя и Востока, что говорит о начале интенсивных консультаций уже летом 432 г.

Вплоть до достижения согласия значительная часть епископата диоцеза Восток не состояла в общении ни с одним «великим престолом»,

²⁵ ACO. I.2. P. 101. 36–102. 6: quatenus uos, te uero dicimus et sanctissimum episcopum Alexandrinorum Cyrillum, conuenientes inuicem deponatis inter uos factam difficultatem et ambiguitatem, promittentibus his quos praediximus reuerentissimis uiris quod si subscripseris in depositione Nestorii et eius anathematizaueris doctrinam, nulla residuebit altercationis occasio, sed statim et sanctissimus episcopus Cyrillus et tua reuerentia et qui cum ea sunt, et sanctissimus autem gloriosae Romae episcopus Caelestinus et omnes qui ubique sunt rectae fidei sacerdotes tuae reuerentiae communicabunt...

²⁶ См.: *De Vries W.* Die Struktur der Kirche... P. 39–40, 41 (der Friedensschluss zwischen Johannes von Antiochien und Kyrillos von beiden Parteien als eine innere Angelegenheit des Ostens behandelt wurde, in der sie Rom nicht konsultierten. Sie befanden über die Anerkennung der Orthodxie der Gegenseite und die Wiederherstellung der communio ganz nach eigenem Gutdünken). По меткому замечанию III.Пьетри: «Рим не ведает подробностей переговоров, а те (Кирилл, Иоанн, император и др. — М.Г.) игнорируют Рим» (Rome ignore le détail des négociations et celles-ci ignorent Rome: *Pietri Ch.* Roma Christiana. P. 1399).

кроме собственно Антихии, и потому примирение и восстановление общения сопровождалось активной перепиской, которая, по счастью, в значительной мере сохранилась в составе собраний документов Эфесского собора²⁷.

Послания о мире Иоанна Антиохийского папе Ксисту

Свидетельства участия Рима в этом процессе появляются в самом конце, когда начинается интенсивный обмен общительными посланиями, составленными от имени различных Соборов и возглавляющих их предстоятелей. Основным среди этих документов со стороны Востока является «общительная грамота» (κοινωνικὸν γράμμα)²⁸, адресованная Иоанном Антиохийским и Собором его епископов Ксисту Римскому, Кириллу Александрийскому и Максимиану Константинопольскому.

Однако это общительное послание в каждом отдельном случае сопровождалось личным посланием Иоанна для каждого из вышеназванных иерархов в отдельности, и если в общительной грамоте определенные темы проговаривались формально и кратко, то личные послания содержат гораздо больше примечательных подробностей. Здесь мы приведем анализ содержания сохранившегося послания Иоанна папе Ксисту²⁹. Помимо ряда формальных моментов оно содержит некоторые индивидуальные черты, призванные обозначить отношение Иоанна и его епископов конкретно к Римской Церкви и ее предстоятелю. Иоанн обращается к епископу Римскому как к «владыке и сослужнику» (τῷ δεσπότη μου <...> καὶ <...> συλλειτουργῷ). Он сообщает, что состоявшееся в свое время восхождение Ксиста на «апостольский престол» (τοῦ ἀποστολικοῦ θρόνου) было «во благо Вселенной» (ἐπὶ καλῷ τῆς οἰκουμένης), поскольку «повсюду на земле [находящиеся] Церкви Христовы будут иметь светоч — светоч, освещающий не только один Запад, но даже и окраины Вселенной»³⁰. Иоанн далее

²⁷ См.: Devreesse R. Les actes du concile... // Revue des sciences philosophiques et théologiques. 1929. Т. 18. № 3. Р. 426–429.

²⁸ Ср.: АСО. I. 1. 4. Р. 34.19–20.

²⁹ Ср.: Pietri Ch. Roma Christiana. Р. 1400–1402.

³⁰ АСО. I. 1. 7. Р. 158. 37–39: λαμπτήρα ἔξουσιν αἱ πανταχοῦ γῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίαι, λαμπτήρα οὐ τὴν ἑσπέραν μόνην φωτίζοντα, ἀλλὰ γάρ καὶ τὰς ἑσχατίας τῆς οἰκουμένης. По словам В. де Фриза, данная фраза свидетельствует о том, что восточным иерархам в какой-то степени была известна идея «основанного на преемстве от Петра примата» (des auf der Petrusnachfolge beruhenden Primats) римского престола: De Vries W. Die Struktur der Kirche... Р. 40. Данное высказывание представляется нам натяжкой даже несмотря на то, что папскую кафедру Иоанн называет «апостольским престолом». Между признанием престола апостольским и признанием некоего первенства этого престола нет автоматической связи: в конце концов, повторимся, Иоанн также занимал апостольский престол, причем основанный святым Петром заведомо раньше римского.

особо подчеркивает, что поставление Ксиста прошло при согласии «народов и собравшихся епископов» (τῶν τε λαῶν καὶ τῶν συνεληλυθότων θεοσεβειστῶν ἐπισκόπων), каковую информацию он получил от Кирилла Александрийского.

Данные высказывания указывают на то, что послание Иоанна было составлено в момент восстановления общения, последовавшего за достижением соглашения по компромиссным пунктам между Кириллом и Иоанном. Тот факт, что Иоанн в письме к Ксисту заговаривает о рукоположении последнего, состоявшемся за год до этого, объясняется тем, что Ксист и Иоанн не обменялись формальными общительными посланиями, несмотря на то, что, как признает Ксист, представители Антиохии присутствовали в Риме во время его рукоположения. Следует подчеркнуть, что формального разрыва между Римом и Антиохией в церковном отношении оформлено не было: Иоанн, хотя и объявил со своей стороны участников Эфесского собора низложенными, однако воздерживался от прямых выпадов против Рима и его епископа. Позиция папы Целестина была вполне однозначной: он через своих легатов всецело поддержал меры против Иоанна, предпринятые отцами Собора, включающие и разрыв общения, однако зеркального ответа со стороны Иоанна мы не видим. Естественно, что в сложившейся ситуации и ввиду всецелой поддержки новым папой курса Кирилла Александрийского, об обмене синодиками с Иоанном в ситуации 31 июля 432 г., когда Ксист вступил на престол, речи быть не могло, даже если папа и обсуждал что-то с представителями диоцеза Восток, присутствовавшими в Риме при его рукоположении. Несмотря на то, что у Иоанна однозначно имелись донесения о факте и обстоятельствах вступления на престол нового понтифика, в настоящем письме он счел возможным сослаться только на ту информацию, которая могла считаться в данном случае официальной: а именно письмо Кирилла Александрийского, сообщавшего о каноническом и мирном поставлении Ксиста³¹.

Как следствие, Иоанн обращается к папе с предложением скорейшим образом зафиксировать признание сторонами состоявшегося в прошлом году рукоположения, поскольку без него восстановление общения не могло бы произойти и считаться полноценным: «И потому в настоящее время я устремился к тому, чтобы немедленно и тотчас сообщить настоящее и исполнить в отношении твоего блаженства то, что у Бога благовременно относится к братскому расположению, когда мы, если Бог даст, получим по обычаю направленные синодики, в которых нам будет

³¹ АСО. I. 1. 7. Р. 158. 42–43: τοῦτο γὰρ μεμαθήκαμεν παρὰ τοῦ κυρίου μου τοῦ θεοσεβειστάτου ἐπισκόπου Κυρίλλου, ἀφ' ᾧ ὥς ἵσως ἡ σὴ ὁσιότης πρὸς αὐτὸν ἐπέστειλεν.

сообщена благая весть о твоём предстоятельстве, желанная и для всего Востока возлюбленная»³². Иоанн разъясняет, что под настоятельным он имеет в виду устранение ереси и достижение повсеместного соглашения (συμβάσεως) между Церквями. Далее он указывает, что повсеместное (πανταχοῦ) согласие было достигнуто благодаря тому, что Кирилл и Иоанн пришли к единомыслию по поводу изложения отеческой веры (ἑκθέσιν), о котором «надлежит узнать и тому апостольскому престолу» (χρὴ καὶ τὸν ἀποστολικὸν ἐκείνῳ θρόνον γινῶναι).

Это изложение Иоанн далее и приводит: оно содержит пункты богословского компромисса, которые касались учения о Богородице и «способа вочеловечения Сына Божьего» (τοῦ τε τρόπου τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ υἱοῦ τοῦ θεοῦ), а именно соотношения природ, божественной и человеческой, во Христе. При этом декларируется, что к вере, «изложенной отцами в Никее», ничего при этом не прибавляется. Иоанн далее приводит несколько пассажей, по своей структуре и стилистике воспроизводящих формы Символа Веры, однако по сути дела не сводимых ни к одному из известных его вариантов и выходящих за пределы его формулировок даже в расширенном «Цареградском» варианте³³. Вот суть достигнутого богословского компромисса, о котором теперь ставился в известность Римский епископ: «Итак, мы исповедуем Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божьего Единородного, Богом совершенным и человеком совершенным из разумной души и тела, прежде век рожденным от Отца по божеству, и Его же в последние дни ради нас и нашего спасения от Марии-Девы по человечеству, Его же единосущным Отцу по божеству и единосущным нам по человечеству. Ибо произошло соединение двух природ, из-за чего мы исповедуем единого Христа, единого Сына, единого Господа. Согласно этому понятию неслиянного соединения, мы исповедуем святую Деву Богородицей в силу того, что Бог-Слово воплотился и вочеловечился и с самого зачатия соединил с собой принятый от нее храм. Что же до евангельских и апостольских слов о Господе, то мы знаем, что мужи-богословы одни [из них] полагали общими, как бы от одного лица, другие же разделяли, как бы на две природы, и одни передавали как богоподобные, согласно божеству Христа, другие же как смиренные,

³² АСО. I. 1. 7. Р. 158. 43–159. 4: ὁθεν ὥρμήθην ἐπὶ τοῦ παρόντος τὰ μὲν κατελείγοντα εὐθὺς καὶ παραχρῆμα γινώρισαι, τὰ δὲ εἰς τιμὴν συντελοῦντα τῆς ἀδελφικῆς παρὰ θεῷ διαθέσεως εὐκαίρως πρὸς τὴν σὴν ἀποπληρῶσαι ὁσιότητα, ὅταν, σὺν θεῷ φάναι, δεξώμεθα καὶ τὰ ἐξ ἔθους ἀποστελλόμενα συνοδικά, ἐν οἷς τὰ εὐαγγέλια τῆς σῆς προεδρίας ἡμῖν μηνυθήσεται, λοθεινὰ ὄντα καὶ πάσῃ τῇ Ἀνατολῇ ἐράσματα.

³³ См. сопоставление разных находившихся на тот момент в обращении вариантов Символа: Kinzig W. Das Glaubensbekenntnis von Konstantinopel (381). Herkunft, Geltung und Rezeption. Neue Texte und Studien zu den antiken und frühmittelalterlichen Glaubensbekenntnissen II. [Arbeiten zur Kirchengeschichte; 147]. Berlin; Boston, 2021. S. 21–26.

согласно человечеству»³⁴. Ввиду этого Иоанн объявлял полезным «вообще для Христовых Церквей» принять в соответствии с повелением императоров низложение Нестория, анафематствовать последнего и согласиться с хиротонией Максимиана.

В произошедшем расколе Иоанн винит общие грехи, а за его устранение благодарит человеколюбие Божие. Между тем, подлинным инструментом Промысла в данном деле выступают императоры: «Твое блаженство, приняв эти наши грамоты, да восхвалит Бога, Который вопреки всякой надежде и человеческому упованию усердием и заботой о Церквах христолюбивых и благочестивых наших императоров по обычаю удостоил мира собственные Церкви»³⁵. Подчеркивание роли императора характерно для всей переписки восточных архиереев, в то время как в папских посланиях заслуги в одолении ереси и достижении мира приписываются преимущественно Кириллу Александрийскому.

В плане отношения к папе и Римскому престолу письмо Иоанна весьма показательно. На протяжении всего предыдущего хода конфликта фактор Рима не играл для Иоанна никакой роли: во всяком случае, такой вывод может быть сделан на основании его собственных сохранившихся посланий, посланий его Собора и сторонников. В настоящем письме к Ксисту, первом во всей его корреспонденции письме в Рим, Иоанн прежде всего запрашивает римского епископа о легализации его отношений с Антиохией: именно папа «по обычаю» должен прислать синодальные грамоты и запросить о вступлении в общение. Со своей стороны, Иоанн может лишь уведомить, что препятствий для этого нет: он готов их принять и рассмотреть. Попыток в чем-то покаяться и разъяснить свою прошлую позицию Иоанн ни в малейшей степени

³⁴ АСО. I. 1.7. P. 159. 20–32: ὁμολογοῦμεν τοιγαροῦν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ τὸν μονογενῆ, θεὸν τέλειον καὶ ἄνθρωπον τέλειον ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος, πρὸ αἰώνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα, ἐπ’ ἐσχάτου δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτὸν δι’ ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, ὁμοούσιον τῷ πατρὶ τὸν αὐτὸν κατὰ τὴν θεότητα καὶ ὁμοούσιον ἡμῖν κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα. δύο γὰρ φύσεων ἔνωσις γέγονε, δι’ ὃ ἓνα Χριστόν, ἓνα υἱόν, ἓνα κύριον ὁμολογοῦμεν. κατὰ ταύτην τὴν τῆς ἀσυγχύτου ἐνώσεως ἔννοιαν ὁμολογοῦμεν τὴν ἁγίαν παρθένον θεοτόκον διὰ τὸ τὸν θεὸν λόγον σαρκωθῆναι καὶ ἐνανθρωπήσαι καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς συλλήψεως ἐνῶσαι ἑαυτῷ τὸν ἐξ αὐτῆς ληφθέντα ναόν. τὰς δὲ εὐαγγελικὰς καὶ ἀποστολικὰς περὶ τοῦ κυρίου φωνὰς ἴσμεν τοὺς θεολόγους ἄνδρας τὰς μὲν κοινοποιοῦντας ὡς ἐφ’ ἐνὸς προσώπου, τὰς δὲ διαιροῦντας ὡς ἐπὶ δύο φύσεων, καὶ τὰς μὲν θεοπρεπεῖς κατὰ τὴν θεότητα τοῦ Χριστοῦ, τὰς δὲ ταπεινὰς κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα παραδίδοντας. См. о формуле примирения, изложенной Иоанном: D’Alès A. Le dogme d’Éphèse. P. 296–312.

³⁵ АСО. I. 1. 7. P. 159. 40–43: Δεξαμένη οὖν ἡ σὴ ὁσιότης ταῦτα ἡμῶν τὰ γράμματα, ἀνυμνῶ τὸν θεόν, ὃς παρ’ ἐλπίδα πᾶσαν καὶ προσδοκίαν ἀνθρωπίνην σπουδῇ καὶ φροντίδι περὶ τὰς ἐκκλησίας τῶν εὐσεβεστάτων καὶ φιλοχρίστων ἡμῶν βασιλέων συνήθως ταῖς ἑαυτοῦ ἐκκλησίαις ἐβράβευσε τὴν εἰρήνην.

не делает: он подчеркивает заслуги в достижении мира императоров и самого Бога, Кирилла Александрийского упоминает как равноправную сторону мирного соглашения и фактически предписывает папе согласованную заранее богословскую формулу, поданную в стилистике Символа веры, причем содержится прямой намек, что папа должен принять его как тождественный Никейскому. Красноречива при этом фраза из письма Иоанна, что согласованную формулу «надлежит узнать и тому апостольскому престолу». В этой фразе, очевидно, имеется в виду римский престол, к епископу которого Иоанн и обращается, однако строй фразы намекает на то, что помимо «того апостольского престола» есть и другой апостольский престол, который об этом уже знает. Нетрудно предположить, что под таковым престолом Иоанн вполне может разуместь свой собственный, ибо он, как и римский, был основан апостолом Петром³⁶. Тем самым фраза во вводной части послания, где Ксист назван «светочем» не только для Запада, но и для «окраин Вселенной», может восприниматься не более как вежливость, выраженная, согласно тогдашним этикетным требованиям, в весьма возвышенном тоне и весьма обильно рассыпаемая в подобного рода посланиях.

Впрочем, наиболее наглядным призывом, фактически — условием, на котором папа должен был присоединиться к уже состоявшемуся восстановлению общения между Иоанном и его бывшими противниками, является приложенное Иоанном исповедание веры. Следует отметить, что именно Иоанн сообщает римскому епископу конкретные пункты богословской формулы примирения, являвшейся компромиссом на основе признания сирийского подхода к вопросу о двух природах во Христе, который сторонники Иоанна отстаивали еще в Эфесе и на основе которого они предполагали вести богословскую дискуссию, поначалу отвергнутую³⁷ сторонниками Кирилла. Таким образом, вышло, что именно Иоанн продиктовал Ксисту «условия мира», потребовав от папы вступить с ним общения посредством отправки синодальных посланий, легализующих папу в глазах антиохийского архиерея. Это следует расценить как весьма тонкий церковно-политический ход со стороны Иоанна, оформившего примирение с Римским престолом как восстановление последним общения с Антиохией и признание ее богословия.

³⁶ Есть основания предполагать, что Иоанн мог подразумевать не только свой престол, но и другие престолы, пришедшие к согласию, из которых Александрийский и Иерусалимский также были апостольскими. Если бы под апостольским престолом Иоанн имел в виду только Римский, он бы выразился *χρῆ καὶ τὸν ἀποστολικὸν θρόνον γινῶναι*.

³⁷ См. анализ того, чем конкретно в процедурном отношении была заменена богословская дискуссия в ходе первой сессии Собора в Эфесе: *Graumann Th. 'Reading' the First Council of Ephesus (431) // Chalcedon in Context Church Councils 400–700 / Ed. by R. Price, M. Whitby. Liverpool, 2011. P. 29–44 (здесь: P. 36–41).*

«Общительное послание», или энциклика, направленная трем иерархам — Ксисту, Кириллу и Максимиану, — как уже было сказано, является более сухой и формальной. Ее целью была также озвучить компромиссные пункты соглашения и зафиксировать факт вступления в церковное общение. Иоанн отмечает, что первейшей обязанностью «получивших [право] священнодействовать» (τὸ ἱερᾶσθαι λαχοῦσι) является отличие в правой вере (τὸ ἐν ὀρθῇ πίστει διατρέχειν), ради чего по повелению императоров в Эфесе был созван «святой Собор»³⁸ по делу Нестория, который заседал «вместе с представителями, посланными блаженной памяти Келестином, бывшим епископом святой Церкви римлян»³⁹. Иоанн признает, что Собор подверг Нестория низложению (ψήφῳ καθαιρέσεως) за его ложное учение, введение многих в соблазн и «неправильное направление веры» (οὐκ ὀρθολοδίῃσαντα περὶ τὴν πίστιν). Данное событие огорчило Иоанна по его прибытии, в силу чего возникла причина для «раздора между нашим и святым Собором, и после того, как многое было сделано и сказано, мы возвратились в свои Церкви и города, не примирившись тогда со святым Собором посредством подписания вынесенного тогда Несторию приговора о низложении»⁴⁰. Иоанн далее описывает меры, принятые императорами, повелевшими Церквам устранить раздор и воссоединиться, в результате чего и ему стало угодно «присоединиться к приговору святого Собора, вынесенному против Нестория, считать его низложенным и анафематствовать его порочные учения, поскольку наши Церкви всегда имели правую и безупречную веру, так же, как и ваше блаженство»⁴¹. В силу этого, заявляет Иоанн в завершающей фразе письма, «мы соглашаемся и с рукоположением блаженнейшего и богочестивейшего епископа святой Церкви константинопольцев Максимиана и пребываем в общении

³⁸ Как подмечает М.С. Смит, это первый раз, когда Иоанн и его сторонники называют собрание сторонников Кирилла в Эфесе «Собором»: *Smith M.S. The Idea of Nicaea in the Early Church Councils, AD 431–451. Oxford, 2018. P. 119.*

³⁹ АСО. I. 1. 4. Р. 33. 12–13: ἅμα τοῖς ἀποσταλεῖσιν ἐκδίκοις παρὰ τοῦ τῆς μακαρίας μνήμης Κελεστίνου τοῦ γενομένου ἐπισκόπου τῆς ἁγίας Ῥωμαίων ἐκκλησίας... Очевидно, что Иоанн намекает здесь на несколько стороннее положение римских посланников по отношению к Собору: оно было обусловлено уже тем, что Рим не имел на Соборе полноценного представительства в виде первенствующего иерарха (митрополита или насельника «великого престола») с сопровождающими его подчиненными епископами.

⁴⁰ АСО. I. 1. 4. Р. 33. 17–20: διαφορᾶς μεταξύ γενομένης ἡμῶν τε καὶ τῆς ἁγίας συνόδου καὶ πολλῶν μεταξύ πεπραγμένων τε καὶ εἰρημένων, ὑπεστρέψαμεν εἰς τὰς ἑαυτῶν ἐκκλησίας τε καὶ πόλεις, οὐ συνενεχθέντες τὸ τηνικάδε τῇ ἁγίᾳ συνόδῳ δι' ὑπογραφῆς εἰς τὴν ἐξενεχθεῖσαν κατὰ Νεστορίου τῆς καθαιρέσεως ψήφον.

⁴¹ АСО. I. 1. 4. Р. 33. 25–28: συνθέσθαι τῇ ψήφῳ τῆς αἰτίας συνόδου τῇ ἐξενεχθείσῃ κατὰ Νεστορίου ἔχειν τε αὐτὸν καθηρημένον καὶ ἀναθεματίζειν τὰς δυσφήμους αὐτοῦς διδασκαλίας διὰ τὸ τὰς παρ' ἡμῖν ἐκκλησίας τὴν ὀρθὴν αἰεὶ καὶ ἀβέβηλον ἐσχηκέναι πίστιν, καθὰ καὶ ἡ ὑμετέρα ὁσιότης...

с всеми во Вселенной богочестивейшими епископами, сколько имеют и блюдут правую и безупречную веру»⁴².

Послание адресовано сразу трем крупнейшим иерархам без специального обращения к Ксисту Римскому и в отношении нашей темы в нем прежде всего примечательно упоминание епископа Римского на первом месте среди иерархов-адресатов послания. Оно явным образом отражает видение Иоанном сравнительной чести и ранга «великих престолов». Отметим здесь характерное и для отцов Эфесского собора восприятие Собора как института Восточной Римской империи, с которым делегаты Рима только лишь совместно заседают⁴³. Правая и безупречная вера — признак всех Церквей, к которым адресуется Иоанн, включая и его собственную: Римская оказывается здесь только одной из многих, но мерилом веры и критерием истины она никоим образом не считается. Показательно в этой связи то, что в послании, адресованном в том числе Ксисту, Иоанн не вдается в подробности богословских аспектов примирения, как он это делает в письме к Кириллу⁴⁴. Рим, таким образом, не был ни для Иоанна, ни для Кирилла стороной богословской дискуссии, соответственно при заключении мира между собой они его даже не упоминали: догматика в данном случае определялась именно восточными Церквями, Риму предоставлялась возможность присоединиться к итоговым решениям. Необходимо также отметить, что отдельного послания к Ксисту Иоанн не составил или, по крайней мере, оно не было включено в соответствующее собрание и в силу этого не сохранилось.

Ответные послания Ксиста Кириллу и Иоанну

Процесс примирения с римской стороны венчается ответными соборными посланиями Ксиста, из которых два, к Кириллу и к Иоанну, составленные 17 сентября 433 г., сохранились в латинском оригинале.

⁴² АСО. I. 1. 4. Р. 33. 28–32: συναينوῦμεν δὲ καὶ τῇ χειροτονίᾳ τοῦ ὁσιωτάτου καὶ θεοσεβεστάτου τῆς Κωνσταντινουπολιτῶν ἀγίας ἐκκλησίας ἐπισκόπου Μαξιμιανοῦ καὶ κοινωτικοὶ πᾶσιν ἐσμὲν τοῖς κατὰ τὴν οἰκουμένην θεοσεβεστάτοις ἐπισκόποις, ὅσοι τὴν ὀρθὴν καὶ ἀμώμητον ἔχουσι τε καὶ τηροῦσι πίστιν.

⁴³ И действительно: в Эфесе своими митрополитами или другими уполномоченными лицами, включая сторонников и Кирилла, и Иоанна, оказались представлены 64 провинции Восточной Римской империи. См.: *Vogt H.-J. Unterschiedliches Konzilsverständnis der Cyrillianer und der Orientalen beim Konzil von Ephesus 431 // Logos. Festschrift für Luise Abramowski zum 8. Juli 1993 / Hrsg. von H.Ch. Brennecke, E.L. Grasmück, Ch. Marksches. [Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche / Hrsg. von E. Gräßer; 67]. Berlin; New York, 1993. S. 429–451 (здесь: S. 435–448).*

⁴⁴ См. обмен посланиями «о мире» между Иоанном Антиохийским и Кириллом Александрийским: АСО. I. 1. 4. Р. 7–9 (письмо Иоанна); Р. 115–120 (письмо Кирилла).

Письма эти заметно различаются по содержанию, что вполне объяснимо кардинальным различием предшествующих отношений между римским престолом и Кириллом Александрийским, с одной стороны, и Иоанном Антиохийским — с другой. Послание, направленное Кириллу, составлено в ответ на не сохранившиеся письма александрийского предстоятеля, в которых он сообщает о примирении и восстановлении общения с Иоанном. Фактически ответ Ксиста является соборным посланием: папа указывает на то, что полученное от Кирилла письмо было зачитано на Римском соборе, собравшемся по случаю дня рождения (*dies natalis*) Ксиста, а завершает свое послание следующими словами: «Это твоей достопочтенности пишет [пребывающая] со мной святая братия, одобряя и подтверждая во всем твои труды»⁴⁵. Послание папы, составленное от имени Римского собора, исполнено ликования: выражение радости по поводу примирения Церквей является его лейтмотивом. Важность происходивших на Востоке событий, начиная с созыва Эфесского собора, отмечается многократно. Уже в самом начале письма Кириллу обратим внимание, как, используя слова Евангелия, Ксист подчеркнул важность Востока в сфере поддержания церковного мира и учения: «Мы исполнились радостью ликования после того, как прочли, что свыше посетил нас Восток»⁴⁶. Эти слова, последняя часть которых является парафразом из Лк. 1:78, иллюстрирует роль восточных Церквей и лично Кирилла, который, по словам Ксиста, возвестил о «восстановленном теле Церкви» (*redintegratum corpus ecclesiae*). «Мы уже видим, что никто не бродит снаружи, ибо единая вера свидетельствует, что все поставлены внутри»⁴⁷, — резюмирует папа. Также Ксист выражает радость по поводу удаления того единственного, кто сам оказался виновником своего низложения — Нестория. Это низложение, «удалив скорбь от Вселенской Церкви, предоставило нам время для радостей»⁴⁸ в силу того, что Христос «указание» (*indicium*) об этом деле, то есть сообщение сведений о нем, «сохранил для собрания своих священников» (*suorum concipientium sacerdotum*). Здесь Ксист переходит к изложению того, как послание Кирилла было воспринято Римским собором, от лица которого он теперь и говорит. Это изложение содержит ряд важных высказываний, напрямую относящихся к исследуемой здесь теме. О собрании (Соборе) своей Церкви Ксист говорит далее примечательные слова в духе римской

⁴⁵ *Acta conciliorum oecumenicorum* / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. II. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1925–1926. P. 108. 27–28: *Haec ad uenerationem tuam fraternitas mecum sancta scribit, probans tuos in omnibus et confirmans labores...* (Далее: АСО. I. 2).

⁴⁶ АСО. I. 2. P. 107. 8–9: *Magna sumus laetitia alacritatis impleti, postquam, sicut legimus, ex alto nos Oriens uisitauit.*

⁴⁷ АСО. I. 2. P. 107. 11–12: *neminem foris iam uidemus errare, quia intus omnes positos fides una testatur.*

⁴⁸ АСО. I. 2. P. 107. 15–16: *quia ipse cui quaestio mota fuerat, de ecclesia uniuersali maerore sublato tempus nobis praestitit gaudiorum.*

петринологии: «Собираясь воедино, апостолы часто рассуждали о вере; ныне же, сойдясь воедино, апостольские [преемники] радуются о Его победе!»⁴⁹ Папа таким образом подчеркивает преемственность между Эфесским собором и апостольскими собраниями и именует епископов римской области «апостольскими»: данный термин (*apostolicus*), будучи прилагательным, в субстантивированной форме употреблялся в Риме как неформальное обозначение римского папы, однако здесь он распространяется на всех епископов, применительно к которым он осмысливается как почетный эпитет. В данном случае очевидно, что он применяет его к епископам Римского собора, однако остается без ответа вопрос, в какой мере он был бы готов приложить его к епископату в целом. Последнее, впрочем, совсем не исключено, поскольку обозначение только своих епископов как «апостольских» в письме, адресованном другой Церкви, выглядело бы слишком нарочитым.

Далее Ксист продолжает описание восприятия послания Кирилла Собором своих епископов: «Сообщение о небесной радости должно было иметь [именно] таких познавателей, а поскольку предмет и дело того требуют, не подобает умалчивать и о месте. Всё братство собирается у святого Петра: вот зал, подходящий для слушателей и подходящий для заслушиваемого! Наши соепископы имели того же свидетеля радости, кого мы имеем и началом чина. Ведь на святом и досточтимом синоде, который для меня по милости Божьей собрал день рождения, сам он председательствовал, поскольку так следует верить, когда доказывается, что ни духом, ни телом он не остался в стороне. Был на награждении тот, кто не остался в стороне от состязания; помогал молитвам наших душ тот, кто видел, как отвергался символ, им первым переданный апостолам; не потерпел он, чтобы бесславная глава радовалась утешениям, и не позволил, чтобы чистота того прозрачного источника долго помутнялась грязным водоворотом»⁵⁰. Описывая собрание епископов римской области «у святого Петра», т. е. в Латеранской базилике папа заявляет, что сам апостол председательствовал на Соборе и руководил действиями и помыслами епископов: данный пассаж является ярким образцом римской петринологии, в котором, впрочем, отсутствует только указание на папу

⁴⁹ ACO. I. 2. P. 107. 18–20: in unum congregati apostoli de fide saepe tractarunt; in unum nunc conuenientes apostolici de eius uictoria gratulantur.

⁵⁰ ACO. I.2. P. 107. 22–30: ad beatum apostolum Petrum fraternitas uniuersa conuenit: ecce auditorium congruens auditoribus, conueniens audiendis. habuerunt coepiscopi nostri illum gratulationis testem, quem habemus honoris exordium. sanctae namque et uenerabili synodo quam natalis mihi dies fauente domino congregarat, quia sic credendum est, ipse praesedit, quando quidem probetur nec spiritu nec corpore defuisse. adfuit palmae qui contentioni non defuit; iuuit animorum uota nostrorum qui uideret symbolo <a> se primo inter apostolos tradito derogari; non passus est nefandum caput gaudere solaciis nec turbari diu siuit lutulento gurgite fontis illius perspicui puritatem.

как реального председателя собрания и тем самым «заместителя святого Петра» (*vicarius sancti Petri*). В данном случае речь о замещительстве не идет: все епископы оказываются «апостольскими» (или «апостолическими»), а Петр председательствует на их собрании непосредственно.

Папа пространно выражает радость по поводу того, что Иоанн Антиохийский не стал упорствовать в своей приверженности «ссылному», т. е. Несторию — «дезертиру из нашего лагеря» (*nostrorum desertore castrorum*), как выражается Ксист. Возвращение не только Иоанна, но и епископов всей подчиненной ему церковной области, еще более умножает радость, поскольку «паства усматривается в каждом в отдельности, и не об одном идет речь, когда дело идет о здравии многих»⁵¹. Возвращение Иоанна целиком приписывается заслугам Кирилла: «Того, стало быть, отстоял за собой вечный огонь, этих — виноградник вечного владельца, так что мы радуемся, что уже сейчас святость твоя называет священника Антиохийской Церкви досточтимым мужем и господином. И заслуженно называется господином тот, кто признал общего Господа, кто вместе с нами кафолическим голосом исповедует таинство Его воплощения»⁵². Папа высоко оценивает труды Кирилла и указывает, что те страдания и гонения, которые он перенес на этом пути, воздадутся ему великой наградой на небесах. В завершении он указывает, что теперь желает видеть посланников Иоанна Антиохийского, чтобы «дать ему ответ согласно твоему чину и труду» (*pro honore et pro labore tuo dare responsum*).

Данное соборное послание представляется безусловно ценным как тем, что по сути дела впервые содержит в посланиях понтификата Ксиста важные элементы римской идеологии, связанной с осмыслением места святого Петра как якобы первого римского епископа, так и тем, что не содержит намеков на выдающееся или исключительное место Рима в межцерковных отношениях, при этом заключая в себе признание безусловно ведущей роли Кирилла Александрийского в деле, в которое Рим оказался, с одной стороны, весьма глубоко вовлечен, а с другой — не мог оказывать на его ход и решение значимого влияния.

Послание, составленное в адрес Иоанна Антиохийского, во многом повторяло смысловые элементы, содержащиеся в ответе Кириллу. Оно также очевидно содержит в себе признаки соборного послания. Адресат титулуется Ксистом чрезвычайно лапидарно: «Иоанн, епископ Антиохийский». Папа не скрывает своей радости по поводу «цельности церковного тела», однако сообщает, что от печали к радости его обратило письмо, получен-

⁵¹ ACO. I. 2. P. 108.2–3: *greges aspiciuntur in singulis, nec unius hie causa tractatur, quotiens agit de sanitate multorum.*

⁵² ACO. I. 2. P. 108. 11–15: *illum ergo sibi ignis aeternus, hos possessoris aeterni uinea uindicauit, in tantum ut Antiochenae ecclesiae sacerdotem uocari a sanctitate tua iam nunc uenerabilem uirum et domnum gaudeamus. et merito uocatur dominus qui communem dominum recognouit, qui incarnationis eius uoce catholica nobiscum mysterium confitetur.*

ное от Кирилла Александрийского. Эта радость связана с окончательным низложением и ссылкой Нестория. Ксист выражает надежду, что Иоанн не остался в неведении относительно усилий Рима оказать помощь «тонущему», который в конечном итоге оказался осужден как раз вовремя. Возвращаясь к делам настоящего времени, Ксист подчеркивает, с какой радостью было принято Римским собором, — «всем братством» (*uniuersa fraternitas*), по его выражению, — свидетельство Иоанна о том, что поставление Ксиста «предстоятелем апостольского престола» (*apostolicae sedis me praesidem*) пошло во благо «роду человеческого» (*bono humani generis*). Ксист признает далее, что Иоанн правильно исповедует веру в рождество Христово, в отличие от Нестория, который исповедовал Его только «рожденным человеком» (*hominem namque natum cum tantummodo*), разрушая тем самым «таинство воплощения» (*incarnationis mysterium*). Однако папа предлагает перевернуть страницу: «Когда враг повержен, уже не время сражаться; надо нам уйти от того, что привело к войне: неуместно во время победы всё еще рассуждать о сражениях!»⁵³

Итак, папа одобряет веру Иоанна и переходит наконец к заявлению о восстановлении общения с ним. Послание имеет характер соборного, хотя формально это выражено, в отличие от послания к Кириллу, скорее, косвенно. Восстановление общения с Иоанном оформляется папой как присоединение к тем, кто уже состоял с папой в общении: «Мы хотим, чтобы твоя святость исповедовала то, что ты пишешь. Благодаря исходу настоящего дела ты по опыту узнал, что значит мыслить вместе с нами. Блаженный Петр в своих преемниках передал то, что принял. Кто захочет отделить себя от учения того, кого Сам Наставник назвал первым среди апостолов? Не услышанное от другого, не прочитанное рассуждение его наставило: научен он вместе с другими устами Учителя; не потерпел он вопрошать писание или писателей. Совершенную и простую веру, которая не содержала противоречия, принял он, и ее мы обязательно должны осмыслять и в ней пребывать, чтобы, чистым помыслом следуя за апостолами, удостоиться быть [мужами] апостольскими»⁵⁴. В этом несомненно ключевом пассаже послания со-

⁵³ ACO. I. 2. P. 109. 19–21: non est certandi iam tempus hoste prostrato, transeundum nobis ab his est quae bella mouerunt; inopportuno est uictoriae tempore adhuc de proeliis disputare.

⁵⁴ ACO. I. 2. P. 109. 24–31: Haec sanctitatem tuam uolumus praedicare quae scribis. expertus es negotii praesentis euentu quid sit sentire nobiscum. beatus Petrus apostolus in successoribus suis quod accepit, hoc tradidit. quis ab eius se uelit separare doctrina, quem ipse inter apostolos primum magister edocuit? non hunc auditus per alterum, non sermo lectus instruxit: doctus est cum aliis ore doctoris; non scripturae, non scriptorum passus est quaestionem. absolutam et simplicem fidem et quae controuersiam non haberet, accepit, quam utique meditari semper et in qua manere debemus, ut sensu puro sequentes apostolos inter apostolicos esse mereamur.

держится мысль о том, что Иоанн, начав «мыслить с нами», наконец присоединился к вере святого Петра, первого среди апостолов. Ксист избегает заявлений о том, что эту веру несет и олицетворяет именно Римская Церковь: в его словах опять присутствует та двусмысленность, что под «преемниками святого Петра», которыми римские епископы даже в ходе Эфесского собора напрямую именовали себя, здесь можно традиционно понимать всех вообще епископов как носителей апостольского преемства. Также и использование понятия «преемники святого Петра» в обращении к антиохийскому епископу, — согласно традиции, прямому и несомненному преемнику апостола Петра, — может рассматривать как определенный намек на связь в этом пункте Антиохийской и Римской Церкви, однако выражать это так открыто, как когда-то это сделал папа Иннокентий, Ксист не считал нужным⁵⁵. Тем не менее, выставляя дело Иоанна так, что тот только теперь присоединился к вере Петра, Ксист явно намекает на то, что и Рим, и епископы Римского собора, по сути, никогда не утрачивали связи с Петром и соответствующего эпитета «апостольских».

Именно в послании Иоанну Ксист, наконец, отдает должное роли императоров: «Как об этом надлежит нам оказывать попечение, свидетельствует забота милосерднейших и христианнейших царей. Узри, дражайший брат, как бдительно они посвятили себя небесному делу, не зная роздыха в размышлениях, и не удостоили заботы земное, покуда не подчинились небесному! Сколько раз апостольскую веру, сколько раз различных братьев тронула их речь? Они посвятили себя делу Того, Кто никогда не отрекался от их империи. Они умеют давать свое попечение в рост Тому, Кто вернет его с великим прибытком! О каковом деле нам следует похвалиться, ибо мы видим, что небесный Царь имеет союзниками царей земных»⁵⁶. В завершении послания папа указывает на признание им рукоположения Максимиана Константинопольского и одобряет его веру.

В заключении мы хотели бы сделать несколько итоговых замечаний. Прежде всего, как видно из проанализированных документов, Римская

⁵⁵ Между тем, для М. Войтовича в этой фразе всё однозначно: она является еще одним «случаем применения римской доктрины» („Anwendungsfall für die römische Doktrin“) папского примата: *Wojtowytsch M. Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile. [Päpste und Papsttum; 17]. Stuttgart, 1981. S. 299.*

⁵⁶ ACO. I. 2. P. 109. 32–39: *quam super hoc esse solliciti nos debeamus, clementissimorum et Christianissimorum regum cura testatur. aspice, frater carissime, caelesti negotio quam se uigilanter impenderint cogitationum ferias nescierunt nec dignati sunt terrena curare, nisi caelestibus paruissent. quotiens apostolicam fidem, quotiens diuersos fratres eorum sermo commouit. impenderunt se eius negotio, qui se eorum numquam negauit imperio. sciunt se illi fenerare sollicitudinem suam, qui eam cum grandi reddat usura. de qua re nos conuenit gloriari, quia caelestem regem uidemus foederatos reges habere terrarum.*

Церковь не играла ведущей роли в деле примирения Церквей Востока, хотя ее роль как причины и источника их ссоры представляется более значительной, в силу того, что папа Целестин бескомпромиссно поддерживал позицию Кирилла Александрийского в деле против Нестория. Примирение Иоанна Антиохийского и Собора его Церкви с Римом наступает после того, как Иоанн под давлением императора достигает взаимопонимания с Александрией. Прежде чем вступить в общение с Римом, Иоанн побуждает папу Ксиста «легализоваться», т. е. прислать в Антиохию формальные синодики, извещающие о его вступлении на римскую кафедру и запрашивающие об установлении общения. Тем самым Иоанн возобновил каноническое общение с Римом на своих условиях, а папа Ксист был вынужден присоединиться к установившемуся на Востоке временному церковно-политическому консенсусу.

References

- Abramowski, L. "Concilium Ephesenum – 431." In Abramowski, L. *Neue christologische Untersuchungen*, ed. by A. Schilling, V.H. Drecoll, H.Ch. Brenneke, Ch. Marksches. Berlin; Boston, 2021. P. 466–471.
- Camelot, P.-Th. *Éphèse et Chalcédoine*. [Histoire des conciles oecuméniques, 2]. Paris, 1962.
- D'Alès, A. "Le concile d'Ephèse." *Gregorianum* 12/2 (1931). P. 201–266.
- De Vries, W. "Die Struktur der Kirche gemäss dem Konzil von Ephesos (431)." *Annuaire historiae conciliorum* 2/2 (1970). P. 22–55.
- Devreesse, R. "Les actes du concile d'Éphèse." *Revue des sciences philosophiques et théologiques* 18/3 (1929). P. 408–431.
- Gratsianskiy, M.V. "Church of Rome and the Condemnation of Nestorios of Constantinople during the Third Ecumenical Council." *Antichnaia drevnost' i srednie veka* 51 (2023). P. 51–75 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. "Council of Ephesus of 431: Between 'Apostatic Synedrion' and 'Universal Council'." *Antichnaia drevnost' i srednie veka* 52 (2024). P. 83–100 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. "Pope Celestine I and the Attempt to Condemn Nestorius of Constantinople on the Eve of the 3rd Ecumenical Council." In *Prichernomor'ie v Srednie veka*, ed. by S.P. Karpov. Saint-Petersburg, 2024. P. 9–45 (in Russian).
- Graumann, Th. "'Reading' the First Council of Ephesus (431)." In *Chalcedon in Context Church Councils 400–700*, ed. by R. Price, M. Whitby. Liverpool, 2011. P. 29–44.
- Graumann, Th. "An Early Collection of Acts from the Council of Ephesus (431) in Antioch." *Zeitschrift für Antikes Christentum* 25/3 (2021). P. 452–478.
- Grillmeier, A. *Jesus der Christus im Glauben der Kirche*. Vol. 1. Freiburg; Basel; Wien, 1990.
- Grumel, V. *La chronologie*. Paris, 1958.

- Jedin, H., and Dolan, J., eds. *History of the Church*. Vol. 2. New York, 1980.
- Kinzig, W. *Das Glaubensbekenntnis von Konstantinopel (381). Herkunft, Geltung und Rezeption. Neue Texte und Studien zu den antiken und frühmittelalterlichen Glaubensbekenntnissen II*. [Arbeiten zur Kirchengeschichte; 147]. Berlin; Boston, 2021.
- L'Huillier, P. *Pravila pervykh chetyrekh Vselenskikh Soborov [Rules of the first four Ecumenical Councils]*. Moscow, 2005 (in Russian).
- Lemerle, P. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine: recherches d'histoire et d'archéologie*. [Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 158]. Vol. 1–2. Paris, 1945.
- Leuenberger-Wenger, S. *Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert*. [Supplements to Vigiliae Christianae; 153]. Leiden; Boston, 2019.
- Pietri, Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. [Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 224]. Rome, 1976.
- Price, R., and Graumann, Th., transl. *The Council of Ephesus of 431. Documents and Proceedings*. [Translated Texts for Historians; 72]. Liverpool, 2020.
- Schwartz, E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Vol. 1/1. Part 7. Berlin; Leipzig, 1929.
- Schwartz, E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Vol. 1/2. Berlin; Leipzig, 1925–1926.
- Smith, M.S. *The Idea of Nicaea in the Early Church Councils, AD 431–451*. Oxford, 2018.
- Vanderspoel, J. "Provincia Macedonia." In *A Companion to Ancient Macedonia*, ed. by J. Roisman, I. Worthington. Oxford, 2010. P. 251–275.
- Verhoef, E. "The Church of Philippi in the First Six Centuries of Our Era." *HTS Theologiese Studies / Theological Studies* 61/1–2 (2005). P. 565–592.
- Vogt, H.-J. "Unterschiedliches Konzilsverständnis der Cyrillianer und der Orientalen beim Konzil von Ephesus 431." In *Logos. Festschrift für Luise Abramowski zum 8. Juli 1993*, ed. by H.Ch. Brennecke, E.L. Grasmück, Ch. Marksches. [Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche; 67]. Berlin; New York, 1993. P. 429–451.
- Vselenskie sobory [The Universal Councils]*. Moscow, 2005 (in Russian).
- Wojtowitsch, M. *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile*. [Päpste und Papsttum; 17]. Stuttgart, 1981.

Научная статья

Узурпация Флавия Иоанна 423–425 гг. в контексте взаимоотношений восточноримского и западноримского двора

Никита Александрович Гудков

Аспирант; кафедра всеобщей истории; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ул. Победы, 85, 308015 Белгород; gudkovnikita1996@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается период правления династии Феодосия Великого, а именно его сына и внука — императоров Гонория (395–423) и Феодосия II (408–450). Проанализированы основные противоречия и точки соприкосновения между двумя частями Римской империи, возникшие после ее разделения в 395 г. Основное внимание уделено узурпации Флавия Иоанна 423–425 гг. и политическим процессам, происходившим в этот период. Дипломатические отношения между Восточной и Западной Римской империями показаны сквозь призму борьбы за власть политических групп западноримского двора. Основным лейтмотивом дипломатических отношений этого периода являлась политика восточноримского императора Феодосия II, направленная на обеспечение единства династии в разделенной Империи.

Ключевые слова: Западная Римская империя, Восточная Римская империя, Гонорий, Феодосий II, Флавий Иоанн, узурпация, Галла Плацидия, Валентиниан III.

Цитирование: Гудков Н.А. Узурпация Флавия Иоанна 423–425 гг. в контексте взаимоотношений восточноримского и западноримского двора // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 71–80.

Original article

The Usurpation of Flavius John 423–425 in the Context of Relations between the Eastern and Western Roman Courts

Nikita A. GUDKOV

PhD Student; Department of World History; Belgorod State National Research University;
Pobeda Str., 85, 308015 Belgorod, Russian Federation; gudkovnikita1996@mail.ru

Abstract: The article examines the period of the reign of the Theodosian dynasty, namely of the son and the grandson of Theodosius the Great — the emperors Honorius (395–423) and Theodosius II (408–450). The main contradictions and points of contact between the two parts of the Roman Empire that arose after the division of 395 are analyzed. The main attention is paid to the usurpation of Flavius John 423–425 and political processes occurring during this period. Diplomatic relations between the Eastern and Western Roman Empires are shown through the prism of the struggle for power of political groups of the Western Roman court. The main issue of diplomatic relations of this period was the policy of the Eastern Roman Emperor Theodosius II, aimed at ensuring the unity of the dynasty in a divided empire.

Keywords: Western Roman Empire, Eastern Roman Empire, emperor Honorius, emperor Theodosius II, Flavius John, usurpation, Galla Placidia, emperor Valentinian III.

For citation: Gudkov, N.A. “The Usurpation of Flavius John 423–425 in the Context of Relations between the Eastern and Western Roman Courts.” *Byzantinoturica: The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 71–80 (in Russian).

После смерти Феодосия I (379–395) — последнего императора, управлявшего единым государством, — Римская империя в 395 г. была разделена между его сыновьями — августами Аркадием (395–408) и Гонорием (395–423)¹. Династия Феодосия правила сравнительно долго, вплоть до 472 г., на протяжении правлений пяти западных и трех восточных императоров². Правление династии Феодосия пришлось на сложный,

¹ См.: Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1. Paris; Brussels; Amsterdam, 1959. P. 216–218; Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602*. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 156–169; Williams S., Friell G. *Theodosius. The Empire at Bay*. London, 1998. P. 42–52; Leppin H. *Theodosius der Große. Auf dem Weg zum christlichen Imperium*. [Gestalten der Antike]. Darmstadt, 2003. S. 205–228; Björnm H. *Westrom. Von Honorius bis Justinian*. 2. Auflage. Stuttgart, 2018. S. 35–41.

² См.: Bury J.B. *History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. Vol. 1. London, 1931. P. 106–211; Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1. P. 219–275; Jones A.H.M. *The Later Roman Empire...* Vol. 1. Oxford, 1964. P. 170–216; Казаков М.М. Начало последней династии Римской империи // *Известия Смоленского государственного университета*. 2020. № 4 (52). С. 220–236 (здесь: С. 233).

трансформационный период античного мира, и отразилось на судьбах всего Средиземноморского региона. Несмотря на некоторую стабилизацию государства во время правления Феодосия, уже после его смерти обе части некогда единой Империи столкнулись с целым рядом внутренних и внешних проблем. Так, из-за юности Аркадия и Гонория, императоры не распоряжались всей полнотой власти, попав в зависимость от военных и гражданских регентов, будь то Стилихон в Западной части империи (Eun., I, 63), Руфин и Евтропий — в Восточной. Более того, раздел Империи на две части послужил катализатором активизации непредсказуемых конфликтов и противоречий на фоне слабости императорской власти. Самым опасным вариантом развития событий могло стать начало гражданской войны между различными партиями римской элиты, что при наличии серьезной внешней угрозы со стороны варваров внутри и вне империи могло привести к трагичному финалу. В целом, нарушения системы управления, а также первые отголоски гражданского противостояния времени правления Стилихона и его претензий на покровительство над Восточной Римской империей (Zos. V.4.3.) служили характерным примером нарастания политической борьбы: власть в Римской империи была объектом притязаний различных политических сил.

Не менее опасным фактором, отчасти вытекающим из раздела Империи и обострения внутренних конфликтов, стало нарастание варварской угрозы. После 407 г. Западная Римская империя столкнулась с сокрушительным нашествием варваров. Из-за ослабления политической власти и нехватки ресурсов политическая история этой части Империи сопровождалась непрекращающимися узурпациями и гражданскими войнами. В V в. Римская империя уже была неспособна собственными силами обеспечивать военную защиту границ. Это подразумевало все большее использование варваров-федератов в военной сфере и, как следствие, повышение политического веса варваров-военачальников, с одной стороны, и дальнейшее нивелирование власти императоров, преимущественно в Западной Римской империи — с другой³. Уже во времена Аркадия и Гонория происходят существенные изменения способа функционирования императорской власти: императорам отводится в основном церемониальная роль⁴.

Несмотря на раздел империи в 395 г., в целом интересы двух обособленных частей Римской империи совпадали. Во-первых, в вопросах отражения внешней угрозы. Во-вторых, единой была и правящая династия потомков Феодосия, легитимность которой была высока, в силу чего правители Восточной и Западной Римской империи были заинтересованы в стабильности

³ *Перевалов С.М.* Два брака короля Атаульфа // Вестник Владикавказского научного центра. № 4. 2003. С. 7–16 (здесь: С. 7–8).

⁴ *McEvoy M.* Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455. Oxford, 2013. P. 300–301.

и взаимной поддержке. Более того, обе части государства и их императоры были равны по статусу⁵. Обеспечение принципа династизма достигалось с помощью заключения браков между представителями правящего дома Восточной и Западной Римской империи. В-третьих, несмотря на административное разделение, «существовали не две отдельные империи, но империи-близнецы», которые были объединены общей христианской верой⁶. Для обеспечений единства империи в дальнейшем Феодосий II проводит Вселенские соборы. Четвертый фактор, указывающий на осуществление принципа единства империи — постоянная военная помощь. Так, например, в 409 г. Константинополь отправляет 4000 солдат в помощь Равенне для борьбы с готами⁷. Центристские тенденции особенно тем самым четко оказываются выражены во время правления Феодосия II. Например, после смерти Гонория восточноримский император организовал военную экспедицию в целях восстановления на престоле члена своей династии — Валентиниана III (Olymр. 46.1). В-пятых, Кодекс Феодосия, изданный во время правления Феодосия II, послужил серьезным основанием для укрепления единого правового поля Западной и Восточной части Римской империи⁸. Таким образом, в военном, религиозном и политическом плане между Восточной и Западной Римской империей существовал очень тесный симбиоз.

Однако несмотря на политическую близость Восточной и Западной Римской империй в определенных случаях их интересы значительно расходились. В частности, основные противоречия возникли по вопросу префектуры Иллирик, существовавшие еще с конца III в.⁹ Концентрация значительных военных сил под руководством Стилихона после смерти Феодосия I позволила западноримской элите выдвинуть лозунг единства империи под руководством Рима, что привело к значительному обострению отношений между Равенной и Константинополем.

В момент смерти Гонория (423) отношения между двумя частями Империи были крайне натянуты. Так, восточный император Аркадий при своей смерти (408) завещал заботиться о своем сыне не брату Гонорию, а персидскому царю Йездигерду, что практически спровоцировало

⁵ Ibidem. P. 140–142.

⁶ Millar F. Greek Roman Empire. Power and Belief under Theodosius II (408–450). Berkeley, Los Angeles, 2006. P. 2.

⁷ McEvoy M. Child Emperor Rule... P. 195.

⁸ Александрова Т.Л. Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 1. С. 9–20 (здесь: С. 16).

⁹ См.: Stein E. Der Verzicht der Galla Placidia auf die Präfektur Illyricum // Wiener Studien. 1914. Bd. 36. S. 344–347; Lotter F., Bratož R., Castritius H. Völkerverschiebungen im Ostalpen-Mitteldonau-Raum zwischen Antike und Mittelalter (375–600). Berlin; New York, 2003. S. 7–30.

Стилихона и Гонория в «освободительный поход» на Константинополь, не реализованный лишь вследствие готской угрозы¹⁰. Феодосий II при жизни своего дяди Гонория также не спешил налаживать политические контакты. В частности, он не признал августом могущественного военачальника Западной Римской империи Констанция III, мужа Галлы Плацидии и отца будущего императора Валентиниана III. Собственно, император Гонорий признал Констанция августом также не без давления, «почти против воли» (Olymр. 34). Опасаясь варварского окружения и того влияния, которое обрела Галла Плацидия, император признал ее сына Валентиниана III в качестве наследника и даровал ему титул нобилиссима. Констанций в последние годы своей жизни планировал силой получить признание Константинопольского двора, и только его скоропостижная кончина сорвала очередной «поход на Восток» (Ibid. 34).

В начале 20-х гг. V в. в Западной Римской империи не было политического единства. При дворе Гонория существовали две крупные политические партии, сформированные вокруг фигуры Констанция и Галлы Плацидии. Вторая группа состояла из римской политической элиты, номинальным лидером которой был император Гонорий, а фактически — военачальник Кастин, ставший комитом доместигов, начальником дворцовой стражи в Италии после смерти Констанция¹¹. Противостояние партий нередко доходило до кровопролития: например, во времена выборов папы Римского. Выборы в конце 418 — начале 419 г. двумя кандидатами на римскую кафедру — Евлалием и Бонифацием — закончились разгулом черни и противостоянием среди граждан Рима¹².

Основное противоречие существовало между Гонорием и Галлой Плацидией. Император был слаб и очень опасался того влияния, которое приобрел Констанций, а после его смерти — Галла Плацидия. С учетом того, что его сестра в 414–415 гг. была женой вестготского короля Атаульфа, а затем августой и женой могущественного полководца, она являлась серьезным политическим противником. И самое главное, у Гонория не было детей, что ставило вопрос престолонаследия очень остро. Очевидный наследник престола — племянник Валентиниан III — и его мать Галла Плацидия в конечном итоге были сосланы в Константинополь (422). Это

¹⁰ Mazzarino S. Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio. Roma, 1942. P. 196–230.

¹¹ Martindale J.R. Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1980. P. 269–270 (s. v. Castinus 2). См. тж. о нем: O'Flynn J.M. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983. P. 74–76; Бухарин П.А. Аэций. Последний Великий полководец Древнего Рима. СПб., 2018. С. 53.

¹² См.: Грацианский М.В. «Милость государя утвердила Бонифация епископом города Рима»: император Гонорий и кризис легитимности в Римской церкви в 419 г. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 2. С. 9–26.

решение объясняется давлением на Гонория со стороны римской элиты, которой не нравилось засилье варваров, окружавших Галлу Плацидию¹³. Более того, римским элитам было легче манипулировать слабовольным Гонорием при отсутствии его влиятельной сестры. Однако вскоре политическая борьба разразилась с новой силой: 15 августа 423 г., не дожив девяти дней до своего тридцать девятого дня рождения, Гонорий умирает от водянки.

С высылкой из Рима Галлы Плацидии ее партия теряет позиции. Военачальник Кастин, в интересах которого было не допустить воцарения Валентиниана III, что при малолетстве последнего означало регентство Галлы Плацидии, решается на назначение собственного императора (Prospr. 1282). Сыграло роль также и то, что Феодосий II не торопился с решением по поводу назначения императора Запада. Выбор Кастина падает на примицерия нотарииев (*primicerius notariorum*) Иоанна, которого провозглашают императором 20 ноября 423 г. в Риме (Ann. Rav. Col. 2.10–12)¹⁴. Мы знаем, что несмотря на то, что это была в чистом виде узурпация власти (Proc. De bell. 3.5.9), поскольку Иоанн к тому же не был членом легитимной династии Феодосия, в народе он изначально обрел поддержку. Прокопий Кесарийский писал, что Иоанн «...был человек кроткого нрава, одаренный разумом, но в то же время способный к решительным действиям» (Proc. De bell. 3.6.7).

Однако положение Иоанна довольно быстро становилось отчаянным; так, вскоре после узурпации из-под контроля западноримского двора выходит Галлия: восставший гарнизон в Арелате не признал нового правителя. Наместник Иоанна Эксуперанций был убит. Вестготский король Теодорих после неудачной кампании Кастина в Испании (422) также отказался поддерживать новый режим, вынашивая планы воспользоваться гражданской войной в Риме для расширения собственных владений¹⁵. Более того, сторонник Галлы Плацидии, могущественный комит Африки Бонифаций прекратил поставки зерна в Рим, что послужило причиной начавшейся войны между Иоанном и Бонифацем. Интересно, что в экспедиции против Бонифация участвовали и гунны, что указывает на дружеские отношения между Западной Римской империей и некоторыми племенами гуннов в это время¹⁶. О том, насколько серьезной проблемой, требующей концентрации огромных сил, стала

¹³ Хизер П. Падение Римской империи. М., 2019. С. 398.

¹⁴ См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. P. 282–285; O'Flynn J.M. Generalissimos... P. 74–76; Бьюри Д.Б. Варвары и Рим. Крушение империи. М., 2013. С. 89.

¹⁵ См.: Bury J.B. History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 208–209; Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. P. 274–275, 322–324; Хьюджес Й. Аэций: возмездие Атиллы. М., 2018. С. 66.

¹⁶ Менхен-Хельфен О. История гуннов. Как жили и воевали легендарные кочевники. М., 2022. С. 97.

для Флавия Иоанна война с Бонифацием свидетельствует Павел Диякон: «В это время Иоанн, пытаясь отвоевать Африку, которой овладел Бонифаций, оказался не в силах защитить самого себя» (Diac. Hist. Rom. XIII. 9). Африканская экспедиция Иоанна закончилась поражением, и это стало для Феодосия II явным признаком того, что сил для ведения широкомасштабной войны у узурпатора нет, а его политическая поддержка ослабевает (Prosp. Chron. 424).

В этой ситуации происходит активизация дипломатических отношений между Восточной и Западной Римской империей. Так, поддержка западноримской элитой, в частности богатейшим родом Анициев (PLRE 2: 452-453; Olymp. 44) и народом Рима обеспечило появление надежды на признание узурпатора Восточной Римской империей. Первым делом Иоанн отправляет посольство в Константинополь, пытаясь получить признание со стороны Феодосия II. Однако посольство полностью провалилось (Greg. Tur. 2.8.; Soc. 7.23.3). Как сообщает Филосторгий, послы подверглись плохому обращению и были высланы за пределы Восточной Римской империи (Philost. 12.13). Позже им все-таки разрешено было вернуться. Как указывает Фригерид, они «возвратились к тирану, принеся с собой грозные распоряжения» (Frig. Greg. HF. II.8).

Непризнание Флавия Иоанна фактически означало то, что Империя была на пороге войны. Однако Феодосий II прекрасно понимал уязвимость положения узурпатора, а также собственную силу: с персами только что был заключен мир после победоносной восточной кампании полководца Ардавура (Soc. 7.18). К тому же, Феодосий II четко придерживался курса на единство династии, и принял решения восстановить Валентиниана III на престоле. Феодосий II официально возвел Валентиниана в сан цезаря 23 октября 424 г., а также отменил свое решение от 421 г. о непризнании Констанция августом, что давало дополнительную легитимность Валентиниану III как сыну покойного императора¹⁷.

Накопленные противоречия между Западной и Восточной Римской империей получили свое разрешение в ходе начавшейся войны 425 г. Экспедиционные войска возглавили военачальники Ардавур, Аспар и Кандидиан, которые вскоре захватили стратегически важный город Салону — удобный плацдарм для вторжения в Италию (Philost. Hist. Eccl. XII. 13). Несмотря на изначальные неудачи — флот Ардавура попал в шторм и был разбит стихией, а сам Ардавур попал в плен к узурпатору, — войска Кандидиана захватили города Севера Италии, что позволило Аспару осадить Равенну (Olymp. 46). Интересно то, что, заполучив в качестве пленника командующего войсками Восточной Римской империи, Флавий Иоанн

¹⁷ См.: Bury J.B. History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 224–225; Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. P. 282–283; Хьюджес Й. Аэций: возмездие Аттилы. М., 2018. С. 67.

отнесся к нему исключительно хорошо, пытаясь через него восстановить дипломатические контакты с Феодосием II и восстановить мир. Ардавур, пользуясь своей свободой, вел переговоры с высокопоставленными командирами Иоанна и скрытно предлагал им перейти на сторону восточноримского императора¹⁸. Несмотря на неприступное местоположение, Равенна вскоре была завоевана из-за предательства в лагере узурпатора. По всей видимости, уровень его поддержки после объявления войны Восточной Римской империей был минимален. Подошедшие войска Аспара вошли фактически в открытые ворота, Иоанн был пленен и доставлен в Аквилею. Узурпатор был подвергнут продолжительным пыткам и затем казнен (Proc. De bell. 3.3.9).

Последняя надежда Иоанна — армия гуннов под командованием Аэция — прибыла в Италию через три дня после смерти узурпатора¹⁹. Вероятно, не зная о том, что дело узурпатора проиграно, Аэций сразу атаковал восточноримскую армию. Олимпиодор сообщает о том, что была «большая резня с обеих сторон» (Olymр. 43.2). Понеся тяжелые потери, стороны конфликта начали переговоры, в результате которых Аэций занял пост высокопоставленного военачальника при новом режиме (Greg. Tur. 2.8), но навсегда остался политическим противником Галлы Плацидии, которая никогда не забудет поддержки последним узурпатора против ее сына. Гунны, в свою очередь, получили большое количество золота и отправились домой²⁰.

В результате успешной войны и свержения Иоанна, Галла Плацидия и Валентиниан отправляются в Рим, где 23 октября 425 г. Валентиниана III провозгласили императором в шестилетнем возрасте. Не менее важным итогом кампании стало назначение на пост *magister militum praesentalis* военачальника Феликса, который был доверенным лицом Феодосия II. Также Восточная Римская империя приобретает диоцез Иллирик, окончательно закрывая тем самым вопрос принадлежности этого региона²¹. Скорее всего, это было одним из изначальных условий Феодосия II за оказанную военную поддержку.

Завершающим шагом объединения династии стало обручение Валентиниана III и дочери Феодосия II Евдоксии, которой на этот момент было всего два года. Брак Валентиниана III и Евдоксии заключается 21 октября 437 г. Сын от этого брака вполне мог бы претендовать на власть в обеих частях империи²². Как указывает историк Д.С. Поттер, Олимпиодор в это

¹⁸ Хьюджес Й. Аэций... С. 68.

¹⁹ См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. P. 284; O'Flynn J.M. Generalissimos... P. 76–77.

²⁰ O'Flynn J.M. Generalissimos... P. 74.

²¹ Stein E. Der Verzicht der Galla Placidia... S. 344–347.

²² McEvoy M. Child Emperor Rule... P. 256.

время по заказу Феодосия II пишет свой труд, заканчивающийся «гимном триумфу объединения Востока и Запада»²³.

Таким образом, несмотря на фактическое разделение Римской империи в 395 г., Западная и Восточная Римская империя имели, кроме определенных противоречий, большое количество общих интересов: в первую очередь, в деле отражения внешней угрозы, а также стабилизации внутриполитического положения.

Одним из главных политических принципов, служивших единению обособленных частей империи, был принцип династизма — императоры Запада и Востока принадлежали к дому Феодосия Великого. Приверженность единству династии в деле управления Империей была ярко продемонстрирована императором Восточной Римской империи Феодосием II во время узурпации Флавия Иоанна в 423–425 гг. Военный поход Феодосия II в пределы Западной Римской империи увенчался успехом, и на престол взошел Валентиниан III — двоюродный брат восточноримского императора, положение которого было еще более укреплено его браком с дочерью Феодосия II (437).

Дипломатические отношения Восточной и Западной Римской империи в 423–425 гг. находились на критически низком уровне, что было связано с нелегитимным статусом Флавия Иоанна, чье правление было очевидной узурпацией и не получило признания со стороны императора Феодосия II. В данной ситуации единственным средством решения накопившихся противоречий между частями Римской империи стала война, в ходе которой была не только восстановлена власть рода Феодосия, но и проведены в жизнь некоторые интересы Восточной Римской империи: в частности, была окончательно оформлена принадлежность Восточной империи Иллирика, в правление Аркадия и Гонория служившего источником противоречий в отношениях между обеими частями Империи.

References

- Aleksandrova, T.L. "Unity of the Roman Empire in the 4th–5th Centuries and Mechanisms of Its Procurement." *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii i Filologiya* 18/1 (2019). P. 9–20 (in Russian).
- Björn, H. *Westrom. Von Honorius bis Justinian*. 2nd ed. Stuttgart, 2018.
- Bukharin, P.A. *Aetsii. Poslednii velikii polkovodets Drevnego Rima [Aetius: The Last Great General of the Antique Rome]*. Saint-Petersburg, 2018 (in Russian).
- Bury, J.B. *History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. Vol. 1. London, 1931.

²³ Potter D. The Unity of the Roman Empire // From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture. 284–450 CE. Cambridge; New York, 2010. P. 13–32 (здесь: P. 31).

- Bury, J.B. *Varvary i Rim. Krushenie imperii* [*The Invasion of Europe by the Barbarians*]. Moscow, 2013 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. "Mercy of the Prince Has Confirmed Boniface as Bishop of the City of Rome: Emperor Honorius and the Legitimacy Crisis in the Church of Rome in 419." *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* 23/2 (2021). P. 9–26 (in Russian).
- Hughes, I. *Aetsii: vozmesdie Attily* [*Aetius: Attila's Nemesis*]. Moscow, 2018 (in Russian).
- Jones, A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602*. Vol. 1. Oxford, 1964.
- Kazakov, M.M. "The Beginning of the Last Dynasty of the Roman Empire." *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* 4 (2020). P. 220–236.
- Leppin, H. *Theodosius der Große. Auf dem Weg zum christlichen Imperium*. [Gestalten der Antike]. Darmstadt, 2003.
- Lotter, F., Bratož, R., and Castritius, H. *Völkerverschiebungen im Ostalpen-Mitteldonau-Raum zwischen Antike und Mittelalter (375–600)*. Berlin; New York, 2003.
- Maenchen-Helfen, O.J. *Istoriia gunnov. Kak zhili i voievovali legendarnye kochevniki* [*The World of the Huns. Studies in Their History and Culture*]. Moscow, 2022 (in Russian).
- Martindale, J.R. *Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1980.
- Mazzarino, S. *Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio*. Roma, 1942.
- McEvoy, M. *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford, 2013.
- Millar, F. *Greek Roman Empire. Power and Belief under Theodosius II (408–450)*. Berkeley, Los Angeles, 2006.
- O'Flynn, J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, 1983.
- Perevalov, S.M. "Dva braka korol'a Ataul'fa [King Athaulf's Two Marriages]." *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* 4 (2003). P. 7–16 (in Russian).
- Potter, D. "The Unity of the Roman Empire." In *From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture. 284–450 CE*. Cambridge; New York, 2010. P. 13–32.
- Stein, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1. Paris; Brussels; Amsterdam, 1959.
- Williams, S., and Friell, G. *Theodosius. The Empire at Bay*. London, 1998.

Научная статья

Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в.

Виталий Владимирович Прудников

Кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Отдел истории Востока;
Институт востоковедения РАН; ул. Рождественка, д. 12, 107031 Москва; gviskar@
mail.ru

Аннотация: Современных исследователей не перестает удивлять то, насколько большое влияние античная традиция оказала на все аспекты жизни и деятельности людей эпохи Средневековья. Не миновали этой участи и представители двух наиболее активных в XI в. народов-завоевателей: норманнов и тюрок-сельджуков. Для современников в лице итало-норманнских авторов, а также хронистов первого крестового похода, именно они достойны были быть наследниками того Рима, который повелевал народами в древние времена. В данной работе предпринимается попытка свести воедино и проанализировать упоминания о Риме и римлянах, имеющие отношение к норманнам и тюркам-сельджукам, с целью выявления примеров восприятия и осмысления этих понятий авторами итало-норманнских хроник конца XI в.

Ключевые слова: норманны, тюрки-сельджуки, итало-норманнские авторы, античная традиция, первый крестовый поход, Рим.

Цитирование: Прудников В.В. Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в. // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 81–94.

Original article

Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors by the 11th Century

Vitaly V. PRUDNIKOV

Candidate of Sciences (History); Senior Researcher; Department of Oriental History;
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 12 Rozhdestvenka st.,
107031 Moscow; gviskar@mail.ru

Abstract: Modern researchers continue to be amazed by how much influence the ancient tradition had on all aspects of the life and activities of people in the Middle Ages. Representatives of the two most active conquerors of the 11th century did not escape this fate: the Normans and the Seljuk Turks. For contemporary Italo-Norman authors, as well as the chroniclers of the first crusade, it was they who were worthy of being the heirs of that Rome that ruled peoples in ancient times. This article attempts to bring together and analyse references to Rome and the Romans in regard to the Normans and Seljuk Turks in order to identify examples of the perception and understanding of these former concepts by the authors of Italo-Norman chronicles by the 11th century.

Keywords: normans, Seljuk Turks, Italo-Norman authors, ancient tradition, first crusade, Rome.

For citation: Prudnikov, V.V. "Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors of the End of the 11th Century." *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 81–94 (in Russian).

Одна из последних теорий относительно проблемы самоидентификации норманнов философа и теолога С. Соннесина прямо указывает на явное сходство *gens Normannorum* и *populus Romanus*. В соответствии с данной теорией, основу римского общества составляли не социальные организации и союзы, но прежде всего этические связи и дружеские отношения¹. Данное понимание человеческого общества, которое нашло отражение в речах Цицерона, стало основой концептуального произведения христианской этики и политики Августина «О Божьем граде». Именно концепция Августина легла в основу «основных текстов западного монашества»,

¹ *Sonnesyn S. The Rise of the Normans as Ethnopoiesis // Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of Cultures in the 'Norman' Peripheries of Medieval Europe / Ed. by T. Foerster S. Burkhardt. Farnham: Ashgate, 2013. P. 203–218 (здесь: P. 213).*

которые оказали значительное влияние на формирование большинство норманнских историков².

Подобно римлянам, норманны возникли как народ благодаря деяниям своих предводителей. Соннесин ставит во главу угла не этническую, а социально-политическую и религиозную самоидентификацию норманнов. Поэтому он считает нужным говорить не об этногенезе «рождении народа» норманнов, но об этнопоэзии «создания народа» выдающимися деятелями и историками³. Таким образом, средневековым историкам принадлежала не меньшая роль в данном процессе, т. к. каждый удачливый правитель мечтал обзавестись собственным историческим кодексом, в котором бы прославлялись его деяния.

При детальном изучении хроник итало-норманнских, а равно франко-норманнских и англо-норманнских авторов мы неизбежно сталкиваемся с проявлениями античной традиции. Само появление подобных сочинений, написанных на латыни, наряду с чеканкой монет, сооружением мавзолеев, саркофагов и тому подобным, являлось применением триумфального языка римских императоров и полководцев.

К числу произведений итало-норманнских авторов второй половины XI в. относятся следующие: «История норманнов» Амато, монаха бенедиктинского монастыря Монтекассино, «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и брата его герцога Апулии Роберта Гвискара» Гауфреда Малатерры и поэма Вильгельма Апулийского «Деяния Роберта Гвискара».

Общим для этих средневековых хроник были некоторые обстоятельства их создания, среди которых присутствовали явный заказ норманнских владык и требование донести до читателя, каким образом чужаки, выходцы из Нормандии, за несколько десятилетий из кучки презренных бродяг и наемников стали легитимными правителями Южной Италии и Сицилии.

Никого из перечисленных авторов нельзя с полной уверенностью назвать носителем или знатоком норманнских традиций. Амато писал историю возвышения норманнов с точки зрения их отношений с Римской Церковью в целом и монастырем Монтекассино в частности, Вильгельм Апулийский представлял ее, как освободительную борьбу лангобардов против Византийской империи. Пожалуй, только Гауфред Малатерра дал такое описание событий, которое так или иначе отражало взгляд представителей семьи Отвилей, к которой принадлежали Роберт Гвискар и Рожер Сицилийский.

Тем не менее, столь различные подходы итало-норманнских авторов не мешают им воспроизводить сюжеты, которые можно было бы назвать традиционными для норманнских хроник. К примеру, Вильгельм Апулийский подробно рассказывает о том, как Роберт Гвискар захватил

² Ibid. P. 214.

³ Ibid. P. 206.

одну из крепостей Калабрии (историческая провинция Южной Италии). В частности, он сообщает о трудностях, связанных с осадой Акколы, где находилась большая община монахов, которые крайне неохотно пускали внутрь чужаков. Поэтому Роберт был вынужден пойти на хитрость и объявил о смерти одного из своих людей. Этого человека завернули в саван, водрузили на носилки и даже покрыли лицо воском, после чего «по норманнскому обычаю» под тело положили мечи, на которых «покойника» внесли внутрь крепости. Никто из местных обитателей не заподозрил обмана до того момента, «пока тот, которого все считали покойником, внезапно не вскочил, а его спутники обнажили мечи и овладели посредством обмана местечком колонистов»⁴.

Данный сюжет перекликается с другим рассказом, принадлежащим перу франко-норманнского автора Дудона из Сен-Кантена за сто лет до поэмы Вильгельма Апулийского. В легенде о Гастинге, который в соответствии с традицией стал самым первым из «данов», кто начал совершать набеги на Франкию. Известно также, что он якобы был опекуном другой легендарной личности — Бьёрна «Железнобокого», сына Рагнара Лодброка.

Дудон сообщает, что после опустошения Франкии Гастинг задумал покорить Рим⁵. Однако вместо Рима он оказался под стенами города «Луна», который он принял за Рим. Понимая, что взять город военной силой у него не получится, Гастинг пошел на хитрость и объявил о своем намерении принять христианство и заключить союз с жителями Луны. После обряда крещения Гастинг приказал своим людям сообщить о своей мнимой смерти и его последнем желании: быть погребенным в монастыре, который находился за стенами внутри города. Горожане согласились удовлетворить последнюю просьбу Гастинга. Настал день, когда даны с гробом своего предводителя вошли в город и направились к монастырю, где по случаю похорон Гастинга собрались «граф, епископ и весь клир». Но как только епископ приказал опустить гроб в могилу, «язычники», к удивлению христиан, попросили их не делать этого. В этот момент из гроба выскочил сам Гастинг и стал убивать явившихся на его похороны горожан направо и налево, а его люди, забаррикадовав дверь в собор, последовали его примеру. После этого они пробились к воротам города и впустили остальных своих товарищей, ждавших снаружи. После этого «возрадовался Гастинг со своими спутниками, считая, что захватил Рим — главу Вселенной. Возрадовался тому, что держит единую власть над всей империей через город, который считал Римом — господином народов»⁶.

⁴ Guillermi Apuliensis Gesta Roberti Wiscardi / Ed. R. Wilmans // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio. T. 9. Hannover, 1851. P. 334–354.

⁵ Dudonis Sancti Qvintini De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Gaen, 1865. P. 132.

⁶ Ibid. P. 135.

Однако радость Гастинга длилась недолго. После того, как он узнал о том, что захватил не Рим, а другой город, он приказал своим людям разграбить и сжечь его, а жителей и добычу погрузить на корабли, после чего отправился во Франкию.

Очень важным является тот факт, что Гастинг хотел овладеть именно Римом, а не любым другим городом. Рим, который Дудон постоянно называет не иначе как *dominam gentium*, олицетворял собой центр католической вселенной, был символом мирового господства. Дудон указывает на стремление Гастинга к «единой власти над всей империей» ради нее самой. Гастинга интересует в первую очередь «власть», олицетворением которой он считал «госпожу народов» — Рим.

Подобную легенду мы встречаем в скандинавской традиции у Снорри Стурлусона в «Круге земном», а точнее, в «Саге о Харальде Суровом». В ней описаны события, происходившие во время византийской реконкисты на Сицилии в 1038–1040 гг. во главе с Георгием Маниаком. В этой экспедиции на стороне византийцев также принимали участие старшие братья Роберта Гвискара во главе с Вильгельмом Железноруком и отряд викингов со своим предводителем — будущим королем Норвегии Харальдом Суровым.

Следующий отрывок дается в переводе с исландского на русский язык, выполненном А.Я. Гуревичем: «Четвертый город, к которому подошел Харальд со своим войском, был больше всех тех, о которых было прежде рассказано. Он был так укреплен, что им нечего было и рассчитывать на то, чтобы ворваться в него. Поэтому они осадили город и перерезали все пути к нему, так чтобы продовольствие не могло быть доставлено к его жителям. Когда же прошло немного времени, Харальд заболел, да так, что пришлось ему улечься в постель. Он велел поставить свою палатку поодаль от остального лагеря, потому что, думалось ему, покойнее будет не слышать шума и веселых криков войска. Его люди часто приходили толпами к нему за советом.

Тут горожане увидели, что у верингов происходит что-то необычное. Они послали соглядатаев узнать, что бы это могло быть. Когда же соглядатаи возвратились в город, они рассказали, что предводитель верингов заболел и что по этой причине не происходит нападений на город. Прошло таким образом некоторое время, и силы у Харальда убавилось. Стали тогда его люди горевать и печалиться. Все это прознали горожане. Наконец, болезнь так одолела Харальда, что по всему войску стали поговаривать о последнем его часе. Тут веринги вступили в переговоры с горожанами, сказали им о кончине своего вождя и просили священников разрешить ему быть погребенным в городе. А когда горожане узнали об этой новости, то многие из тех, которые управляли монастырями или храмами в городе, выражали желание принять его тело в свои церкви, зная, что можно будет

ожидать большого притока пожертвований. Все священники нарядились тогда в свои облачения и вышли из города с ковчегами и мощами, образовав пышное шествие. Веринги же приготовили пышные похороны. Гроб был поднят и покрыт драгоценной тканью, и его несли вместе со множеством стягов.

Когда гроб внесли в городские ворота, то опустили его, поставив поперек дороги. Тут веринги протрубили во все свои трубы и обнажили мечи. Все войско верингов бросилось тогда из лагеря в полном вооружении с кликами и гиканьем и ворвалось в город. Монахи же и другие священники, которые выступали в этом погребальном шествии, состязаясь между собой, кто первым получит приношения, теперь состязались в том, чтобы подальше убежать от верингов, потому что те убивали всякого, кто им попадался, будь то клирик или мирянин. Так веринги прошли по всему городу, убивая народ, разграбили все городские церкви и взяли огромную добычу»⁷.

Таким образом, история захвата безымянного сицилийского города Харальдом очень сильно напоминает сюжеты, приведенные у Дудона и Вильгельма.

Стоит отметить, что с подобным сюжетом мы сталкиваемся и в «Алексиаде», автором которой, как известно, является Анна Комнина, однако героем ее повествования являлся не Харальд, а Боэмунд, сын Роберта Гвискара: «Боэмунд, опасаясь угроз самодержца и не имея никаких средств для защиты (у него не было ни большого войска на суше, ни флота на море, а опасность уже надвигалась на него со всех сторон), задумал нечто очень низкое и очень подлое. Прежде всего, оставив Антиохию своему племяннику Танкреду, сыну Маркиза, он повсюду распространил слух, что Боэмунд, мол, умер, и сам живой убедил весь мир в своей кончине.

Молва, как на крыльях, разнеслась повсюду, извещая о смерти Боэмунда. Когда Боэмунд нашел, что слухи уже достаточно распространились, он велел приготовить деревянный гроб и диеру для его перевозки; и вот живой покойник отплыл из Суды — это порт Антиохии — в Рим. Так и доставляли его по морю как мертвого. Внешне казалось, что везут настоящего покойника; Боэмунд лежал в гробу, и где только они не появлялись, варвары рвали на себе волосы и громко рыдали. А тот лежал в гробу, вытянувшись, как мертвец, вдыхая и выдыхая воздух через потайные отверстия. Так было на берегу. Но как только корабль выходил в море, Боэмунду давали еду и ухаживали за ним, а потом снова начинались слезы и шарлатанство.

Чтобы от трупа шел запах и все думали, что он разлагается, они не то задушили, не то зарезали петуха и подкинули его «мертвому». Уже на четвертый или на пятый день от петуха пошел дух, нестерпимый для всех,

⁷ *Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. Р. 407–408.*

кто не потерял обоняния. Обманутым людям казалось, что этот тяжелый дух исходит от Боэмунда. Больше всех наслаждался этой гадкой выдумкой сам Боэмунд, и я удивляюсь, как его нос мог вынести такую атаку, ведь Боэмунд живой лежал рядом с мертвечиной. В первый и единственный раз видела наша земля подобную хитрость варвара, целью которой было ниспровержение ромейского владычества. Никогда прежде ни варвар, ни эллин не придумывали против врагов ничего подобного, да и будущие поколения, я полагаю, такого не увидят»⁸.

Вероятно, что рассказ о Боэмунде придуман Анной от начала до конца, но столь явное сходство сюжета о Боэмунде с сюжетами о Луне и Акколе говорит о том, что византийская принцесса была знакома с ними. Я.Н. Любарский в своей статье «Об источниках “Алексиады” Анны Комниной» исследовал вопрос об удивительных совпадениях рассказов, посвященных Роберту Гвискару, у Вильгельма Апулийского и Анны, сделав вывод о существовании общего письменного источника латинского происхождения, которым пользовались оба автора⁹. Таким образом, она могла позаимствовать этот сюжет и из устного источника латинского, а точнее, норманнского происхождения, чтобы выразить свое искреннее удивление невиданной «хитростью варвара», которую Анна оценивает крайне негативно как «нечто низкое и очень подлое», «шарлатанство» и называет «гадкой выдумкой».

Каждый из рассмотренных выше хронистов лишь наполовину является автором легенды о Луне — Акколе — Боэмунде. Дудон, Вильгельм Апулийский и Анна Комнина использовали реально существовавшее предание норманнов и передавали его, искажая содержание, с явно негативной, а иногда и враждебной оценкой действий норманнов. Сходство сюжетов во всех приводимых рассказах состоит в том, что предводители норманнов (Гастинг, Роберт Гвискар) прибегают к притворству, чтобы захватить власть или сохранить ее (Боэмунд). В то же время, «последний викинг» Харальд притворяется мертвым не ради захвата города, как это делали герои в норманнской традиции, а исключительно ради грабежа. Весьма показательно, что пунктом назначения путешествия Боэмунда в «Алексиаде» объявляется именно Рим, а не владения норманнов в Южной Италии и Сицилии. Вместе с тем, самый сильный и мощный образ — Рим как символ мирового господства раскрывается только в сочинении Дудона.

Как же воспринимался Рим авторами, принадлежащими к итало-норманнской традиции? Малатерру интересует вопрос о том, как строились отношения норманнов со святым престолом. Однако он дает одностороннее освещение данного вопроса, отстаивая в первую очередь интересы сици-

⁸ Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 318.

⁹ Любарский М.Я. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. 1964. Т. 25. С. 99–120.

лийского графа Рожера. Когда он рассказывает о том, как после сражения при Чивитато в 1053 г. норманнам удалось добиться признания папой Львом IX их владений в Южной Италии, то главными виновниками произошедшего сражения хронист объявляет лангобардов. Потому что они обратились к папе за помощью против норманнов и с предложением принять под свою власть земли, которые, как говорит Малатерра, некогда принадлежали Римской Церкви. Однако Малатерра допускает некоторые замаскированные выпады в отношении и самого Льва IX, когда говорит, что тот «поверил в помощь лангобардов» и принял предложение, «хотя был очень благоразумен».

В результате, после поражения в битве, когда преследуемый врагами папа пытался спастись за стенами населенного лангобардами города Чивитато, его жители, «всегда коварнейшие, никакого договора для пользы апостолика заключить не пытались, только думали о том, как себя защитить, вытолкнули его через ворота, где враги, его ожидавшие, из уважения к Святой Римской Церкви, с великой преданностью бросились к его ногам, умоляли его явить милость и благосклонность. Вплоть до того места, где войско разбило лагерь и установило шатер, все за ним униженно последовали. Апостолический муж благодарно принял от них предписанную законом благосклонность, не отказал в отпущении грехов и благословил, а всю землю, которую захватили и которую в будущем в Калабрии и Сицилии приобрести смогут, от Святого Петра в наследственный феодал им и их наследникам во владение уступил»¹⁰.

Очевидно, что для Малатерры битва при Чивитато и ее последствия стали важной вехой в истории норманнов, описывая которую, он изображает их в первую очередь как верных вассалов римских пап, рьяно преследующих интересы Римской Церкви.

Завершая описание битвы с мусульманами при Серами, произошедшей в 1063 г., Малатерра говорит: «Богу и святому Петру, зная, что под их покровительством была одержана эта победа, не желая оставаться неблагодарным за оказанное ему благодеяние, граф в доказательство своей победы через некоего по имени Меледий представил в Рим своих четырех верблюдов, которых получил вместе с другой оставшейся добычей после триумфа над врагом папе Александру, который в то время благоразумно и католически следовал за блаженным Петром. Апостолик, не столько посланным ему даром, сколько победе над погаными, от Бога полученной, обрадованный, дал апостолическое благословение и властью, которой владел, отпущение грехов, если потом раскаются, то впредь будут осторожны, графу и всем, кто помогал ранее и будут помогать в будущем из верности

¹⁰ *Gaufredus Malaterra. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardis ducis fratris eius // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. T. 5. Bologna, 1928. P. 15.*

Христу в отнятии Сицилии у поганых, и дал знамя от Римского престола, со знаком апостольской власти; каковой наградой, веря в защиту блаженного Петра, защищенные, они могли бы вести войну с сарацинами»¹¹.

В другом месте Малатерра рассказывает, что, когда Роберт Гвискар находился с войсками на Балканах, он получил письмо от папы Григория VII, в котором тот умолял его явиться на помощь «святой Римской Церкви». Он кратко пересказывает произошедшие события: как император Генрих «при поддержке фортуны» захватил Рим, с помощью «могущественных римлян» осадил папу в башне «Кресценти», и наконец, «вопреки святым канонам — какое нечестие!» — возвел на кафедру святого Петра архиепископа Равенны Умберта. Далее Малатерра говорит, что, хотя герцог Роберт был занят своими неотложными делами, «однако, услышав о таком бедственном положении Святой Матери Церкви и господина своего, вспомнил, что всё, чем владел, он держит от него, [и] в таких трудных обстоятельствах, блюдя свою клятву и верность (*fidem datam et legalitatem suam servans*), предпочел свое [дело], хотя и дорогое, на время отставить и святой Матери Церкви или нуждам своего господина послужить»¹².

Малатерра подробно описал поход Роберта Гвискара на Рим в 1084 г. в поддержку папы Григория VII, осажденного германским императором Генрихом IV и жителями Рима. Он выступил с хорошо подготовленным войском во главе тысячи трехсот конных рыцарей и многочисленной пехоты против германского императора и «неверных римлян» на помощь папе Григорию. «Римляне» в очередной раз совершили предательство, на этот раз в отношении Генриха IV, и тот скрепя сердце был вынужден отвести свои войска. Соблюдая максимальную осторожность, Роберт Гвискар наконец вошел в город, стараясь при этом посильнее запугать жителей: войска перебирались по приставным лестницам через стены, по его приказу были выломаны ворота святого Лаврентия, и, преодолев эти препятствия, норманны с громким кличем бросились к осажденному в замке святого Ангела Григорию VII и затем торжественно сопроводили его в Латеранский дворец, где размещалась папская резиденция.

Однако отпраздновать победу сразу не удалось, т. к. «римляне» собрались с силами и сговорившись неожиданно напали на норманнов, которые вынуждены были оставить трапезу и вступить в сражение. Ситуация в уличных боях складывалась не в пользу норманнов и от поражения их спас только прямой приказ Роберта поджечь город, что заставило наступавших ослабить натиск и отступить с большими потерями. Действия Роберта принудили горожан осознать бессмысленность сопротивления и запросить мира, принеся извинения за свой обман. Хотя Григорий VII согласился простить горожан, однако, зная «коварство римлян», оставил

¹¹ Ibid. P. 44–45.

¹² Ibid. P. 77.

город навсегда и отправился в Апулию, где «до самого конца жизни, Рима не видя, оставался»¹³.

После столь подробного описания событий в Риме Малатерра считает своим долгом выразить в стихотворной форме собственное отношение к истории «Вечного Города».

Прежде всего, он считает нужным перечислить прежние достоинства: военная мощь (Рим, некогда расцветший военным могуществом), территориальная экспансия (заставлял склоняться шеи гордецов, продвигался из области в область), приверженность законности (давая и охраняя законы, всюду всё устраивал по своему образцу), непререкаемый авторитет (перед тобой трепетали вожди, правители, империи) и т. д. Расцвет продолжался до тех пор, пока в Риме царил честный суд и «стремление к справедливости», но как только им на смену пришли обман и коварство, от былых достоинств не осталось и следа, а на смену им пришли предательство, жажда роскоши, алчность и т. п. Таким образом, в представлении Малатерры действия Роберта совершенно оправданы, и он выступает в качестве орудия наказания римлян за их прегрешения (теперь действительно норманнский рыцарь побеждает и овладевает городом). В конце хронист призывает апостола Петра положить конец царящему в вечном городе падению нравов¹⁴.

В поэме Вильгельма Апулийского норманны также представлены как верные сыны Римской Церкви. В свою очередь и папы являются в глазах Вильгельма добродетельными и добрыми отцами норманнов. Таковую идиллию ему удастся создавать, даже описывая битву с папой Львом IX, которого хронист называет не иначе как «*mirificus*» (удивительный)¹⁵. В основе мотивов поведения папы Льва IX Вильгельм видит желание дать ответ на жалобы апулийцев, которых притесняли норманны.

Византийский военачальник Аргир «умолял (папу) освободить Италию, которая лишилась своей свободы, и принудить уйти этот враждебный народ, ярмо которого угнетало землю Апулии»¹⁶. Норманны, испуганные размером папского войска, немедленно запросили мира, предлагая стать вассалами папы и держать свои земли как папские фьефы. Но вмешались германцы и потребовали от папы Льва IX отказаться от каких-либо переговоров о мире, если норманны сами не желают добровольно покинуть Италию. Папа пытался возражать, но ничего не смог сделать с германцами. По этой причине норманнам оставалось только выбрать, какой смертью умереть. Они решили, что лучше погибнуть с честью в сражении, чем дожидаться позорной смерти от голода¹⁷. После триумфа на поле боя

¹³ Ibid. P. 79–80.

¹⁴ Ibid. P. 80–81.

¹⁵ Guillermus Apuliensis. P. 255.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 256.

норманны настигли Льва IX у Чивитато, и там они на коленях почтительно вымаливали себе прощение. Тронутый папа ласково их принял и простил, очень сильно сожалея о том, что условия мира были ранее им отвергнуты¹⁸.

Другими словами, Вильгельм считает битву при Чивитато большим недоразумением между двумя силами, которые при естественном ходе событий должны были бы рано или поздно начать действовать совместно. Ни норманны, ни папа не виноваты в развязывании этой войны. Если кто и был виноват, то это «надменные» германцы, которые воспрепятствовали папе принять условия мира, предложенные норманнскими послами.

На синоде в Мельфи, собранным папой Николаем II в 1059 г., норманны и папа пришли к тем же соглашениям, что и в результате битвы при Чивитато: «В конце синода, по просьбам многих Николай дал Роберту герцогское достоинство. Ему, единственному из графов, [папа] по праву уступил титул герцога, и он стал верным папе, принеся клятву верности. В результате, Калабрия и вся Апулия были уступлены ему одному, с господством над племенем земли Лация»¹⁹.

С точки зрения Вильгельма, если бы норманны и папа Лев IX пришли к соглашению до сражения, то им, норманнам, не было бы необходимости договариваться с Николаем II в Мельфи шесть лет спустя. Вильгельм полностью игнорирует все дальнейшие подобные «недоразумения», которые происходили между папой Григорием VII и Робертом Гвискарсом.

Например, он умалчивает о конфликте между папой и герцогом Апулии из-за поддержки, которую Григорий VII оказывал восставшему против норманнов лангобардскому правителю Гизульф²⁰. Он говорит о том, что осада Робертом Беневенто в 1077 г. раздражала Григория VII²¹, и ничего не сообщает о постоянных набегах Роберта на папскую область.

Вместо этого Вильгельм коротко сообщает, что Роберт встретился с Григорием VII в Беневенто и попросил прощение за свои преступления. После этого папа смягчился и принял от Роберта клятву быть верным вассалом Святой Церкви. Вильгельм предает слух, что папа даже пообещал норманнскому герцогу «корону Римского царства»²².

В отличие от Малатерры, который с негодованием отзывался о Риме и римлянах, Вильгельм говорит о них довольно спокойно. Отдавая дань античной традиции, он именует жителей Рима «квиритами». Поддержку римлянами императора Генриха IV в борьбе с Григорием VII Вильгельм оценивает буквально в двух словах, указав, что они подняли мятеж против папы, и это было с их стороны крайне неразумным шагом²³. Таким

¹⁸ Ibid. P. 259.

¹⁹ Ibid. P. 262.

²⁰ Ibid. P. 275.

²¹ Ibid. P. 280.

²² Ibid.: *Romani regni sibi promisse coronam papa ferebatur.*

²³ Ibid. P. 283.

образом, из самого характера повествования следует, что Вильгельм не разделял свойственную Малатерре ненависть к римлянам.

Перед первым крестовым походом норманнские авторы Южной Италии лучше других средневековых латинских хронистов были осведомлены о положении дел в Малой Азии. Только у Амато и Вильгельма Апулийского встречаются упоминания о Манцикертском сражении и оценочные суждения о тюрках-сельджуках²⁴. Данный факт совершенно не вызывает удивления, учитывая тесные связи Южной Италии и Сицилии с Византийской империей.

Удивительно другое: в дальнейшем некоторые хронисты первого крестового похода наперебой говорят о благоразумии, воинственности, храбрости и могуществе тюрок, отмечают их превосходство в обращении с луком и стрелами, а также намекают на их троянское происхождение²⁵. Последнее в представлении средневековых авторов ставило их в один ряд не только с римлянами, но и с норманнами, которые также «похвалялись своим происхождением от Антенора»²⁶.

В данной работе подробно рассматривать проблему о троянском происхождении норманнов и тюрок-сельджуков не представляется целесообразным: данному сюжету мы посвятили отдельное исследование²⁷. Вместе с тем представляется уместным воспроизвести здесь ряд его выводов и положений.

Прежде всего, А. Боссюа справедливо полагал, что легенда о троянском происхождении европейских народов, которая в глазах современных историков является чистой выдумкой, для людей Средневековья, не делавших разницы между литературой и историей, являла собой подобие расовой теории и имела силу истины, служившей делу укрепления национального единства²⁸.

Не вызывает сомнения тот факт, что эта легенда была очень популярна в Западной Европе и оказывала сильное влияние на политические и военные отношения целых стран и народов на протяжении всего периода Средневековья. Зачастую она служила средством легитимации различных политических и идеологических притязаний²⁹. Ее первоисточником

²⁴ *Amatus di Montecassino. Storia dei normanni di Amato di Montecassino* / A cura di V. de Bartholomeis. Roma, 1935. P. 18–20; *Guillermi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi*. P. 265–267.

²⁵ *Histoire anonyme de la première croisade* / Texte établi et traduit par L. Brehier. P., 1924. P. 50–51; *Peter Tudebod. Historia de Hierosolymitano Itinere* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. 3. P., 1866. P. 27–28.

²⁶ *Dudo Sancti Qvintini*. P. 130.

²⁷ Прудников В.В. Deus adiuvā! Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв. / Отв. ред. Д.Д. Васильев. М., 2019. С. 209–225.

²⁸ *Bossuat A. Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle* // *Annales de Normandie*. 1958. T. 8. P. 187–197 (здесь: P. 197).

²⁹ Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001. С. 213.

и оформлением во многом стала «Энеида» Вергилия. Именно из-за этого произведения римляне первыми прославились благодаря своему троянскому происхождению. Этот эпос, созданный в I в. до н. э., должен был не только обеспечить право на власть в Империи представителям рода Юлиев, но и «...подтвердил призвание Рима как к всеобщему господству, так и к вечности. Этот миф о долговечности Рима и универсальности его Империи впоследствии стал традиционной темой имперской литературы. Легенды о троянском происхождении Рима представляли собой одно из сильнейших оправданий, поскольку божественное Провидение раз и навсегда доверило только потомкам троянского народа миссию господства над “orbis terrarum”»³⁰.

Если верить П. Буэ, то христианские авторы широко восприняли провиденциализм и универсализм римской истории и, основываясь на библейской традиции, «...разделившей историю человечества на череду четырех великих монархий, отцы Церкви включили эту чисто историческую перспективу в духовное видение Спасения. Таким образом, Римская империя стала четвертой и последней Империей, миссией которой было объединить все народы земли под римским правом и сделать возможным пришествие Христа и быстрое распространение Его Послания»³¹.

Вполне естественно, что примеру римлян последовали галлы, франки и бретонцы и норманны. В первую очередь, норманнские клирики стремились не только создать блестящее прошлое для потомков викингов, но и встроить их в древнюю историю греко-римского мира. Эта генеалогическая связь с троянцами позволяла норманнским правителям на равных спорить с «другими потомками» франков и римлян, даруя право на суверенитет политическое доминирование и уверенность в завтрашнем дне³².

Далее Буэ утверждает, что «эти генеалогические легенды, придуманные несколькими священнослужителями, не имели никакой силы и вряд ли могли понравиться нормандской публике» по нескольким причинам, среди которых было отсутствие прочных обоснований (археологические артефакты, историческая память) в противовес «ошибочным и причудливым этимологиям», выведшим норманнов от троянцев³³.

В данном случае рассуждения Буэ дают ответ на вопрос, почему итало-норманнские хронисты второй половины XI в. не использовали легенду о троянском происхождении для легитимации власти новых сеньоров Южной Италии и Сицилии. Очевидно, что критическое отношение к данной легенде было им на руку. Южно-италийские норманны являлись вассалами

³⁰ Bouet P. De l'origine troyenne des Normands // Annales de Normandie. 1995. Т. 26. Р. 401–413 (здесь: Р. 401–402).

³¹ Ibid. Р. 402–403.

³² Ibid. Р. 411–412.

³³ Ibid. Р. 412.

римских пап, поддержка которых в немалой степени способствовала их успешной легитимации. У норманнов не было необходимости подтверждать свою принадлежность к какой-либо нации путем внедрения легенды о троянском происхождении в сознание своих подданных, которые, в свою очередь, принадлежали к различным народам и проживали на различных в историческом и культурном плане территориях.

Но и критическое отношение имело место, со стороны как заказчиков хроник, так и самих хронистов, поскольку в вопросе самоидентификации и происхождения они сохраняли опору на историческую «традицию, берущую начало от Вильгельма Жюмьежского, и расшифровывали термин “норманны” как “люди, пришедшие с Севера”, а точнее, из Норвегии»³⁴.

Намек хронистов первого крестового похода на легенду о троянском происхождении тюрок-сельджуков можно расценить как результат развития антивизантийской пропаганды, у истоков которой стояли норманны. Именно они считали тюрок-сельджуков наименьшей угрозой для своих владений на Востоке, а византийцев выставляли как главных врагов, виновников неудач крестоносцев. В подобном ключе восхваление сельджуков было призвано подготовить общественное мнение Западной Европы к тому, что однажды норманны и турки смогут объединиться и совместно выступить против византийцев. Однако подобным мечтам норманнских правителей на Востоке не дано было осуществиться.

References

- Bossuat, A. “Les origines troyennes : leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle.” *Annales de Normandie* 8 (1958). P. 187–197.
- Bouet, P. “De l’origine troyenne des Normands.” *Annales de Normandie* 26 (1995). P. 401–413.
- Luchitskaia, S.I. *Obraz drugogo: musul'mane v khronikakh krestovykh pokhodov* [*The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades*]. Moscow, 2001 (in Russian).
- Lyubarskiy, M.Ia. “Ob istochnikakh «Aleksiady» Anny Komninoi [On the Sources of Anna Komnene’s “Alexias”].” *Vizantiiskii vremennik* 25 (1964). P. 99–120.
- Lyubarskiy, M.Ia., transl. *Anna Komnina Aleksiada* [*Anna Komnene Alexias*]. Saint-Petersburg, 1996 (in Russian).
- Prudnikov, V.V. *Deus adiuva! Normannskie rytsari v Anatolii XI–XII vv.* [*Deus Adjuva! Norman Knights in Anatolia in 11th–12th Centuries AD*], ed. by D.D. Vasiliev. Moscow, 2019 (in Russian).
- Sonnesyn, S. “The Rise of the Normans as Ethnopoiesis.” In *Norman tradition and transcultural heritage. Exchange of cultures in the ‘Norman’ peripheries of medieval Europe*, ed. by T. Foerster, S. Burkhardt. Farnham, 2013. P. 203–218.

³⁴ Прудников В.В. *Deus adiuva!* С. 222–223.

Таврика в византийский и генуэзский периоды: история и археология

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 95–136

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 95–136

Научная статья

Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения

Светлана Борисовна АДАКСИНА¹, Виктор Леонидович МЫЦ²

¹ Заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа, Государственный Эрмитаж, ул. Дворцовая набережная, д. 34, 190000 Санкт-Петербург; s_adaxina@mail.ru

² Доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник; Отдел архитектурной археологии; Государственный Эрмитаж; ул. Заусадебная, д. 37, 197183 Санкт-Петербург; vic.mytz@yandex.com

Аннотация: Динамичное культурное развитие Византийской империи на протяжении IX–XI вв. по времени совпало с правлением Македонской династии (867–1056) и поэтому данный период в историографии получил название «Македонского возрождения». В ходе изучения 25 христианских памятников Византийской Таврики исследователям удалось выявить признаки обновления церковной архитектуры IX–XI вв. Помимо появления крестообразных и крестово-купольных храмов, провинциальным феноменом архитектуры Таврики этого периода является строительство базилик, открытых в ходе раскопок Херсона, Мангупа, Пампук-Кая, Алустона и Партенита. Одним из наиболее ярких и выразительных крымских памятников периода Македонского возрождения X–XI вв. является Партенитская базилика, последний раз восстановленная в 1427 г. митрополитом Готии Дамианом.

Ключевые слова: Византийская Таврика, Македонское возрождение, Херсон, Готия, Мангуп, Партенитская базилика, митрополит Дамиан.

Цитирование: Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Храм святых апостолов Петра и Павла в Парthenите — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2024. Т. 2. С. 95–136.

Original article

The Church of the Holy Apostles Peter and Paul
in Parthenite:
A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries,
the Period of the Macedonian Renaissance

Svetlana B. ADAKSINA¹, Victor L. MYTS²

¹ Deputy General Director; State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya Embankment str., 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation; s_adaxina@mail.ru

² Doctor of Sciences (History); Leading Researcher; Department of Architectural Archaeology; State Hermitage Museum; 37 Zausadebnaya str., 197183 Saint-Petersburg, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Abstract: The dynamic cultural development of the Byzantine Empire during the 9th–11th centuries coincided with the reign of the Macedonian Dynasty (867–1056) and therefore this period in historiography was called “Macedonian Renaissance”. During the study of 25 Christian monuments of Byzantine Taurica, researchers identified signs of renewal of church architecture of the 9th–11th centuries. In addition to the appearance of cruciform and cross-domed temples, the provincial phenomenon of the Taurian architecture of this period is the construction of basilicas discovered during the excavations of Kherson, Mangup, Pampuk-Kai, Aluston and Parthenite. One of the most striking and expressive Crimean monuments of the period of the Macedonian Renaissance of the 9th–11th centuries is the Parthenite Basilica, restored for the last time in 1427 by Metropolitan Damian of Gothia.

Keywords: Byzantine Taurica, Macedonian Renaissance, Kherson, Gothia, Mangup, Parthenite Basilica, Metropolitan Damian.

For citation: Adaksina, S.B., and Myts, V.L. “A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance.” *Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 95–136 (in Russian).

Возвращение в 843 г. Византии к иконопочитанию¹ способствовало необычайному культурному подъему на всей территории православного

¹ 11 марта 843 г. в Св. Софии Константинопольской состоялось особенно торжественное богослужение, посвященное возвращению к почитанию икон. Это событие положило начало ежегодному празднику «Торжества Православия».

государства. Динамичное развитие Восточной империи на протяжении IX–XI вв. по времени совпало с правлением Македонской династии (867–1056). Поэтому данный период истории Византии получил в историографии название «Македонского ренессанса» (или возрождения)². В то же время некоторые ученые (например, Поль Лемерль) предпочитали называть его «вторым золотым веком» Византийской империи³.

Завершение иконоборческих споров привело к усилению государства, способствуя установлению реальной власти над своими старыми провинциями путем образования новых фем. Одной из таких византийских провинций являлась Таврика. На примере изучения ее разнообразных христианских памятников исследователям удалось выявить признаки обновления церковной архитектуры IX–XI вв. Помимо появления крестообразных и крестово-купольных храмов, провинциальным феноменом архитектуры Таврики IX–XI вв. является строительство базилик⁴, в то время как в Константинополе данный тип памятников выходит из употребления.

Одним из наиболее ярких и выразительных крымских памятников периода Македонского возрождения IX–XI вв. является Партенитская

² Впервые определение «Македонский ренессанс» использовал в названии своей работы 1948 г. немецкий искусствовед Курт Вейцман. См.: *Weitzmann K. The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance*. [Studies in Manuscript Illumination; 3]. Princeton, 1948. В дальнейшем К. Вейцман характеризовал ренессансные черты периода правления Македонской династии как «оживление» античных традиций. См.: *Weitzmann K. The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival?* // *Buζαντινὰ καὶ Μεταβυζαντινὰ*. Т. 1 (The 'Past' in Medieval and Modern Greek Culture) / Ed. by S. Vfrionis. Malibu, 1978. P. 71–85. Такой подход к пониманию термина «Македонский ренессанс» был в основном принят в современной историографии. См.: *Мишакова И.А.* К историографии средневекового Ренессанса // Проблемы всеобщей истории: Сб. статей. М., 1974. С. 300–316. Однако есть и более осторожное отношение к использованию этого понятия. См.: *Шевченко И.И.* Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 6–38 (здесь: С. 26). Надо признать, что существует и скептическое восприятие термина «Македонский ренессанс». Например, А.П. Каждан, сравнивая его с итальянским Ренессансом, считает, что «Македонский ренессанс» не создал новые ценности, просто используя достижения античного наследия: *Kazhdan A.* Η εποχή του Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου // *Διαβάζω*. 1985. Т. 129. Σ. 17, 20. В.Н. Лазарев время правления Македонской династии считал поворотным этапом в развитии византийского искусства в «эту эпоху происходит перелом, логическим следствием которого была выработка классического византийского стиля» (*Лазарев В.Н.* История византийской живописи: в 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 61). Поэтому авторы статьи отдали предпочтение использованию менее пафосного термина — «Македонское возрождение».

³ На перекрестке цивилизаций. Сборник / Пер. с франц. М., 2006. С. 69.

⁴ Л.А. Беляев, со ссылкой на работы Е.А. Паршиной (*Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59) и А.Л. Якобсона (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. [Материалы и исследования по археологии СССР; 63]. М.; Л., 1959. С. 126–128), отмечал, что в Крыму «базилики VII–VIII вв. заново построены или переделаны в X в. В Херсонесе до VIII в. были популярны одноапсидные трехнефные базилики, перекрывавшиеся по стропилам (восемь в городе и одна на Мангупе). К трехапсидным, возможно, сводчатым отнесены две базилики на городище Тепсень и в Партенитах (этот тип характерен для эпохи массовой христианизации IX – начала X в. на Балканах и в Причерноморье). В особый тип выделяются "малые" базилики с толстыми стенами, известные в Херсонесе» (*Беляев Л.А.* Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб., 2020. С. 244. Примеч. 95).

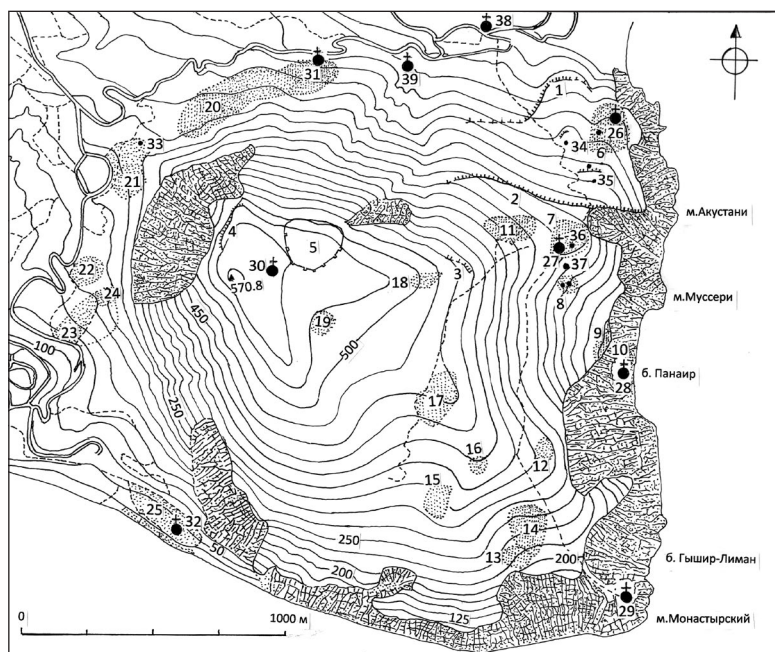

Рис. 1. Археологическая карта Аю-Дага (по А.В. Лысенко, И.Б. Тесленко, 2002) с дополнениями и изменениями авторов: 1–3 развалины оборонительных стен; 5 — крепость на вершине Аю-Дага; 6–25 — следы поселений; 26–32, 38, 39 — руины храмовых комплексов. Все иллюстрации подготовлены авторами

Рис. 2. Эпиграфические памятники X–XV вв.: 1 — надпись 1427 г. из Феодоро о строительстве храма Святых Константина и Елены князем Алексеем I; 2 — ставропигия митрополита Дамиана из раскопок Д.М. Струкова 1871 г.; 3 — эпитафия 14 декабря 906 г. отца Никиты из монастыря Апостолов в Партените; 4 — плита с надписью 10 сентября 1427 г. о восстановлении храма Святых апостолов Петра и Павла митрополитом Готии Дамианом.

базилика. Интересна история открытия и изучения этого храма⁵. В 1869 г. управляющий имением Раевских «Пратенит» П.Ю. Килиус обратил внимание на руины древнего строения, принятые им за остатки акведука⁶. Он распорядился выбирать из развалин камни, используя их при строительстве подпорных стен новой дороги. Побывавший на месте работ в 1871 г. Г. Караулов писал, что «Килиус почти в течение двух лет выбирал из постройки строительный камень» и «увез <...> более 200 маджар (телег. — *Авт.*), употребляя на устройство стенок вдоль дороги»⁷. Осенью 1871 г. Партенит посетил московский художник Д.М. Струков (1828–1899)⁸. Увидев открытые П.Ю. Килиусом на восточном склоне Аю-Дага развалины (Рис. 1, 38), Струков безошибочно определил, что перед ним остатки средневекового храма. С согласия Н.Н. Раевского (1839–1876) художник организывает изучение памятника. Наблюдателем за ходом раскопок согласился быть алуштинский священник отец Николай (Клопотович). Д.М. Струков, будучи в это время занят другими работами, в октябре ограничился визитами в Партенит.

Раскопки Партенитской базилики осенью (в октябре-ноябре) 1871 г. проводились в два этапа: 1) до 2 ноября работами руководил отец Николай, открывший восточную часть храма, где были обнаружены важнейшие эпиграфические находки 1427 г. (Рис. 2, 4); 2) после (на протяжении 17 дней) раскопками занимался Д.М. Струков. Исследования базилики продолжались до 20-х чисел ноября и позволили составить относительно полный схематичный план памятника. Из всех артефактов наиболее значимыми были обнаруженные в 1871 г. три эпиграфические находки и особенно одна из них: в предалтарной части открыта плита с надписью 1427 г., использовавшаяся в позднее Средневековье в качестве вымостки пола (Рис. 2, 4). Перевод большой греческой надписи сделал на месте раскопок священник из селения Аутки отец Иордан. В ней говорилось о восстановлении митрополитом города Феодоро и всей Готии Дамианом храма святых апостолов Петра и

⁵ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. Т. 6 (XII): Новая серия. СПб., 2013. С. 405–433.

⁶ См.: Клопотович Н. О раскопках Д.М. Струкова в Партените // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 23. С. 723–728; Караулов Г. Недавняя археологическая находка в Крыму (древний христианский храм, открытый художником Струковым в д. Партенит, в октябре 1871 г.) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. 1872. С. 309–311; Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1976. С. 37–40; Толстой И., Кондаков Н. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева // Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. СПб., 1891. С. 30–31; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 68, 112 и др.

⁷ Караулов Г. Недавняя археологическая находка... С. 311.

⁸ Приезд Д.М. Струкова в Крым для разыскания христианских древностей: Извещение // Таврические епархиальные ведомости. № 21. Симферополь, 1871. С. 663–664.

Павла, построенного Иоанном Исповедником — «архиепископом города Феодоро и всей Готии»⁹. Результаты своих изысканий отец Николай изложил в краткой заметке «О раскопках Д.М. Струкова в Партените»¹⁰. В 70-х гг. Д.М. Струков неоднократно обращался к результатам своих раскопок в Партените¹¹.

В 1884 г. в ходе земляных работ на винограднике было найдено надгробие (его размеры: 0,44 x 0,27 x 0,02 м) из белого мрамора с тщательно вырезанной греческой надписью (Рис. 2, 3)¹². Случайно открытая плита с эпитафией представляла надгробие преподобного отца Никиты, настоятеля монастыря святых апостолов, скончавшегося в воскресенье, 14 декабря 6415 г. (=906 г. от Р.Х.). Издавший надпись В.В. Латышев, полагал, что «в этом упоминании монастыря Св. апостолов заключается главный исторический интерес памятника, так как он представляет новое доказательство тождества нынешнего Партенита со средневековым Партенином, свидетельствуя о существовании там монастыря святых Апостолов, упомянутого в Житии Иоанна Готского, в начале Х в., т. е. через сто с небольшим лет после кончины святого Иоанна. Кроме того, памятник знакомит нас с одним из настоятелей монастыря, игуменом Никитою, и, таким образом, дает маленькую страничку для монастырской хроники. Боспорский монах и пресвитер Николай приписал свое имя на памятнике с просьбой молиться за него, по всей вероятности потому, что его иждивением был сооружен памятник Никиты, или им самим вырезана надпись»¹³.

⁹ Караулов Г. Недавняя археологическая находка... С. 311–313.

¹⁰ Клопотовиц Н. О раскопках Д.М. Струкова... С. 723–728.

¹¹ См.: Струков Д. О древнехристианских памятниках в Крыму. М., 1872. С. 9–10; Он же. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 37–39 и др. Значительная часть изданных Д.М. Струковым работ по крымоведению собрана в библиографическом указателе TAURICA, подготовленном Арсением Ивановичем Маркевичем: Маркевич А.И. TAURICA. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Симферополь, 1894. С. 52, № 916–923. Более подробно о крымском этапе изучения христианских памятников Тавриды Д.М. Струковым см.: Непомнящий А.А. Из истории изучения Крыма в Москве в XIX веке: малоизвестная грань творчества известных ученых // [related:www.nbuv.gov.ua/Articles/kultunar/](http://related.www.nbuv.gov.ua/Articles/kultunar/Kup_200013/Kup13_25.doc) Kup 200013/Kup13_25.doc (последнее обращение 31.03.2012). Вне внимания историографа осталось несколько обстоятельных очерков В.Ф. Козлова, посвященных эвристической деятельности в Крыму Д.М. Струкова: Козлов В.Ф. Певец православной Тавриды (московский художник Д.М. Струков и Крым) // Предвестие: Крымский литературно-философский журнал. 1993. № 5. С. 87–98; Он же. Памятники православного Крыма в жизни московского художника и археолога Д.М. Струкова // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. 4. М., 2002. С. 316–323 и др.

¹² См.: Латышев В.В. Новая надпись из Партенита // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 56–62; Он же. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1896. С. 74–79, № 69–70.

¹³ Латышев В.В. Сборник греческих надписей... С. 76–77.

Исследователи¹⁴, сопоставив имеющиеся в их распоряжении данные, уже в 70–90-х гг. XIX в. пришли к выводу, который казался им бесспорным, что обнаруженные в 1869–1871 гг. в Партените руины церкви суть ни что иное, как следы храма святых апостолов Петра и Павла, находившегося в монастыре, основанном во второй половине VIII в. преподобным отцом и епископом Готии святым Иоанном Исповедником.

Но в то же время было высказано мнение о более поздней дате возведения Партенитской базилики. В труде «Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева», вышедшем в 1891 г., И.И. Толстой и Н.П. Кондаков писали: «На Южном берегу Крыма в имении Партенит близ Гурзуфа открыты в 1871 г. значительные остатки большого христианского храма, относящегося по времени своего возобновления к первой четверти XV столетия, а по времени первоначальной постройки, быть может, к X–XII столетию. Из всех открытых на Южном берегу древних церквей — это первая церковь больших размеров и с украшениями, как наприм.: мозаиковый пол, резные карнизы. Все прочие известные здесь древние церкви имеют вид обыкновенных часовен»¹⁵. Авторы «Христианских древностей» приводят описание открытых раскопками 1871 г. руин памятника, опираясь в основном на сведения отца Николая (Клопотовича) и Г.Э. Караулова: «Храм был больших размеров, богато украшен и приспособлен для архиерейского служения. В алтаре, устроенном полукругом, найдено место, где был утвержден престол, а за ним, в горнем месте, кафедра для епископа. В предалтарной части с правой стороны, в углублении стены устроено сидение для неслужащих священников. Открытые части храма состоят: из алтаря, предалтарной части, левого придела и из небольшой части правого придела. Кладка стен везде на извести, из хорошо отесанных и правильной формы камней. Стены имеют в ширину два аршина, а высоту они сохранились местами на 3 аршина и немного больше, а местами не более как на один аршин. Пол у места, где устраивается иконостас, выстлан серым мрамором с темносиними разводами, а далее, равно как и во всех остальных открытых частях храма, пол мозаиковый, составленный из небольших белых и красноватых квадратиков, с блестящею полированную поверхность. Из архитектурных украшений найдены внутри храма: небольшая каменная колонка, много обломков карниза и две мраморные капители резной работы»¹⁶.

¹⁴ См.: Клопотович Н. О раскопках... С. 723–728; Караулов Г. Недавняя археологическая находка... С. 309–311; Струков Д. О древнехристианских памятниках... С. 9–10; Он же. Древние памятники... С. 37–39; Василевский В.Г. Житие Иоанна Готского (1878 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 195. 1878. Январь. Отд. 2. С. 86–154; Латышев В.В. Новая надпись... С. 56–62; Он же. Сборник греческих надписей... С. 74–77. № 69; С. 77–79. № 70 и др.

¹⁵ Толстой И.И., Кондаков Н.П. Христианские древности... С. 30.

¹⁶ Там же. С. 30.

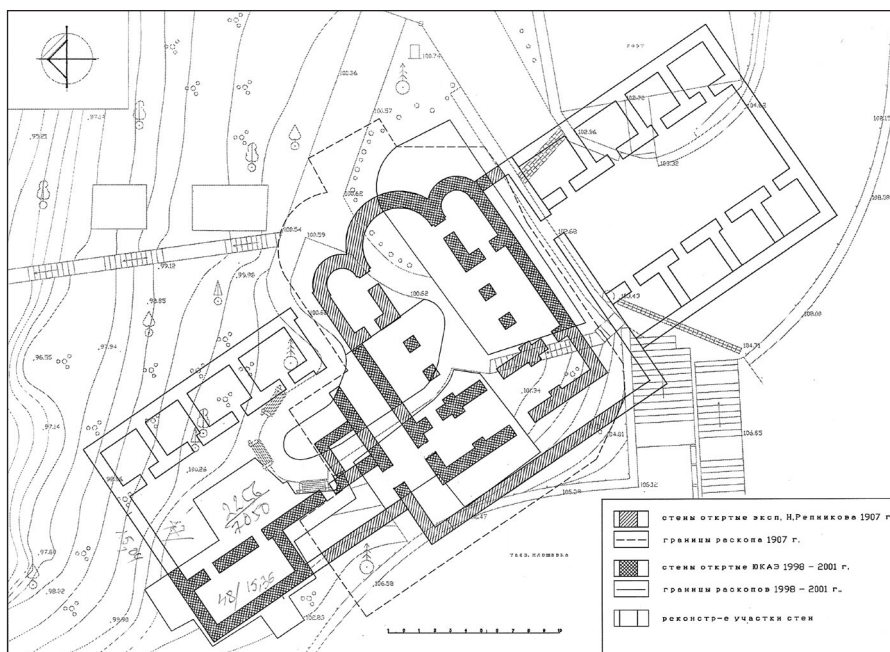

Рис. 3. План монастырского комплекса X в. в Партените по результатам раскопок 1998–2001 гг. с элементами реконструкции

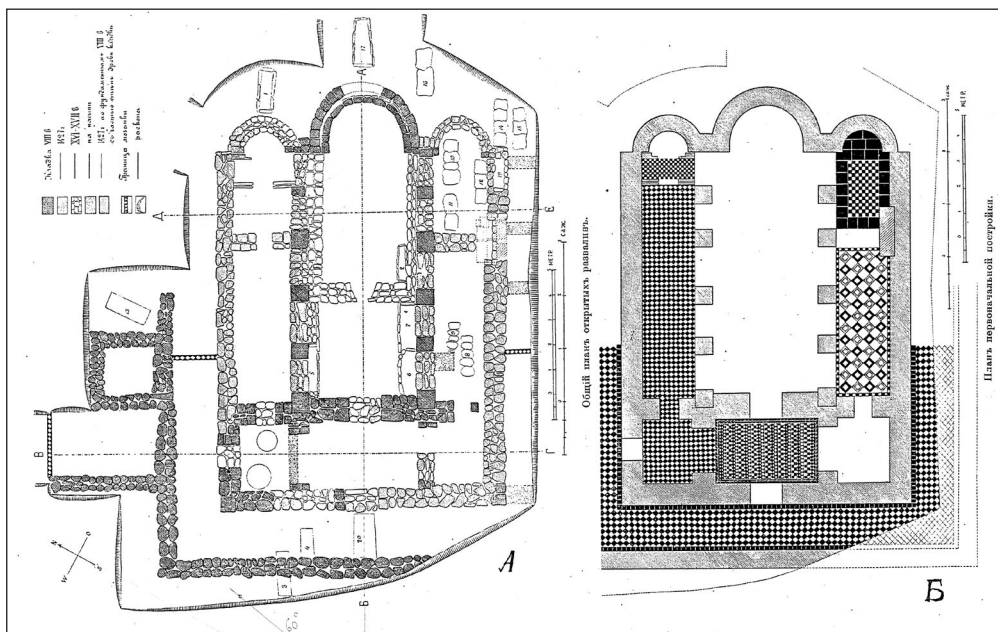

Рис. 4. План Пратенинской базилики по Н.И. Репникову (1909): А — общий план открытых развалин с прорисовкой кладок стен; Б — план первоначальной постройки с реконструкцией мозаичного пола

И.И. Толстой и Н.П. Кондаков в своем беглом описании Партенитской базилики допустили две неточности: 1) о том, что кладка стен храма везде сложена из хорошо отесанных и правильной формы камней (т. е. квадров) и 2) касательно находки в ходе раскопок двух мраморных резных капителей.

Изучение Партенитской базилики, начатое Д.М. Струковым в 1871 г., продолжил в 1907 г. (с 18 мая по 23 июня) Н.И. Репников. Открытая базилика представляла собой прямоугольное строение, ориентированное по линии юго-запад — северо-восток (угол отклонения 60°), расчлененное на три нефа, завершающихся тремя полукруглыми апсидами (Рис. 4, А). Боковые нефы отделялись от центрального двумя рядами массивных, квадратных в сечении столбов (по четыре с каждой стороны). С юго-запада располагался довольно просторный нартекс с двумя наружными входами и тремя проходами в нефы. С трех сторон здание храма окружали галереи. Полы в боковых нефах, нартексе и галереях покрывала мозаика из красных (керамических) и желтых (песчаниковых) квадратиков, уложенных в виде паркета (Рис. 4, Б)¹⁷.

Несмотря на то, что базилика подвергалась раскопкам дважды (в 1871 и 1907 гг.), авторами исследований в научный оборот было введено два различных плана храма. В 1876 г. Д.М. Струковым издан план, на котором представлена трехнефная трехапсидная базилика с просторным нартексом. При этом планировочная композиция храма с нартексом (без полукруглых апсид) приближается к квадрату¹⁸. Н.И. Репников издал план Партенитской базилики с условной прорисовкой стен храма, окружавшей его галереи и примыкавших с северо-запада строений (Рис. 4, А)¹⁹. При этом храм с нартексом имеет более стройную объемно-плановую композицию. Внутреннее пространство наоса разделено на нефы четырьмя парами прямоугольных столбов. Дополнительно Н.И. Репниковым разной штриховкой были выделены кладки, относящиеся, по его мнению, к трем строительным периодам: VIII в., 1427 г. и XVI–XVII вв.

При изучении Партенитской базилики Южно-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1998–2001 гг. выявлены архитектурные остатки храма, отличные по своей плановой схеме от тех, которые были опубликованы Н.И. Репниковым (Рис. 4). К тому же время возведения базилики следовало отнести только ко второй половине–последней трети X в.²⁰

¹⁷ Репников Н.И. Партенитская базилика // Известия археологической комиссии. 1909. С. 91–140. Рис. 13.

¹⁸ Струков Д.М. Древние памятники... С. 38. Рис.

¹⁹ Репников Н.И. Партенитская базилика... Рис. 8.

²⁰ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 401–403.

Уточненная архитектура первоначального здания базилики также указывает на значительно более позднюю дату возведения строения. Характерной чертой объемно-плановой структуры Партенитской базилики является наличие трех одновременных полукруглых изнутри и снаружи апсид, скрытого трансепта в виде обособленных объемов пастофориев (приделов), служивших жертвенником и диаконником, глубокая вима и укороченный наос, разделенный на нефы аркадами всего с двумя (а не с четырьмя-пятью, как считал Н.И.Репников) промежуточными опорами.

1. Наос храма. Раскопками 1998–1999 гг. вскрыто приблизительно 2/3 площади наоса базилики, так или иначе дополняющих результаты археологического изучения памятника, проведенного в 1907 г. Н.И. Репниковым²¹. Полностью расчищено внутреннее пространство южного нефа и почти наполовину, с юго-восточной стороны — центрального, а также северо-западного (Рис. 3). Максимальная высота руин достигала 0,50 м. На отдельных участках от несущих конструкций остались кладки нулевого цикла, поэтому можно судить только о некоторых параметрах храмового здания, а также о наиболее выразительных чертах его архитектуры. Южный компартимент (неф) базилики состоит из двух структурно обособленных частей: бокового пролета наоса, отделенного от центрального нефа двумя массивными опорами, служившими основаниями для столбов, и огражденного со всех сторон стенами пастофория, имевшего вид прямоугольного в плане помещения с полукруглой апсидой. Один из входов в придел вел из вимы и находился непосредственно у алтарного полукружия. Его ширина — 1,21/24 м. Внутренние размеры пастофория: общая длина — 4,30/35 м, ширина — 2,20/25 м. Глубина апсиды — 1,15/20 м, ширина — 2,05/08 м (Рис. 3, 5). В северо-западной части помещения южного придела апсиды по отношению к продольной стене образует уступ в 0,12 м. С противоположной стороны ее очертания в плане плавно сопряжены с контурами внешней продольной стены. При этом снаружи абрис последних не совпадает, что дает основание предполагать их соединение здесь посредством плеча. Это предположение подтверждается и фотографией из публикации раскопок Н.И. Репникова²². Толщина стен: северо-западной — 0,80/85 м; юго-западной — 0,75/80 м; юго-восточной — 1,05/10 м (максимальная — 1,25 м); апсиды — 0,80–1,0 м (увеличивается к югу).

Внутри пастофория и с внешней стороны его апсиды частично исследован фундамент базилики. Почти повсеместно он расположен точно

²¹ Репников Н.И. Партенитская базилика... С. 91–140.

²² Там же. Рис. 24.

под стенами. Исключением является конструкция подножия апсиды. Снаружи нижний ряд кладки фундамента образует ступень шириной 0,30 м и высотой 0,20/25 м, сходящую по краям полукруга на нет.

Фундамент компартимента на глубину 0,25 м впущен в материк, представляющий собой элювий глинистых сланцев. Над поверхностью основания он возвышается до 0,15 м. Все кладки его отдельных участков, равно как и расположенных над ними стен, между собой перевязаны. Южный угол придела полностью (до основания фундамента) разрушен могилой № 18. Погребальное сооружение почти на половину (0,43 м) встроено во внешнюю продольную стену базилики, которая при этом была частично разобрана и переложена, после чего стала тоньше — 0,70 м. Относительно юго-западной стены пастофория могила расположена посередине, равномерно выступая в обе стороны.

Кладки стен и фундамента придела бутовые. При их возведении использовался камень местных изверженных пород, в котором количественно преобладают разномерные необработанные обломки грандиорита и диабазы. Кладка углов велась из хорошо обработанных плит и блоков, изготовленных из капсельского ракушечника и восточно-крымской разновидности нуммулитового известняка (т. н. маркиз), явно вторичного применения. Преимущественно такими же сполками сложен участок внешней продольной стены базилики, ограждавший погребальное сооружение № 18 с юго-востока.

Боковой (южный) пролет наоса сохранился несколько хуже придела. Но точному определению поддаются все его основные параметры. Длина помещения (от юго-западной стены пастофория до прохода с нартексом) составляет 6,10/18 м, ширина (между основаниями опор столбов и южной стеной) — 2,20/25 м. В отличие от перестраивавшейся кладки, ограждавшей придел снаружи, внешняя продольная стена тоньше и составляет 0,80/85 м. В юго-западной стене компартимента на расстоянии 0,72 м от южного угла, находится проход в нартекс. Ширина прохода с внутренней стороны наоса не превышает 0,80/82 м.

От опор, разделявших нефы, к моменту наших раскопок сохранились лишь фундаменты. В плане они имеют форму неправильных (трапециевидных) четырехугольников. Их размеры: северо-восточного — 0,75 (0,95) x 1,20 м, юго-западного — 0,65 (0,80) x 1,05 м. Расстояние между ними приблизительно равно 1,35/38 м. Такую же ширину имел проем и у пастофория. Для выравнивания верха кладки фундамента юго-западной опоры использованы ромбовидная и две прямоугольных керамических плитки. Визуально они подобны тем, что были применены в укладке мозаичного наборного пола. Размеры первой — 14,0 x 14,0 (12,0) см, второй — 20,0 x 20,0 см, третьей — 26,0 x 29,0 см.

Одним из важных архитектурно-конструктивных компонентов храма являлась центральная апсида. Алуштинский священник Николай (Клопотович) после раскопок 1871 г. следующим образом описывал открытые им руины восточной части базилики: «Алтарь открытого храма в $7\frac{1}{2}$ аршин аршин ширины, образуя полукруг, сложен из инкерманского, кажется, камня, в расстоянии 2 арш. от стены утверждён престол, а за ним на горнем месте сидение для епископа; в предалтарной части с правой стороны, в углублении стены, каменная скамья для восседания не служащих священников. Длина алтаря с открытой предалтарной частью 9 аршин»²³. Очевидно, что отцом Николаем была открыта центральная апсида, в которой сохранился синтрон с епископским креслом от раннего храма. Здесь же им выявлен престол и предалтарная преграда позднесредневековой (XVI в.) часовни.

В пределах раскопа 1998–1999 гг. кладка центральной апсиды сохранилась на высоту 0,70 м, из которых $\frac{1}{2}$ приходится на фундамент, сложенный из разномерного бута местных изверженных пород камня. В основании толщина составляет 1,40/45 м. С внутренней стороны кладка центральной апсиды сложена более тщательно (наружу выводились относительно ровно околотые грани бутовых камней). Внутренний радиус составляет около 2,40/43 м, а глубина — 2,70/74 м. Открытые раскопками апсиды (частично центральная и южная) между собой перевязаны, а их плечи находятся на одной линии. Все это указывает на едино-временность возведения кладок апсид.

Стена алтарного полукружия центральной апсиды имела в основании сложную конструкцию, состоявшую из трех кладок. Ко времени наших раскопок с внутренней стороны сохранился только первый ряд кладки, выполненной из приблизительно одинаковых по величине блоков нуммулитового известняка (расчищено 5 блоков). Их размеры: высота — 0,30/32 м, ширина — 0,41 м, 0,47 м, 0,48 м и 0,44 м, толщина — 0,28–0,37 м. Верхняя грань одного из них посередине (с боков) имеет вырубку типа «ласточкин хвост», предназначенные под деревянные скрепы. Выемки в плане трапециевидные с прямыми стенками. Лицевая поверхность камня обработана небрежно, во многих местах видны следы грубой отески и околки.

В плане очертания фундамента (сложенного из грандиорита) и кладки из нуммулитовых блоков совпадают. Однако внутренний лицевой слой кладки апсиды, образованный известняковыми блоками, поставлен непосредственно на элювий глинистых сланцев. Низкое качество обработки поверхности лицевых граней всех без исключения нуммулитовых блоков, равно как и их неполная пригонка между собой в местах примыкания к бу-

²³ Клопотовиѣ Н. О раскопках... С. 723–728.

товой кладке, дают основание предполагать, что с внутренней стороны апсида дополнительно имела облицовку, остатки которой в виде обломков трех известковых плит со скругленным продольным профилем найдены в слое разрушения здания, образовавшемся уже после раскопок 1907 г. Кладка из нуммулитовых блоков (в отличие от бутовой кладки) явно не была рассчитана на значительную статическую нагрузку и вполне могла являться остатками основания синтрона, примыкавшего к центральной апсиде храма с внутренней стороны.

К северо-западной стене придела и закладу прохода из вимы в пастофорий, с внутренней стороны центрального нефа, вплотную, но без перевязки, примыкает другая стена. Ее толщина — 0,67–0,72 м, сохранившаяся протяженность — около 3,70 м. Данная кладка оказалась сильно руинирована и высота не превышала 0,45 м. Она может быть отождествлена с продольной стеной часовни, возведенной, по мнению Н.И. Репникова, на развалинах базилики в XVI в.²⁴ Помимо обычного для этого памятника бута местных изверженных пород в качестве кладочного материала использовались также обломки мраморных, известняковых и мергелевых плит, фрагменты керамики (керамид, плинфы и стенок пифосов). Стена позднесредневековой часовни фундамента не имела и была поставлена непосредственно на вымостку пола предшествовавшего ей строения.

Кладку часовни XVI в. подстилал слой охристой глины с повышенным содержанием крошки известкового раствора и галечного песка, с мелкими бесформенными обломками керамики и мергеля, залегавшего поверх материковых напластований элювия глинистых сланцев. Толщина данного слоя невелика и составляла всего 0,08 м. Судя по перекрытым стеной позднесредневековой часовни остаткам пола, центральный неф базилики был вымощен плитами известняка (их толщина составляла около 0,05–0,10 м) (Рис. 5). От материка (элювия глинистых сланцев) они отделялись тонкой (0,015–0,025 м) прослойкой глины красновато-коричневого цвета с галечным песком. Поверхность основания в этом месте (за пределами вимы она почти полностью утрачена в результате неоднократных сплошных перекопов) тщательно выровнена и сnivelирована.

О форме и параметрах камня, использовавшегося для перекрытия пола, позволяет судить относительно целая плита, расположенная в проходе между пастофорием и опорой столба. Она имеет вид параллелограмма, по начертаниям близкого к прямоугольнику. Ее размеры — 0,84 x 1,17 м. Подобный перекоп абриса характерен и для других плит, остатки которых сохранились *in situ* с юго-восточной стороны нефа у столбовых опор. Одна из них имела ширину 0,82 м.

²⁴ Репников Н.И. Партенитская базилика... С. 106.

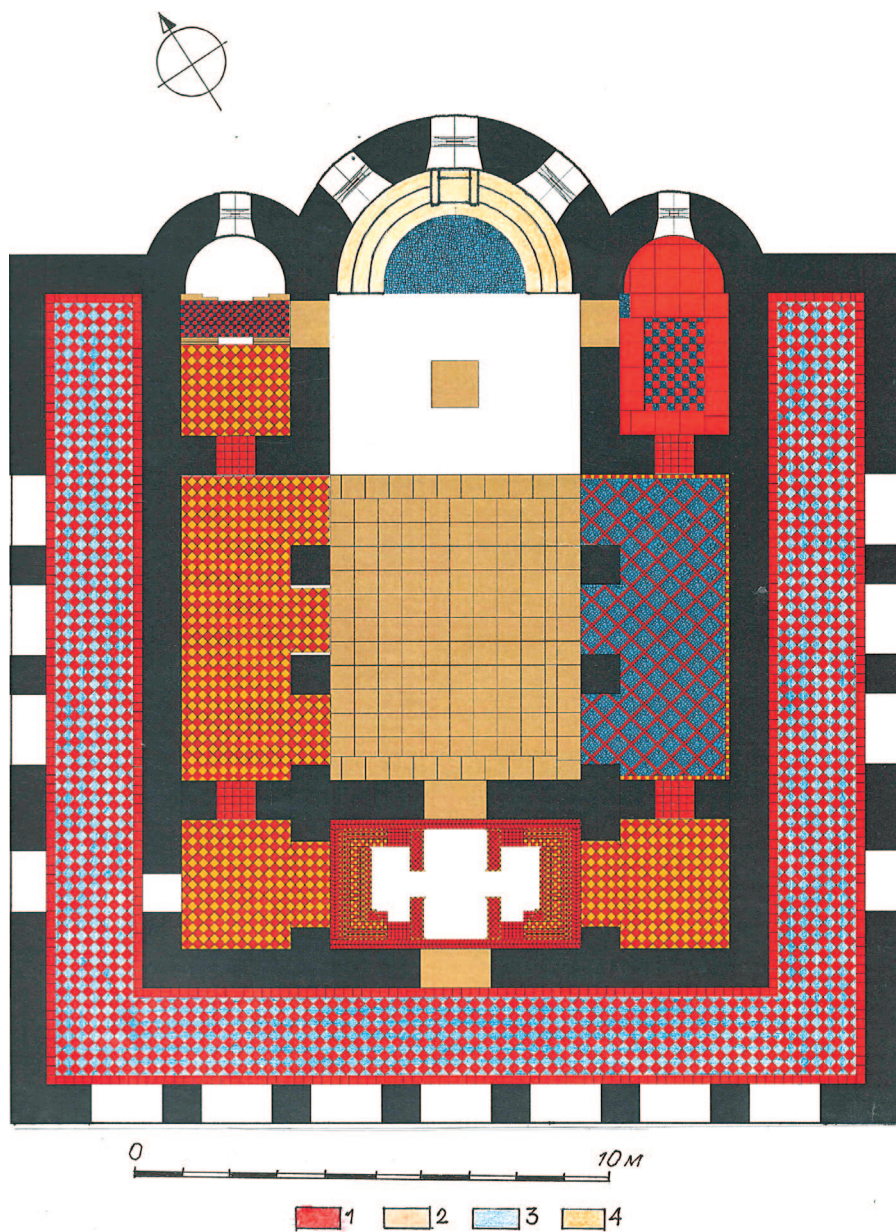

Рис. 5. Реконструкция вымостки полов Партенитской базилики X в. по результатам раскопок 1998–2001 гг.: 1 — керамические плитки (плинфы); 2 — плиты нуммулитового известняка (пол наоса и синтрон); 3 — полевой шпат; 4 — плитки песчаника (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

Пол южного пролета наоса и двух других проходов, соединявших его с центральным нефом, был мозаичным (Рис. 5)²⁵. Он выполнен в технике *opus sectile* из стандартных керамических плиток размером 6,0 x 7,0 см и разных по величине обломков исландского полевого шпата. Покрытие оказалось сильно повреждено, а на отдельных участках полностью утрачено, но его рисунок поддается вполне достоверной реконструкции (Рис. 5).

Судя по сохранившимся участкам пола в среднем проходе и у стены пастофория, мозаика представляла собой набранную из керамических плиток прямоугольную сетку с диагональным расположением, внутреннее пространство которой плотно заполнено кристаллами полевого шпата. Ячейки квадратные, у стен прямоугольные. Ширина фигур колеблется от 29,0 до 38,5 см. С северо-восточной стороны (вдоль юго-западной стены придела) орнаментальный мотив окаймлен полоской из керамических плиток. Исходя из этих данных, а также учитывая то, что после раскопок 1907 г. остатки пола в боковом пролете наоса не претерпели существенных изменений, реконструкция его мозаики в виде шахматно расположенных разных по цвету квадратов, предложенная Н.И. Репниковым, представляется несколько надуманной²⁶.

Участок пола перед могилой № 18 был покрыт плитой крупнозернистого белого мрамора, подобной тем, что использованы в облицовке самого погребального сооружения. Размеры могилы: ширина — 0,84 м, длина — 1,17–1,20 м. Плита узкой стороной примыкала к могиле и была слегка развернута по направлению к входу из нартекса. Зазор между ней и южной продольной стеной базилики заполнен кристаллами полевого шпата. Таким же образом выполнена мозаика и вокруг известняковой плиты, размещенной в проеме у пастофория (Рис. 5).

²⁵ Предметный интерес к характеристике мозаичного пола Партенитской базилики проявляла Л.Г. Хрушкова, посвятившая этой теме серию работ: *Хрушкова Л.Г.* Вымостки *opus sectile* в Причерноморье и Киеве: средиземноморский контекст // Российское византиноведение. Традиции и перспективы: тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 215–218; *Она же.* Базилика в Партените: вымостка *opus sectile*, хронология памятника и Св. Иоанн Готский // VI Международная конференция по церковной археологии. Херсонес — город Св. Климента: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2011. С. 47; *Khrushkova L.* *Opus sectile Pavements in the Crimea and on the East Coast of the Black Sea* // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics. October 16th–20th 2009. Bursa, Turkey / Ed. M. Sahin. Istanbul, 2011. P. 505–518; *Хрушкова Л.Г.* Полы *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. Т. 65. С. 34–59. Однако Л.Г. Хрушкова при анализе напольной мозаики Партенитской базилики использовала исключительно данные раскопок 1907 г. Н.И. Репникова, обладающие неточностями, что привело исследователя к ряду ошибочных выводов.

²⁶ *Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 103. Рис.13.

Юго-западная часть бокового пролета наоса и проход в нее из центрального нефа полностью покрыты плотно пригнанными разномерными кусками полевого шпата, расположенными, соответственно, диагонально и параллельно по отношению к стенам (Рис. 5). Низ входного проема, соединяющего южный неф храма с нартексом, был вымощен квадратными керамическими плитками (лежащими *in situ* зафиксировано в проеме 7 плиток) приблизительно одинакового размера: 14,0 x 15,0 см; 15,0 x 14,5 см; 15,5 x 16,0 см; 15,5 x 15,0 см; 15,0 x 15,0 см; 16,0 x 15,0 см.

В качестве характерной черты покрытия пола базилики следует отметить особенность примыкания плит вымостки центрального нефа и мозаики проходов между опорами столбов: на стыке углы многих уложенных здесь кристаллов полевого шпата аккуратно обломаны по прямой линии.

2. Нартекс базилики (Рис. 4, 5). В ходе раскопок 1907 г. нартекс был раскрыт полностью²⁷. Однако Н.И. Репников дает беглое описание западной части храмовой постройки, сосредотачивая свое внимание на так называемых портике и коридоре: «Базилику в ю.-з. части окружили коридором, которым входящие через портик проходили к главной двери, ведущей в нарфик, а из него в любую часть базилики. Кроме главной двери, ведущей в нарфик из коридора, существовала еще боковая дверь, расположенная как раз против с.-з. портика, но, по-видимому, значение ее было второстепенное. От всех описываемых сооружений базилики сохранились лишь основания, но настолько ясные, что по ним возможно представить вполне определенно очертание стен коридора и портика (Рис. 7, 17 и 19) <...> В средней и примыкающей к северному нефу частях нарфика сохранились половые вымостки. Из нарфика были двери в средний и боковые нефы»²⁸.

В данном случае исследователь был не совсем точен, помещая на изданном им плане базилики северо-западный вход в нартекс, размещенный по центру стены и осевой линии притвора. На фотографии хорошо видно, что вход шириной 0,96/98 м был смещен к северо-западу и находился в 0,65 м от внутреннего угла помещения нартекса²⁹.

В ходе раскопок 1999 г. удалось вскрыть только часть нартекса: внутреннее пространство притвора составляет 5,12 x 2,56/58 м и ограничено тремя, относительно полно сохранившимися кладками. Кладка западной стены нартекса отделяет притвор от обводной галереи. Сохранилась на высоту 0,60 м (3–4 ряда) от уровня вымостки пола. Она возведена из разномерного бутового камня (по краям уложены крупные камни с относительно ровными лицевыми гранями, внутренняя забутовка осуществлялась более

²⁷ Там же. Рис. 8.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Там же. Рис. 18.

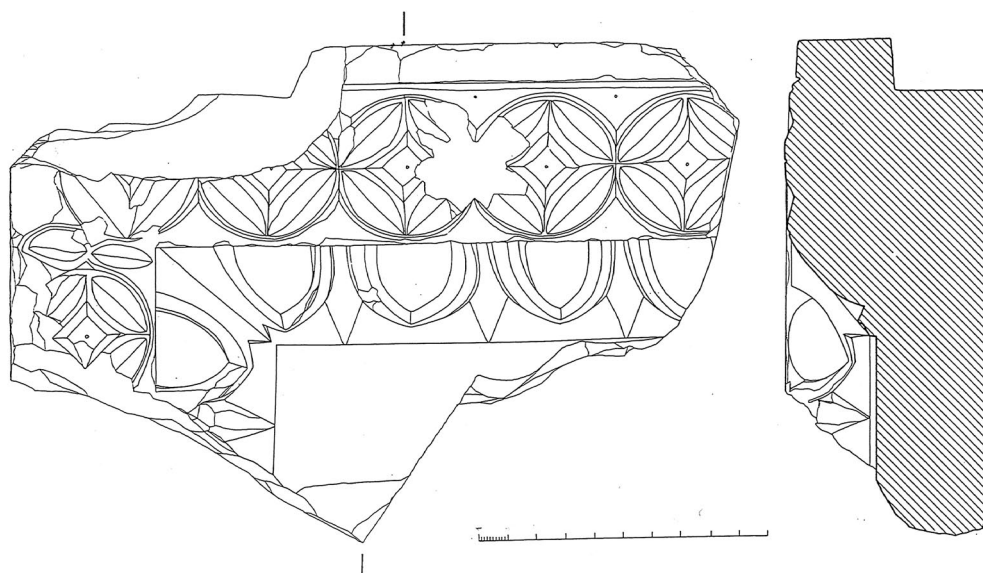

Рис. 6. Фрагмент архитектурной детали из мшанкового известняка

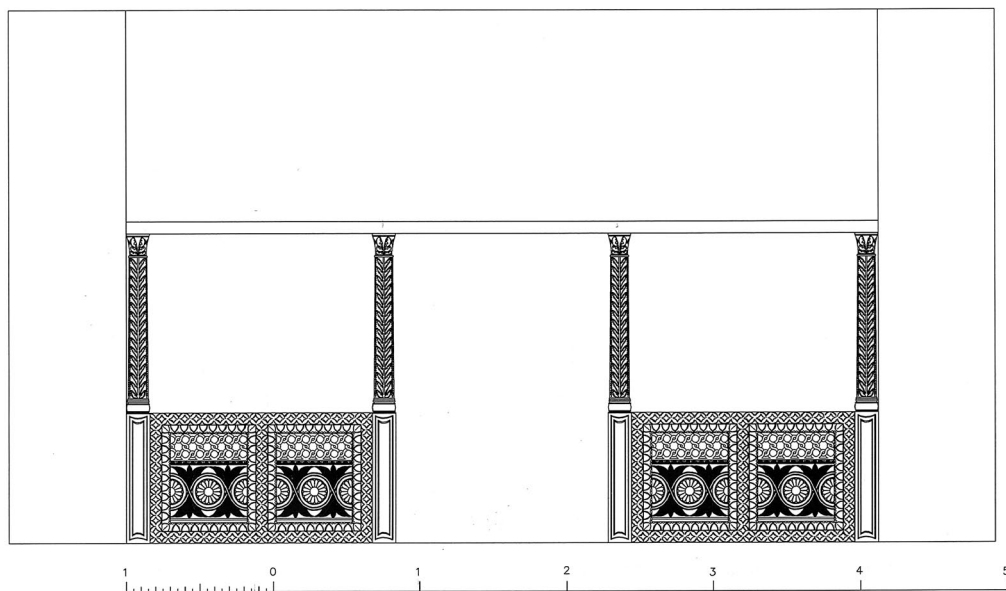

Рис. 7. Реконструкция предaltarной прегарды Парthenитской базилики X–XI вв.
(выполнена архитектором А.В. Мыцом)

мелким камнем и щебнем) изверженных пород (диабаз и грандиорит). Возводилась на прочном известковом растворе с добавлением песка и мелкофракционной гальки. С внутренней стороны нартекса, в нижней части стены (на высоту в 0,10 м от пола и протяженностью около 1,0 м) сохранились следы глиняной обмазки, покрывавшей верхнюю (выступающую на поверхности) часть ряда кладки фундамента. Поверх фундаментной кладки был уложен тонкий слой (около 0,02–0,05 м) глины с добавлением известковой крошки и песка. Расположенная выше часть стены (сохранившаяся высота 0,45–0,50 м) возводилась уже с использованием известкового раствора. Толщина кладки колеблется в пределах 0,82/86 м, расширяясь в основании и у входа.

Стены фундамента везде сплошные, без проемов для дверей. В западной стене, у южного борта раскопа, частично раскрыт главный вход, ведущий из галереи в нартекс. Северный откос входа оформлен большим известняковым аккуратно тесанным блоком, состоящим из двух частей (их размеры — 0,63 х 0,26 м и 0,63 х 0,28 м) и уложенных буквой «Г». На полу главного входа залегала монолитная известняковая плита размером 0,75 х 0,58 х 0,10 м (частично уходила в борт раскопа). Данная плита использовалась в качестве порога главного входа, состоявшего из двух плит разных размеров, одна из которых была утрачена до раскопок 1907 г.³⁰ При точно определяемой, благодаря фотографии 1907 г., ширине главного входа в 1,45 м, можно установить и параметры утраченной второй плиты порога, длина которой составляла не более 0,70 м.

Восточная стена нартекса, отделявшая его от наоса, прослежена на протяжении 4,30 м. Сложена в два ряда бутовых камней с ровными лицевыми гранями с внутренней забутовкой из мелких камней и заливкой известковым раствором. Ширина выдержана на всем протяжении и не превышает 0,80/82 м. Северо-западная стена нартекса сохранилась частично (позднейшей выборкой полностью уничтожен северный угол). Под эту кладку в материковом грунте (элювий глинистых сланцев) была вырыта траншея глубиной 0,20/25 м и шириной в 0,85 м. Фундаментная часть стены сложена из крупного бута (диабаз и гандиорит). Пространство между камнями было полностью заполнено плотной материковой глиной, выбранной из строительной траншеи. Скрепление глины и бутового камня оказалось настолько прочным, что превратило фундамент в монолитную конструкцию. Во время раскопок 1907 г. данная стена нартекса была еще в относительно хорошем состоянии: в 0,65 м от западного угла сохранился дверной проем шириной около 0,96/98 м³¹. При раскопках 1998–1999 гг. открыта только фундаментная часть кладки и фрагмент траншеи, в которую она опущена.

³⁰ Там же. Рис. 30.

³¹ Там же. Рис. 18.

В продольных стенах нартекса, на расстоянии 2,25/30 м от северо-западной стены сохранились основания двух симметрично расположенных прямоугольных пилястр. Юго-западная пилястра образует единый массив с продольной стеной и с ней перевязана, как на уровне фундамента, так и в сохранившейся части кладки. Фундаментная часть пилястры выступает над поверхностью пола нартекса на 0,05–0,08 м. Сложена из плоских необработанных камней грандиорита на кирпично-охристого цвета плотной глине с добавлением известковой крошки и песка, размеры — 0,52–0,60 х 0,92–0,96 м. На этом фундаменте частично сохранилась кладка самой пилястры размером 0,32/36 х 0,82/85 м, сложенная на прочном известковом растворе. В основании кладки для выравнивания горизонтальной поверхности фундамента использовалась керамическая плитка, идентичная тем, которые использовались для покрытия пола (размеры — 0,25 х 0,26 х 0,03 м). От второй пилястры, встроенной с северо-востока в продольную стену нартекса сохранилась только часть ее фундамента (0,40 х 0,48 м). По своим параметрам эти две симметрично расположенные пилястры были однотипны и имели одинаковые параметры. Расстояние между ними, перекрывавшееся, видимо, циркульным сводом, составляло 1,90/96 (1,93) м. В северной части нартекса они формировали прямоугольное в плане пространство, равное по ширине северному нефу (2,25/30 м) и протяженностью 2,53/58 м (ширина самого нартекса). Внутри северного пространства нартекса (в северо-восточном углу) расчищена яма под пифос, вырытая в материке (охристо-коричневый элювий глинистых сланцев), размеры: 1,50 х 1,20 х 0,79 м (яма № 5). Она оказалась заполненной разрозненными фрагментами красноглиняной черепицы с высоким бортиком, попавшей сюда уже после раскопок 1907 г. Н.И. Репниковым в этом месте *in situ* зафиксированы 2 пифоса, один из которых (с желобчатым туловом) сохранился до половины³². Следы ямы для установки второго (гладкостенного) пифоса обнаружить не удалось, а это дает основания полагать, что он был укреплен (вкопан) выше уровня мозаичного пола нартекса. Данные сосуды связаны уже с последним периодом существования памятника в XVI в., когда храм (в форме небольшой по объему часовни) располагался в восточной части центрального нефа, а нартекс использовался в качестве хозяйственного помещения³³.

В северо-западной части нартекса нами была открыта фрагментарно сохранившаяся вымостка мозаичного пола (Рис. 5). В центральном пространстве (к юго-западу от пилястр и у главного входа в базилику) мозаика состояла из небольших ромбовидных (0,08 х 0,08 х 0,03 м), треугольных

³² Там же. Рис. 31, 37

³³ Разница в уровне расположения пифосов и возможного времени их использования никак не оговаривается в публикации материалов Н.И. Репникова, хотя оба сосуда представлены именно на плане храма XVI в. См.: Репников Н.И. Партенитская базилика... Рис. 31.

(0,05 x 0,03 x 0,03 м), а также квадратных (0,05 x 0,05 x 0,03 м) красных и желтых керамических плиток. Ромбовидные и треугольные плитки состыковывались между собой в два ряда, образуя узор в виде «елочки» и ломаного меандра. Этим орнаментом окаймлялась вся мозаичная композиция центральной части нартекса (5,12 x 2,56 м), заполненная небольшими прямоугольными двуцветными плитками, уложенными в шахматном порядке и образующими семь ковровых полос. Разделение между ними осуществлялось всё теми же двумя рядами треугольных керамических плиток. Путем использования простых средств, получался пестрый, создающий настроение парадности, рисунок. У Н.И. Репникова мозаичная вымостка в центральной части нартекса реконструирована не совсем точно: «Составные части его следующие: 1) кайма из ромбов красной черепицы, сложенных в елку, 2) ряд из поставленных в косом шахматном порядке квадратиков красной черепицы (промежутки заклинены треугольниками желтого цвета), 3) ряд тождественного рисунка, но с обратным чередованием цветов, 4) ряд чередующихся квадратов красного и желтого цветов, 5) такой же ряд с обратным чередованием цветов»³⁴.

В 1907 г. в этом месте были видны следы утрат и повреждений, а некоторые участки подвергались ремонту. Из-за этого в вымостке пола появились более крупные керамические плитки из мергеля, вносившие диссонанс в стройность композиции первоначального рисунка³⁵.

В пространстве между пилястрами и напротив входа в северный неф, орнаментальная мозаичная вымостка оказалась значительно проще по своему набору (Рис. 5). Она состояла только из чередующихся в шахматном порядке (были уложены по диагонали к осевой ориентации базилики) квадратных красных (керамических) и бело-желтых (изготовлены из мергеля и песчаника) плиток размером 0,14 x 0,14 x 0,03 м. Это чередование ярко-красного и бело-желтого тонов создавало эффект строгого двуцветного, но очень контрастного коврового покрытия. Однако мозаичный пол и здесь сильно пострадал при поздних перекопах (особенно в месте установки пифоса)³⁶. Учитывая результаты раскопок 1907 г. и исследований 1998–1999 гг., можно

³⁴ Там же. С. 102. Рис. 13.

³⁵ Н.И. Репников также отмечал: «Первоначальный рисунок вымостки был нарушен при переделке 1427 г. и недостающие части были дополнены частью старым материалом, частью не идущим к общему смыслу рисунка материалом — кристаллами полевого шпата, кусками больших черепиц, мрамором и даже обломками плит» (Репников Н.И. Партенитская базилика... С. 102. Рис. 18)

³⁶ Н.И. Репников следующим образом описывал сохранившуюся здесь часть вымостки: «В части нарфика, примыкающей к северному нефу, пол состоит из квадратов красной черепицы (размерами 0,15 x 0,15 x 0,03 м), чередующихся квадратами песчаника таких же размеров. Квадраты расположены в косом шахматном порядке и заклинены вдоль стен треугольниками песчаника» (Репников Н.И. Партенитская базилика... С. 102. Рис. 20).

прийти к заключению, что нартекс первоначального храма X в. был трехчастный. Четыре прямоугольные пилястры, выступающие из его продольных стен, делили внутреннее пространство на три разновеликие части, равные по ширине боковым и центральному нефам. Нартекс составлял единое целое с основным объемом базилики, будучи ориентирован перпендикулярно основной оси здания храма. От его конструкции сохранился фундамент и частично кладки несущих стен (на 1–2 ряда). Стены нартекса такой же толщины, как и продольные стены храма (наоса), при этом кладка фундаментов основного объема и нартекса перевязаны. Уровень пола в нартексе и нефам был одинаковым. Из нартекса в центральный и боковой нефы вело три разновеликих дверных проема. Галерея с нартексом сообщалась двумя дверными проемами: центральный (шириной около 1,45 м) — в западной стене; и боковой (ширина проема 0,94–0,98 м) — в северо-западном углу строения. Все дверные проемы были устроены на верхнем уровне фундаментной кладки и поэтому в ряде случаев могут быть реконструированы только благодаря фотографиям раскопок 1907 г. Соблюдение строителями строгой симметрии всего архитектурного комплекса базилики позволяет реконструировать и основные параметры плана нартекса. Его внутренние размеры: длина — 11,30/35 м, ширина — 2,56/60 м (соответственно центральной части — 5,12/20 x 2,56/60 м, боковых — 2,25/30 x 2,56 м).

3. Галерея (Рис. 5). Базилика с трех сторон (северо-западной, юго-западной и юго-восточной) была окружена обходной галереей, являвшейся важным объемно-планировочным компонентом всего архитектурного комплекса. Ее ширина составляла 2,04/08 м, реконструируемая протяженность — 47,6 м, общая площадь — 95,3 м². Толщина стен, окружавших галерею по периметру, приближалась к 0,80 м. Наиболее полно галерею удалось изучить Н.И. Репникову в 1907 г. В ходе раскопок 1999 г. вскрыта часть (6,12 x 2,05 м), примыкавшая к нартексу юго-запада (полные реконструируемые размеры этой части составляли 17,0 x 2,0 м). Вымостка в галерее сохранилась лучше, чем в наосе. Она выложена из тщательно подогнанных друг к другу ярко-красных керамических квадратных плинф (размеры плиток 0,18 x 0,18 м) и кусками исландского шпата, чередующихся в шахматном порядке. Контур мозаичного рисунка оформлен из плотно подогнанных красных квадратных плинф. Общий вид вымостки галереи производит впечатление яркого дорогого коврового покрытия, состоявшего из геометрического рисунка, тщательно выполненного средневековыми мастерами (Рис. 5). Укладка вымостки пола производилась непосредственно на тщательно сnivelированную материковую поверхность, покрытую тонким слоем глины³⁷.

³⁷ Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыш В.Л. Отчет о полевых археологических исследованиях храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (т. н. Парте-нитская базилика) в 1999 году... С. 9. Рис. 14–37.

4. Монастырские строения. В ходе раскопок 1907 г. с северо-западной стороны базилики было открыто строение, которое Н.И. Репников интерпретировал как «портик». Несколько необычное (портик должен был находиться с юго-западной стороны и непосредственно по оси базилики), на его взгляд, расположение парадного входа в храм исследователь попытался объяснить сложностью микрорельефа, неудобством и дороговизной земляных работ: «Расположена базилика на С.-В., следовательно, портик находился бы на Ю.-З., т. е. со стороны очень крутого наклона террасы, в котором пришлось бы сделать ряд дорого стоящих земляных выемок, все же не доставив удобного доступа к портику, да и сам он сильно терял бы в общем наружном виде. Строители употребили более простой прием, а именно, устроили портик с С.-З., а самую базилику в Ю.-З. части окружили коридором, которым входящие через портик проходили к главной двери<...> В портике и коридоре сохранилась не лишенная своеобразной оригинальности половая вымостка<...> Какую высоту имели стены коридора и как был устроен портик, об этом судить невозможно. Несомненно лишь одно, что коридоры и портик были крытыми помещениями, по той простой причине, что в противном случае половые вымостки пострадали бы от атмосферных явлений (мороз, снег). Не невозможным является существование и с ю.-в. стороны базилики пристройки аналогичной той, которую мы называем портиком»³⁸. Так Н.И. Репников дает общее описание важного строения. Из представленных в публикации планов видно, что «портик» был открыт частично: осталась не раскрытой северо-восточная стена, в то время как юго-западная показана полностью (Рис. 4, А). Внутренние параметры, согласно плану Н.И. Репникова, составляют: ширина — 2,55/60 м, длина — 4,30/40 м. К тому же помещение (ось) портика оказалось смещенным относительно нартекса к северо-востоку³⁹.

С северо-западным участком галереи портик сообщался входом, равным по ширине главному входу в нартекс, т. е. проем его был шириной 1,45 м. При этом исследователь представил полную реконструкцию относительно хорошо сохранившегося наборного пола и дал его описание: «В портике пол состоит из больших квадратов красной черепицы (размерами 0,50 х 0,48 х 0,05 м), обрамляющих продолговатый четырехугольник, состоящий из квадратиков красной же черепицы (размерами 0,16 х 0,16 х 0,03 м), чередующихся с квадратами тех же размеров, составленными из кристаллов полевого шпата. Расположены квадраты в косом шахматном порядке. У основания стен портика вымостка обрамлена каймой из треугольных кирпичиков (размерами 0,08 х 0,10 х 0,03 м). В вымостке заметны исправления, сделанные частью старым материалом,

³⁸ Репников Н.И. Партенитская базилика... С. 98–99. Рис. 8; 11, разрез В-Г; 13; 17.

³⁹ Там же. Рис. 13.

частью кусками мрамора. Поправки эти резко бросаются в глаза своею неправильностью»⁴⁰.

На этом участке раскопки велись в 1999–2001 гг. и позволили открыть два помещения монастыря (Рис. 3), примыкающих к северо-западной галерее. В северо-западном углу раскопа расчищена часть «портика», уходящая в северо-западный борт (2,56/60 x 1,30 м). Пол «портика» оказался на 0,10 м ниже уровня пола северо-западной части обводной галереи. Это было обусловлено естественным склоном (угол падения 1–2°), а также необходимостью дополнительной подрезки и нивелировки склона. Вместе с тем полы в нартексе, северном нефе и галерее находятся на одном уровне в отличие от разрезов, представленных в публикации Н.И. Репникова. Пол портика был выстлан по периметру большими красноглиняными плитами размером 0,495 x 0,495 x 0,05 м, расколовшимися во многих местах при падении на них стен и перекрытия. Вымостка пола северо-западного крыла монастырского строения сохранилась частично и состояла из красноглиняных керамических плиток, плиток песчаника и крупных кусков исландского шпата. Мощность культурного слоя в этом месте составляла от 0,64 до 1,60 м от современной дневной поверхности.

Открытые монастырские строения являлись трапезной (помещение № 2, или «портик» по Н.И. Репникову) и кухней (помещение № 1). Размеры трапезной составляют 7,40/50 x 2,56/60 м. Еще один вход в трапезную, вероятно, находился в северо-восточной стене помещения. Трапезная и кухня разделялись глухой стеной. Внутренние размеры кухни достигали 6,10/15 x 2,56/60 м, при толщине стен 0,80/82 м. Общая протяженность трапезной и кухни, объединенных глухой юго-западной стеной, составила 15,10/15 м.

В ходе расчистки культурных отложений полностью изучено помещение № 1 (кухня). Стены сложены из бутового камня на глине (элювий глинистых сланцев). В кладке углов и откосов использованы сполии (капсельский ракушечник) с ровными гранями. В северо-восточной стене было устроено два дверных проема. В ходе раскопок на полу помещения зафиксирован развал керамики, состоявшей из тарной, кухонной и столовой посуды второй половины – последней трети XI в.⁴¹ На поверхности слоя, связанного с разрушением помещения № 1 и непосредственно на развале фрагментов керамики найдена византийская монета. Она представляет собой анонимный фоллис класса G — 1065–1070 гг.⁴² Уровень пола поме-

⁴⁰ Там же. С. 101. Рис. 13; 17.

⁴¹ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 461. Рис. 13–21.

⁴² Анонимные фоллисы выпускались, начиная с Иоанна Цимисхия (969–976) и заканчивая Алексеем I Комниным (1081–1118) и до 1091/92 гг. Однако такая монета могла быть выпущена при одном из трех императоров: Константин IX (1059–1067), Евдокии (1067), Романе IV Аргире (1068–1071). Хотя имя правящего императора никогда не указывалось. Поэтому фоллисы этого типа разделены на классы от А до М. Наша монета наиболее близка классу G.

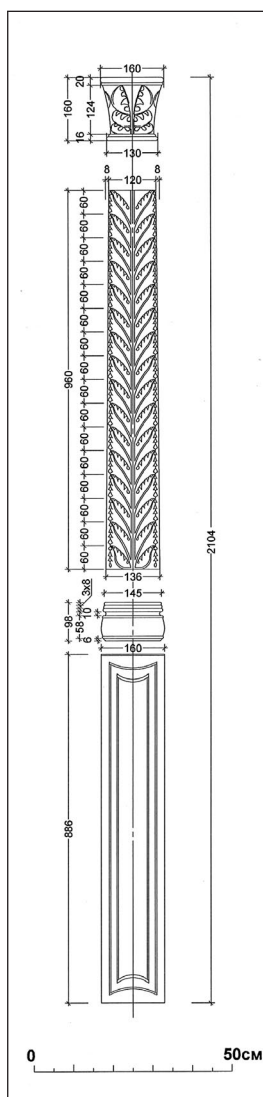

Рис. 8. Реконструкция капители, колонки, базы и столбика предaltarной преграды (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

щения с залегающей на нем битой керамической посудой отделялся слоем створок мидий. Нивелировочная подсыпка пола представляла собой плотный глинистый грунт желтовато-охристого цвета, залегавший непосредственно на материке (элювий глинистых сланцев — желто-оранжевая глина с примесью серой глины и мелкого гравия глинистых сланцев). Подсыпка (толщина 0,07–0,15 м) содержала значительное число включений разрушенного известкового раствора, в том числе и цемянкового, белой известковой штукатурки с тщательно заглаженной и выровненной лицевой поверхностью. Керамический материал представлен разрозненными обломками керамики, высокогорных кувшинов с плоскими ручками, стенок амфор и кухонной посуды. Здесь же найдена прямоугольная плитка (0,11 x 0,09 x 0,045 м) изготовленная из глиняной массы сходной со структурой черепка амфор «причерноморского типа». Верхний уровень пола был утрамбован. На глубине 0,10–0,12 м в нивелировочной засыпи найдена херсонско-византийская медная монета (фоллис) времени правления Константина VII Багрянородного (913–959) и одного из его соправителей — Романа I Лакапина (до 945 г.)⁴³. Данная нумизматическая находка дала нам дату, не ранее которой было возведено и начало функционировать помещение кухни, т. е. не ранее середины X в.⁴⁴ В связи с рассматриваемой темой важно отметить, что в ходе раскопок Н.И. Репникова было найдено 11 византийских монет времени правления Македонской династии. Одна монета — Иоанна Цимисхия (969–976) столичного чекана, а остальные изготовлены на монетном дворе Херсонеса: 4 монеты императора Василия I (867–886), 1 — Василия и Константина IX (869–870); 3 — Романа I Лакапина (920–944) трех типов, 1 — Романа II (959–963); 1 — Иоанна Цимисхия (969–976)⁴⁵. Несмотря на поч-

⁴³ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 461. Рис. 22, 2. Примеч. 134.

⁴⁴ Там же. С. 461. Рис. 22, 1.

⁴⁵ Репников Н.И. Партенитская базилика... С. 96. Примеч. 2.

ти полную утрату культурного слоя внутри храма, который до уровня полов был выбран при раскопках 1907 г. Н.И. Репникова, расчистка и изучение руин в 1998–2001 гг. оказались результативными. В некоторых местах базилики обнаружены остатки строительного горизонта первоначального здания X в., смешанного с отложениями глинистого грунта красно-коричневого цвета с галечным песком и известковой крошкой, идентичным кладочному раствору стен храма. В этих отложениях также присутствует отёс известняка (мергеля), наиболее мощное скопление которого отмечено в алтарном полукружии центрального нефа, где, по-видимому, был сосредоточен если не весь, то, по крайней мере, основной каменный декор храма. По стилиевым признакам декоративное убранство базилики может быть отнесено ко второй половине — последней трети X в. (Рис. 6–10). В южной апсиде отложения наиболее раннего строительного горизонта были перекрыты вымосткой из красноглиняной плинфы, а в центральном нефе — известняковыми плитами, поверх которых установили стены часовни XVI (?) в. Исследования 1998–2001 гг. позволили уточнить архитектуру первоначального здания Партенитской базилики (Рис. 11, 12), которая существенно отличается от введенной в научный оборот Н.И. Репниковым (Рис. 4, А).

Особый интерес представляет коллекция архитектурных деталей полученных в ходе раскопок 1907 и 1998–2001 гг. Группа архитектурных деталей позволяет достаточно полно восстановить облик предалтарной преграды (τέμπλον) (Рис. 6–8). В ходе раскопок обнаружены фрагменты колонок, плит ограждения и столбиков (Рис. 8). Балка (архитрав), перекрывавшая весь пролет алтарной преграды шириной 5,12 м, вероятно, была деревянной. В центре алтарной преграды находились святые врата шириной 1,45 м. Четыре колонны высотой 0,96 м и диаметром 0,16 м покрывались резным орнаментом из листьев аканфа (Рис. 8). Как видим, для объемно-плановой структуры базилики характерно наличие трех полукруглых изнутри и снаружи апсид, скрытого трансепта в виде обособленных приделов (жертвенника и диаконника), глубокая вима, укороченный наос, разделенный на нефы аркадами с двумя промежуточными опорами в виде квадратных в сечении столпов⁴⁶. При этом

⁴⁶ Р. Краутхаймер по планиграфическим характеристикам разделял культовые памятники на пять основных типов: 1) в плане имеют укороченный греческий крест; 2) октагонально-купольные здания; 3) композиция, соединяющая греческий крест с октагоном; 4) здания с амбулаторием, развивающие тему купольной базилики с галереями, встроенными в структуру крестово-купольного храма; 5) вписанный крест как самый распространенный в средневизантийское время (отчасти связаны с крестово-купольными композициями с частично изолированными угловыми компартиментами и куполом на четырех опорах, формируемых углами стен. См.: *Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture*. New Haven; London, 1986. P. 337–341. Партенитская базилика, на первый взгляд, не подходит ни к одному из представленных типов строений. Однако у нее квадратный наос с угловыми компартиментами и с трех сторон здание охватывают галереи, а это сближает ее с памятниками 4 и 5 типов.

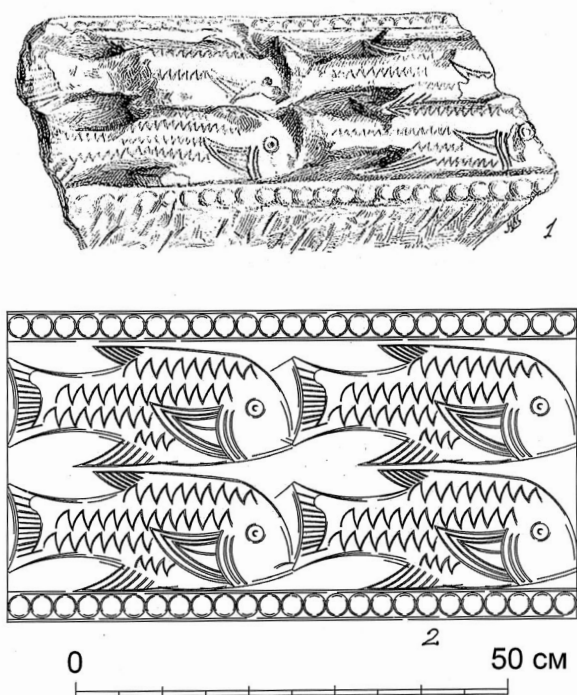

Рис. 9. Фрагмент облицовки верхней части апсиды с изображениями рыб:
1 — рисунок по Н.И. Репникову; 2 — реконструкция архитектора А.В. Мыца

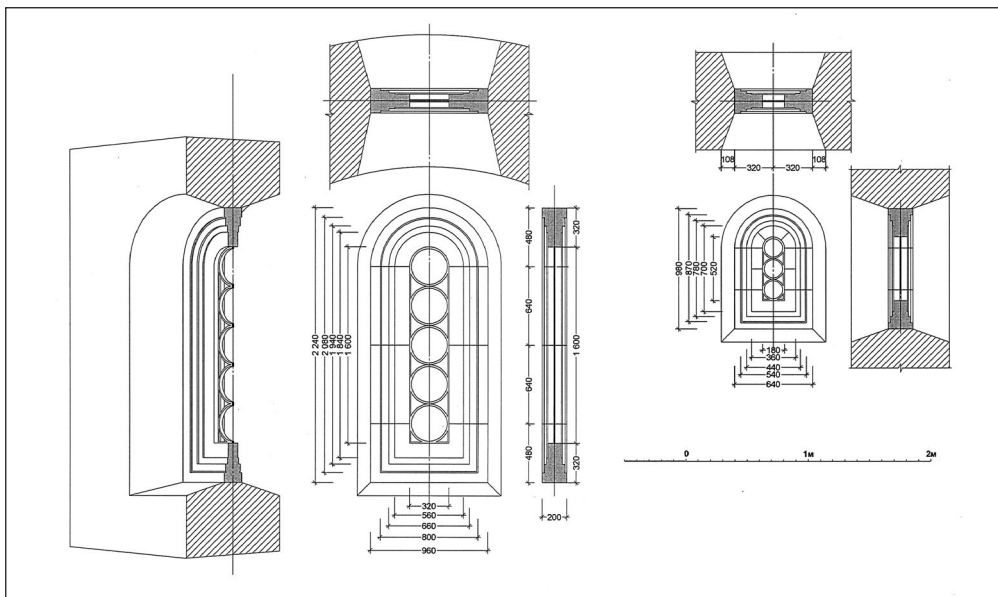

Рис. 10. Окна Партенитской базилики (реконструкция архитектора А.В. Мыца)

четыре свободно стоящие столпа не образуют квадрат и поэтому не могли служить опорами для барабана и купола. Центральный неф возвышался над пониженными боковыми. Основной объем здания с трех сторон окружали узкие галереи со сквозными арками. Получалась относительно сложная планировка интерьера, по-видимому, отвечавшая художественным вкусам заказчика и его материальным возможностям. Учитывая общий объем строения, оно выглядело приземистым, а его реконструируемая высота не превышала 11 м или 34 византийских фута (Рис. 11). По-видимому, внешний облик храма был лишен каких-либо наружных украшений в виде узорной кирпичной кладки с орнаментированными розетками и рельефами. Экстерьер здания оживляли окна, установленные в декорированные рельефные рамы (Рис. 10, 11) и сквозные аркады обходной галереи. Таким образом, однообразие фасадов, аскетичный и неприхотливый внешний вид церкви нарушали только окна и арки галереи. Зато здание получило богатый внутренний интерьер. И если фресковая живопись не сохранилась, то дошедшие до нас элементы архитектурного декора (вырезанные из мергеля высокохудожественные карнизы, капитель, колонка, столбик, плиты предалтарной преграды)⁴⁷ и мозаики свидетельствуют о богатом и оригинальном оформлении интерьера храма.

Если время возведения базилики предположительно можно отнести к последней трети X в. и помещать в хронологических пределах первой половины правления византийского императора Василия II (976–1025), то имена зодчего и ктитора неизвестны. Учитывая статус постройки — кафоликон монастыря, — заказчиком мог выступать архиепископ Готии. Но для этого времени нам не известны имена готских архиереев.

Размеры базилики составляли 12,46 x 17,90 м (39 x 56 византийских футов), а вместе с обводной галереей они достигали 18,22 x 20,18 м (57 x 63 футов). Объемно-плановая структура здания храма позволяет отнести его к так называемым типовым базиликам Македонского возрождения⁴⁸, датируемым IX–XI вв. В Крыму они представлены «Базиликой 1987 г.»

⁴⁷ Недавно к теме изучения резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма обратился В.П. Кирилко. См.: *Кирилко В.П.* Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. Вып. 12. СПб., 2022. С. 135–147. К числу рассматриваемых автором памятников можем добавить Алушту, Пампук-Кая и Тепсень, на которых также выявлены архитектурные резные детали X в. из мергеля.

⁴⁸ К числу наиболее близких можно отнести церковь в местности Аврадака в Великом Преславе X–XI вв. См.: *Воронова А.А.* На границе Востока и Запада: Средневековая архитектура Сербии, Далмации и Истрии. М., 2015. С. 178. Илл. 62, 2; С. 197.

в Херсонесе⁴⁹ и еще тремя известными памятниками — базиликами Пампук-Кая⁵⁰, Мангупа⁵¹ (на восточном обрыве плато), на Тепсене⁵² («базилика Барсамова»). Более скромно выглядят «сельские» базилики Юго-Западного Крыма (у сел Поворотного⁵³ и Гончарного⁵⁴), которые также являются архитектурными объектами периода Македонского возрождения, хотя даты их возведения исследователями явно были занижены на 1–2 столетия. Круг византийских церковных памятников IX–X вв. следует расширить за счет «Базилики Маркевича» близ Мангупа⁵⁵.

⁴⁹ А.В. Сазанов относит время возведения базилики к первым десятилетиям XI в. Она представляла собой трехнефное трехапсидное здание с полуциркульными апсидами. Общие размеры строения составляют 12 x 11 м. Относится к типу базилик с четырьмя свободно стоящими колоннами и устоями, соединяющимися с юго-западной стеной храма. См.: *Сазанов А.В.* Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 4. 1999. С. 276–316 (здесь: С. 278–279).

⁵⁰ *Якобсон А.Л.* Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 99. С. 65–72. Рис. 25–27.

⁵¹ *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 122–139 (здесь: С. 130–131. Рис. 4).

⁵² См.: *Барсамов Н.С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929–1931 гг. Феодосия, 1932. С. 4–9; *Бабенчиков В.П.* Итоги исследований средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 88–146 (здесь: С. 101); *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос локализации города Фуллы) // Советская археология. 1958. Т. 18. С. 198–218 (здесь: С. 215); *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. [Материалы и исследования по археологии СССР; 85]. М.; Л., 1958. С. 463. Рис. 9, 2.

⁵³ *Романчук А.И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // Античная древность и Средние века. 1976. Вып. 13. С. 9–26 (здесь: С. 11. Рис. 2).

⁵⁴ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. [Материалы и исследования по археологии СССР; 168]. М.; Л., 1970. С. 127. Рис. 8. Памятник представляет собой пятинефную и пятиапсидную базилику размером 11,4 x 15,5 м — кафоликон монастыря конца IX – первой половины X в. Хотя памятник был открыт в конце XIX в. (*Маркевич А.И.* Экскурсия на Мангуп // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Вып. 9. 1890. С. 101–107), исследовать его удалось только в 2012–2016 гг. См.: *Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И.* «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы конференции. Севастополь, 2017. С. 50–55; *Иожица Д.В.* Архитектурно-археологическая реконструкция «Базилики Маркевича» // ХΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Международный византийский семинар (Севастополь-Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеев. Симферополь, 2019. С. 115–120. Рис. 1–2.

⁵⁵ Данный памятник был открыт и изучался в 1877–1878 гг. Одесским обществом истории и древностей. См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. № 12. 1893. С. 41.

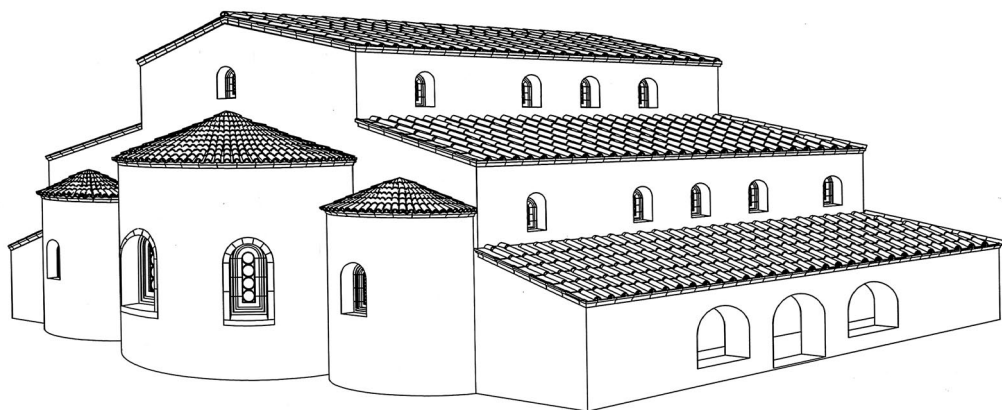

Рис. 11. Парthenитская базилика. Первый этап существования памятника (последняя треть X–XI вв.). Вид с северо-востока (реконструкция архитектора А.В. Мыца)

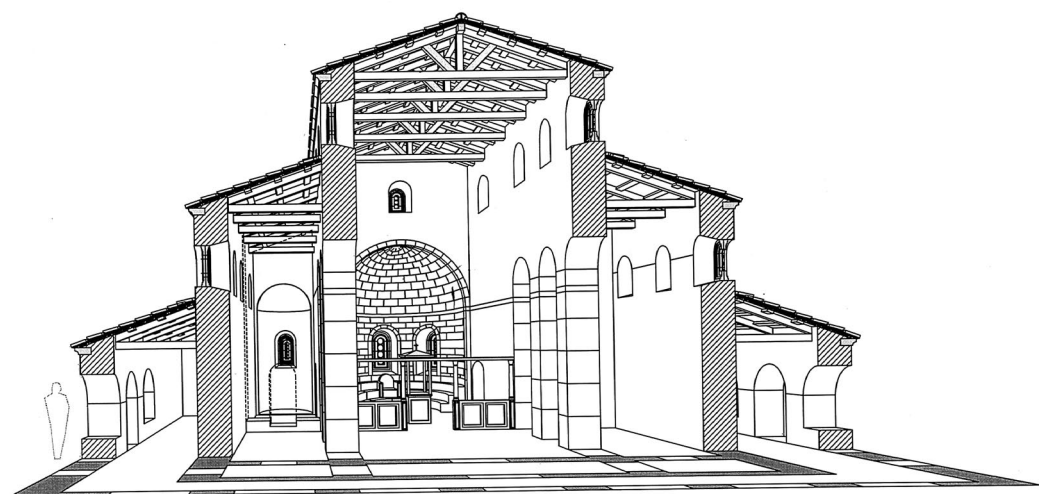

Рис. 12. Парthenитская базилика: аксанометрия (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

В целом на территории полуострова можно отметить более двух десятков архитектурно-археологических объектов IX–XI вв.

Обзор памятников периода Македонского возрождения начнем с византийского Херсона. Со второй половины X в. в городе не сооружали базиликальных строений. Здесь в X–XII вв. возводили компактные, вертикально акцентированные крестово-купольные (четыре церкви — № 6, 9, 21, 34 по классификации ИАК) и крестообразные храмы (шесть разновременных памятников). Среди крестово-купольных строений наиболее яркими чертами периода Македонского возрождения обладают три памятника (№ 6, 9 и 34). Храм № 34 представлял собой трехапсид-

ное здание размером 11,0 x 17,0 м (34 x 53 византийских фута) с шестью столпами и нартексом⁵⁶. При этом средняя и восточная пара столпов образовывали подкупольный квадрат. А.Л. Якобсон первоначально датировал храм XI–XII вв.⁵⁷, а затем отнес дату его возведения к концу X в. Центральное пространство пола украшала мозаика, выполненная в технике *opus sectile*⁵⁸ и представлявшая собой три панно. Как отмечает Л.Г. Хрушкова: «Вымостка выполнена в технике инкрустации из плиток местного мраморовидного известняка желтоватого цвета, небольших фрагментов белого мрамора, тессер пасты темно-серого и белого цветов, а также смальты синего, зеленого и красноватого цветов, отформованной в виде мелких элементов геометрических форм: ромбов, треугольников, прямоугольников, квадратов»⁵⁹.

Типологически близким к «Шестистолпному» (№ 34) являются храм № 6⁶⁰ и так называемый Храм на сводах (№ 9). Он уступает только по размерам, составляющим 7,8 x 12,0 м. Церковь имеет три полукруглые апсиды, четыре квадратных в сечении столба. Его особенностью является наличие под полом храма крипты со сводами. Наиболее сохранившимся церковным зданием этого времени являются крестообразный храм № 19 («Храм с ковчегом») на участке античного театра и остатки

⁵⁶ Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). [Материалы и исследования по археологии СССР; 17]. М.; Л., 1950. С. 168.

⁵⁷ Якобсон А.Л. Мозаичный пол X в. в Херсонесе (Херсоне) // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 504–512.

⁵⁸ Хрушкова Л.Г. Полы *opus sectile*... С. 39. Илл. 4.

⁵⁹ Данная церковь исследовалась в 1891 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Имела форму плана близкую к храму № 34 с тремя апсидами и шестью квадратными столпами, но была меньших размеров. См.: Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1 (Развалины храмов). М., 1905. С. 126–128.

⁶⁰ Здание церкви открыто К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1897 г. и это наиболее крупное сооружение такого типа в Херсонесе (20,7 x 21,5 м, т. е. 65 x 67 византийских футов). О.И. Домбровский на основании своих раскопок 1955–1958 гг. пришел к заключению, что памятник следует датировать X или началом XI в.: Домбровский О.И. Отчет о раскопках в 1955 г. античного театра и «Храма с ковчегом» // Архив НЗХТ. Дело № 712; Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке античного театра // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. 1. С. 36–42 (здесь: С. 37–38); Яшаева Т.Ю. Крестообразный храм с ковчегом // Раннесредневековые сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познать, 2004. С. 85–88. Датировка памятника (от VI до X в.) вызвала споры и породила обильную историографию. См.: Романчук А.И. Херсонес-Херсон. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография в 2 томах. Т. 2 (Византийский город). Тюмень, 2008. С. 326–330. Интерес к этому архитектурному объекту не ослабевает, что вызвало необходимость выполнить обмеры храма с использованием современного лазерного оборудования. См.: Беляев С.А. Итоги работы экспедиции по архитектурным обмерам «храма с ковчегом», раскопанного в Херсонесе в 1897 году // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1 (70). 2013. С. 153–157.

крестообразного храма на некрополе Херсонеса в западной части города, исследованный в 1985 г. А.И. Романчук⁶¹.

На остальной территории Юго-Западного Крыма, архитектурные новации в виде крестообразных и крестово-купольных церквей не получили широкого развития. За пределами Херсона крестообразные храмы выявлены в ходе раскопок на юго-восточном склоне Мангупа⁶² и под Баклой⁶³. Единственный пещерный монастырский храм Святой Софии крестообразной формы известен рядом с Каламитой⁶⁴. Отличительной особенно церковной архитектуры Юго-Западной Таврики являлось длительное использование (до конца XV в.) архаичной базиликальной формы храма. Известны две относительно крупных базилики на территории Готии, существовавшие до османского завоевания 1475 г.: храм Святых апостолов Петра и Павла в Партените⁶⁵ и Мангупская базилика⁶⁶. Причем в X–XI вв. существовали как Эски-Керменская⁶⁷, так и Мангупская базилики.

Надо отметить, что Партенитская базилика не выглядит одиноко на историческом фоне христианских памятников приморской Готии. Здесь, на территории каждого относительно крупного византийского поселения IX–XI вв. (Алустон, Партенит, Гурзуф, Ялита, Симеиз, Ласпи), в ходе археологических исследований в разное время выявлены следы православных храмов. Большинство этих церквей строились в X в. Они представляют собой относительно небольшие одноапсидные храмы с прямоугольным наосом. В самом Партените, на горе Кале-Поти, отмечены руины четырех церквей, которые до сих пор остаются неизученными,

⁶¹ Лосицкий Ю.Г. Храмы средневекового Крыма IV–XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. [Археологический альманах. № 33]. Киев, 2015. С. 179–199 (здесь: С. 180).

⁶² См.: Мыц В.Л. Отчет о раскопках у подножия Мангупа в 1981 г. Научный архив Института археологии НАНУ. Д. 1981/3 г. 13 с., 81 табл.; *Он же*. Загородный храм и некрополь Мангупа // Античная древность и Средние века. 1984. Вып. 21. С. 57–66; *Он же*. Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1. С. 224–242.

⁶³ Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная древность и Средние века. 1984. Вып. 21. С. 35–57.

⁶⁴ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 22–30. Рис. 96, 99–101.

⁶⁵ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 502–503.

⁶⁶ Ретников Н.И. О датах базилик Юго-Западного Крыма // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А. Беляев. СПб.: Алетейя, 2009. С. 168–175; Кирилко В.П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. № 1. 1997. С. 89–98.

⁶⁷ См.: Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59; Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 99–113.

а всего в долине известны строительные остатки восьми храмов⁶⁸. Кроме того, на самом Аю-Даге и склонах горы разведками установлено местоположение девяти средневековых церквей (Рис. 1, 26–32, 38, 39)⁶⁹. Одну интересную находку из Партенита недавно опубликовал В.П. Кирилко. Речь идет о фрагменте декорированного врезным орнаментом карниза, изготовленного из мергеля⁷⁰.

В цитадели крепости Алустон в 1987–1989 гг. открыты руины византийского храма. Хотя памятник раскопан полностью, опубликован только план неоднократно перестраивавшейся церкви IX–XV вв. и краткая надпись о ее последнем восстановлении в 1404 г.⁷¹ К X в. относятся руины трехнефной триапсидной базилики общими размерами 10,55 м (длина) и 11,50 м (ширина). Апсиды полукруглые, стены сложены из бутового камня на известковом растворе, толщина апсид — 0,74 м, несущих стен — 0,62–0,65 м. При формировании откосов входов и углов строения местами использовались сполы из нуммулитового известняка и капсельского ракушечника. Толщина стен указывает на то, что церковь имела стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Характер деления храма на нефы (путем установки колонн или столпов) не удалось выяснить из-за более поздних перестроек: ширина центрального нефа — 4,40/50 м, южного — 2,40 м, северного — 1,60–2,25 м. Ассиметрия плана здания, видимо, была обусловлена тем, что храм встраивали в более раннюю крепостную застройку. Из внутреннего архитектурного убранства X в. почти ничего не сохранилось. Можем назвать только фрагмент детали с листком аканфа (вырезана из мергеля), чашу из белого мрамора, фрагмент круглой в сечении и витой колонки (из нуммулитового известняка, диаметр 6,5 см) от кивория (?)⁷². Храм разрушен

⁶⁸ Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Т. 32 (Проф. Дин Георги Атанасов на 60 годин). Силистра, 2017. С. 279–304 (здесь: С. 295–297, № 70–77).

⁶⁹ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Храм XIV–XV веков монастыря Успения пресвятой Богородицы в бухте Панаир (гора Аю-Даг) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 112 (Царьградский сборник: К XXIV Международному Конгрессу византистов: Венеция, Падуя, 22–27 августа 2022 года). СПб., 2022. С. 12–20. Илл. 1.

⁷⁰ Само изделие небольших размеров (высота — 12 см, ширина — 14 см, длина — 11 см) и представляет собой «нижнюю угловую часть массивной плиты с тремя частично смежными сторонами» (Кирилко В.П. Фрагмент мергелевого карниза из Партенита // XV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А.Алексеев. Севастополь-Балаклава, 5–9 июня 2023 г. Симферополь, 2023. С. 155–162).

⁷¹ См.: Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке: Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 345. Рис. 222; Кирилко В.П. Главный храм Средневековой Алушты // Великотърновският университет «Св.Св. Кирил и Методий» и Българската археология. Т. 2. Велико Търново, 2016. С. 751–766.

⁷² Фрагмент найден при раскопках башни XV в. (Орта-Куле) и поэтому нельзя исключать, что данная колонка не использовалась генуэзцами при сооружении сложного (с двойными или тройными арками) окна. См.: Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... Рис. 181,3.

в пожаре конца X в. Вдоль северо-западной стены строения сохранился слой горения. Из него происходят византийские амфоры, кувшины, обломки белоглиняной посуды X в. В слое этого времени (в цитадели Алустона) найден солид Никифора II Фоки (963–969)⁷³.

В 1871 г.(?) Д.М. Струковым на северном склоне г. Дженевет-Кая (в непосредственной близости от Гурзуфской крепости) выявлены руины трехапсидного трехнефного храма⁷⁴. Территория памятника в 1849 г. была частично застроена, и потому московский художник ограничился съемкой и публикацией схематичного плана, представив к нему краткую аннотацию. На чертеже Д.М. Струкова изображена церковь, состоящая из наоса с тремя нефами и без нартекса. Внутреннее пространство храма разделено на нефы четырьмя опорами в виде квадратных столпов. Проводивший в 1956–1966 гг. раскопки Гурзуфской крепости О.И. Домбровский, интерпретировал памятник как остатки большой базилики, а расположенные в церкви могилы датировал XI–XII вв.⁷⁵ С.Г. Бочаров, суммировав доступный архивный материал о памятнике, высказал предположение, что данная церковь являлась крестово-купольным храмом⁷⁶.

В Ялте на мысе Святого Иоанна в X–XIII вв. располагался византийский монастырь⁷⁷. В его центре находился кафоликон в виде трехнефной и трехапсидной базилики. С.Г. Бочаров восстанавливает примерные размеры храма в пределах 13 x 17 м⁷⁸. Храм был взорван в 1774 г. турками и никогда не подвергался архитектурно-археологическому исследованию⁷⁹.

Монастырская церковь X–XIII вв. изучалась О.И. Домбровским в 1966 г. на нижней площадке скалы Панеа в Симеизе. Раскопками выявлены руины трех разновременных храмов. Наиболее поздняя церковь XIV–XV вв. была связана с генуэзским замком. Ее стены покоились на поверхности пола со следами сильного пожара последней трети XIII в. Поздневизантийский храм имел половую вымостку, состоявшую из плит белого мрамора. Наиболее интересным оказалось строение IX–X вв. На открытом раскопками фрагменте размером 1,5 x 3,0 м исследователем открыта поверхность мозаичного пола с изображением двух павлинов,

⁷³ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 123–127.

⁷⁴ Струков Д.М. Древние памятники... С. 36.

⁷⁵ Домбровский О.И. Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972. С. 83.

⁷⁶ Бочаров С.Г. Средневековые храмы Гурзуфа // *Казанская наука*. 2014. № 11. С. 26–32.

⁷⁷ Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991. С. 145.

⁷⁸ Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев, 2004. С. 186–200 (здесь: С. 186).

⁷⁹ Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 298.

размещенных по сторонам канфара. Художественную композицию обрамляла «плетенка», заполненная фигурками небольших птиц, гроздьями винограда и цветами.

По замечанию О.И. Домбровского «мозаика была выполнена не ранее X в. <...> с широким применением смальт — голубых, синих, зеленых, лимонно-желтых позолоченных»⁸⁰. Автор раскопок также предположил, что «исполнитель мозаики прибыл из Херсонеса со всеми необходимыми заготовками, так как местный или заморский мастер смог бы найти на берегу рядом с Панеа не менее красочные материалы»⁸¹. А.Л. Якобсон, делая обзор раннесредневековых памятников Юго-Западного Крыма, дал (ничем не подтвержденное) определение храму X в. на скале Панеа как базиликальной постройке⁸².

В 60-х гг. XX в. базиликальное здание обнаружено в Ласпинской долине⁸³ на северо-западном склоне г. Мачук. Церковь принадлежала средневековому поселению, расположившемуся на склоне горы и недалеко от выхода из долины на Мачукский перевал. Напротив этого комплексного памятника находится хорошо известная гора Ильяс-Кая с руинами монастыря Святого Ильи X–XIII вв.⁸⁴ В 1965 г. О.И. Домбровский в ходе археологических разведок произвел зачистку стен небольшой одноапсидной церкви. Более углубленное изучение данного памятника в 1976 г. произвела Е.А. Паршина⁸⁵. В ходе этих работ был открыт храм размером: длина — 6,30 м, ширина — около 3,0 м. Диаметр подковообразной апсиды достигал 2,06 м. Стены (толщина 0,60–0,65 м) сложены из разномерного бутового камня на известковом растворе. Пол выстлался необработанными плитками песчаника. Под полом обнаружена бронзовая чаша и клад из 26 серебряных монет Крымского ханства XV–XVI вв. Поздняя церковь оказалась возведена на руинах более раннего трехапсидного и трехнефного храма. Примерные размеры базилики (сооружена на отдельной верхней искусственной террасе) составляют 10,50 x 13 м. В XV в. на развалинах ее северного нефа возвели небольшую церковь. Использование стен более раннего здания

⁸⁰ Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» крымского Южного бережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибикив. Киев, 1974. С. 5–55 (здесь: С. 28. Рис. 18).

⁸¹ Там же. С. 28–29. Рис. 17, 18.

⁸² Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 22.

⁸³ Описание Ласпинской долины и ее памятников см.: Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 405–432. Рис. 145, 12.

⁸⁴ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 23–25. Рис. 14, 15.

⁸⁵ Паршина Е.А. Исследования в урочище Ласпи // АО 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1977. С. 350.

привело к ассиметричному расположению алтаря позднего храма⁸⁶, так как ширина левого плеча составляла 0,60 м, а с правой стороны апсида плавно сливалась со стеной.

На основании этих данных А.В. Иванов считает, что малую церковь (не позднее XV в.) возвели на руинах северного нефа более раннего трех-апсидного храма. Кроме того, им высказано предположение, что данная церковь была возведена во имя Святого Георгия⁸⁷.

Среди архитектурно-археологических памятников Крыма периода Македонского возрождения особое место занимает один уникальный на сегодняшний день объект. Это руины дворцового здания, открытые в Ласпинской долине и изучавшиеся Е.А. Паршиной в 1978–1981 гг. В ходе раскопок дворец получил условное название «Большого дома» из-за того, что выделялся своими размерами (около 10 x 20 м). К сожалению, памятник остался не исследован, а полученные в ходе его раскопок материалы не опубликованы⁸⁸. Несмотря на это, объект нашел отражение в работах ряда авторов. О.И. Домбровский отметил, что при раскопках «Большого дома» в Ласпи найдены «обломки шестигранного анта, капитель которого была украшена резными изображениями фантастических птиц или грифонов, а грани испещрены граффити — это надписи на греческом языке и несколько человеческих изображений»⁸⁹. Широкий исторический контекст памятника предлагает С.Б. Сорочан, отмечающий дворцовый характер строения, которое могло служить резиденцией византийского простатевона⁹⁰.

⁸⁶ Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви... С. 282. № 6.

⁸⁷ Иванов А.В. Древности Ласпинской долины в сочинениях П.И.Кеппена и его современников // О древностях Южного берега и гор Таврических / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев, 2004. С. 58–64 (здесь: С. 60. Примеч. 2, 3).

⁸⁸ См.: Паршина Е.А., Мыц В.Л. Раскопки в урочище «Ласпи» // АО 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1979. С. 382–383; Паршина Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи // АО 1979 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1980. С. 321.

⁸⁹ Домбровский О.И. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР. Т. 3 (Раннеславянский и древнерусский периоды) / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1986. С. 518–535.

⁹⁰ См.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 691; Он же. К вопросу об облике городищ-полисов и «кастра племен» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII – первой половине IX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 91–100 (здесь: С. 95–96). К сожалению, автор допускает неточности при характеристике памятника: 1) занижает дату строительства; 2) полы дворца были мозаичными в технике *opus sectile*; 3) нет оснований говорить, что кладка стен была возведена на глине, но в технике *opus mixtum*, т. к. фрагмент стены в такой технике обнаружен в 50 м к юго-западу от дворца на склоне возвышенности.

Фрагментированной многогранной колонке с надписями уделил внимание А.В. Виноградов, датировавший памятник XI–XII вв. Он отметил наличие очень редких для Крыма имен — Угрий и Антиох. Виноградову удалось прочитать несколько invocative выражений: «Господи, помоги Своему рабу Угрию», «Господи, помоги Своему рабу грешному Иоанну», «Господи, помоги Своему рабу Антиоху...»⁹¹ и т. д.

В.П. Кирилко, занявшийся предметным изучением ласпинской лапидарной коллекции, установил, что фрагменты принадлежат четырем изделям: двум колонкам (одна была круглой), другая имела восьмигранное сечение. Особенно интересными оказались фрагменты двузонной капители с украшением в виде фигур орлов и листьев мелкозубчатого аканфа⁹².

Дворцовое строение ориентировано по сторонам света. Толщина стен (0,96 м) свидетельствовала о том, что здание было двухэтажным. Кладка стен на глине состояла из тщательно уложенного бутового камня. Половая мозаика типа *opus sectile*. В отделке пола помещений (залов) использовались керамические квадратные, треугольные, прямоугольные и фигурные красные плитки (8 x 8 x 1,4 см) с вогнутыми внутрь краями и ладьевидные брусочки из белого мрамора (8 x 4 x 1,4 см). При плотной стыковке данные детали мозаики создавали яркий контрастный ковровый узор. Стены покрывала белая известковая штукатурка с росписью (под мрамор?) синего и черного тонов. Видимо, на уровне второго этажа располагались двойные (?) арочные окна. На это могут указывать не только осколки плоского оконного стекла из слоя пожара, но и фрагменты колонок с капителями. Кровля состояла из стропил, покрытых обрешеткой и массивной черепицей (керамидами и калиптерами). Дворец погиб в пожаре X в. и больше не восстанавливался.

В заключение следует отметить, что упомянутыми (их пока 24) памятниками X в. не исчерпывается богатство архитектурно-археологической картины полуострова в период правления Македонской династии (867–1056). Несомненно, что каждый из выявленных объектов нуждается в более пристальном изучении. Византийские истоки этих строений не вызывают сомнения, однако по ним пока невозможно проследить формирование региональной архитектурно-строительной традиции. Среди упомянутых зданий, соотносимых с памятниками периода Македонского возрождения IX–XI вв., безусловно, одним из наиболее ярких выступает Партенитская базилика. Вместе с тем следует признать, что несмотря

⁹¹ Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE3). URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>. 7, V236 (дата обращения 3.09.2023).

⁹² См.: Кирилко В.П. Ласпинская лапидарная коллекция // Материалы XVI Дмитровских чтений. Ялта, 2022. С. 74–76. Рис. 3, 4. Он же. Ласпинская капитель с орлами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 6. С. 6–20.

на объемную историографию, посвященную этому памятнику, остается нерешенным вопрос определения архитектурного типа и происхождения зодчего, возводившего базилику в последней трети X в. По времени строительства Партенитский храм близок выдающемуся памятнику Македонского возрождения — Десятиной церкви в Киеве, возведенной в 986–996 гг. «мастерами от грек». Несмотря на длительность изучения храма Пресвятой Богородицы, архитектурный тип киевского собора всё еще остается дискуссионным⁹³.

References

- Adaksina, S.B., and Myts, V.L. “Khram XIV–XV vekov monastyr’a Uspeniia presvyatoi Bogorodicy v bukhte Panair (gora Ayu-Dag) [Church of the 14th–15th Centuries of the Monastery of the Dormition of the Holy Mother of God in Panair Bay (Ayu-Dag Mountain)].” In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. 112. Saint-Petersburg, 2022. P. 12–20 (in Russian).
- Adaksina, S.B., and Myts, V.L. “Nakhodki zolotykh vizantiiskikh monet iz raskopok Alustona [Gold Byzantine Coins Discovered at Aluston].” *Stratum plus* 6 (1999). P. 123–127 (in Russian).
- Adaksina, S.B., and Myts, V.L. “Partenitskaia bazilika v X–XI vv. (pervyi etap sushchestvovaniia pam’atnika) [Parthenite Basilica in the 10th–11th Centuries (The First Stage of the Monument’s Existence)].” *Khristianskii vostok* 6 (2013). P. 405–433 (in Russian).
- Babenchikov, V.P. “Itogi issledovaniia srednevekovogo poseleniia na kholme Tepsen’ [Results of the Research of the Medieval Settlement on the Tepsen Hill].” In *Istoriia i arkheologiiia srednevekovogo Kryma*. Moscow, 1958. P. 88–146 (in Russian).
- Barsamov, N.S. *Soobshchenie ob arkheologicheskikh raskopkakh srednevekovogo gorodishcha v Koktebele 1929–1931 gg. [Report on Archaeological Excavations of the Medieval Settlement in Koktebel 1929–1931]*. Feodosiya, 1932 (in Russian).
- Belyaev, L.A. *Khristianskie drevnosti: vvedenie v sravnitel’noe izuchenie [Christian Antiquities: An Introduction to Comparative Study]*. Saint-Petersburg, 2020 (in Russian).
- Belyaev, S.A. “Itogi raboty ehkspeditsii po arkhitekturnym obmeram “khrama s kovchegom”, raskopannogo v Khersonese v 1897 godu [Results of the Expedition’s Work on Architectural Measurements of the “Temple with the Ark” Excavated in Chersonesos in 1897].” *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* 1 (2013). P. 153–157.

⁹³ Ёлишин Д.Д. Архитектурный тип Десятиной церкви в Киеве: историография проблемы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53 (Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара: 17–21 ноября 2009 года). СПб., 2010. С. 349–360.

- Bocharov, S.G. "Srednevekovye khramy Gurzufa [Medieval Churches of Gurzuf]." *Kazanskaia nauka* 11 (2014). P. 26–32 (in Russian).
- Bocharov, S.G. "Zametki po istoricheskoi geografii Genuhezskoi Gazarii XIV–XV vv. Yuzhnyi bereg Kryma [Notes on the Historical Geography of the Genoese Gazaria of the 14th–15th Centuries. The Southern Coast of Crimea]." In *O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh*: *Sbornik nauchnykh trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiiia so dn'a rozhdeniia Petra Ivanovicha K'oppena)*. Kiev, 2004. P. 186–200 (in Russian).
- Bocharov, S.G., and Kirilko, V.P. "Mediaeval Churches of the South Bank of Crimea (Materials to the Archaeological Map)." *Dobrudzha* 32 (2017). P. 279–304 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. "Srednevekovye poseleniia i «Isary» Krymskogo Iuzhnoberezh'ia [Medieval Settlements and "Hissars" of the Crimean South Coast]." In *Feodal'naiia Tavrika*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 5–55 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. "Srednevekovyi Krym X–XV vv. [Medieval Crimea, X–XV Centuries]." In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR*, ed. by V.D. Baran. Vol. 3. Kiev, 1986. P. 518–535 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. *Krepost' v Gurzuvitakh [Fortress in Gurzuviata]*. Simferopol, 1972 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I., and Parshina, E.A. "O rannesrednevekovoi zastroiike antichnogo teatra [On the Early Medieval Site Development of the Ancient Theatre]." In *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeia* 1 (1960). P. 36–42 (in Russian).
- Firsov, L.V. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma [Hissars: Essays on the History of Medieval Fortresses of the Southern Coast of Crimea]*. Novosibirsk, 1990 (in Russian).
- Iozhica, D.V. "Arkhiturno-arkheologicheskaia rekonstruktsiia "Baziliki Markevicha" [Architectural and Archaeological Reconstruction of "Markievich's Basilica"]." In *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i polis. Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar (Sevastopol-Balaklava, 3–7 iun'a 2019 g.)*. *Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2019. P. 115–120 (in Russian).
- Ivanov, A.V. "Drevnosti Laspinskoi doliny v sochineniiakh P.I. Keppena i ego sovremennikov [Antiquities of the Laspi Valley in the works of P.I. Köppen and his Contemporaries]." In *O drevnostyakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh*, ed. by V.L. Myts. Kiev, 2004. P. 58–64 (in Russian).
- Kazhdan, A. "Hē epokhē tou Kōnstantinou Z' Porfyrogennētou [The Epoch of Constantine Porphyrogenitus]." *Diabazō* 129 (1985). P. 17–20 (in Greek).
- Khrushkova, L. "Opus sectile Pavements in the Crimea and on the East Coast of the Black Sea." In *11th International Colloquium on Ancient Mosaics. October 16th–20th 2009. Bursa, Turkey*, ed. by M. Sahin. Istanbul, 2011. P. 505–518.
- Khrushkova, L.G. "Bazilika v Partenite: vymostka opus sectile, khronologiia pam'atnika i sv. Ioann Gotskii [Basilica in Parthenite: Pavement opus sectile, Chronology of the Monument and St. John of Gothia]." In *VI Mezhduna-*

- rodnaia konferentsiia po tserkovnoi arkheologii. Khersones — gorod sv. Klimenta: tezisy dokladov i soobshchenii*. Sevastopol, 2011. P. 47 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. "Poly opus sectile v Vostochnom Prichernomor'ie, Krymu, Kieve: vizantiiskii kontekst [*Opus sectile Floors in the Eastern Black Sea Region, Crimea, Kiev: The Byzantine Context*]." *Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha* 65 (2012). P. 34–59 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. "Vymostki opus sectile v Prichernomor'ie i Kieve: sredizemnomorskii kontekst [*Opus sectile Pavements in the Black Sea Region and Kiev: The Mediterranean Context*]." In *Rossiiskoe vizantinovedenie. Traditsii i perspektivy: tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov. Moscow, 27–29 ianvar'a 2011 g.* Moscow, 2011. P. 215–218 (in Russian).
- Kirilko V.P. "Laspinskaia lapidarnaia kolleksiia [Lapidary Collection from Laspi]." In *Materialy XVI Dmitrievskikh chtenii*. Yalta, 2022 P. 74–76 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Capital with Eagles from Laspi." *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* 27/6 (2022). P. 6–20 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Fragment mergelevogo karniza iz Partenita [Fragment of a Marl Cornice from Parthenite]." In *XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i polis. Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Sevastopol-Balaklava, 5–9 iun'a 2023 g. Simferopol, 2023. P. 155–162 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Glavnyi khram Srednevekovoi Alushty [The Main Temple of Medieval Alushta]." In *Velikotrnovskiiat universitet «Sv.Sv. Kiril i Metodii» i Blgarskata arkheologiia*. Vol. 2. Veliko Trnovo, 2016. P. 751–766 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Iskusstvovedcheskie i arkheologicheskie realii reznogo dekora iz mergel'a v arkhitekture srednevekovogo Kryma [Art History and Archaeological Realities of Carved Decor from Marl in the Architecture of Medieval Crimea]." In *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: Sbornik nauchnykh statei*, ed. by A.V. Zakharova, S.V. Mal'tseva, E.Iu. Stan'ukovich-Denisova. Issue 12. Saint-Petersburg, 2022. P. 135–147 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Vizantiiskaia arkhitektura Mangupa [Byzantine Architecture of Mangup]." *Arkheologiia Kryma* 1 (1997). P. 89–98 (in Russian).
- Kozlov, V.F. "Pam'atniki pravoslavnogo Kryma v zhizni moskovskogo khudozhnika i arkheologa D.M. Strukova [Monuments of Orthodox Crimea in the Life of Moscow Painter and Archaeologist D.M. Strukov]." In *Moskva-Krym: Istoriko-publitsisticheskii al'manakh*. Issue 4. Moscow, 2002. P. 316–323 (in Russian).
- Kozlov, V.F. "Pevets pravoslavnoi Tavridy (moskovskii khudozhnik D.M. Strukov i Krym) [Singer of Orthodox Taurida (A Painter from Moscow D.M. Strukov and Crimea)]." In *Predvestie: Krymskii literaturno-filosofskii zhurnal* 5 (1993). P. 87–98 (in Russian).
- Krautheimer, R. *Ealy Christian and Byzantine Architecture*. New Haven; London, 1986.
- Kropotkin, V.V. "Iz istorii srednevekovogo Kryma (Chufut-Kale i vopros lokalizatsii goroda Fully) [From the History of Medieval Crimea (Chufut-

- Kale and the Question of the Localization of the City of Fulla)].” *Sovetskaia arkheologiia* 18 (1958). P. 198–218 (in Russian).
- Lazarev, V.N. *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi [History of Byzantine Painting]*. Vol. 1–2. Moscow, 1986 (in Russian).
- Lositskii, Iu.G. “Khramy srednevekovogo Kryma IV–XIV vv. (soobrazheniia po rekonstruktsii i restavratsii) [Churches of Medieval Crimea of the 4th–14th Centuries (Considerations on Reconstruction and Restoration)].” In *Drevn’aia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posv’ashchennyi iubileiu E.A. Parshinoi*. [Arkheologicheskii al’manakh; 33]. Kiev, 2015. P. 179–199 (in Russian).
- Lositskii, Iu.G., and Parshina, E.A. “Eski-Kermenskaia bazilika [Basilica of Eski-Kermen].” In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii*. Kiev, 2002. P. 99–113 (in Russian).
- Mishakova, I.A. “K istoriografii srednevekovogo Renessansa [The Historiography of the Medieval Renaissance Revisited].” In *Problemy vseobshchei istorii: Sbornik statei*. Moscow, 1974. P. 300–316 (in Russian).
- Mogarichev, Iu.M. *Peshchernye cerkvi Tavriki [Cave Churches of Taurica]*. Simferopol, 1997 (in Russian).
- Myts, V.L. “Krestooobraznyi khram Mangupa [The Cross-Shaped Church of Mangup].” *Sovetskaia arkheologiia* 1 (1990). P. 224–242 (in Russian).
- Myts, V.L. “Zagorodnyi khram i nekropol’ Mangupa [Country Church and Necropolis of Mangup].” *Antichnaia drevnost’ i Srednie veka* 21 (1984). P. 57–66 (in Russian).
- Myts, V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke: Kontakty i konflikty [Kaffa and Theodoro in the 15th century: Contacts and conflicts]*. Simferopol, 2009 (in Russian).
- Myts, V.L. *Ukrepleniia Tavriki X–XV vv. [Fortifications of Taurica, 10th–15th c.]*. Kiev, 1991 (in Russian).
- Naumenko, V.E., Iozhitsa, D.V., and Nabokov, A.I. ““Bazilika Markevicha” na iuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovaniia 2012–2016 gg.) [“Markevich Basilica” on the Southern Periphery of the Mangup Settlement (Based on Research Materials from 2012–2016)].” In *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia “Arkheologiia srednevekovogo khrama”, k 170-letiiu K.K. Kosc’ushko-Val’uzhinicha. Materialy konferentsii*. Sevastopol, 2017. P. 50–55 (in Russian).
- Parshina, E.A. “Eski-Kermenskaia bazilika [Basilica of Eski-Kermen].” In *Arkhiturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. Kiev, 1988. P. 36–59 (in Russian).
- Repnikov, N.I. “O datakh bazilik Iugo-Zapadnogo Kryma [About the Dates of Basilicas of South-Western Crimea].” In *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa*, ed. by S.A. Belyaev. Saint-Petersburg, 2009. P. 168–175 (in Russian).
- Romanchuk, A.I. “Raskopki sel’skogo poseleniia v nizov’iakh reki Bel’bek [Excavations of a Village Settlement in the Lower Reaches of the Belbek River].” *Antichnaia drevnost’ i Srednie veka* 13 (1976). P. 9–26 (in Russian).

- Romanchuk, A.I. *Khersones-Kherson. Raskopki. Gipotezy. Problemy [Chersonesos-Kherson. Excavations. Hypotheses. Problems]*. Vol. 1–2. Tyumen, 2008 (in Russian).
- Rudakov, V.E. “Khristianskie pam’atniki Bakly. Khramovyi kompleks X–XIII vv. [Christian Monuments of Bakla. Church Complex of the 10th–13th Centuries].” *Antichnaia drevnost’ i srednie veka* 21 (1984). P. 35–57 (in Russian).
- Sazanov, A.V. “Bazilika 1987 g. i nekotorye problemy interpretatsii pamyatnikov khristianskogo Khersonesa [The Basilica of 1987 and Some Problems of Interpretation of Monuments of Christian Chersonesos].” In *Prichernomor’ie v srednie veka*, ed. by S.P. Karpov. Issue 4. 1999. P. 276–316 (in Russian).
- Shevchenko, I.I. “Perechityvaia Konstantina Bagryanorodnogo [Rereading Constantine Porphyrogenitus].” *Vizantiiskii vremennik* 54 (1993). P. 6–38 (in Russian).
- Sorochan, S.B. “K voprosu ob oblike gorodishch-polism i “kastra plem’on” v okrestnost’akh vizantiiskogo Khersona vo vtoroi polovine VII – pervoi polovine IX v. [On the Issue of the Appearance of the Polis-Fortified Settlements and “Castras of Tribes” in the Vicinity of Byzantine Chersonesos in the Second Half of the 7th – First Half of the 9th Century.].” *Uchenye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* 2/2 (2016). P. 91–100 (in Russian).
- Sorochan, S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X v.). Ocherki istorii i kul’tury [Byzantine Chersonesos (Second Half of the 10th Century – First Half of the 10th Century). Essays on History and Culture]*. Part 2. Kharkov, 2005 (in Russian).
- Veimarn, E.V., Loboda, I.I., Pioro, I.S., and Choref, M.Ia. “Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kn’azhestva Feodoro [Archaeological Research of the Capital of the Principality of Theodoro].” In *Feodal’naia Tavrika*. Kiev, 1974. P. 122–139 (in Russian).
- Voronova, A.A. *Na granitse Vostoka i Zapada: Srednevekovaya arkhitektura Serbii, Dalmatsii i Istrii [On the Border of East and West: Medieval Architecture of Serbia, Dalmatia and Istria]*. Moscow, 2015 (in Russian).
- Weitzmann, K. “The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival?” In *Byzantina kai Metabyzantina*, ed. by S. Vronis. Vol. 1. Malibu, 1978. P. 71–85.
- Weitzmann, K. *The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance*. [Studies in Manuscript Illumination; 3]. Princeton, 1948.
- Yakobson, A.L. “Mozaichnyi pol X v. v Khersonese (Khersone) [Mosaic Floor of the 10th Century in Chersonesos (Kherson)].” In *Pam’atniki kul’tury. Novye otkrytiia*. 1982. Leningrad, 1984. P. 504–512 (in Russian).
- Yakobson, A.L. “Novyi pam’atnik rannesrednevekovoi arkhitektury v Krymu [New Monument of Early Medieval Architecture in Crimea].” *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* 99 (1964). P. 65–72 (in Russian).
- Yakobson, A.L. *Rannesrednekovye poseleniia Vostochnogo Kryma [Early Medieval Settlements of the Eastern Crimea]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 85]. Moscow; Leningrad, 1958 (in Russian).

- Yakobson, A.L. *Rannesrednevekove sel'skie poseleniia iugo-zapadnoi Tavriki* [*Early Medieval Village Settlements of Southwestern Taurica*]. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 168]. Moscow; Leningrad, 1970 (in Russian).
- Yakobson, A.L. *Rannesrednevekovi Khersones* [*Early Medieval Chersonesos*]. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 63]. Moscow; Leningrad, 1959 (in Russian).
- Yakobson, A.L. *Srednevekovi Khersones (XII–XIV vv.)* [*Medieval Chersonesos (12th–14th Centuries)*]. [Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 17]. Moscow; Leningrad, 1950 (in Russian).
- Yashaeva, T.Iu. “Krestoobraznyi khram s kovchegom [Cross-Shaped Church with an Ark].” In *Rannesrednevekove sakral'nye postroiki Khersonesa Tavricheskogo*. Poznan, 2004. P. 85–88 (in Russian).
- Yolshin, D.D. “Arkhitekturnyi tip Des'atinnoi tserkvi v Kieve: istoriografiia problem [Architectural Type of the Des'atinnaia Church in Kiev: Historiography of Problems].” In *Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha* 53 (2010). P. 349–360 (in Russian).

Научная статья

Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма

Владимир Петрович Кирилко

Кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Институт археологии
Крыма РАН; проспект Академика В.И. Вернадского, д. 2, 295007 Симферополь;
vladimirkirilko.33@gmail.com

Аннотация: В церковном зодчестве Южнобережного Крыма представлены все основные виды полов, которые известны в других регионах полуострова и за его пределами: земляные, каменные, керамические, мозаичные и деревянные. В большинстве своем они являются характерными для интерьеров местных храмов, датируемых X–XV вв. Неординарность отдельных из них во многом обуславливалась геологическим строением территории, которое позволяло ощутимо разнообразить сырьевую базу напольных покрытий и определяло структуру основания, равно как архитектоникой самих зданий, также оказывавшей влияние на выбор мастера. Мозаичные настилы, принадлежавшие Партенитской базилике (конец X в.) и храму на скале Панеа (не ранее X в.), по праву могут считаться уникальными произведениями декоративного искусства.

Ключевые слова: средневековая архитектура, декоративное искусство, интерьер храма, мозаика, смальта, полевой шпат, кальцит, *opus tessellatum*, *opus sectile*

Цитирование: Кирилко В.П. Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 137–171.

Original article

Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea

Vladimir P. KIRILKO¹

¹ Candidate of Sciences (History); Senior Researcher; Institute of Archeology of the Crimea of RAS; 2, Academician Vernadsky Ave, 2950071 Simferopol, Russian Federation; vladimirkirilko.33@gmail.com

Abstract: The church architecture of South Coast Crimea included all main types of floors known in other regions of the peninsula and beyond: earthen, stone, ceramic, mosaic and wooden. Most of them are typical for the interiors of local churches dating back to the 10th–15th centuries. The uniqueness of some of them was largely determined by the geological structure of the territory, which allowed to diversity of the raw material base for floor coverings and determined the structure of the foundation, as well as the architectonics of the buildings themselves, which also influenced the choice of the master. The mosaic floors that belonged to the Partenit Basilica (late 10th century) and the temple on the Panea rock (not earlier than the 10th century) can rightfully be considered unique works of decorative art.

Keywords: medieval architecture, decorative art, temple interior, mosaic, smalt, feldspar, calcite, *opus tessellatum*, *opus sectile*.

For citation: Kirilko, V.P. "Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea." *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 137–171 (in Russian).

Представление о полах южнобережных церквей, которое сложилось к настоящему времени у исследователей средневекового зодчества Крыма, вряд ли можно считать удовлетворительным¹. В частности, что касается его содержательности, показательным и во многом симптоматичным является результат сравнительного анализа одного из самых распространенных типов культовых построек, полученный недавно К.С. Кирпилевым при сопоставлении архитектуры двух соседних регионов полуострова: «В однефных храмах Херсона пол был вымощен плитами известняка, иногда — мрамора, или плинфой, в то же время, на Южном берегу открыты храмы, в которых пол покрывали сланцем, песчаником, плитами диабазового порфирита, бутовым камнем; иногда в обоих районах встре-

¹ Кирилко В.П. Полы средневековых храмов Южнобережного Крыма // *Byzantinoturica IV: Крым и Северное Причерноморье в системе мировых цивилизаций. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 14–18 ноября 2024 г.* / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. Симферополь: Н.Орианда, 2024. С. 81–85.

чаются варианты с земляными полами»². Цитируемая выборка выглядит случайной, что, учитывая очевидную априорность самого посыла, красноречиво свидетельствует о серьезной системной проблеме, обусловленной отсутствием специальных исследований по теме и ограниченным информационным потенциалом источниковой базы.

Реальная ситуация была несколько иной, хотя бы потому, что в декоративном убранстве южнобережных церквей Крыма применялись такие изысканные напольные покрытия, как мозаики. Они известны по меньшей мере на двух средневековых постройках, находившихся в разных местах региона: в Симеизе и Партените. Еще одно, связанное с Ялтой, относится к числу небесспорных, ибо имеет сомнительное происхождение.

Первое удалось обнаружить в 1966 г. при археологическом изучении укрепления X–XV вв., располагавшегося на скале Панае. Там, на нижней площадке возвышенности, Е.А. Паршина, исследовавшая памятник под руководством и при непосредственном участии О.И. Домбровского, раскопала «основания трех храмов, построенных каждый на развалинах предыдущего», а также их полы³. *In situ* был найден крупный кусок мозаики (рис. 1–6), принадлежавшей самому раннему зданию, — прямоугольной в плане однефной церкви с полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой. Он занимал центральную часть наоса, примыкал к южной стене. Его размеры — 3 × 1,5 м.

² Кирилёв К.С. Сравнительный анализ малых однефных храмов Херсона и южнобережной Таврики X–XV вв. // IV Свято-Владимирские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: АРИАЛ, 2023. С. 65–67 (здесь: С. 66).

³ См.: Паршина Е.А. Разведки на скале Панае (Симеиз) в 1966 г. Полевые материалы (дневник, чертежи). Симферополь, 1966 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 1475; Домбровский О.И. Из археологических исследований на Южном берегу Крыма (1965–1966 гг.) // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. / Отв. ред. П.П. Толочко. Вып. 1. Киев: Наукова думка, 1967. С. 180–183 (здесь: С. 182–183); Домбровский О.И. Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР в 1965–68 гг. // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. — Симферополь, 1970 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 911. Л. 1–45 (здесь: Л. 16–17); Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибилов. Киев, Наукова думка, 1974. С. 5–56 (здесь: С. 28–29. Рис. 17, 18); Кирилко В.П. Архітектура, мозаїки та монументальний живопис // Історія української культури: В 5 т. / Гол. ред. П.П. Толочко. Т. 1 (Історія культури давнього населення України). Київ: Наукова думка, 2001. С. 1078–1099 (здесь: С. 1093); Турова Н. Византийские храмы Южного берега Крыма в границах муниципального образования городской округ Ялта РК. Каталог-справочник. Симферополь: Н.Оріанда, 2023. С. 206–209; Кирилко В.П. Храмы Панае // ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Международный Византийский Семинар (Севастополь, 24–28 мая 2024 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ, 2024. С. 137–144.

Посередине уцелевшего фрагмента находится изображение большого каннелированного канфара в окружении виноградной лозы, вероятно, из него же произраставшей, и двух предстоящих с боков павлинов. Панно обрамлено ленточным орнаментом, а именно плетёнкой в виде чередующихся круглых и овальных петель с медальонами, к которой снаружи примыкал широкий бордюр с геометрическим узором. Композиция дополнена фигурками разных мелких птиц, растительными побегами, стилизованными листьями, цветами и гроздьями ягод. По отношению к сосуду и его антуражу павлины расположены асимметрично, немного отличаясь друг от друга величиной и формой, что придает изображению определенную неординарность. Сам сюжет является традиционным для византийского искусства, будучи представлен, в частности, несколькими вариантами в декоративном убранстве херсонесских церквей⁴. Он имеет символическое значение, воплощая извечную и близкую сердцу каждого верующего надежду на возрождение и бессмертие души, соотносимую с важнейшим для христиан таинством — преисполненным Божьей благодати причащением.

Напольное покрытие выполнено в технике *opus tessellatum*. Тессеры маленькие, располагаются плотно рядами, образуя контуры и фон изображения. Наряду с кусочками натуральных материалов — преимущественно плотных желтых, красных и серых метаморфизированных известняков, характерных для окрестностей современных Балаклавы и Севастополя, а также непрочного черного песчаника и, изредка, привозного белого мрамора, — местами компактно применяется разноцветная смальта: голубая, синяя, зеленая, лимонно-желтая и позолоченная. О.И. Домбровский обоснованно считает, что исполнитель мозаичного пола прибыл из Херсонеса со всеми необходимыми заготовками. Раствор субструкции — цемяночный, в верхней части слоя имеет интенсивно розовый цвет. Низ основы состоит из «круглых мелких камней (крупнее кулачника), уложенных насухо» непосредственно на поверхность предварительно выровненной строительной площадки, которая отмечена натёками извести и щебнем (Рис. 3–5)⁵. В двух местах напольного покрытия, на изображении канфара (Рис. 5, 7), четко видны следы ямочного ремонта. Они представляют собой небольшие заплатки из хаотично расположенных и иначе окрашенных тессер.

⁴ См.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. [Материалы и исследования по археологии СССР. № 63]. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 238–246. Рис. 125–130; *Домбровский О.И.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, В.А. Кутайсова. [Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonezu Taurydzkiego. Т. III]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. С. 74–77, 106.

⁵ *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панае... Л. 21 об.

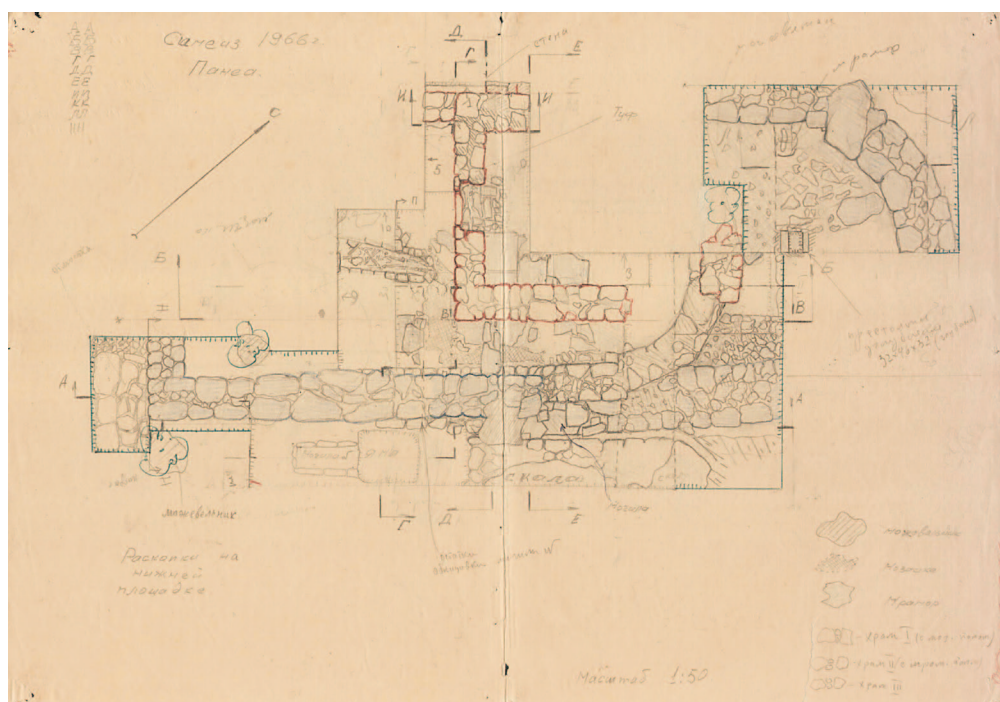

Рис. 1. Средневековые храмы Панеа.
План раскопа. Обмер 1966 г.
(по: Кирилло В.П. Архитектурные
миграции... Рис. 11)

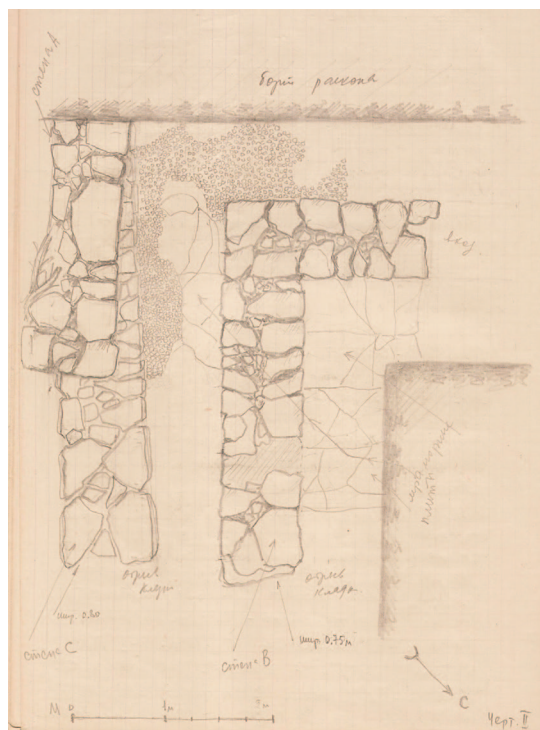

Рис. 2. Полы и кладки храмов Панеа.
План. Обмер 1966 г.
(по: Паршина Е.А.
Разведки на скале Панеа... Л. 4 об.)

Рис. 5. Панеа. Мозаика в храме X в.
Состояние перед снятием и переводом
на бетонное основание. Общий вид сверху.
Фото 1966 г.
(по: Отчет об археологических
исследованиях... Фото 17)

Рис. 6. Панеа. Мозаика в храме X в. 1966 г.
Зарисовка В.В. Кузьминова
(по: Паршина Е.А. Разведки
на скале Панеа... Черт. 8)

Мастер виртуозно владеет природной палитрой. Удачное сочетание каменных материалов, обладающих немного приглушенным цветом с нежными оттенками разной тональности, и насыщенного керамической крошкой грунта в швах придает мозаике приятный пастельный колорит (Рис. 7–9). Фон основной части пола — кремовый с желтизной, на отдельных местах внутри орнаментального обрамления он розоватый. Результат достигается использованием двух соответственно окрашенных пород мраморовидного известняка. Контуры и детализация изображений канфара, павлинов, растительных элементов и плетёнки выполнены серо-оливковыми кусочками песчаника. Обращает на себя внимание то, что мастер учитывает физические свойства последнего, а именно, его анизотропию, и часто располагает четко выраженные слои камня перпендикулярно к основанию. Тем самым он не только предотвратил вероятность нечаянного скалывания и утраты лицевой поверхности тессер при эксплуатации покрытия, но также эффективно задействовал в художественных целях бороздчатую фактуру граней, выставленных горизонтально. Подобным образом, благодаря многочисленным темным прожилкам, красный метаморфизированный известняк также обогащает мозаичную палитру, придавая ей дополнительные выразительные возможности. Цвет сосуда розово-кремовый с локальными желтоватыми вставками, посредством которых выделено горло и слегка обозначен объем рельефных частей корпуса. Аналогично окрашены лоза и гроздь винограда. При изображении гладкого жгута плетёнки равномерно комбинируются обе разновидности камня. Геометрический орнамент бордюра, представлявшего собой зубчатую дорожку с узкой лентой посередине, набран из кусочков желтого и серого мраморовидных известняков, хорошо сочетающихся друг с другом.

Благодаря цельности колорита, достигаемой исключительной взаимодополняемостью натуральных компонентов, цветовая гамма напольного покрытия является тонально выдержанной, относительно спокойной и предельно гармоничной. На общем фоне ощутимо выделяются, причем не нарушая органичности восприятия всего произведения, лишь те места, где применяется смальта, придававшая мозаике яркость и живописность. Наиболее тщательно мастером проработаны изображения павлинов, которые наглядно демонстрируют его наблюдательность и определенные анатомические знания, равно как умелое владение доступной ему палитрой, равноценно представленной здесь естественными и искусственными материалами. При выкладке контуров обеих фигур серо-оливковыми кубиками песчаника особое внимание им уделено физическим формам птиц, имеющих крепкое телосложение и мощные ноги со шпорами. Одновременно тем же камнем он четко выделил крылья и характерную для них полосатую окраску перьев. Светлые участки последних набраны

*Рис. 7. Центральная часть фрагмента
мозаики из храма на скале Панеа.
Вид сверху. Фото 2014 г.
Снимок автора*

*Рис. 8. Правая сторона фрагмента
мозаики из храма на скале Панеа.
Вид сверху. Фото 2014 г.
Снимок автора*

*Рис. 9. Левая сторона
фрагмента мозаики
из храма на скале Панеа.
Вид сверху. Фото 2014 г.
Снимок автора*

кусочками желтого и красного мраморовидных известняков, из которых первые отмечены везде и количественно преобладают, а вторые располагаются лишь вдоль верхнего края, придавая изображению объемность. При этом яркое оперение грудки и спины выполнено уже смальтой, преимущественно синей и зеленой разных оттенков, что позволило достаточно правдоподобно воспроизвести цвета и их раскладку, реально существующие в живой природе. Предмет особой гордости любого павлина — длинное роскошное надхвостье — уцелело только у правой фигуры. Оно изображено немного утрировано, как одно раздваивающееся на конце большое перо, украшенное многочисленными (семью) глазками специфической формы и расцветки. Его стержень белесый с желтоватым завершением. Бородки опахала представлены в виде чередующихся разноцветных полос, набраны из расположенных рядами кубиков серо-оливого песчаника и красного мраморовидного известняка. Отсутствие сплошного контура придает оперению надхвостья эффект прозрачности на краях. Пресловутые павлиньи глазки выглядят как округлые сине-зеленые пятна с концентрическим расположением тессер кольцами, имели ободок из сияющей золотом смальты. Первоначальный вид последней со временем существенно изменился. Ее кантарель стала мутной и сильно потемнела, а в отдельных случаях вообще полностью исчезла вместе с драгоценной металлической прокладкой, обнажив пастовую основу. Применение позолоченных внутри стеклянных кубиков наблюдается, либо предполагается, также на других местах мозаики, что позволило ощутимо усилить выразительность изображений, равно как и превратить напольное покрытие в нарядный каменный ковер, чарующе мерцающий при любом освещении.

Верхние части обоих павлинов не сохранились, но, судя по фрагментарно уцелевшей фигуре птички у ножки канфара, они, учитывая их соразмерность, могли быть выполнены мастерски. Голова птички имеет изящный профиль и тщательно проработанные детали, выделенные разными натуральными камешками и смальтой: слегка изогнутый розовый клюв и такого же цвета шапочку, круглый глаз с темным зрачком и белым ободком, синеватое с золотыми блестками оперение. Для сравнения, изображения птиц на овальных медальонах плетёнки мельче и отличаются более упрощенными формами. Однако даже в этом случае одна из них, находившаяся справа от панно (Рис. 8), благодаря характерным признакам — выразительному хохолку, сине-зеленому оперению и глазку надхвостья — уверенно может быть идентифицирована как павлин. Сама фигура практически полностью набрана смальтой, а в качестве антуража сверху и снизу она дополнена изящными веточками. Круглые петли плетёнки внутри украшены дисками с концентрическим расположением разноцветных кусочков натурального камня, образующих кольца: по внешнему обводу

и в центре — черного песчаника, между ними — красного и желтого известняков, белого мрамора.

Поскольку раскопки храма остались незавершенными (Рис. 1), на данном этапе изучения памятника возможна лишь частичная реконструкция мозаики. Причем ее первая попытка была предпринята уже непосредственно в ходе полевых работ при графической фиксации результатов исследований и получила свое отражение на обмерном чертеже (Рис. 6). Учитывая расположение изображения с канфаром и павлинами в центре наоса, равно как другие известные примеры подобных сюжетов, есть основание предполагать, что панно имело квадратную форму. В этом случае сверху и снизу оно вполне могло быть дополнено иными самостоятельными композициями, вероятнее всего, сетчатым орнаментом с геометрическим узором.

По мнению автора раскопок, с учетом археологических данных мозаику можно отнести к «X веку или к более позднему времени», а самыми близкими аналогиями ей являются напольные покрытия двух херсонесских храмов — Четырехапсидного и Загородного крестообразного, датируемые не ранее, соответственно, VII и XII–XIII вв.⁶ Что касается первой параллели, согласно наблюдениям О.И. Домбровского, с симеизской находкой она сопоставима свободной компоновкой изображения и вольной трактовкой сюжета, нарушающими принцип строгой симметрии, равно как и применением смальты наряду с натуральным камнем, причем обе, «каждая на свой лад», могут считаться реминисценциями североафриканских позднеантичных и раннесредневековых образцов. Тожество второго примера проявляется в обрамлявшей панно плетёнке, характерная форма и медальоны которой в определенной мере сравнимы также с орнаментикой пола т. н. Базилики в базилике и тяготеют к ближневосточной художественной традиции. Вместе с тем абсолютного сходства с мозаикой Панеа ни одна из упомянутых аналогий не имеет, что позволяет отнести оную к числу самобытных произведений местного декоративного искусства. По мнению О.И. Домбровского, важнейшим хронологическим маркером напольного покрытия служит его субструкция, технологические особенности которой весомо свидетельствуют в пользу того, что оно было выполнено не ранее X в.⁷ Выводы исследователя косвенно подтверждаются также пятигранной формой апсиды. Ее внешние очертания в плане представляют собой часть правильного двенадцатиугольника, что на других крымских постройках начинает применяться лишь после X–XI вв.⁸

Вторая южнобережная мозаика принадлежала монастырской церкви Святых апостолов Петра и Павла в Партените — прямоугольной в плане

⁶ Домбровский О.И. Византийские мозаики... С. 25, 79–84, 97.

⁷ Там же. С. 42–43, 62–64, 77, 93.

⁸ Лосицький Ю.Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. № 2. С. 33–47 (здесь: С. 36–37).

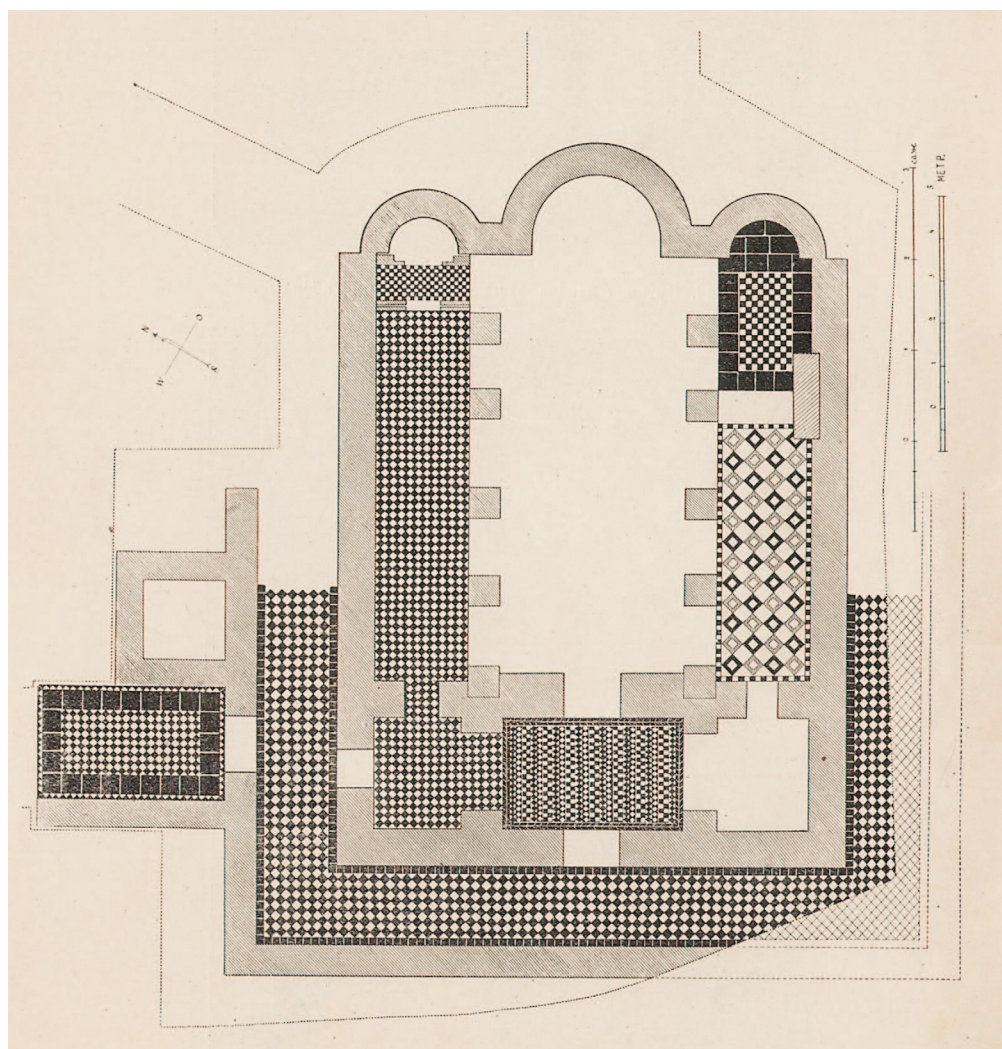

Рис. 10. Мозаичные полы Партенитской базилики. План
(по: Репников Н.И. Партенитская базилика... Рис. 13)

трехнефной базилике с тремя полукруглыми апсидами, трехчастным нартексом и галереей, окружавшей постройку с боков и спереди⁹. Она украшала основные компартименты здания и еще совсем недавно имела относительно неплохую сохранность (Рис. 10–13), а свою известность

⁹ Кирилко В.П. Базилики Южнобережного Крыма // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д.В. Айдалова / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 134–137 (здесь: С. 134. Рис. 1, 1).

*Рис. 11. Партенитская базилика.
Вымостка галереи у главной двери.
Вид с северо-запада. 1907 г.
(Российский этнографический музей.
Id: 21357320)*

*Рис. 12. Партенитская базилика.
Вымостка средней части нартекса.
Вид с северо-запада. 1907 г.
(Российский этнографический музей.
Id: 21357196)*

приобрела благодаря раскопкам Д.М. Струкова 1871 г. и Н.И. Репникова 1907 г.¹⁰ Важные сведения о ней были получены также при археологическом изучении памятника, предпринятом в 1998–2001 гг. С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыцом¹¹. Ее искусствоведческий анализ и критическая оценка работ предшественников содержатся в научных трудах Л.Г. Хрушковой, посвященных специальному рассмотрению подобных декоративных настилов. Причем само произведение исследовательницей определено как «богатый пол сельской базилики Партенита»¹², что несколько некорректно по отношению к далеко не рядовой и, более того, монастырской постройке портового города.

Напольное покрытие храма выполнено в технике *opus sectile*, представлено различными сетчатыми орнаментами с геометрическим рисунком, набранными из керамических и каменных плиток квадратной, треугольной и ромбовидной форм, а также кристаллов прозрачного кальцита, более известного как полевоы шпат. Почти везде, кроме центральной части нартекса, мозаичный узор имеет вид шахматной клетки, располагавшейся по отношению к стенам либо под углом 45°, либо параллельно им (Рис. 10). Причем первый вариант преобладает, второй отмечен только в двух местах перед купелью и в южном пастофории. Сами композиции практически не повторяются. Друг от друга они отличаются главным образом материалом и величиной деталей, а также наличием или отсутствием обрамления и его формой. Например, галерея на всем протяжении попеременно вымощена одинаковыми плитками из хорошо обожженной глины, которыми набран также сплошной бордюр, и крупными кусками кальцита (Рис. 11). Размеры плинфы — 19 × 19 × 4 см. Немного иначе выглядит мозаика северного нефа, где шахматная клетка получена посредством сочетания тех же самых, но чуть более мелких элементов, полностью заполнявших всю поверхность пола, без выделения рамки. Здесь величина керамических изделий сократилась до 15 × 15 × 3 см, соответственно уменьшились и ячейки, занятые кристаллами шпата. Сохраняя конфигурацию, этот узор продолжается и на соседнем участке, в северном компартименте

¹⁰ Репников Н. Партенитская базилика // Известия Императорской археологической комиссии. 1909. Вып. 32. С. 91–140 (здесь: С. 93, 99–103. Рис. 13, 17–24).

¹¹ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. Т. 6 (XII). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Москва: «Индрик», 2013. С. 401–503 (здесь: С. 411, 414, 419–420, 427–433, 455–448, 453–458, 501. Рис. 11, 12).

¹² Хрушкова Л.Г. Полы *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. № 65. С. 34–59 (здесь: С. 45–48. Ил. 11); Хрушкова Л.Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? // Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 384–408 (здесь: С. 385–388, 390–391).

нартекса, однако там кусочки кальцита уступают свое место каменным плиткам квадратной и треугольной (по краям) формы, соразмерным с плинфой. По мнению Н.И. Репникова, они выполнены из песчаника¹³. Согласно данным С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыца, использовался мергель и песчаник, благодаря чему «чередование ярко-красного и бело-желтого тонов создавало эффект строгого двухцветного, но очень контрастного коврового покрытия»¹⁴.

В декоративном убранстве т. н. портика применяется плинфа разной величины — $49,5 \times 49,5 \times 5$ и $16 \times 16 \times 3$ см (Рис. 10). Первой выложен бордюр, второй в сочетании с кристаллами известкового шпата набрана основная часть мозаики. Н.И. Репников сообщает, что кромка напольного покрытия имела вид сплошной узкой ленты, которая состояла из двухцветных треугольных плиток размером $8 \times 10 \times 3$ см и украшала помещение по всему периметру¹⁵. Вместе с тем, раскопками 1998–2001 гг., немного обнажившими края композиции, ничего такого там не обнаружено, но отмечено использование деталей из песчаника и иное, отличавшееся большей шириной и структурой, обрамление с северной стороны¹⁶.

Подобным образом, с использованием разновеликой плинфы и полевого шпата, вымощен пол в южном пастофории храма, причем здесь шахматный узор расположен параллельно стенам здания (рис. 10). Крупная керамическая плитка применяется для выкладки бордюра и площадки внутри апсиды, а более мелкой, чередующейся с кристаллами минерала, выполнена остальная часть покрытия. Их размеры — $48 \times 48 \times 4$ и $15 \times 15 \times 3$ см. Мозаика второй половины нефа сильно повреждена временем и ремонтами, но, несмотря на значительные утраты первоначального облика, поддается достоверной реконструкции. По мнению Н.И. Репникова, она имела сетчатый орнамент в виде попеременно соприкасающихся друг с другом углами квадратных керамических рамок желтого и красного цветов, внутренние поверхности которых и промежутки между фигурами плотно заполнены кусками кальцита, а сама композиция была ограничена узким полосатым бордюром, замкнутым по периметру помещения¹⁷.

Вывод исследователя не бесспорен, ибо не подтверждается уцелевшими остатками настила¹⁸. Судя по материалам раскопок С.Б. Адаксиной

¹³ Репников Н. Партенитская базилика... С. 102. Рис. 20, 21.

¹⁴ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 423, 453–454.

¹⁵ Репников Н. Партенитская базилика... С. 101–102. Рис. 13, 17.

¹⁶ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 457–458. Рис. 12.

¹⁷ Репников Н. Партенитская базилика... С. 103. Рис. 13, 23.

¹⁸ Кирилко В.П. Описание архитектурно-строительных остатков базилики // Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет о полевых исследованиях Храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (т.н. Партенитская базилика) в 1998 г. СПб.; Симферополь, 1999 / НА ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 930. С. 24–33 (здесь: С. 29–30).

и В.Л. Мыца, существенно уточнивших результаты исследований предшественника, геометрический узор напольного покрытия представлял собой развернутую наискось прямоугольную сетку с почти квадратными ячейками, ширина которых колеблется в пределах от 29 до 38,5 см, вследствие чего часть из них приобрела немного вытянутую форму. Ленты орнамента и его обрамление набраны из расположенных в один ряд стандартных керамических плиток с размером верхней грани 6×7 см. Выделенные ими фигуры были плотно заполнены обломками полевого шпата. Бордюр сохранился только вдоль передней стены пастофория. Возможно, он обрамлял и остальные стороны помещения, но в проходах, где мозаика также продолжалась, и на стыке с каменным полом среднего нефа его не было¹⁹.

Низ дверного проема, соединявшего южный пролет наоса с нартексом, целиком вымощен плинфой приблизительно одинаковой величины: 14×15 см, $15 \times 14,5$ см, $15,5 \times 16$ см, $15,5 \times 15$ см, 15×15 см, 16×15 см²⁰. Напольное покрытие самого притвора здесь полностью исчезло и достоверной реконструкции не поддается (Рис. 10)²¹. По мнению А.В. Мыца, ничем, правда, не подтверждаемому, оно могло быть аналогичным настилу, который находился с противоположной стороны помещения, в его северном компартименте²².

Мозаика средней части нартекса сохранилась фрагментарно (Рис. 12), сильно искажена ремонтом. Она была выполнена из желтой и красной керамической плитки разной формы, причем приблизительно одинаковой величины: квадратной — $5 \times 5 \times 3$ см, ромбовидной — $8 \times 8 \times 3$ см и треугольной — $5 \times 3 \times 3$ см. Несмотря на утраты, Н.И. Репников считает, что реконструкция первоначального рисунка половой вымостки не представляет трудностей, и выделяет его основные составные части: «1) кайма из ромбов красной черепицы, сложенных в елочку, 2) ряд из поставленных в косом шахматном порядке квадратиков красной черепицы (промежутки заклинены треугольниками желтого цвета), 3) ряд тождественного рисунка, но с обратным чередованием цветов, 4) ряд чередующихся квадратов красного и желтого цветов, 5) такой же ряд с обратным чередованием цветов; потом повторялся ряд квадратов, поставленных в косом шахматном порядке и заклиненных треугольниками, и т. д.»²³. Первая из них принадлежала бордюру, обрамлявшему пол компартимента по периметру. Остальные четыре орнаментальные ленты, по мнению Н.И. Репникова, вместе образуют раппорт, который, повторяясь еще шесть раз, трансфор-

¹⁹ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 445–448. Рис. 5.

²⁰ Там же. С. 448. Рис. 5.

²¹ Репников Н. Партенитская базилика... С. 103. Рис. 13.

²² Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... Рис. 11.

²³ Репников Н. Партенитская базилика... С. 102. Рис. 13.

мировался в достаточно нарядный керамический ковер с выдержанным в одном стиле геометрическим узором (Рис. 10). Тем временем напротив входа в нескольких местах уцелевшего фрагмента мозаики хорошо заметны какие-то прямоугольные участки настила с иной раскладкой плиток, неясного пока назначения и происхождения, но явно нарушающие ритм восстановленной композиции. Исследователем, вероятно, относившим их к числу ремонтных дополнений, они не учитываются.

С.Б. Адаксина и В.Л. Мыц считают, что у Н.И. Репникова мозаичная вымостка притвора реконструирована не совсем точно, и предлагают взамен свое виденье ее декоративного убранства: «Ромбовидные и треугольные плитки состыковывались между собой в два ряда, образуя узор в виде “елочки” и ломаного меандра. Этим орнаментом окаймлялась вся мозаичная композиция центральной части нартекса (5,12 × 2,56 м), заполненная небольшими прямоугольными двуцветными плитками, уложенными в шахматном порядке и образующими сеть ковровых полос. Разделение между ними осуществлялось все теми же двумя рядами треугольных керамических плиток. В целом, путем использования довольно простых средств, получался достаточно пестрый, создающий настроение парадности, рисунок»²⁴. Вывод исследователей небезынтересен, но, не будучи должным образом представлен вербально и графически, к сожалению, является голословным. По крайней мере, в чем состоит недочет предшественника, они не сообщают.

Мелкая керамическая плитка компактно применяется еще в одном месте базилики — при выкладке площадки перед апсидой северного нефа, занятой купелью (Рис. 10). Она чередуется в обычном шахматном порядке с квадратами, составленными из маленьких кусочков полевого шпата. Ее размеры — 7 × 7 × 4 см²⁵. Мозаика могла появиться при ремонте здания, поскольку примыкает к заложенному проему, который в свое время соединял этот пастофорий с вимой.

Особо выделяется декоративное убранство алтарной части церкви. Его остатки, впоследствии утраченные, были найдены *in situ* при раскопках 1871 г. В результате исследований тогда удалось установить, что «у места, где устраивается иконостас, пол выслан серым мрамором с темно-синими разводами»²⁶, который, судя по акварели Д.М. Струкова (Рис. 13), действительно имел такую расцветку и вполне мог быть проконнесским. Орнамент мозаики геометрический, сетчатого типа, набран из фигурных элементов двух видов. Основу композиции образуют равносторонние кресты с расширяющимися наружу ветвями. Они были цельными, имели

²⁴ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 453. Рис. 11.

²⁵ Репников Н. Партенитская базилика... С. 100–101, 102–103. Рис. 13, 16, 22.

²⁶ Там же. С. 93, 101, 103, 106. Рис. 31; Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 411, 419.

Рис. 13. Мраморный пол
в алтарной части
Партенитской
базилики. 1871 г.
Рисунок Д.М. Струкова
(Отдел изображений
Российской
государственной
библиотеки.
«Рисунки древних
памятников
христианства
в Тавриде». Л. 26)

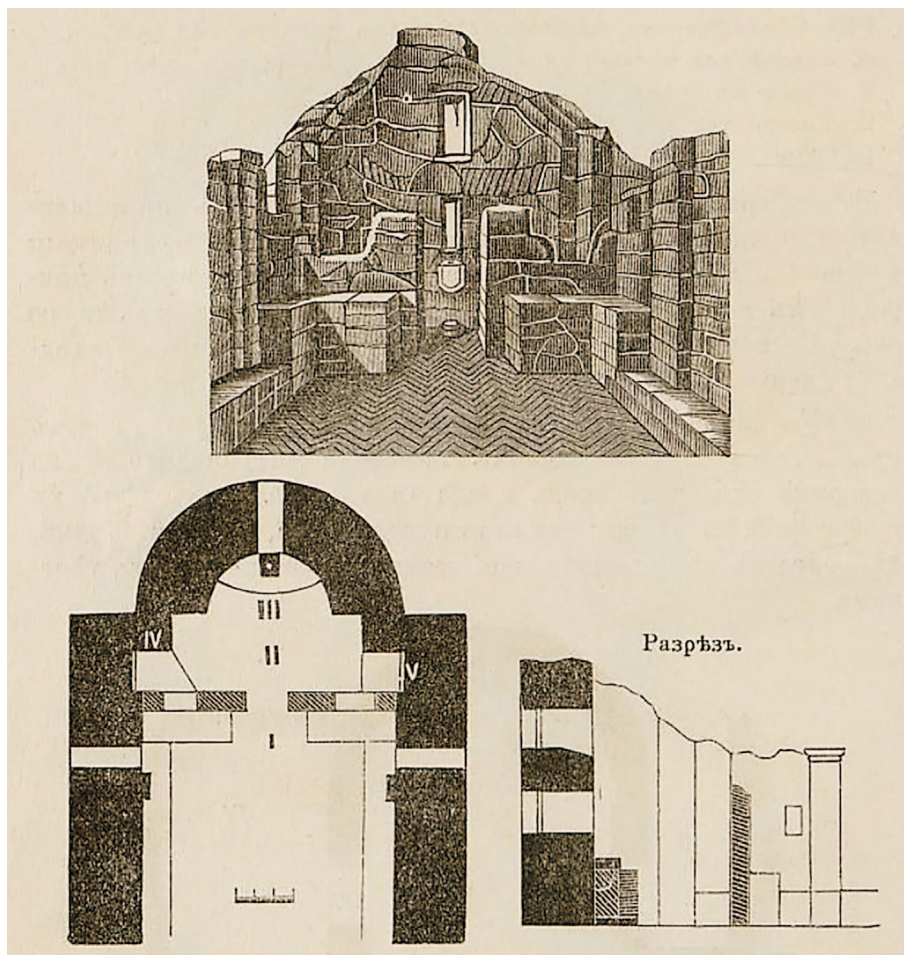
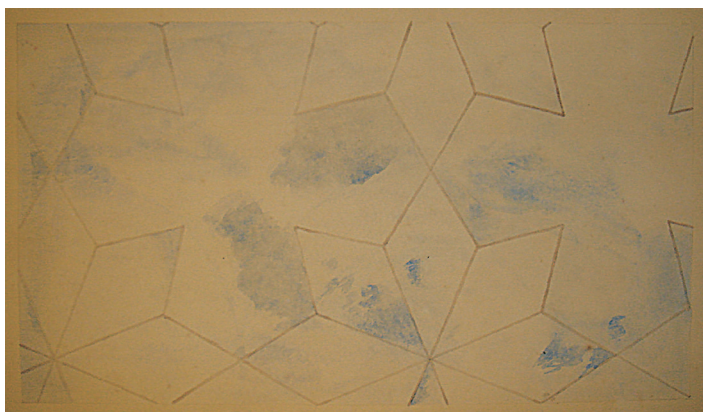

Рис. 14. Храм в Ай-Василь. Вид с запада, план и разрез
(по: Струков Д. Древние памятники христианства... С. 34)

одинаковую величину, располагались рядами, друг с другом соединялись слегка заостренными посередине концами. Между ними находятся восьми-лучевые звезды, составленные из ромбовидных плиток.

Н.И. Репников относит мраморную вымостку «к тому времени, когда на развалинах базилики возникла позднейшая часовня», хотя, вероятнее всего, она принадлежала первоначальному строению. Подобным образом исследователь датирует и сильно поврежденный каменный пол в остальной части среднего нефа, который, по его мнению, прежде имел мозаичное покрытие²⁷. На самом деле, согласно материалам раскопок С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыца, настил основного помещения наоса предшествовал возведению упомянутой часовни и местами использовался той в качестве основания для стен, а значит, связан с базиликой. Он был выполнен из больших известняковых плит толщиной около 5–10 см, уложенных непосредственно на дневную поверхность строительного горизонта, которая отмечена тонкой (1,5–2,5 см) прослойкой красновато-коричневой глины с галечным песком, перекрывавшей выровненный материк. Одна плита относительно хорошо сохранилась внутри восточного прохода между центральным и южным нефами, что позволяет получить определенное представление о форме и величине изделия. Она имеет вид параллелограмма со сторонами протяженностью 84 и 117 см. Камень тщательно обработан. Примечательно, что подобные размеры и легкая кособокость лицевой грани характерны также для других плит, остатки которых найдены *in situ* в юго-восточной части помещения рядом со столпами. Ширина одной из них составляла 82 см. Швы между плитами в этом месте равны 1,2 и 7,5 см²⁸.

Субструкции как таковой мозаика не имела. Н.И. Репников сообщает: «Вымостка находится на материке и сооружена на сырцовой смазке, в которую втиснуты части, составляющие пол»²⁹. Подобные сведения были получены и раскопками С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыца: «Вымостка пола в галерее так же, как и в других частях базилики, лежит непосредственно на тщательно сnivelированной материковой поверхности, покрытой тонким слоем глины»³⁰.

Согласно исследованию Л.Г. Хрушковой, мозаичные настилы партенитского храма близких аналогий не имеют³¹. Более того, само по себе уникальным является использование ими кристаллов полевого шпата, примеры чему пока неизвестны ни в Крыму, ни за его пределами. Выбор камня мастером был исключительно удачным и, надо полагать, осмыс-

²⁷ Репников Н. Партенитская базилика... С. 101, 103, 106. Рис. 31, 33.

²⁸ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 445. Рис. 5.

²⁹ Репников Н. Партенитская базилика... С. 101, 103.

³⁰ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 455.

³¹ Хрушкова Л.Г. Базилика в Партенитах... С. 392.

ленным, поскольку наряду с красивым видом позволял создать ощущение чуда. А.Е. Ферсману принадлежит самое точное и, что не менее важно, поэтически восторженное описание этого минерала, вполне соотносимое с теми чувствами, которые могли испытывать верующие, оказавшись внутри базилики: «Посмотрел внимательно на него и больше не смог от него отвести своих глаз, — это был белый, едва синеватый камень, едва просвечивающий, едва прозрачный, но чистый и ровный, как хорошо выглаженная скатерть. По отдельным блестящим поверхностям раскалывался камень, и на этих гранях играл какой-то таинственный свет. Это были нежные синевато-зеленые, едва заметные переливы, только изредка вспыхивали они красноватым огоньком, но обычно сплошной загадочный лунный свет заливал весь камень, и шел этот свет откуда-то из глубины камня, — ну так, как горит синим светом Черное море в осенние вечера под Севастополем. Нежный рисунок камня из каких-то тонких полосочек пересекал его в нескольких направлениях, как бы налагая таинственную решетку на исходящие из глубин лучи»³².

Что касается физических характеристик известкового шпата, то он, имея невысокую твердость и совершенную спайность, легко раскалывается на симметрические многогранники в виде наклонного параллелепипеда — ромбоэдры, форма которых была достаточно удобной для выкладки обширных поверхностей мозаики. Вместе с тем, умелое комбинирование различных по величине фрагментов камня позволяло обеспечить относительно плотное заполнение даже небольших клеток шахматного орнамента, хотя, безусловно, выложить без зазоров квадрат из параллелограммов практически невозможно, что местами привело к перекосу фигур, а иногда и самого узора. Причем последнему в немалой степени способствует также повышенная пластичность основания — элювия глинистых сланцев, переувлажнение которого (неизбежное при стихиях или в сильно поврежденных и руинированных постройках) обуславливает деформацию вымостки. Не менее сложную геометрическую задачу пришлось решать мастеру при соединении напольных покрытий среднего и южного нефов. Чтобы как можно лучше состыковать крупные куски кальцита с известняковыми плитами, он просто-напросто аккуратно обломал сильно выступавшие края отдельных кристаллов по одной линии³³.

В двух местах базилики значительные участки пола были полностью вымощены только полевым шпатом. Один из них находился внутри алтарного полукружия, сохранился фрагментарно и к настоящему времени полностью утрачен. По мнению Н.И. Репникова, он принадлежал часовне³⁴. Л.Г. Хрушкова считает возможным соотнести его с первоначальным

³² Ферсман А.Е. Воспоминания о камне. М.: Молодая гвардия, 1953. С. 45–46.

³³ Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика... С. 448.

³⁴ Репников Н. Партенитская базилика... С. 106. Рис. 33.

строением³⁵. Вместе с тем, вероятность позднего появления этой вымостки достаточно велика, поскольку повторное использование кристаллов кальцита при ремонте напольного покрытия храма наблюдается везде. Наиболее показателен пример южного нефа, настил в западной половине которого состоит исключительно из разновеликих кусков полевого шпата, не только равномерно и плотно заполнивших всю поверхность, но очень органично заместивших собой предшествовавшую им декоративную сетку из мелкой плинфы³⁶. В нескольких местах церкви для восстановления поврежденных и утраченных участков мозаик отмечено применение крупных плит известняка и мрамора, различного рода сполий, в частности, строительной надписи 1427 г., а также уцелевших керамических и каменных деталей от первоначального пола, возможно, перемещенных из соседних компартиментов³⁷.

В результате археологического изучения Парthenитской базилики, осуществленного С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыщом в 1998–2001 гг., установлено, что здание было возведено в последней трети X в., причем никаких других, более древних, храмов на этом месте не обнаружено, в том числе и пресловутого монастырского, якобы воздвигнутого и благоустроенного во второй половине VIII в. Святым Иоанном Готским³⁸. Полученный таким образом *terminus post quem* мозаики полностью исключает вероятность ее раннесредневековой даты, на которой упорно настаивает Л.Г. Хрушкова³⁹, следуя историографической традиции и основываясь исключительно на стилевых признаках напольного декора. Что касается последних, то даже сама исследовательница вынуждена признать их малую эффективность: «Для периода VII–IX вв. надежно датированных памятников нет», — тогда как достаточно узкие хронологические рамки события, полученные посредством раскопок, убедительно подтверждаются стратиграфией и нумизматическим материалом. Здание базилики, разрушенное на рубеже X–XI вв. землетрясением, было восстановлено лишь в 1427 г. и сопровождалось капитальным ремонтом первоначальных полов. После появления в XVI в. часовни, продолжает использоваться только приведенная в порядок каменная вымостка среднего нефа.

Третья южнобережная мозаика принадлежала неизвестной церковной постройке, которая находилась в Ялте на Поликуровском холме. Место, где она была обнаружена, в свое время занимал собор Святого Иоанна

³⁵ Хрушкова Л.Г. Полы *opus sectile*... С. 45.

³⁶ Адаксина С.Б., Мыщ В.Л. Парthenитская базилика... С. 448.

³⁷ Репников Н. Парthenитская базилика... С. 101–103; Адаксина С.Б., Мыщ В.Л. Парthenитская базилика... С. 445–446. Рис. 5.

³⁸ Адаксина С.Б., Мыщ В.Л. Парthenитская базилика... С. 402–403, 437, 502.

³⁹ Хрушкова Л.Г. Полы *opus sectile*... С. 45–48. Ил. 11; Она же. Базилика в Парthenитах... С. 385–388, 390–391, 392.

Златоуста, возведенный в 1837 г. по проекту архитектора Г.И. Торичелли⁴⁰. Л.В. Фирсов сообщает: «Сейчас от него осталась одна колокольня, а в слое наносов на небольшой площадке возле колокольни открыты остатки мозаичного пола, основания стен и апсиды». Поскольку строение имело ориентацию на север-северо-восток, необычную для христианских церквей XIX – начала XX в., он считал возможным трактовать кладки как средневековые и даже соотнести их с базиликой Джалиты, хотя та, согласно иконографическим источникам и воспоминаниям очевидцев, располагалась гораздо ниже и дальше, на оконечности мыса⁴¹. Н.П. Турова немного переиначила сведения Л.В. Фирсова, добавив от себя информацию относительно обстоятельств находки: «Имеются сведения, что при строительстве собора Иоанна Златоуста в начале XIX в. были обнаружены остатки древнего храма: мозаичный пол, основания стен и апсиды». Само событие она сопоставила с выявлением в 1840 г. (т. е. после освящения собора, одновременно ею приведены и другие даты: в 1850 г., в пятидесятые годы) неподалеку от этого места, рядом с домом Беймана, руин «небольшого древнего храма»⁴². Отсутствие достоверных данных не исключает вероятности того, что напольное покрытие, о котором вскользь упоминает Л.В. Фирсов, на самом деле украшало интерьер главной церкви города, возведенной уже в новое время и впоследствии, до разрушения в 1942 г., неоднократно перестраивавшейся.

В определенной степени мозаичными могут считаться вымостки с незатейливым геометрическим узором, выполненные из одинаковой плитки. Судя по материалам раскопок, прежде всего печей, на Южном побережье Крыма было налажено собственное производство различного рода строительных изделий из хорошо обожженной глины, среди которых наряду с квадратными и прямоугольными особо выделяются фигурные плитки в виде равносторонних пяти и шестиугольников с немного скошенными боковыми гранями, явно предназначавшимися для облицовки напольных поверхностей⁴³. Ассортимент специальной гончарной продукции дополняют единичные находки фасонных деталей, верхние плоскости которых имели форму, в одном случае, четверти круга (размеры исследователями не сообщаются), в другом — нескольких правильных

⁴⁰ Чумазин Е.В., Иванов Ю.М. Храмы Ялты. Краткий справочник. Ялта, 1998. С. 40–41.

⁴¹ Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. С. 195–196.

⁴² Турова Н. Византийские храмы Южного берега Крыма в границах муниципального образования городской округ Ялта РК. Каталог-справочник. Симферополь: Н.Орианда, 2023. С. 112–113.

⁴³ Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94 (здесь: С. 92. Рис. 3: 11–16, 35).

четырёхконечных звезд с вогнутыми сторонами разной величины (5,5 × 5,5 см, 9 × 9 см и 9,5 × 9,5 см), обычно используемых в комбинированных покрытиях типа *opus sectile*. Они получены в переотложенном состоянии при разборке каменных завалов внутри разрушенных строений, соответственно, церковей Панеа X–XV вв.⁴⁴ и Большого дома Ласпи, датированного X–XI вв.⁴⁵ Чисто керамические настилы известны в декоративном убранстве по меньшей мере двух храмов: ялтинского в с. Ай-Василь и биюк-ламбатского на г. Ай-Тодор.

В первом из них пол был «кирпичный, кладенный на ребро по рисунку» в виде паркетной елочки⁴⁶. Он равномерно покрывал наос и алтарную площадку (Рис. 14). Храм однефный с полукруглой апсидой и большим нартексом завершался сводом на подпружных арках, поддерживаемых пилястрами. Статус церковного строения неясен. Необычная архитекtonика и выверенные пропорции здания, а также соотносимые с ним находки предполагают его неординарность. Храм датируется в пределах X(?)–XV вв., возможно, был возведен в 20–30-е годы XIV в.⁴⁷, причем само напольное покрытие могло появиться гораздо позднее.

Вторая керамическая вымостка принадлежала монастырской церкви XIV–XV вв. — небольшой однефной постройке с полукруглой апсидой⁴⁸. Известно, что в 1901 г. местный кладоискатель расчистил среднюю часть наоса, в результате чего «обнаружился устланный квадратными кирпичами пол»⁴⁹. В 1969 г. храм изучался Е.А. Паршиной, которой внутри церкви и пристройках к ней удалось найти целые и фрагментированные плинфы. Судя по отчету о раскопках, находки происходят из завала камней. Вместе с тем, при их публикации исследовательница

⁴⁴ Паршина Е.А. Разведки на скале Панеа... Л. 12.

⁴⁵ Паршина Е.А. Отчет о работе в урочище Ласпи в 1977 году Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР / Научный архив ИАК РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 476. Л. 10. Черт. 24.

⁴⁶ Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. Москва: Университетская типография, 1876. С. 34; Удоденко А. «Последняя из многочисленных древних церквей»: судьба Ай-Васильского храма // Старая Ялта. 2017. № 4. С. 16–20 (здесь: С. 17).

⁴⁷ Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Вып. 32. Силистра: Регионален исторически музей, 2017. С. 278–304 (здесь: С. 288); Кирилко В.П. Архитектурные миграции средневекового Крыма: однефные храмы южнобережной части полуострова // STRATUM plus. 2020. № 6. С. 129–152 (здесь: С. 133); Турова Н. Византийские храмы... С. 133–137; Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). V 232. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (дата обращения: 08.09.2024).

⁴⁸ Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви... С. 297–298.

⁴⁹ Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1902. Вып. 32–33. С. 139–161 (здесь: С. 154).

указала, что они выявлены *in situ*, правда, не конкретизируя, где точно. Е.А. Паршина считает: «Вероятно, плинфой был выложен пол храма (частично или полностью — трудно сказать, т. к. около Ю-З стены найдены две каменные плиты, также возможно от вымостки пола)». Размеры уцелевших плинф: 18 × 18 см, 18 × 19,5 см, 19 × 20 см, 18 × 37 (36,5) см. Толщина изделий — примерно 3 см⁵⁰.

Помимо Ай-Тодорского храма Е.А. Паршина бегло упоминает еще одну постройку с настилом из плинф — небольшую церковь XIII–XIV вв. на г. Хачла-Каясы близ Верхней Ореанды⁵¹, причем утверждает, что «они найдены *in situ*»⁵². Вероятнее всего, опубликованное свидетельство является ошибочным, поскольку в отчете о раскопках ею же сообщаются совершенно иные результаты археологического изучения строения: «Местами сохранилась песчаниковая вымостка пола». Более того, исследовательнице удалось обнаружить лишь фрагменты керамических плиток, да и те соотнесены с завалом здания⁵³.

Добротность интерьеру отдельных южнобережных церквей придавали сплошные напольные покрытия, выполненные из больших чисто тесанных каменных плит правильной прямоугольной формы, относительно плотно пригнанных друг к другу. Наряду с известняком, применение которого демонстрирует средний неф Партенитской базилики, известно также использование белого мрамора, ярким примером чему является второй храм Панаеа, сменивший первоначальное строение с мозаичным настилом (Рис. 1–4, 15). По сравнению со своим предшественником новое здание было гораздо крупнее и, в частности, отличалось полукруглыми снаружи очертаниями апсиды. Церковь датирована X–XIII вв.⁵⁴ Точные размеры плит и характер обработки их поверхностей неизвестны. Исследователи памятника обратили внимание лишь на технологические особенности сооружения: «Субструкция мраморного пола состояла из черепиц, плинфы (иногда крупных размеров) и раствора. Раствор сильно пристал к мозаике».

⁵⁰ См.: Паршина Е.А. Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у поселка Малый Маяк в 1969 году // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Симферополь, 1970 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 911. Л. 282–300 (здесь: Л. 290–291); Паршина О.О. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. / Відп. ред. В.Є. Максимов. Вип. 4. Київ: Наукова думка, 1972. С. 253–257 (здесь: С. 254–256); Паршина Е.А. Средневековая керамика... С. 92. Рис. 35: 1–3.

⁵¹ Фирсов Л.В. Исары... С. 246–250; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 285–286; Турова Н. Византийские храмы... С. 178–187.

⁵² Паршина Е.А. Средневековая керамика... С. 92.

⁵³ Паршина Е.А. Раскопки на горе Хачла-Каясы в 1967 г. // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Симферополь, 1970 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 911. Л. 141–144 (здесь: Л. 142, 143).

⁵⁴ Кирилло В.П. Храмы Панаеа... С. 137–139. Рис. 1.

В слое отмечено также наличие фрагментов «поливной керамики с прорезным орнаментом»⁵⁵. Примечательно, что после разрушения второго храма и возведение на его месте очередного церковного здания, датированного XIV–XV вв., поврежденная пожаром и фрагментарно уцелевшая мраморная вымостка не только стала основанием для стен последнего, но продолжила использоваться дальше по своему прямому назначению (Рис. 2–3)⁵⁶.

Среди каменных полов, принадлежавших южнобережным храмам, преобладали настилы из необработанных плоских обломков известняка, песчаника либо диабазов разной величины и формы⁵⁷. Причем те из них, что более или менее сохранились, представлены лишь единичными примерами. Показательными являются вымостки двух небольших однефных церквей — монастырской X–XVI вв. у аю-дагской бухты Панаир⁵⁸ и обычной сельской того же времени в Ласпи (Рис. 16)⁵⁹. Они довольно поздние, относятся к последнему этапу существования строений. В обоих случаях плиты хорошо подобраны и ровно выставлены, подстилаются отложениями культурного слоя. Пустоты между камнями заполнены грунтом. Несколько иначе был выполнен пол базилики XIV в. в цитадели Алустона, который уцелел во входной части главного нефа на площади около 12 кв. м. В мощении применялся необработанный бут разной величины и формы. Камень уложен плотно вровень с кладками более ранней, находившейся здесь прежде, постройки, органично включенными в настил. Швы заполнены грунтом с повышенным содержанием мелкой гальки⁶⁰.

Существование остальных подобных полов, в большинстве своем сейчас утраченных, зачастую просто предполагается, в лучшем случае, на основании фрагментарно сохранившихся участков вымостки, в худшем — судя по наличию в слое разрушения обломков камня соответствующей фор-

⁵⁵ Паршина Е.А. Разведки на скале Панае... Л. 8, 15, 15об.

⁵⁶ Там же. Л. 4об–5. Черт. II; Кирилко В.П. Храмы Панае... С. 137–138. Рис. 1.

⁵⁷ Фирсов Л.В. Исары... С. 229, 247, 403; Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стилос, 2002. С. 59–88 (здесь: С. 82).

⁵⁸ Адаксина С.Б. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. [Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 1]. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. С. 9, 13, 21. Рис. 5, 11, 22.

⁵⁹ Паршина Е.А. Отчет о работе в урочище Ласпи в 1976 году Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР / Научный архив ИАК РАН. Ф-1. Оп. 1. Д. 475. Л. 5. Фото 21, 22, 25–28.

⁶⁰ Кирилко В.П. Главный храм Средневековой Алушты // Проф. д-р Борис Д.Борисов: ученицы и приятели / Съст. и гл. ред. Б.Д. Борисов. [ВТУ «Св. Св. Кирил и Методий» и Българската археология. Т. 2]. Велико Търново: ИВИС, 2016. С. 751–766 (здесь: С. 757, 760. Рис. 4).

Рис. 15. Панаея. Мраморный пол храма. Вид с юго-востока. 1970 г. (Фотоматериалы работ в Симеизе. Храм Панаея / НА ИАК РАН. Ф-13. Оп. 3. Д. 5. Л. 133)

Рис. 16. Ласпи. Каменная вымостка в храме на северо-западном склоне г. Мачук. Общий вид с юго-запада. 1977 г. (по: Паршина Е.А. Отчет о работе... Рис. 20)

мы, пригодной для этой цели⁶¹. В качестве напольного покрытия нередко использовались различного рода подсыпки, обычно глинистые и щебенистые, посредством которых выравнивалось основание либо уплотнялась дневная поверхность внутри здания⁶². Причем они известны в постройках с разной архитектурой и предназначением, как в малых однефных церквях, так и в монументальных храмах. Показателен пример неоднократно перестраивавшейся в X–XIV вв. базилики Алустона. Одновременно с бутовым настилом наоса она имела земляной пол в апсиде. Алтарная площадка только по внешнему краю была обрамлена камнем, который уложен насухо попеременно с грунтом, вровень с остатками кладок более раннего строения, ею перекрытого. Для скрепления лицевой кромки и выравнивания поверхности швы конструкции снаружи заполнены известковым раствором⁶³.

Многие небольшие храмы могли вообще не иметь специальных настилов, а изначально довольствовались более или менее тщательно выровненной поверхностью материка и только со временем приобретали грунтовое или иное покрытие, нередко в результате постепенного накопления культурного слоя⁶⁴. Подобные метаморфозы наглядно демонстрирует пример

⁶¹ См.: *Пятышева Н.В.* Отчет о раскопках в Алуште в 1950 г. / НАО МЗ ХТ. Ф. 1. Д. № 2541. Л. 87–88; *Когонашвили К.К., Махнева О.А.* Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Биби-ков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 111–123 (здесь: С. 121); *Айбабина Е.А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов) / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 194–205 (здесь: С. 197); *Бочаров С.Г.* Средневековый массандровский «Храм 1894 года». Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // Церковная археология Южной Руси (сборник материалов Международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Севастополь, 2001 г. / Отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: КФ ИА НАНУ, 2002. С. 161–166 (здесь: С. 161); *Кирилко В.П.* Фунская часовня № 1 // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский. [Археологический альманах. № 22]. Донецк: Донбасс, 2010. С. 311–322 (здесь: С. 314).

⁶² *Фирсов Л.В.* Исары... С. 386–387, 401, 414. Рис. 148; *Мыц В.Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // Советская археология. 1987. № 2. С. 228–245 (здесь: С. 231. Рис. 3); *Новиченкова Н.Г.* Скит на Гурзуфском седле // Христианство на Южном берегу Крыма. Материалы Крымской научно-практической конференции (24 ноября 2000 г.) / Отв. ред. А.В. Глузман. Ялта: РИО КГГИ, 2002. С. 10–13 (здесь: С. 11).

⁶³ *Кирилко В.П.* Главный храм... С. 758. Рис. 4.

⁶⁴ См.: *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники... С. 79; *Тесленко И.Б., Семин С.В., Лысенко А.В.* Раскопки храма XIV–XVI вв. на северо-восточном склоне г. Аю-Даг // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии / Ред.-сост. В.Ю. Юрочкин. Киев: Стило, 2002. С. 169–171 (здесь: С. 169); *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеп-пена) / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стило, 2004. С. 260–296 (здесь: С. 260–261).

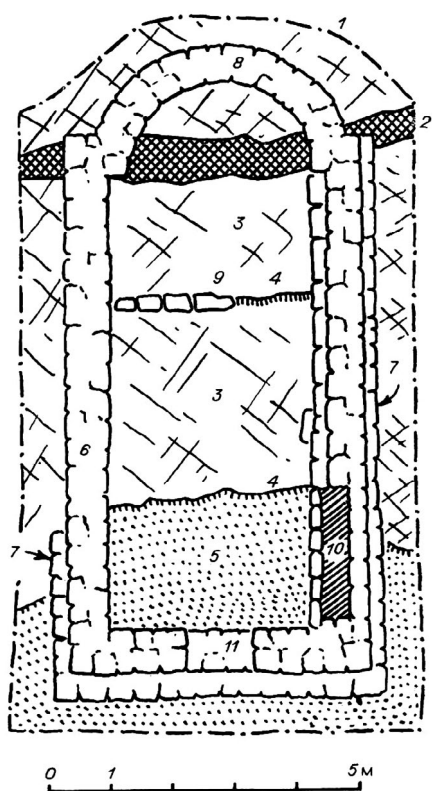

Рис. 17. Церковь на вершине Ильяс-Кая. План. 1966 г.:

- 1 — контур раскопа;
 - 2 — расселина в скале (была до постройки базилики);
 - 3 — скальная поверхность известняков — пол;
 - 4 — невысокие уступы;
 - 5 — щебенистая подмостка в понижении скального рельефа;
 - 6 — стены;
 - 7 — выступы фундамента;
 - 8 — апсида;
 - 9 — остатки предалтарной преграды;
 - 10 — ниша в стене с 13 костяками;
 - 11 — вход
- (по: Фирсов Л.В. Исары... Рис. 148)

Рис. 18. Пол наоса и алтарная площадка храма в демерджинской Долине Привидений. Вид с северо-запада. 2020 г.
Снимок автора

церкви в урочище Еди-Евлер, датируемой второй половиной IX – первой половиной X вв.⁶⁵ Ее стены фундамента как такового не имели. Практически везде они поставлены на дно строительного котлована, которое одновременно является первым полом постройки. Выемка под здание выполнена в материковых суглинках с локальными обнажениями аргиллитов, заглублена на 0,15–0,20 м. Поверхность основания была относительно ровной, в восточной части оставлен уступ высотой 0,13–0,18 м под алтарную площадку. Появление нескольких слоев грунтового покрытия обусловлено главным образом ремонтами.

Иногда в качестве пола используется скальная поверхность строительного горизонта, причем не всегда цельная (Рис. 17), как в случае с монастырским храмом IX–X вв. на г. Ильяс-Кая⁶⁶. Церковь однефная с полукруглой апсидой, по сравнению с другими подобными ей постройками выделяется удлиненными формами главного объема. Основание здания, сохранившее свой вид внутри сооружения, было известняковым покатым с расселиной под апсидой и щебенистыми напластованиями в передней, пониженной, части склона. Необычной архитектоникой выделяется храм, располагавшийся на вершине небольшого останца конгломерата в демерджинской Долине Привидений⁶⁷. Здание было однефным с прямоугольным в плане наосом и пятигранной снаружи апсидой. Постройка имела монолитный пол (Рис. 18), при этом алтарная площадка была вырублена одновременно с ним. Подготовка основания к возведению церкви сопровождалась появлением на поверхности скалы многочисленных лунок от гальки, потревоженной и выпавшей при разрушении структурных связей породы в результате физического воздействия на камень.

К числу редких принадлежит деревянный пол двухэтажного храма Фунского замка, построенного в 1459 г. — пожалуй, единственный случай, отмеченный в регионе и, более того, достоверно подтверждаемый иконографическими источниками⁶⁸. Строение само по себе является

⁶⁵ См.: Кирилко В.П. Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / Ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. [Археологический альманах. № 32]. Киев: ИД «Антиквар», 2015. С. 17–62 (здесь: С. 21. Рис. 1.1–1.4, 1.62–1.69); Тесленко И.Б. Стратиграфия и характеристика культурных отложений // Там же. С. 63–116 (С. 82–93. Рис. 2.1, 2.24–2.36).

⁶⁶ Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви... С. 280–282; Фирсов Л.В. Исары... С. 414. Рис. 148.

⁶⁷ Кирилко В.П. Новые данные о верхнем храме в Демерджинской Долине Привидений // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ, 2021. С. 155–162 (здесь: С. 155–156. Рис. 4–5).

⁶⁸ Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: Стилос, 2005. С. 166–167. Рис. 15–17, 26.

Рис. 19. Интерьер алтарной части в надвратной церкви Фунского замка. Вид с запада. 1911 г.
(по: Кирилло В.П. Крепостной ансамбль Фуны... Рис. 26)

уникальным. Церковь находится на месте первоначальных крепостных ворот и полукруглой въездной башни, органично используя их руины в качестве основания для новых стен. Ее наос в плане прямоугольный с двумя большими боковыми нишами, форма которых имитирует аркады базилик, что позволило визуально расширить внутреннее пространство постройки и придать его конфигурации вид уплощенного креста. Пол представлял собой сплошной дощатый настил, поддерживаемый балками межэтажного перекрытия (Рис. 19), причем проезд в нижней части здания был грунтовым с уклоном в напольную сторону.

Подводя итоги исследованию, можно сделать следующие выводы. В церковном зодчестве Южнобережного Крыма представлены все основные виды полов, которые известны в других регионах полуострова и за его пределами. Они являются характерными для интерьеров местных храмов, датируемых X–XV вв. Неординарность отдельных из них во многом обуславливалась геологическим строением территории, позволявшим ощутимо разнообразить сырьевую базу напольных покрытий и определявшим структуру основания, равно как архитектурой самих зданий, также оказывавшей влияние на выбор мастера. Оба мозаичных настила по праву могут считаться уникальными произведениями декоративного искусства.

References

- Adaksina, S.B. "Monastyrskii kompleks X–XVI vekov na gore Ayu-Dag [Monastic Complex from the 10th to 16th Centuries on Mount Ayu-Dag]." In *Materialy Yuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ehkspeditsii*. Issue 1. Saint-Petersburg, 2002 (in Russian).
- Adaksina, S.B., and Myts, V.L. "Partenitskaia bazilika v X–XI vv. (pervyi etap sushchestvovaniia pam'atnika) [Parthenite Basilica in the 10th–11th Centuries (The First Stage of the Monument's Existence)]." *Khristianskii vostok* 6 (2013). P. 405–433 (in Russian).
- Aibabina, E.A. "Dvukhapsidnyi khram bliz kreposti Funa [Two-Apse Temple near the Fortress of Funa]." In *Vizantiiskaia Tavrika: Sbornik nauchnykh trudov (k XVIII kongressu vizantinistov)*, ed. by P.P. Tolochko. Kiev, 1991. P. 194–205 (in Russian).
- Bocharov, S.G. "Srednevekovyi massandrovskii «Khram 1894 goda». Odin epizod nauchnoi deiatel'nosti K.K. Koscyushko-Valyuzhinicha [The Medieval Massandra "Temple of 1894". One Episode of the Scientific Activity of K.K. Kostsyushko-Valyuzhinikh]." In *Tserkovnaia arkheologiiia Yuzhnoi Rusi (sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiiia: problemy, poiski, otkrytiia»)*. Sevastopol', 2001 g., ed. by V.L. Myts. Simferopol, 2002. P. 161–166 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. "Mediaeval Churches of the South Bank of Crimea (Materials to the Archaeological Map)." *Dobrudzha* 32 (2017). P. 279–304 (in Russian).

- Chumazin, E.V., and Ivanov, Iu.M. *Khramy Yalty. Kratkii spravochnik [Churches of Yalta. A Short Guide]*. Yalta, 1998 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. "Iz arheologicheskikh issledovaniia na Iuzhnom beregu Kryma (1965–1966 gg.) [From Archaeological Research on the Southern Coast of Crimea (1965–1966)]." In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1965–1966 gg.*, ed. by P.P. Tolochko. Issue 1. Kiev, 1967. P. 180–183 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. "Srednevekoveye poseleniia i «Isary» Krymskogo Iuzhnoberezh'ia [Medieval Settlements and "Hissars" of the Crimean South Coast]." In *Feodal'naia Tavrika*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 5–55 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. "Vizantiiskie mozaiki Khersonesa Tavricheskogo [Byzantine Mosaics of Tauric Chersonesos]." In *Architektura wczesnobizantyjskich budowl sakralnych Chersonezu Taurydzkiego*, ed. by A.B. Bernatzky, V.A. Kutaisov. Vol. 3. Poznań, 2004 (in Russian).
- Fersman, A.E. *Vospominaniia o kamne [Memories of Stone]*. Moscow, 1953 (in Russian).
- Firsov, L.V. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma [Hissars: Essays on the History of Medieval Fortresses of the Southern Coast of Crimea]*. Novosibirsk, 1990 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. "Bazilika v Partenitakh (Iuzhnyi Krym): mog li byt' v nei pokhoronen episkop Ioann Gotskii? [Basilica in Parthenites (Southern Crimea): Could Bishop John of Gothia have been buried there?]." In *Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiia: Khersones – gorod sv'atogo Klimenta» (Sevastopol, 2011 g.)*, ed. by T.Yu. Yashaeva. Sevastopol, 2013. P. 384–408 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. "Poly opus sectile v Vostochnom Prichernomor'ie, Krymu, Kiieve: vizantiiskii kontekst [*Opus sectile* Floors in the Eastern Black Sea Region, Crimea, Kiev: The Byzantine Context]." *Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha* 65 (2012). P. 34–59 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Arkhiturno-konstruktivnye osobennosti i stroitel'naia periodizatsiia khrama [Architectural and Structural Features and Construction Periods of the Temple]." In *Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovyi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy*, ed. by I.B. Teslenko, A.E. Musin. [Arkheologicheskii al'manakh. Issue 32]. Kiev, 2015. P. 17–62 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Arkhiturnye migratsii srednevekovogo Kryma: odnonefnye khramy Iuzhnoberezhnoi chasti poluostrova [Architectural Migrations of Medieval Crimea: Single-Nave Churches of the Southern Coastal Part of the Peninsula]." *Stratum plus* 6 (2020). P. 129–152 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Arkhiturny, mozaiki ta monumental'nii zhivopis [Architecture, Mosaics and Monumental Painting]." In *Istoriia ukrains'koi kul'turi: V 5 t.*, ed. by P.P. Tolochko. Vol. 1. Kiev, 2001. P. 1078–1099 (in Ukrainian).
- Kirilko, V.P. "Bazilika Iuzhnoberezhnogo Kryma [Basilica of the South Coast of Crimea]." In *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh*

- istochnikakh: Materialy KH Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii, posv'ashchennoi 160-letiiu D.V. Ainalova*, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Iashaeva. Simferopol, 2022. P. 134–137 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Fun'skaia chasovn'a № 1 [The Chapel of Funa, No 1]." In *Drevn'aia i srednevekovaia Tavrika*, ed. by Iu.P. Zaitsev, A.E. Puzdrovskii. [Arkheologicheskii al'manakh. Issue 22]. Donetsk, 2010. P. 311–322 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Khramy Panea [Churches of Panea]." In *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XVI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar (Sevastopol, 24–28 maya 2024 g.). Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2024. P. 137–144 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Novye dannye o verkhnem khrame v Demerdzhinskoi Doline Prividenii [New Data on the Upper Temple in the Demerdzhin Valley of Ghosts]." In *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar (Sevastopol – Balaklava, 29 maia – 3 iyunya 2021 g.). Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2021. P. 155–162 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Poly srednevekovykh khramov Iuzhnoberezhnogo Kryma [Floors of Medieval Churches of the South Coast of Crimea]." In *Byzantinotaurica IV: Krym i Severnoe Prichernomor'ie v sisteme mirovykh tsivilizatsii. Tezisy dokladov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sevastopol, 14–18 okt'abr'ia 2024 g.*, ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsianskiy, S.G. Bocharov. Simferopol, 2024. P. 81–85 (in Russian).
- Kirpil'ov, K.S. "Sravnitel'nyi analiz malykh odnonefnykh khramov Khersona i iuzhnoberezhnoi Tavriki X–XV vv. [Comparative Analysis of Small Single-Nave Churches of Kherson and South Coast Taurica of the 10th–15th Centuries.]" In *IV Sv'ato-Vladimirskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posv'ashchennoi 1035-letiiu Kreshcheniia Rusi*, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Yashaeva. Simferopol, 2023. P. 65–67 (in Russian).
- Kogonashvili, K.K., and Makhneva, O.A. "Srednevekovaia Funa [The Medieval Funa]." In *Feodal'naiia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 111–123 (in Russian).
- Losits'kii, Iu.G. "Do pitannya tipologichnoi evolyutsii monumental'noi arkhitekturi seredn'ovichnogo Krymu [The Issue of the Typological Evolution of the Monumental Architecture of the Medieval Crimea]." *Arkheologiya* 2 (1990). P. 33–47 (in Russian).
- Myts, V.L. "Srednevekovoe ukreplenie Isar-Kaia [Medieval Fortification Isar-Kaia]." *Sovetskaia arkheologiya* 2 (1987). P. 228–245 (in Russian).
- Novichenkova, N.G. "Skit na Gurzufskom sedle [Skete on the Gurzuf saddle]." In *Khristianstvo na Iuzhnom beregu Kryma. Materialy Krymskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (24 noiabr'ia 2000 g.)*, ed. by A.V. Gluzman. Yalta, 2002. P. 10–13 (in Russian).

- Parshina, E.A. "Srednevekovaia keramika Iuzhnoi Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.) [Medieval Ceramics of Southern Taurica (Based on Excavations and Explorations in 1965–1969)]." In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 56–94 (in Russian).
- Parshina, O.O. "Seredn'ovichne ukriplenn'a na gori Ai-Todor [A Medieval Fortification on the Ai-Todor Mountain]." In *Arkheologichni doslidzhenn'a na Ukraini v 1969 r.*, ed. by V.E. Maksimov. Issue 6. Kiev, 1972. P. 253–257 (in Ukrainian).
- Teslenko, I.B. "Stratigrafiia i kharakteristika kul'turnykh otlozhenii [Stratigraphy and Characteristics of Cultural Deposits]." In *Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy*, ed. by I.B. Teslenko, A.E. Musin. [Arkheologicheskii al'manakh. Issue 32]. Kiev, 2015. P. 63–116 (in Russian).
- Teslenko, I.B., and Lysenko, A.V. "Srednevekovi khristianskii khram na iuzhnoi okraine s. Malyi Maiak i ego arkheologicheskoe okruzhenie [Medieval Christian Church on the Southern Outskirts of the Village of Maly Mayak and Its Archaeological Surroundings]." In *«O drevnostyakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sbornik nauchykh trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiiia so dn'a rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena)*, ed. by V.L. Myts. Kiev, 2004. P. 260–296 (in Russian).
- Teslenko, I.B., Semin, S.V., and Lysenko, A.V. "Raskopki khrama XIV–XVI vv. na severo-vostochnom sklone g. Ayu-Dag [Excavations of a Temple of the 14th–16th Centuries on the North-Eastern Slope of Mount Ayu-Dag]." In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii*, ed. by V.Iu. Iurochkin. Kiev, 2002. P. 169–171 (in Russian).
- Turova, N.P. *Vizantiiskie khramy Iuzhnogo berega Kryma [Byzantine Churches of the Southern Coast of Crimea]*. Simferopol, 2023 (in Russian).
- Udodenko, A. "“Posledn'aia iz mnogochislennykh drevnikh tserkvei”: sud'ba Ai-Vasil'skogo khrama [“The Last of Many Ancient Churches”: The Fate of the Ai-Vasil Temple]." *Staraia Ialta* 4 (2017). P. 16–20 (in Russian).
- Yakobson, A.L. *Rannesrednevekovi Khersones [Early Medieval Chersonesos]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. Issue 63]. Moscow; Lenin-grad, 1959 (in Russian).

BYZANTINOTAUURICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 172–194

BYZANTINOTAUURICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 172–194

Научная статья

Ромеи и «обитатели Севера»: идентичность и этнокультурные контакты в византийской Юго-Западной Таврике

Александр Александрович РОМЕНСКИЙ

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Отдел византийской истории; Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»; ул. Древняя, д. 1, 299045 Севастополь; pergamen-romen@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена влиянию этнокультурного взаимодействия на формирование идентичности населения Юго-Западной Таврики от раннего Средневековья до начала XIII в. Рассматривается контекст сведений источников о Херсоне как городе, окруженном варварами, а также отношение самих херсонитов к своим северным соседям. Исследуется образ варваров на предметах декоративно-прикладного искусства и керамики из раскопок Херсона. Уточняются особенности взаимоотношений с тюркскими кочевниками и Русью. Анализируются механизмы аккультурации, которые способствовали принятию варварами ромейской идентичности. Поднимается вопрос о связи этнической неоднородности Юго-Западной Таврики с негативной характеристикой местных жителей в византийской литературе.

Ключевые слова: ромеи и варвары, идентичность, этнокультурные связи, аккультурация, Херсон, Юго-Западная Таврика.

© Роменский А.А., 2024

Цитирование: Роменский А.А. Ромеи и «обитатели Севера»: идентичность и этнокультурные контакты в византийской Юго-Западной Таврике // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2024. Т. 2. С. 172–194.

Original article

Romans and “The Residents of the North”: Identity and Ethnocultural Contacts in the Byzantine South-Western Taurica

Alexandr A. ROMENSKY

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher; Department of Byzantine History; The State Museum-Preserve “Tauric Chersonesos”; 1, Drevniaia st., 299045 Sevastopol, Russian Federation; romen-romen@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the influence of ethno-cultural interaction on the formation of the identity of the population of South-Western Taurica from the early Middle Ages to the beginning of the 13th century. The context of source-information about Cherson as a city surrounded by barbarians, as well as the attitude of the Chersonites themselves towards their northern neighbours is considered. Images of barbarians on objects of decorative art and ceramics from the excavations of Cherson are studied. The features of relationships with Turkic nomads and Rus’ are clarified. The mechanisms of acculturation that contributed to the adoption of Roman identity by the barbarians are analysed. The question about the connection between the ethnic heterogeneity of South-Western Taurica and the negative characterization of local residents in Byzantine literature is raised.

Keywords: Romans and barbarians, identity, ethnocultural ties, acculturation, Cherson, South-Western Taurica.

For citation: Romensky, A.A. “Romans and “The Residents of the North”: Identity and Ethnocultural Contacts in the Byzantine South-Western Taurica.” *Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 172–194 (in Russian).

Базовая для человеческого самосознания дихотомия «свой–чужой», лежащая в основе конструирования идентичности в социуме, в Византии чаще всего выражалась как бинарная оппозиция «ромей–варвар». Это размежевание, самоочевидное для культуры, базировавшейся на наследии классической греко-римской древности, имело, тем не менее, различные формы проявления в столице имперской ойкумены Новом Риме и на окраинах ромейской державы, в контактных зонах, одной из которых, по общепринятому мнению, являлась и византийская

Таврика¹. Очевидно, что «варвар» в глазах константинопольского интеллектуала вовсе не всегда являлся «чужим» для византийца-жителя пограничья; с другой стороны, критерии определения имперской идентичности также разнились в центре и на периферии. К тому же сами понятия «границы» и «пограничья», отделяющие свой, привычный мир от мира инакового, в представлении ромеев постепенно эволюционировали, приобретая отличное от изначального семантическое наполнение². Целесообразно уточнить влияние этнокультурного взаимодействия в Юго-Западной Таврике на формирование и развитие локальной идентичности региона.

Большинство источников характеризует Херсон как полиэтнический и поликультурный центр, чья преобладающая ромейская самоидентификация включала в себя не только местных греков, но и разнообразие иных этносов и культурных традиций. Как и во всех торговых городах Империи, расположенных на пересечении транзитных путей, в Херсоне проживали евреи и армяне, оставившие в память о своем присутствии не только археологические следы, но и письменные памятники³. Несомненно, посещали город жившие поблизости, в «климатах» горного Крыма, готы и аланы⁴; судя по отдельным находкам, наведывались в Херсон и представители народов Закавказья, Малой Азии (Румского султаната), Ближнего Востока, Передней Азии (Ирана), в том числе мусульмане, использовавшие предме-

¹ См.: *Королюк В.Д.* О так называемой «контактной зоне» в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в Средние века / Отв. ред. Я.С. Гросул и др. Кишинёв, 1972. С. 31–46; *Агаджанов С.Г.* Контактные зоны Восточной Европы: узловые проблемы и задачи изучения // Доклады ИРИ РАН, 1995–1996 гг. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1997. С. 23–24; *Арутюнова-Фиданян В.А.* К вопросу о концепции контактной зоны (по поводу статьи В.П. Степаненко) // Византийский временник. 2000. Т. 59. С. 62–78 (здесь: С. 62); *Болгов Н.Н.* Юго-Западный Крым позднеантичного времени — контактная зона // Акра. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород, 2002. С. 25–34.

² Подробнее см.: *Иванов С.А.* Восприятие пределов империи: от Рима к Византии // *Он же.* Византийская культура и агиография. М., 2020. С. 17–22.

³ См.: *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., Оленина Е.* Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы для исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. Т. 1. М., 2013. С. 268–272. См. тж.: *Кизилов М.Б.* Еврейская община Херсонеса в античное и средневековое время // *Українська орієнталістика: спеціальний випуск з юдаїки* / Під ред. В. Черноіваненка. Київ, 2011. С. 170–187; *Он же.* Рец. на книгу: *Золотарев М.И.* и др. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы для исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. Т. 1. М., 2013 // *Восток (Oriens)*. 2016. № 5. С. 199–204 (здесь: С. 201–202); *Март Н.Я.* Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // *Известия Императорской Археологической комиссии*. 1904. Т. 10. С. 106–108.

⁴ Родовое имя Алан принадлежало одному из высших функционеров — катепану Херсона и Хазарии. См.: *Алексеев Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // *Херсонесский сборник*. 2012. Вып. 17. С. 7–17 (здесь: С. 12).

ты с надписями арабской вязью⁵; бывали в нем и «латиняне» — визитеры из Западной Европы⁶. Связи с миром кочевников Причерноморья, а также с Русью, объединившей славянские, балтские и угро-финские народы Восточной Европы⁷, которые имели важное значение не только для самой Юго-Западной Таврики, но и для внешней политики и дипломатии всей Империи, заслуживают более подробного рассмотрения.

В представлении византийцев, главный военно-административный, политический и экономический центр Юго-Западной Таврики всегда являлся городом порубежным, находящимся на самом краю их державы и привычного мира. Характеристика Херсона как окруженного варварами фронта не менялась от столетия к столетию: так, согласно сирийскому компилятору Псевдо-Захарии, в городе, куда был отправлен в ссылку александрийский патриарх, монофизит Тимофей Элур, проживали варвары и дикари (которые, тем не менее, благосклонно восприняли его проповедь)⁸; историк готов Иордан поместил вблизи Херсона свирепых альциагиров (одно из племен надвое разделившихся гуннов)⁹; секретарь Велисария Прокопий Кесарийский подчеркивал, что Херсон — самый удаленный город земли ромеев,

⁵ См.: *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. / Отв. ред. Т.В. Николаева. М., 1976. С. 55–56; *Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В.* Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011. С. 513, № 178; С. 550–553, № 250–252, 255, 258; С. 570, № 292. См. тж.: *Притула А.Д.* Фрагмент бронзовой ажурной лампы из раскопок Херсонеса // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2006. Т. 2 (27). С. 541–550. М.Г. Крамаровский не исключает возможности существования в северной части Херсона исламской общины: *Крамаровский М.Г.* Крым и Рум во второй половине XIII–XIV вв. // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. Сборник статей Международной конференции. К 80-летию профессора М.А. Усманова / Сост. и науч. ред.: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань, 2015. С. 192–198 (здесь: С. 193). Вопрос требует особого рассмотрения.

⁶ *Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В.* Наследие византийского Херсона. С. 99–100, 549, № 248.

⁷ См.: *Колесникова Л.Г.* Связи Херсона-Корсуня с племенами Восточной Европы в домонгольский период // Херсонесский сборник. 2006. Вып. 15. С. 129–150.

⁸ *Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta I* / Ed. E.W. Brooks // *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Vol. 83. Scriptores Syri. T. 38. Louvain, 1953. P. 184 (сирийский текст); *Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta I* / Ed. E.W. Brooks // *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Vol. 87. Louvain, 1924. P. 128 (латинский перевод). См.: *Грацианский М.В.* Захарии Ритора Хроника // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2009. С. 677–678; *Грацианский М.В.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М., 2016. С. 55.

⁹ *Iordanis Romana et Getica* / Rec. Th. Mommsen // *MGH Auct. ant.* T. 5. Pars 1. Berolini, 1882. P. 63. См. комментарий: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 1236; *Казанский М.М.* Альциагиры: вопрос происхождения // *Terra Tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время* (Симферополь, 10–12 октября 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь, 2023. С. 102–111.

издавна им подчиненный (в отличие от Воспора, ставшего имперским только в правление императора Юстина I); все места поблизости от него занимали варварские племена, о которых историк, судя по всему, имел довольно смутное представление, основывающееся не столько на знании реалий, сколько на мифологическом и литературном наследии древности (миф об Ифигении и храме Артемиды)¹⁰. Для опального папы Мартина, проведенного последние дни в Херсоне или его окрестностях¹¹, все жители Юго-Западной Таврики представлялись «язычниками» (или, согласно другому переводу, «иноземцами» — *gentiles*), превосходящими в бесчеловечности даже многих варваров¹²; в своем восприятии он, очевидно, противопоставлял привычный образ христианской Романии суровому месту своей ссылки¹³. Примечательно, что место погребения понтифика в загородном храме Богородицы Влахернской на восточном некрополе у Карантинной бухты почитали не только порицаемые им за бессердечность херсониты, но и жители Воспора, и «весь Север и обитатели Севера», которые получали исцеление у его надгробия¹⁴.

О варварских толпах, часто вторгающихся в окраинный Херсон, находящийся на пограничье ромейской державы, свидетельствовал и Анастасий Библиотекарь¹⁵. По сведениям ссыльного епископа Митрофана Смирнского, сохранившимся лишь в изложении Анастасия, часть области Херсона, соседняя с землей хазар, была покинутой, а епископ с немногочисленными жителями опасался выходить за пределы городских стен; в это время в городе и округе

¹⁰ Procopius of Caesarea. *History of the Wars* / Transl. H.B. Dewing. Vol. 1 (The Persian War). London; New York, 1914. P. 96; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 1239.

¹¹ *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч. 1. С. 308–309; *Яшаева Т.Ю.* К вопросу о достоверности информации в крымских письмах папы Мартина I // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2014. Вып. 19. С. 358–367 (здесь: С. 362).

¹² *Martinus I Epistolae* // PL. T. 87. Col. 204.

¹³ *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // *Причерноморье в средние века* / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 1. М., 1991. С. 173–190 (здесь: С. 179); *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 1296–1297. Примеч. 251.

¹⁴ *Epistola XII Gregorii Papae ad Leonem Isaurum imperatorem De sacris imaginibus* // PL. T. 89. Col. 520: *Beatum vero esse Martinum testatur civitas Chersonis, in quam relegatus est, et Bospori totusque Septentrio et incolae Septentrionis, qui ad monumentum ejus accurrunt, et curationes accipiunt.* См.: *Айналов Д.В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // *Древности. Труды Императорского Московского археологического общества* / Изд. под наблюдением А.В. Орешникова. Т. 25. М., 1916. С. 67–88 (здесь: С. 82); *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 1304. Примеч. 271.

¹⁵ *Anastasius Bibliothecarius. Epistola ad Gaudericum episcopum Veliternensem* / Ed.E. Perels, F. Laehr // *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae*. T. 5 (Epistolae Karolini aevi). Berolini, 1928. P. 436. См.: *Франко І.Я.* Святий Климент у Корсуні. Причинок до історії старохристиянської легенди // *Франко І.Я.* Зібрання творів у 50 тт. Т. 34. Київ, 1981. С. 7–347 (здесь: С. 231); *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // *Хазарский альманах*. 2012–2013. Т. 11. С. 222–240 (здесь: С. 226–227).

находились «пришельцы из различных варварских народов» и «лютые разбойники»¹⁶. Согласно Паннонскому житию, после обретения мощей святого Климента Римского Константин Философ встретился с неким хазарским «воеводой», осаждавшим с воинами христианский город, после чего едва спасся в пути от нападения венгров¹⁷. Впоследствии в середине X в. Константин Багрянородный дважды отметил, что пачинакиты (снискавшие в византийской литературе репутацию дичайших из дикарей)¹⁸ соседствуют с областью Херсона, и это географическое положение способно как причинять вред, так и приносить пользу империи¹⁹. Принципиальных изменений не случилось и в следующую эпоху: в конце XI в. Херсон по-прежнему граничил с иноземцами (на этот раз — куманами), которые приходили торговать к городским стенам, чем и воспользовался очередной политический ссыльный, называющий себя Львом Диогеном²⁰.

¹⁶ Anastasius Bibliothecarius. *Epistola ad Gaudericum*. P. 436–437: <...> ex diversis barbaricis gentibus advenaе, immo valde saevi latrunculi... См.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 1113–1114. Те же сведения о запустении места обретения мощей Святого Климента из-за вторжений различных варварских народов повторены и в латинском «Житии с перенесением мощей Святого Климента»: *Лавров П.А.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911. С. 143.

¹⁷ *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 12.

¹⁸ См.: *Ahrweiler H.* Byzantine Concepts of the Foreigner: The Case of the Nomads // *Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire* / Ed. by H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 1–15; *Malamut É.* Les peuples étrangers dans l'idéologie impériale: Scythes et Occidentaux // *L'étranger au Moyen Âge. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public* (Göttingen, 1999). Paris, 2000. P. 119–132; *Kozlov S.A.* More than Enemies. The Description of Nomads in the Byzantine Literature of the Epoch of the First Pecheneg Incursions into Byzantium // *Rules and Violence – Regeln und Gewalt: On the Cultural History of Collective Violence from Late Antiquity to the Confessional Age* / Ed. by C. Dietl, T. Knäpper. Berlin; Boston, 2014. P. 83–99; *Paroń A.* The Pechenegs: Nomads in the Political and Cultural Landscape of Medieval Europe. Leiden; Boston, 2021. P. 218–219.

¹⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 36, 40.

²⁰ *Annae Comnenae Alexias* / Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae; 40/1]. Berlin, 2001. P. 284–285. Рус. пер.: Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 266. Заслуживает внимания вопрос о времени бегства лже-Диогена из Херсона: традиционно, вслед за В.Г. Васильевским, это событие датируют «около 1092 г.», хотя возможен более широкий временной интервал: между 1088 (датировка речи Феофилакта Охридского к Алексею Комнину, согласно П. Готье) и 1095 г., когда куманы, направляемые самозванцем, вторгаются в Византию. См.: *Васильевский В.Г.* Византия и печенегы // *Труды В.Г. Васильевского*. Т. 1. СПб., 1908. С. 110. Примеч. 2; С. 111, 146–147; *Théophylacte d'Achrida*. Discours, traités, poésies / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae; 16/1]. Thessalonique, 1980. P. 96; *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 226–227; *Ипатьевская летопись* // Полное со-

В дальнейшем, по мере ослабления, а затем и распада Византии, влияние не-ромеев (преимущественно тюрок) в Таврике лишь возрастало: к примеру, эмир г. Хамы в Сирии, арабский географ и историк Абу-л-Фида (1273–1331) в своем труде «Упорядочение стран» передал тюркское название Херсона (Сару Керман — «Желтая крепость»), указав в таблице, что он относится к «условному климату» (стране) «ал-булгар и ат-турк»²¹.

Подавляющее большинство нарративных свидетельств о варварах в Юго-Западной Таврике принадлежит сторонним наблюдателям, чаще всего рассматривающим перипетии событий на порубежье сквозь призму сложившейся культурной традиции предубеждения против «Другого». Голос самих херсонитов крайне редко слышен в источниках, но иногда всё же различим: так, в «Аланском послании» епископ Феодор жалуется на неприязненное отношение к себе своего херсонского коллеги, пожелавшего ему проваливать вместе с «нечестивыми и безбожными аланами, которые хуже скифов». «Словно я был другого учения и благовестия... а не той же самой Церкви и не того же архипастыря», — заметил отправляющийся на проповедь Евангелия автор²². Эта оговорка очень существенна для характеристики восприятия внешнего мира представителями местной элиты, в данном случае — архиепископом²³, который, очевидно, с полным основанием называл Херсон «своим» городом. Как видно, общего исповедания веры (а аланы — православные христиане, пусть даже номинальные, «только по имени», как замечает тот же Феодор)²⁴ недостаточно для приобщения к своему сообществу представителей другого этноса; этнокультурные различия в этом случае все же играли определяющую роль. Надо полагать, что не все жители Херсона разделяли мнение своего пастыря;

бание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 217. Анна упоминает, что он прожил у куман «довольно долго», что косвенно свидетельствует в пользу начала 90-х гг. XI в.

²¹ Калинина Т.М. Херсон в арабской географической литературе // *Ῥωμαῖος*. Сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 199–200. О тюркском названии Херсона см. также: Храпунов Н.И. В поисках Херсонеса. Исследования по истории, топонимике и исторической памяти. Симферополь, 2023. С. 101; Сидоренко В.А. Митрополия Херсонской епархии и Мамай // *Херсонесский сборник*. 2024. Вып. 25. С. 140.

²² Перевод наш. См.: Theodorus Alaniae episcopus. Alanicus, sive de itinere suo per Alaniam // PG. T. 140. Col. 396.25–29. (Далее: Theodorus Alaniae): Ἀλλ' ἐς κόρακας ἔρρε τοὺς ἀσεβεῖς Ἀλανοὺς καὶ ἀθέους, οἱ καὶ Σκυθῶν εἰσι χεῖρονες. ... Ὡπтер εἰ ἐτέρου δόγματος... καὶ κηρύγματος, ἀλλὰ μὴ τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας καὶ τοῦ αὐτοῦ ἀρχιεπίμενος ἦμεν. Ср.: Епископа Феодора «Аланское послание» / Пер. Ю.А. Кулаковского // *Записки Одесского общества истории и древностей*. 1898. Т. 21. С. 11–27 (здесь: С. 19).

²³ Предстоятель Херсонской церкви в «Аланском послании» именуется епископом, однако уже с VII в. архиереи, занимавшие эту кафедру, титуловались архиепископами: Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 161.

²⁴ Theodorus Alaniae. Col. 409.

во всяком случае, многие из них считали проживающих поблизости алан «оградой и защитной стеной» (περιτείχιονα ταύτη καὶ περιφρούρημα) города, несмотря на все отталкивающие особенности их поведения²⁵. Сами «скифы» (архаичный этноним, применяющийся византийцами по отношению ко всем северным народам вне зависимости от их происхождения)²⁶ также обычно не вызывали теплых чувств у ромеев, однако контакты «херсаков»²⁷ с ними продолжались длительное время и были наиболее интенсивными.

Если интеллектуалы Константинополя в отношении к чужестранцам могли довольствоваться обобщением и литературными шаблонами, то жизнь на пограничье предусматривала постоянные контакты с иными этносами и безошибочное узнавание их внешнего облика. Изображения варваров нередко встречаются на изделиях декоративно-прикладного искусства и керамики из раскопок Херсонеса. Так, в 1891 г., во время раскопок в Северном районе городища К.К. Косцюшко-Валюжиничем была найдена датированная V–VI вв. бронзовая литая фигурка пляшущего кочевника, предположительно гунна, используемая для насаживания на балансир весов, с хорошо выраженными особенностями его внешности (толстое лицо с широким приплюснутым носом, выпуклыми глазами и мясистыми губами, волосы, заплетенные в косу, спускающуюся до середины спины) и одежды (островерхая шапка с меховой опушкой и длинным покрывалом, витая гривна на шее, дважды обернутый вокруг талии пояс, распахнутая спереди длинная ткань до колен)²⁸. Раскопками Р.Х. Лепера в VII квартале Херсонеса в 1913 г. обнаружен фрагмент бронзового подсвечника IX–X вв. с сохранившимся скульптурным изображением тюркского всадника-воина в характерном островерхом головном уборе, увенчанном штырем, облаченного в декорированные орнаментом доспехи²⁹.

²⁵ Ibid. Col. 393.

²⁶ Бибигов М.В. «Скифы» в византийской традиции // Скифия: образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 г. / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 13–16.

²⁷ Этнохороним «Хёрсакез» встречается в Житии апостола Андрея, написанном Епифанием Монахом, а также в инвокативной надписи на известняковом блоке из Херсона с изображением креста. Хорошо известна и надпись на стеле об успении пресвитера Херсакеи Иоанна, найденная в пещере на хребте Басман. См.: Соломо́ник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 210–218 (здесь: С. 214–215); Греческие предания об апостоле Андрее / Изд. подгот. А.Ю. Виноградов. СПб., 2005. С. 258; IOSPE V.15; V.122: Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.15-ru.html>; <https://iospe.kcl.ac.uk/5.122-ru.html> (Доступ 10.11.2023).

²⁸ См.: Пятъшева Н.В. Статуэтка пляшущего кочевника из Херсонеса (к вопросу о гуннах в Крыму) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Под ред. Д.Л. Талиса. [Труды Государственного Исторического музея. Вып. 54]. Ч. 2. М., 1982. С. 48–54 (здесь: С. 48); Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В. Наследие византийского Херсона. С. 556, № 264.

²⁹ Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В. Наследие византийского Херсона. С. 510, № 173.

В Херсонесе встречены имеющие аналогии среди памятников Южной Сибири и Балкан декоративные бронзовые бляшки IX–X вв. с рельефным изображением мужских лиц: на одной из них лицо с удлинённым носом, большими глазами, маленькими ушами, пышными усами и клиновидной бородой, а на второй — с явно выраженными скулами, миндалевидными глазами, плоским носом и толстыми губами, усами и короткой бородой³⁰. Известен фигурный красноглиняный кувшин из Закавказья XI–XII вв., оформленный в виде головы человека с выступающим носом, большими ушами и острым подбородком³¹. Внешний вид варвара в островерхой широкополой шапке с волосами, заплетенными сзади в три косы передает покрытое оливковой глазурью красноглиняное навершие крышки, найденное у Карантинной бухты, относимое к XIII–XIV вв. (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1892 г.)³².

Этим же временем датируются донья красноглиняных поливных чаш, выполненные в технике *sgraffito*, на которых представлены голова мужчины в тюрбане, а также фигура человека с округлым лицом и миндалевидными глазами³³. Разумеется, визуальные образы на импортируемых керамических изделиях отражают, прежде всего, представления о варварах мастеров византийской столицы и ее окружи, тем не менее, надо полагать, что они соответствовали вкусу жителей побережья Северного Понта. Индивидуальные черты внешности (высокий лоб, густые брови, небольшие глаза, длинные усы) просматриваются и на боевой железной маске-личине, обнаруженной в 1889 г. в квартале IXa Северного района³⁴.

³⁰ См.: Рудаков В.Г. Хозяева степей // Перед нашествием. М., 2005. С. 82–90 (здесь: С. 84–85); Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В. Наследие византийского Херсона. С. 538. № 225, 226.

³¹ См.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950. С. 217. № 146; Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В. Наследие византийского Херсона. С. 620, № 396.

³² См.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. С. 217. № 147; Журавлев Д.В. Даль тмудараканская // Перед нашествием. М., 2005. С. 62–75 (здесь: С. 75); Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В. Наследие византийского Херсона. С. 664. № 475

³³ Яшаева Т.Ю., Денисова Е.А., Залеская В.Н., Гинькут Н.В., Журавлев Д.В. Наследие византийского Херсона. С. 662–663, № 472–473.

³⁴ Маска была обнаружена К.К. Косцюшко-Валюжиничем в помещении, являвшимся «складом» или, что вероятнее, торговой лавкой. Вместе с ней были найдены железный ставник, 5 фрагментов якорей, 3 наконечника плуга, 147 рыболовных крючков, 12 серебряных гривен новгородского типа, а также 7 фрагментов железной кольчуги. Н.В. Пятыхева считает, что маска принадлежала половцам и имела ритуальный характер, однако такие боевые аксессуары встречаются в погребениях черноклобуцкой знати. См.: Пятыхева Н.В. Железная маска из Херсонеса (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками). М., 1964. С. 6–7, 9, 32, 34; Кирпичников А.Н., Черненко Е.В. Рецензия на: Н.В. Пятыхева, Железная маска из Херсонеса. (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками) // Советская археология. 1966. № 4. С. 214–219 (здесь: С. 215).

Историография традиционно характеризует тюркских кочевников как заядлых врагов своих оседлых соседей³⁵. Концентрация внимания исследователей преимущественно на военных конфликтах византийцев с номадами (гуннами, булгарами, тюркютами, хазарами, печенегам, торками, куманам) создает искаженную проекцию их отношений. Если отойти от стандартных клише негативного описания «скифов», которыми полнится византийская литература, становится очевидной поливариантность их взаимодействия. Как правило, летом кочевые становища находились в глубине причерноморских степей, а зимой приближались к морскому побережью: в это время степняки контактировали с жителями приморских городов. Сезонный характер миграций кочевых этносов в Причерноморье оставался неизменным с древности и до Нового времени³⁶.

Взаимная заинтересованность в товарообмене стимулировала торговлю христианской империи со Степью: обитатели Степи не только снабжали земледельцев и ремесленников продуктами скотоводства, получая взамен их изделия, но и выступали посредниками, благодаря которым новые идеи, товары, услуги и технические достижения перемещались на огромном евразийском пространстве³⁷. Со временем эпизодическое соседство сменилось совместным жительство в процессе седентаризации (засвидетельствованной в Восточном Крыму на примере некрополя Сугдеи)³⁸. Судя по отдельным христианским артефактам из кочевнических погребений, вместе с изменением повседневного быта новые горожане нередко усваивали и веру ромеев³⁹.

Византийская дипломатия в совершенстве умела пользоваться услугами кочевых народов в борьбе с противостоящими Империи державами.

³⁵ Melnyk M. Byzantium and the Pechenegs. The Historiography of the Problem. Leiden; Boston, 2022. P. 271, 293 et al.

³⁶ Тортука А.А. Историческая география кочевников Крыма во второй половине V – начале VII в.: экология хозяйства и численность населения // Боспорские исследования. 2016. Вып. 33. С. 210–241 (здесь: С. 217).

³⁷ Сорочан С.Б., Сорочан Е.С. Византия IV–IX вв.: торговцы, товары, услуги. Прага, 2022. С. 119–120.

³⁸ Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць / Відп. ред. О.П. Моця. Т. 2. Коростень, 2008. С. 20–28 (здесь: С. 25).

³⁹ В этом удостоверяет находка стенки пифоса с прочерченным изображением креста и греческой формулой IXNK в одном из подбойных погребений половецкого могильника Сугдеи: Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. С. 31. О распространении православия среди части тюркского населения Таврики свидетельствует и Сугдейский синаксарь: Νυσταζοπούλου Μ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μέχρι τοῦ ΙΕ' αἰῶνος. Συμβολή εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ μεσαιωνικοῦ ἐλληνισμοῦ τῆς Νοτίου Ῥωσίας. Ἀθῆναι, 1965. Σ. 123. Византийское христианство, несомненно, было издавна хорошо известно кыпчакам. См.: Голден П.Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху средневековья. 2008. Т. 6. С. 309–340 (здесь: С. 325–327).

В трактате «Об управлении империей» Константин Багрянородный особенно детально характеризует взаимоотношения Романии с пачинакитами (печенегами). По словам венценосного автора, находящиеся рядом с Херсоном печенеги торгуют с херсонитами, а также исполняют поручения их и василевса в Росии, Хазарии и Зихии за заранее условленную плату⁴⁰. Пачинакиты полезны, когда они пребывают в мире с ромеями и представляют военную угрозу для хазар, болгар, росов и «турок» (венгров). В случае войны они, напротив, могли совершать набеги и разорять Херсон и Климаты, чего Константин рекомендует всячески избегать⁴¹. Он останавливается и на практике отправления императорских посланников (апокрисариев, василиков) в Пачинакию: поддержка отношений с такими коварными контрагентами требовала взятия заложников, содержавшихся в крепости Херсона, и предоставления военной охраны ромейским дипломатам. Разумеется, как и все варвары, пачинакиты обладают жадностью и бесстыдством: в этом они, по мнению василевса, не отличались от других северных народов⁴². С течением времени ромеи точно так же научились использовать в своих интересах куман, которые иногда вмешивались во внутривизантийскую борьбу в Империи: так случилось с уже упоминавшимся Лже-Львом Диогеном, бежавшим из Херсона к куманам и впоследствии попытавшимся опереться на них с целью захвата власти⁴³.

В условиях византийского пограничья постоянная необходимость нейтрализации военной угрозы и получения гарантий безопасности закономерно приводила к созависимости местного населения от нескольких центров власти⁴⁴. Оставаясь подданными василевса ромеев, жители Таврики, вероятно, были вынуждены периодически поддерживать трибутарные отношения с правителями граничащих с ними кочевых потестарных образований. Сообщение Гильома де Рубрука о выплате дани куманам городами горного Крыма выглядит достоверным и соответствует специфике политических взаимосвязей, сложившихся

⁴⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 40.

⁴¹ Там же. С. 36–40.

⁴² Там же. С. 42.

⁴³ Annae Comnenae Alexias. P. 284–285.

⁴⁴ С.Б. Сорочан применяет термин «кондоминиум» по отношению к специфике хазаро-византийского политического взаимодействия в Таврике, что послужило причиной острой полемики в научном сообществе. См.: Сорочан С.Б. Еще раз о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму в конце VII – первой половине VIII в. // Византийский временник. 2014. Т. 73. С. 278–295; Айбабин А.И. К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Хазарский альманах. 2014. Т. 12. С. 161–174. Едва ли особенности такого «двоевластия» были когда-либо формализованы *de iure*, однако очевидно, что *de facto* необходимость учитывать интересы различных центров силы в Таврике не исчезла и в постхазарский период.

в эпоху кризиса и ослабления Византии⁴⁵. Данническая зависимость христианского населения Крыма от кочевников прослеживается и в более позднюю эпоху⁴⁶.

Мог ли человек, принадлежащий к другому этносу и культуре, стать ромеем в глазах окружающих? Какие механизмы аккультурации этому способствовали? Принятие ортодоксального христианства, безусловно, было одним из наиболее важных факторов конструирования идентичности, но не единственным и не исключительным. Не меньшую роль играли традиции постоянного совместного проживания и усвоение языка, что способствовало сближению различных этнических групп, межкультурному диалогу, который, как правило, носил обоюдный характер. Давно связанные с Империей готы и аланы, проживающие по соседству с ромеями, овладели греческим языком и в целом восприняли имперскую культуру⁴⁷.

Судя из информации Анны Комнины, приходившие к Херсону для торговли куманы в общении также не ощущали языкового барьера: можно полагать, что, как и в других зафиксированных в источниках случаях, часто контактирующие с ромеями тюрки знали их язык⁴⁸. Обнаружение половецкого святилища (фрагментов четырех изваяний) в непосредственной близости от Херсона подтверждает сведения

⁴⁵ *Itinerarium Willelmi de Rubruck* / Ed. A. van Den Wyngaert // *Sinica Franciscana*. Vol. 1. Quaracchi; Firenze, 1929. P. 147–332 (здесь: P. 171).

⁴⁶ В этом контексте примечательно послание консула Солдайи Христофоро ди Негро консулу Каффы Антониотто ди Кабелла (20 сентября 1474 г.), в котором сообщается, что некоторые жители Солдайи время от времени живут и работают в селениях горного Крыма, где платят десятину (крымскому хану), а во время проживания в городе — подушную подать и несут караульную повинность: *Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri 1453–1475* / Ordinato ed illustrato par A. Vigna // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Vol. 7. Par. 2. Genova, 1879. P. 301–302. С.Г. Бочаров оправданно считает, что этот документ отражает реалии более раннего периода: *Бочаров С.Г.* К вопросу о расположении Фульской епархии в горном Крыму // *Византийский временник*. 2020. Т. 104. С. 160–174 (здесь: С. 164–166).

⁴⁷ См.: *Виноградов А.Ю.* Греческая письменность на северной периферии византийского мира и ее функционирование в иноязычной среде. Диссертация доктора филологических наук: 10.02.14. М., 2020. С. 64; *Айбабин А.И.* Об освоении греческого языка готами и аланами горного Крыма // *Античная древность и Средние века*. 2021. Т. 49. С. 79–96 (здесь: С. 91). Житие Антония Римлянина упоминает о «гречанине-готфине», торговавшем в Новгороде, который, помимо греческого, знал еще латынь и русский язык: *Житие преподобного Антония Римлянина* // *Православный собеседник*, издаваемый при Казанской духовной академии. 1858. Ч. 2. С. 157–171 (здесь: С. 165); *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 435. Вероятно, многоязычие часто встречалось среди купцов Таврики, которым было необходимо в утилитарных целях.

⁴⁸ Ср.: *Bartusis M.C.* *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1992. P. 27.

письменных источников о непосредственной близости куман и ромеев Таврики⁴⁹.

Длительное соседство тюркского и греческого населения в Крыму способствовало и обратному процессу заимствования греками тюркских культурных и языковых особенностей, что отмечается источниками в период позднего Средневековья и Нового времени. Тем не менее, обе этнические группы греков, переселенных из Крыма в Приазовье в 1778 г. (тюркоязычные урумы и эллиноязычные румеи) сохранили свою ромейскую идентичность и историческую память, проявляющуюся как в самоназвании, так и особенностях языка и материальной культуры⁵⁰; в частности, в фольклоре румеев сохранились акритские песни, характерные для византийской эпохи⁵¹.

Посещающие Херсон и Климаты северные варвары не только усваивали здесь греческий язык и образцы ромейской культуры, но и приносили свои артефакты, некоторые из которых свидетельствуют о сохранении ими этнического самосознания и элементов собственных языческих культов⁵². В ходе раскопок найдены украшения-привески, являющиеся также амулетами; одна из них, в виде бронзового топорика, не исключено, имеет отношение к распространенному среди славян и балтов культу бога-громовержца (Перуна); подвески-птички характерны для финно-угорских народов Поволжья и Прикамья и отражают характерное для их культуры почитание водоплавающих птиц⁵³. Среди находок из Херсонеса известна бронзовая антропоморфная фигурка-«уродец», аналогии которой встречаются в широком географическом ареале Восточной Европы (Поволжье, Прикамье, бассейн Северского Донца), а также в Казахстане, Узбекистане, Западной Сибири; чаще всего эти вещи связывают с раннетюркскими

⁴⁹ Тюрин М.И. Раскопки античного укрепления Масляная гора в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. № 8. С. 137–140.

⁵⁰ См.: Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья / Отв. ред. М.Л. Кисилиер. СПб., 2009. С. 9–10, 79, 97–98, 103.

⁵¹ См.: Kasilier M. Folklore, Literature and Identity, or Once More about Azov Greeks // Judaica Petropolitana. 2017. № 8. Р. 83–97 (здесь: Р. 85–88); Васильева И.Э., Кисилиер М.Л. «Греческий миф» у греков Приазовья // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Т. 22. № 1. С. 274–291 (здесь: С. 284); Кисилиер М.Л. Социально-культурные и лингвистические особенности поэзии греков Приазовья // Формирование культуры в диаспоре: коллективная монография / Отв. ред. Л.С. Гушьян, И.Р. Тантлевский, В.В. Федченко. СПб., 2019. С. 99–134 (здесь: С. 109–111).

⁵² Иванов А.В. Население античного Херсонеса Таврического — византийского Херсона по данным антропологии. Севастополь, 2016. С. 90.

⁵³ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. 1905. Вып. 16. С. 37–110 (здесь: С. 78); Он же. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. 1906. Вып. 20. С. 17–95 (здесь: С. 46. Примеч. 1); Колесникова Л. Г. Связи Херсона-Корсуня... С. 133–136.

племенами⁵⁴. Интересна метка на кровельной черепице с изображением фигурки человека (вероятно, шамана), а также его изображение в виде птичеловека на одной из костяных рукоятей. Вероятно, гости из Восточной Европы носили амулеты-подвески из зубов животных и кабаньих клыков; разумеется, эти личные вещи, как и многие другие детали одежды и украшения, не были предметами торговли и поступали в город вместе с иноплеменными визитерами⁵⁵. Языческие верования не были полностью вытеснены после принятия христианства, что демонстрируют находки крестов-тельников с отломанной ветвью: в свете этнографических аналогий такая намеренная деформация предметов в погребениях символизировала утрату близкого человека⁵⁶.

Разносторонние отношения Херсона (летописного Корсуня) с Русью документируются не только в связи с упоминаниями в письменных источниках, но и благодаря выявленным археологами древнерусским артефактам, таким как оружие, керамика, изделия из овручского сланца. Христианские предметы личного благочестия, изготовленные на Руси, также неоднократно встречались во время раскопок Херсонесского городища. Эти яркие находки, среди которых киотный крест, бронзовые энколпионы с изображением Святых Бориса и Глеба и надписями кириллицей, кресты-тельники, чаще всего привлекали внимание исследователей, занимавшихся изучением духовных связей Руси и византийской Таврики⁵⁷. На основании этих материалов А.Л. Якобсон сделал вывод о существовании в Херсоне-Корсуне «русского квартала», заселенного выходцами из Восточной Европы. По мнению ученого, причиной активной миграции славянского населения в Юго-Западную Таврику стала «угроза татарских набегов» после Западного похода войск Бату⁵⁸. В настоящее время эти предположения

⁵⁴ См.: *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. С. 62. Рис. 21; *Спицын А.А.* Уродливые медные статуэтки // Известия Императорской Археологической комиссии. 1909. Вып. 29. С. 142–152 (здесь: С. 147); *Колесникова Л.Г.* Связи Херсона-Корсуня... С. 136–137; *Гриб В.К., Давыденко В.В.* Новые находки антропоморфных бронзовых фигурок уродцев // Степи Европы в эпоху средневековья. 2012. Т. 9. С. 361–372.

⁵⁵ *Колесникова Л.Г.* Связи Херсона-Корсуня... С. 139.

⁵⁶ Там же. С. 137.

⁵⁷ *Якобсон А.Л.* К истории русско-корсунских связей (XI–XIV вв.) // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 116–128 (здесь: С. 125); *Колесникова Л.Г.* Связи Херсона-Корсуня... С. 130–131; *Яшаева Т.Ю.* Русские святые в византийской Таврике // Владимирский сборник. Материалы Международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Калининград, 2016. С. 455–461; *Гиппиус А.А., Романчук А.И.* Древнерусские паломнические граффити из Херсонеса // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С.Г. Рыжова / Отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград, 2018. С. 45–56 (здесь: С. 46–47, 54–55. Рис. 1, 4, 5).

⁵⁸ *Якобсон А.Л.* К истории русско-корсунских связей... С. 125.

видятся необоснованными: датировка найденных «славянских» вещей не ограничивается лишь XIII в., а их обнаружение в различных усадьбах вместе с предметами иного этнического происхождения доказывает отсутствие в городе отдельных, этнически обособленных районов⁵⁹. Вероятно, в Херсоне, как и в других городах Крыма с многонациональным населением, религиозная самоидентификация всё же преобладала над этнической (хотя полностью и не вытесняла ее), и маркеры общей идентичности со временем объединяли всех жителей, исповедующих одну и ту же веру⁶⁰. Не подтверждается и гипотеза о военной угрозе как причине нахождения русских мигрантов в Херсоне: археологическая ситуация позволяет предполагать их длительное проживание⁶¹. Как показывает известный летописный сюжет об угрозе киевлян зажечь свой город и уйти «в Греческую землю» под 6577 (1069) г., посещение русами византийских территорий и жительство в них не было из ряда вон выходящим явлением⁶². Слова представителей киевской общины, обращенные к князьям Святославу и Всеволоду Ярославичам, очевидно, воспринимались современниками как вполне реальный вариант развития событий.

Несомненно значение Херсона-Корсуня для рецепции византийского наследия на Руси: именно «корсунские» памятники впоследствии воспринимались как аутентичные ромейские, что привело даже к формированию «корсунского мифа» в исторической памяти Восточной Европы⁶³. Другая

⁵⁹ Седикова Л.В. Херсонес-Херсон XIII в. во взаимодействии цивилизаций // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия М.М. Казанского* / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь, 2023. С. 241–244 (здесь: С. 243).

⁶⁰ Так, известно, что в Солхате золотоордынской эпохи конфессиональная идентичность преобладала над этнонациональной, такая же закономерность прослеживается среди населения генуэзской Каффы XV в., где под именем «греков» были известны все православные, независимо от их этнического происхождения. Едва ли в византийском Херсоне ситуация была принципиально иной. См.: Крамаровский М.Г. О христианских конфессиях Солхата в XIII–XIV вв. (предварительное сообщение) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2017. Вып. 22. С. 399–411 (здесь: С. 400); Хвальков Е.А. Этноконфессиональный состав населения генуэзской Каффы в XV в. // *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.)*. Т. 2. М., 2023. С. 147–151 (здесь: С. 148).

⁶¹ Гиппиус А.А., Романчук А.И. Древнерусские паломнические граффити... С. 47.

⁶² Лаврентьевская летопись. Стб. 173; Ипатьевская летопись. Стб. 162–163.

⁶³ Толстая Т.В., Уханова Е.В. «Корсунские реликвии» и крещение Руси // *Христианские реликвии в Московском Кремле* / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 147–189; Сазанов А.В. Сакральная Корсунь // *Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России»* // *Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции*. Севастополь, 2018. С. 43–45. См. подробнее: Роменский А.А. Корсунь и Русь: особенности рецепции культурного наследия // *Херсонесский сборник*. 2022. Вып. 23. С. 188–197.

сторона вопроса — какой представлялась Русь и русские люди в глазах херсонитов — улавливается в источниках в гораздо меньшей степени. Видится неслучайным четко акцентированное в «Повести о Николе Заразском» нежелание священника Евстафия Раки из «преименитого града» Херсона идти с иконой чудотворца в Рязанскую землю. «Аз раб твой ни земли рязаньския знах, ни на сердце мое възде. Не вем бо та земля, яко на восток, или на запад, или на юг, или на север», — мысленно оправдывался он перед Святым Николаем. Понадобилось не только неоднократное внушение, но и физическое воздействие со стороны святого («утыкая в ребра и веля немедленно ити, яко на восток...»), а затем поражение виновника промедления временной слепотой⁶⁴. Автор «Повести» заставляет святителя лично обеспокоиться разработкой маршрута предстоящего путешествия. Евстафий первоначально собирался подняться вверх по Днепру, а потом за Днепр в Половецкую землю, но по внушению святителя Николая был вынужден избрать окольный путь, плывя вначале к устью Днепра, затем по Черному («Понетскому морю») в море Варяжское (Балтийское)⁶⁵, огибая всю Европу по Средиземному морю и Атлантике. Очевидно, привычные для херсонитов дороги на Русь через Половецкую Степь в XIII в. виделись уже неактуальными.

Как правило, ромеи оставались консерваторами в своих симпатиях и антипатиях, считая, что даже крещение неспособно в полной мере исправить изначально присущие варварам недостатки⁶⁶. Примечательно пренебрежительное отношение византийских авторов к «полуварварам» (μιξοβάρβαροι) — людям смешанного этнического происхождения, которые могли разговаривать на разных языках, или же чужеземцам, поверхностно усвоившим ромейскую культуру. Этот термин часто применялся к этнически пестрому населению византийского Подунавья или граничащих с тюрками территорий Анатолии⁶⁷. Анна Комнина относилась к таковым тюрков, говоривших по-гречески, и знатоков «скифского» среди византийцев; она неоднократно применяет это обозначение к одному из военачальников Алексея Комнина, Монастре; упоминая о представителе

⁶⁴ Лихачев Д.С. «Повести о Николе Заразском» (тексты) // Труды отдела древнерусской литературы. 1949. Т. 7. С. 257–406 (здесь: С. 283–284, 303–304, 324).

⁶⁵ Там же. С. 284–285, 304–305, 325–326.

⁶⁶ Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 330–337 et al.

⁶⁷ См.: Dall'Aglio Fr. Paristrion as Centre and Periphery: from Byzantine Border Province to Heartland of the Second Bulgarian Tsardom // Studia Ceranea. 2022. Vol. 12. P. 29–50 (здесь: P. 33); Dudek J. Bizantyńscy Własi “nad pięknym i modrym Dunajem” w XII w. – stabilizacja i aspiracje // Balcanica Posnaniensia. 2022. Vol. 29. Str. 313–329 (здесь: Str. 317); Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley; Los Angeles; London, 1971. P. 176.

знатного рода Михаиле Стипиоте, она специально оговаривает, что его не следует путать с «полуварваром»⁶⁸.

Никифор Григора критически воспринимал язык и нравы жителей македонской Струмицы, отмечая, что для них несвойственна стройность и мелодичность богослужебных песнопений; к другим «полуварварам», таким, как полулидийцы или полуфригийцы, он относился несколько лучше⁶⁹. Возможно, именно этническая неоднородность Юго-Западной Таврики и Херсона, активные контакты местного населения с «обитателями Севера» и послужили одной из причин стереотипно негативного отношения к «херсакам» в византийской литературе. Как известно, их обвиняли в алчности, коварстве и бессердечии, жестокости, лживости и склонности к ересям⁷⁰. Нельзя исключить, что в восприятии византийских интеллектуалов жители Северного Понта поневоле перенимали нравы своих «варварских» соседей, с которыми, так или иначе, они разделяли историческую судьбу.

References

- Agadzhanov, S.G. "Kontaktnye zony Vostochnoi Evropy: uzlovye problemy i zadachi izucheniia [Contact Zones of Eastern Europe: Key Problems and Tasks of study]." In *Doklady Instituta Rossiiskoi Istorii RAN, 1995–1996*, ed. A.N. Sakharov. Moscow, 1997. P. 5–36 (in Russian).
- Ahrweiler, H. "Byzantine Concepts of the Foreigner: The Case of the Nomads." In *Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire*, ed. by H. Ahrweiler, A.E. Laiou. Washington, 1998. P. 1–15.
- Aibabin, A.I. "How the Goths and Alans of the Mountainous Crimea Assimilated Greek Language." *Antichnaia drevnost' i Srednie veka* 49 (2021). P. 79–96 (in Russian).
- Aibabin, A.I. "K diskussii o vizantiisko-khazarskom kondominiume v Krymu [On the discussion of the Byzantine-Khazar Condominium in Crimea]." In *Khazararii al'manakh* 12 (2014). P. 161–174 (in Russian).
- Alekseenko, N.A., and Tsepkov, Iu.A. "Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii [Catepanate in Taurica: Legendary Evidence or Historical Realities]." *Khersonesskii sbornik* 17 (2012). P. 7–17 (in Russian).
- Arutiunova-Fidanian, V.A. "K voprosu o kontseptsii kontaktnoi zony (po povodu stat'i V.P. Stepanenko) [The Concept of the Contact Zone Revisited (Re-

⁶⁸ Annae Comnenae Alexias. P. 228, 287, 328, 464, 475–476.

⁶⁹ Nicephori Gregorae historiae Byzantinae / Ed. I. Bekker and L. Schopen. [Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae]. T. 1. Bonn, 1829. P. 379. См.: Никифор Григора. История ромеев / Пер. с греч. Р.В. Яшунского, вступ. ст. Л.А. Герд. СПб., 2013. С. 293.

⁷⁰ См.: Роменский А.А. Концепт греха и добродетели в византийской Таврике // Херсонесский сборник. 2019. Вып. 20. С. 157–164.

- garding the Article by V.P. Stepanenko)].” *Vizantiiskii vremennik* 59 (2000). P. 62–78 (in Russian).
- Bartusis, M.C. *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1992.
- Bibikov, M.V. ““Skify” v vizantiiskoi traditsii” [“Scythians” in Byzantine Tradition].” In *Skifia: obraz i istoriko-kul’turnoe nasledie. Materialy konferentsii 26–28 oktiabria 2015*, ed. by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova, and A.V. Podosinov. Moscow, 2015. P. 13–16 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “On the Issue of the Location of the Phoul Episcopate on the Territory of the Crimean Mountains.” *Vizantiiskii Vremennik* 104 (2020). P. 160–174 (in Russian).
- Bolgov, N.N. “Iugo-Zapadniy Krym pozdneantichnogo vremeni — kontaktnaya zona [South-Western Crimea of the Late Antique Period – Contact Zone].” In *Akra. Sbornik nauchnykh trudov*, ed. A. V. Makhlaiuk. Nizhnii Novgorod, 2002. P. 25–34.
- Borodin, O.R. “Rimskii papa Martin I i ego pis’ma iz Kryma” [Pope Martin I and His Letters from Crimea].” In *Prichernomor’ie v srednie veka*, ed. S.P. Karpov. Issue 1. Moscow, 1991. P. 173–190 (in Russian).
- Dall’Aglia, Fr. “Paristrion as Centre and Periphery: from Byzantine Border Province to Heartland of the Second Bulgarian Tsardom.” *Studia Ceranea* 12 (2022). P. 29–50.
- Darkevich, V.P. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII–XIII vv. [Metal Art of the East, 8th–13th Centuries]*, ed. T.V. Nikolaeva. Moscow, 1976 (in Russian).
- Dudek J. “Bizantyńscy Własi “nad pięknym i modrym Dunajem” w XII w. – stabilizacja i aspiracje.” *Balkanica Posnaniensia* 29 (2022). P. 313–329.
- Franko, I.Ia. “Sviatyi Klyment u Korsuni. Prychinok do istorii starokhrystyians’koi legendy [St. Clemens in Korsun. On the History of the Old Christian Legend].” In Franko, I.Ia. *Zibrannia tvoriv u 50 tomakh*. Vol. 34. Kiev, 1981. P. 7–347 (in Ukrainian).
- Gippius, A.A., and Romanchuk, A.I. “Drevnerusskie palomnicheskie grafity iz Khersonesa [Ancient Russian pilgrimage graffiti from Chersonesos].” In *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statei v chest’ S.G. Ryzhova*, ed. V.V. Maiko, T.Iu. Yashaeva. Sevastopol; Kaliningrad, 2018. P. 45–56 (in Russian).
- Golden, P.B. “Religiia kypchakov srednevekovoi Evrazii [Religion of the Qipčaks of Medieval Eurasia].” *Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ia* 6 (2008). P. 309–340 (in Russian).
- Gratsianskii, M.V. “Zakharii Ritora Khronika [Chronicle of Zacharias the Rhetor].” In *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Vol. 19. Moscow, 2009. P. 677–678 (in Russian).
- Gratsianskii, M.V. *Imperator Iustinian Velikii i nasledie Khalkidonskogo sobora [Emperor Justinian the Great and the Legacy of the Council of Chalcedon]*. Moscow, 2016 (in Russian).

- Grib, V.K., and Davydenko, V.V. "Novye nakhodki antropomorfnykh bronzovykh figurok urodtsev [New Finds of Anthropomorphic Bronze Figurines of Freaks]." *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* 9 (2012). P. 361–372 (in Russian).
- Iakobson, A.L. "K istorii russko-korsunskikh svyazei (XI–XIV vv.) [On the History of Rus'-Korsun Relations (11th–14th Centuries)]." *Vizantiiskii vremennik* 14 (1958). P. 116–128 (in Russian).
- Iakobson, A.L. *Srednevekovyi Khersones (XII–XIV vv.)*. [Medieval Chersonesos. 12th–14th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1950 (in Russian).
- Iashaeva, T.Iu. "On the Problem of Authenticity of Information in Crimean Letters of Roman Pope Martin I." *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 19 (2014). P. 358–367 (in Russian).
- Iashaeva, T.Iu. "Russkie sviatye v vizantiiskoi Tavrike [Russian Saints in Byzantine Taurica]." In *Vladimirskii sbornik. Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii «I i II Sviato-Vladimirskie chteniia»*, ed. by V.V. Maiko, T.Iu. Iashaeva. Kaliningrad, 2016. P. 455–461 (in Russian).
- Iashaeva, T.Iu., Denisova, E.A., Zalesskaia, V.N., Gin'kut, N.V., and Zhuravlev, D.V. *Nasledie vizantiiskogo Khersona* [The Legacy of Byzantine Cherson]. Sevastopol'; Austin, 2011 (in Russian).
- Iashunski, R.V., and Gerd, L.A., transl. *Nikifor Grigora. Istoriia romeev [Nicephorus Gregoras. History of the Romans]*. Saint-Petersburg, 2013.
- Ivanov, A.V. *Naselenie antichnogo Khersonesa Tavricheskogo — vizantiiskogo Khersona po dannym antropologii* [The Population of Ancient Tauric Chersonesos – Byzantine Chersonesos According to Anthropological Data]. Sevastopol, 2016 (in Russian).
- Ivanov, S.A. "Vospriiatie predelov imperii: ot Rima k Vizantii [Perception of the Borders of Empire: From Rome to Byzantium]." In Ivanov, S.A. *Vizantiiskaia kul'tura i agiografiia [Byzantine Culture and Hagiography]*. Moscow, 2020. P. 13–24 (in Russian).
- Ivanov, S.A. *Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» khristianina? [Missionary Work in Byzantium: Can "Barbarian" be made Christian?]*. Moscow, 2003 (in Russian).
- Kalinina, T.M. "Kherson v arabskoi geograficheskoi literature [Cherson in Arabic Geographical Literature]." In *Rhomaïos. Sbornik statei k 60-letiiu prof. S.B. Sorochana*. Khar'kov, 2013. P. 188–205 (in Russian).
- Kazanskii, M.M. "Al'tsiagiry: vopros proiskhozhdeniia [Altziagiri: A Question of Origin]." In *Terra Tatarica: Krym i tiurkskii mir v epokhu Srednevekov'ia i v Novoe vremia (Simferopol, 10–12 oktiabria 2023 g.)*. *Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. E.I. Seidaliev. Simferopol, 2023. P. 102–111 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. *V poiskakh Khersonesa. Issledovaniia po istorii, toponimike i istoricheskoi pamiatii [In Search of Chersonesos. Research on History, Toponymy and Historical Memory]*. Simferopol, 2023.
- Khval'kov, E.A. "Etnokonfessional'nyi sostav naseleniia genuezskoi Kaffy v XV v. [Ethno-Confessional Structure of the Population of Genoese Caffa in the 15th Century]." In *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i*

politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sevastopol, 29 maia – 5 iiunia 2023 g.). Vol. 2. Moscow, 2023. P. 147–151 (in Russian).

Kirpichnikov, A.N., and Chernenko, E.V. “Retsenziia na: N.V. Piatysheva, Zheleznaia maska iz Khersonesa. (K voprosu o proiskhozhdenii i naznachenii kochevnicheskikh shlemov s maskami) [Review of: N.V. Pyatysheva, Iron Mask from Chersonesos. (On the Origin and Purpose of Nomadic Helmets with Masks)].” *Sovetskaia arkheologiiia* 4 (1966). P. 214–219 (in Russian).

Kisilier, M. “Folklore, Literature and Identity, or Once More about Azov Greeks.” *Judaica Petropolitana* 8 (2017). P. 83–97.

Kisilier, M.L. “Sotsial’no-kul’turnye i lingvisticheskie osobennosti poezii grekov Priazov’ia [Socio-Cultural and Linguistic Features of the Poetry of the Greeks of the Azov Region].” In *Formirovanie kul’tury v diaspole: kollektivnaia monografiia*, ed. by L.S. Gushchian, I.R. Tantlevskii, V.V. Fedchenko. Saint-Petersburg, 2019. P. 99–134 (in Russian).

Kisilier, M.L., ed. *Lingvisticheskaia i etnokul’turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov’ia [Linguistic and Ethnocultural Situation in the Greek Villages of the Azov Region]*. Saint-Petersburg, 2009 (in Russian).

Kizilov, M.B. “Evreiskaia obshchina Khersonesa v antichnoe i srednevekovoe vremia [The Jewish Community of Chersonesos in Ancient and Medieval Times].” In *Ukrains’ka orientalistika: spetsial’nyi vypusk z iudaiki*, ed. V. Chernoiivanenko. Kiev, 2011. P. 170–187 (in Russian).

Kizilov, M.B. “Retsenziia na knigu: Zolotarev M.I. et al. Drevniaia sinagoga v Khersonese Tavricheskom: Materialy dlia issledovaniia Prichernomorskogo proekta 1994–1998 gg. T. 1. M., 2013” [Review of: Zolotarev M.I. et al. Drevniaia sinagoga v Khersonese Tavricheskom: Materialy dlia issledovaniia Prichernomorskogo proekta 1994–1998 gg. Vol. 1. Moscow, 2013].” *Vostok/Oriens* 5 (2016). P. 199–204 (in Russian).

Kolesnikova, L.G. “Sviazi Khersona-Korsunia s plemenami Vostochnoi Evropy v domongol’skii period [Relations of Cherson-Korsun with the Tribes of Eastern Europe in the pre-Mongol Period].” *Khersonesskii sbornik* 15 (2006). P. 129–150 (in Russian).

Koroliuk, V.D. “O tak nazyvaemoi “kontaktnoi zone” v Iugo-Vostochnoi i Tsentral’noi Evrope perioda rannego srednevekov’ia” [On the So-Called “Contact zone” in South-Eastern and Central Europe in the Early Middle Ages].” In *Iugo-Vostochnaia Evropa v Srednie veka*, ed. by Ia.S. Grosul et al. Kishinev, 1972. P. 31–46 (in Russian).

Kozlov, S.A. “More than Enemies. The Description of Nomads in the Byzantine Literature of the Epoch of the First Pecheneg Incursions into Byzantium.” In *Rules and Violence – Regeln und Gewalt: On the Cultural History of Collective Violence from Late Antiquity to the Confessional Age*, ed. by C. Dietl, T. Knäpper. Berlin; Boston, 2014. P. 83–99.

Kramarovskii, M.G. “Krym i Rum vo vtoroi polovine XIII–XIV vv. [Crimea and Rum in the Second Half of the 13th–14th Centuries].” In *Tiurko-musul’manskii*

- mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniia. Sbornik statei Mezhdunarodnoi konferentsii. K 80-letiiu professora M.A. Usmanova*, ed. by D.M. Usmanova, D.A. Mustafina, M. Kemper. Kazan, 2015. P. 192–198 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. "On the Christian Confessions of Solkhat in the Thirteenth and Fourteenth Centuries (A Preliminary Communication)." *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 22 (2017). P. 399–411 (in Russian).
- Lavrov, P.A. *Materialy po istorii vozniknoveniia drevneishei slavianskoi pis'mennosti* [Materials on the History of the Emergence of the Ancient Slavic Writing]. Leningrad, 1930 (in Russian).
- Levchenko, M.V. *Ocherki po istorii russko-vizantiiskikh otnoshenii* [Essays on the History of Russian-Byzantine Relations]. Moscow, 1956 (in Russian).
- Likhachev, D.S. "Povesti o Nikole Zarazskom (teksty) [Tales on Nikola of Zaraisk (texts)]." *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* 7 (1949). P. 257–406 (in Russian).
- Litavrin, G.G., Novosel'tsev, A.P., eds. *Konstantin Bagrianorodnyi. Ob upravlenii imperiei. Tekst, perevod, kommentarii* [Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Text, Translation and Commentaries]. Moscow, 1991 (in Russian).
- Liubarskii, Ia.N., transl. *Anna Komnina. Aleksiada* [Anna Comnena. Alexias]. Saint-Petersburg, 1996 (in Russian).
- Maiko, V.V. "Kochevnicheskie elementy gorodskoi kul'tury Sugdei X–XII vv. Moda ili neodnorodnost' etnosa [Nomadic Elements of the Urban Culture of Sugdea in the 10th–11th Centuries. Fashion or Ethnic Heterogeneity]." In *Starodavnii Iskorosten' i slov'ians'ki grady. Zbirka naukovykh prats'*, ed. by O.P. Motsia. Vol. 2. Korosten, 2008. P. 20–28 (in Russian).
- Maiko, V.V., and Dzhanov, A.V. *Arkheologicheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological Monuments of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol, 2015 (in Russian).
- Malamut, É. "Les peuples étrangers dans l'idéologie impériale: Scythes et Occidentaux." In *L'étranger au Moyen Âge. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public* (Göttingen, 1999). Paris, 2000. P. 119–132.
- Melnyk, M. *Byzantium and the Pechenegs. The Historiography of the Problem*. Leiden; Boston, 2022.
- Nystazopoulou, M. *Hē en tē Taurikē hersonēsō polis Sougdaia apo tou IG' mehri tou IE' aiōnos. Symbolē eis tēn historian tou mesaionikou hellēnismou tēs Notiou Rōsias* [The City of Sugdaea on the Tauric Peninsula from the 13th to the 11th Century. A Contribution to the History of Medieval Hellenism in Southern Russia]. Athens, 1965 (in Greek).
- Paroń, A. *The Pechenegs: Nomads in the Political and Cultural Landscape of Medieval Europe*. Leiden; Boston, 2021.
- Piatysheva, N.V. "Statuetka pliashushchego kochevnika iz Khersonesa (k voprosu o gunnakh v Krymu) [Statuette of a Dancing Nomad from Chersonesos (The Issue of the Huns in Crimea Revisited)]." In *Arkheologicheskie issledo-*

- vaniia na iuge Vostochnoi Evropy*, ed. D.L. Talis. [Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia. Vol. 54]. Pt. 2. Moscow, 1982. P. 48–54 (in Russian).
- Piatysheva, N.V. *Zheleznaia maska iz Khersonesa (K voprosu o proiskhozhdenii i naznachenii kochevnicheskikh shlemov s maskami)* [Iron Mask from Chersonesos (On the Issue of the Origin and Purpose of Nomadic Helmets with Masks)]. Moscow, 1964.
- Pritula, A.D. "Fragment bronzovoi azhurnoi lampy iz raskopok Khersonesa [Fragment of a Bronze Openwork Lamp from the Excavations of Chersonesos]." *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Novaia seriia 27/2 (2006). P. 541–550 (in Russian).
- Romensky, A.A. "Korsun' and Rus': Features of the Cultural Heritage Reception." *Khersonesskii sbornik* 23 (2022). P. 188–197 (in Russian).
- Romensky, A.A. "The Concept of Sins and Virtues in the Byzantine Taurica." *Khersonesskii sbornik* 20 (2019). P. 157–164 (in Russian).
- Rudakov, V.G. "Khoziaeva stepei [Masters of the Steppes]." In *Pered nashestviem*. Moscow, 2005. P. 82–90 (in Russian).
- Sazanov, A.V. "Sakral'naia Korsun [Sacral Korsun']." In *Uvarovskie Tavricheskie chteniia III «Drevnosti Iuga Rossii»*. Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sevastopol, 2018. P. 43–45 (in Russian).
- Sedikova, L.V. "Khersones-Kherson XIII v. vo vzaimodeistvii tsivilizatsii [Chersonesos-Cherson of the 13th Century in the Interaction of Civilizations]." In *Imperium et Barbaricum: vzaimodeistvie tsivilizatsii: Sbornik statei v chest' 70-letiiia M.M. Kazanskogo*, ed. by A.I. Aibabin, E.A. Khairidinova. Simferopol, 2023. P. 241–244 (in Russian).
- Sidorenko, V.A. "Metropolis of Cherson Diocese and Mamay." *Khersonesskii sbornik* 25 (2024). P. 140–156 (in Russian).
- Solomonik, E.I. "Neskol'ko novykh grecheskikh nadpisei srednevekovogo Kryma [Several New Greek Inscriptions from Medieval Crimea]." *Vizantiiskii vremennik* 47 (1986). P. 210–218 (in Russian).
- Sorochan, S.B. "Eshche raz o vizantiisko-khazarском kondominiume v Krymu v kontse VII – pervoi polovine VIII vv. [Once Again About the Byzantine-Khazar Condominium in Crimea at the End of the 7th – First Half of the 8th Centuries]." *Vizantiiskii vremennik* 73 (2014). P. 278–295 (in Russian).
- Sorochan, S.B. "Vizantiiskii Kherson v pis'me Anastasiia Bibliotekaria [Byzantine Cherson in the Letter of Anastasius Bibliothecarius]." *Khazarskii al'manakh* 11 (2012–2013). P. 222–240 (in Russian).
- Sorochan, S.B. *Vizantiiskii Kherson. Ocherki istorii i kul'tury. [Byzantine Cherson. Essays on History and Culture]*. Pt. 1–2. Kharkov, 2005 (in Russian).
- Sorochan, S.B., and Sorochan, E.S. *Vizantiia IV–IX vv.: torgovtsy, tovary, uslugi [Byzantium of 4th – 9th Centuries: Traders, Goods, Services]*. Prague, 2022 (in Russian).
- Tiurin, M.I. "Raskopki antichnogo ukrepleniia Maslianaia gora v 2017 g. [Excavations of Ancient Fortification Maslianaia Gora in 2017]." *Istoriia i arkheologiia Kryma* 8 (2018). P. 137–140 (in Russian).

- Tolstaia, T.V., and Ukhanova, E.V. "Korsunskie relikvii i kreshchenie Rusi ["Korsun relics" and the Baptism of Rus]." In *Khristianskie relikvii v Moskovskom Kreml'e*, ed. A.M. Lidov. Moscow, 2000. P. 147–189 (in Russian).
- Tortika, A.A. "Istoricheskaia geografiia kochevnikov Kryma vo vtoroi polovine V – nachale VII v.: ekologiiia khoziaistva i chislennost' naseleniia [Historical Geography of the Crimean Nomads in the Second Half of the 5th – Beginning of the 7th Century: Ecology of the Economy and Population Size]." *Bosporskie issledovaniia* 33 (2016). P. 210–241 (in Russian).
- Vasil'eva, I.E., and Kisilier, M.L. "'Greek myth' of Azov Greeks." *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiiia* 22/1 (2018). P. 274–291 (in Russian).
- Vinogradov, A.Iu. "'Minovala uzhe zima iazycheskogo bezumiiia...'. Tserkov' i tserkvi Khersona v IV v. po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki ["The winter of pagan madness has already passed..." The Church and Churches of Cherson in the 4th Century According to Literary Sources and Epigraphy]. Moscow, 2010 (in Russian).
- Vinogradov, A.Iu. *Grecheskaia pis'mennost' na severnoi periferii vizantiiskogo mira i ee funkcionirovanie v inoiazychnoi srede. Dissertatsiia doktora filologicheskikh nauk: 10.02.14. [Greek Writing on the Northern Periphery of the Byzantine World and Its Functioning in a Foreign-Language Environment. Dissertation of a Doctor of Philological Sciences: 10.02.14.]*. Moscow, 2020 (in Russian).
- Vinogradov, A.Iu., ed. *Grecheskie predaniia ob apostole Andree [Greek Legends about the Apostle Andrew]*. Saint-Petersburg, 2005 (in Russian).
- Vryonis, S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkeley; Los Angeles; London, 1971.
- Zhuravlev, D.V. "Dal' tmutarakanskaia [Far Away in Tmutarakan']." In *Pered nashestviem*. Moscow, 2005. P. 62–75 (in Russian).
- Zolotarev, M.I., Korobkov, D.Iu., Ushakov, S.V., Maklennan, R., Overman, A., Olivier G., Edvards, D., Linstrom, G., and Olenina, E. *Drevniaia sinagoga v Khersonese Tavricheskom: Materialy dlia issledovaniia Prichernomorskogo proekta 1994–1998 gg. [Ancient Synagogue in Tauric Chersonesos: Materials for the Research of the Black Sea Project 1994–1998]*. Vol. 1. Moscow, 2013 (in Russian).

Научная статья

Католические миссии в Горной Юго-Западной Таврике во второй половине XIII в.: к постановке проблемы

Павел Владимирович Кузенков¹, Юрий Миронович Могаричев²

¹ Кандидат исторических наук, доцент; кафедра «Социально-политические и философские науки»; старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья; Институт общественных наук и международных отношений; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, 33, 299053 Севастополь; pk407@mail.ru

² Доктор исторических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН; заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования; ул. Ленина, 15, 295051 Симферополь; mogara@rambler.ru

Аннотация: Средневековая Горная Юго-Западная Таврика исторически являлась частью византийско-православного мира, но во второй половине XIII в. католики в ходе своей экспансии попытались, судя по всему, обосноваться и закрепиться в этом регионе. Свидетельством этого является сюжет из письма францисканца Ладислава к своему собрату по ордену миноритов Лаврентию от 11 апреля 1287 г., в котором, в частности, повествуется о крещении католическими монахами старшей жены Ногая Яйлак. В это время минориты Солхата, воспользовавшись заступничеством ордынских властей в их конфликте с мусульманами и приездом в город ханши, организовали, якобы по инициативе Яйлак, церемонию ее крещения в городе Кырк-Ере (Чуфут-Кале), центре Крымской Алании, после чего построили там церковь и основали католическую общину, несмотря на недовольство местных

армян и греков. Еще одним памятником, возможно, отражающим попытку проникновения латинских миссионеров на Мангуп несколькими годами ранее, является так называемая надпись «героя из Пойки» (1281/82 г.). Новое прочтение текста надписи позволяет предположить, что она установлена в память о том, как феодориты воспрепятствовали попытке латинских миссионеров при поддержке конного отряда утвердиться в историческом центре Крымской Готии, Доросе-Феодоро. В конце XIII – начале XIV в., латиняне, как показывают источники, были вынуждены ретироваться из Горной Таврики и, несмотря на планы возвращению в Готию, туда уже не вернулись. Это было вызвано двумя основными причинами: нарастающим напряжением в отношениях золотоордынских правителей и итальянских колонистов и формированием, под верховной властью ханов, княжества Феодоро. По мере утверждения ордынской власти в Крыму правители Сарая и их местные представители, очевидно, осознали опасность активной экспансии католических стран и предпочли «сделать ставку» на местное православное население.

Ключевые слова: Крым, Золотая орда, аланы, готы, Мангуп, Чуфут-Кале, католические миссии.

Цитирование: Кузенков П.В., Могаричев Ю.М. Католические миссии в Горной Юго-Западной Таврике во второй половине XIII в.: к постановке проблемы // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2024. Т. 2. С. 195–216.

Original article

Catholic Missions in the Mountainous South-Western Taurica in the 2nd Half of the 13th Century: Towards the Formulation of the Problem

Pavel Vladimirovich KUZENKOV¹, Yuri Mironovich MOGARICHEV²

¹ Candidate of Sciences (History), Associate Professor; Department of Social, Political and Philosophical Sciences; Senior Researcher; Historical and Archaeological Laboratory for the Comprehensive Study of the Byzantine Black Sea Region; Institute of Social Sciences and International Relations; Sevastopol State University; st. Universitetskaya, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; pk407@mail.ru

² Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher; Institute of Archeology of Crimea RAS; Head of the Department of Social and Humanitarian Education of the Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education; st. Lenina, 15, 295051 Simferopol, Russian Federation; mogara@rambler.ru

Abstract: Medieval Mountainous South-Western Taurica was historically part of the Byzantine-Orthodox world, but in the second half of the 13th century Catholics, during their expansion, apparently tried to settle and gain a foothold in this

region. Evidence of this contains a letter from a Franciscan Ladislaus to his fellow Minorite Laurentius from April 11, 1287, which, in particular, tells of the baptism of Nogai's senior wife Yaylak by Catholic monks. At this time, the Solkhat Minorites, taking advantage of the intercession of the Horde authorities in their conflict with the Muslims and the arrival of Yaylak in the city, organized, allegedly on the initiative of the *Khanum*, a ceremony of her baptism in the city of Kyrk-Yer (Chufut-Kale), the center of Crimean Alania. Afterwards they built a church there and founded a Catholic community, despite the discontent of the local Armenians and Greeks. Another monument, possibly reflecting an attempt by Latin missionaries to penetrate Mangup several years earlier, is the so-called inscription of the "hero from Poika" (AD 1281/82). A new reading of the text of the inscription suggests that it was erected in memory of how the Theodorites' community prevented an attempt by Latin missionaries, with the support of a cavalry detachment, to establish themselves in the historical center of Crimean Gothia, Doros/Theodoro. However, already at the end of the 13th – beginning of the 14th century, the Latins, as sources show, were forced to retreat from Mountainous Taurica and, despite their plans, never returned. This was caused by two main reasons: the growing tension in the relations between the Golden Horde rulers and the Italian colonists, and the strengthening of the principality of Theodoro under the supreme authority of the khans. As the Horde's power in Crimea was established, the rulers of Sarai and their local representatives apparently realized the danger of the active expansion of Catholic countries and preferred to rely on the local Orthodox population.

Key words: Crimea, Golden Horde, Alans, Goths, Mangup, Chufut-Kale, Catholic missions.

For citation: Kuzenkov P.V., and Mogarichev, Y.M. "Catholic Missions in the Mountainous South-Western Taurica in the 2nd Half of the 13th Century: Towards the Formulation of the Problem." *Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 195–216 (in Russian).

Постановка проблемы

Исторически средневековая Горная Юго-Западная Таврика являлась частью византийско-православного мира. Сначала эта территория входила в состав Херсонской епархии Константинопольского патриархата, а, вероятно, во второй половине VIII в. здесь была образована отдельная Готская епархия¹. В результате, большая часть региона вошла в состав новой церковно-административной единицы (в последней четверти XIII в. повышенной в ранге до митрополии²), а меньшая часть (в частности, район

¹ См., напр.: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. С. 434–442.

² Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris: De Boccard, 1981. P. 138, 181.

современного Инкермана), по крайней мере, до начала XIV в. оставалась в сфере юрисдикции херсонских иерархов³. По мнению некоторых исследователей, в северной части региона на рубеже IX–X вв. была основана Фульская епархия. Однако локализация Фул дискусионна, и более вероятно, что территория этой церковно-административной единицы находилась в другой, восточной части полуострова⁴. После турецкого захвата полуострова в 1475 г. и подчинения Османской империей Крымского ханства, Готская митрополия, объединенная с Каффской⁵, осталась единственной православной епархией Крымского полуострова. До переселения крымских христиан в российское Приазовье в 1778 г. именно в Горной Юго-Западной Таврике, в Успенском монастыре в окрестностях Бахчисарая, находилась резиденция Готско-Каффского митрополита⁶. Наряду с православными, значительную часть христианского населения Крымского полуострова составляли армяне, имевшие общину и на территории Юго-Западной Таврики, в Кырк-Ере (Чуфут-Кале)⁷. В XIII в., на фоне временного распада Византийской империи и монгольской экспансии, в Крыму появились генуэзские и венецианские фактории и колонии, а с ними и представители западного (латинского) христианства, создавшие впоследствии ряд церковно-административных структур Римско-Католической церкви. Принято считать, что католические приходы и монастыри в XIV–XV вв. действовали в Восточном Крыму, на Южном и Юго-Западном побережье, в том числе и в столице Крымского улуса Солхате (Старый Крым)⁸. Что касается Горной Таврики, то попыток закрепиться здесь итальянцами не фиксировалось, если не считать борьбу в XV в. между генуэзской Каффой и православным княжеством Феодоро за Каламиту, которая какое-то время находилась во власти итальянцев⁹. По нашему мнению, источники, хоть и не многочисленные, позволяют считать, что в начальный период своей экспансии, во второй половине XIII в., католики всё же предприняли попытки обосноваться и закрепиться в рассматриваемом регионе, однако в конце концов были вынуждены его покинуть. Данной проблеме и посвящена настоящая публикация.

³ Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Монументальная живопись средневековой Таврики (пещерные церкви). Симферополь: Антиква, 2024. С. 30–31.

⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время... С. 442–471.

⁵ Объединение Готской и Каффской епархий произошло в 1678 г.

⁶ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер–Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. С. 10–11.

⁷ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер–Чуфут-Кале. С. 185–186.

⁸ Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма / Отв. ред. А.В.Юрасов. Т. 1. М.: Кучково поле, 2019. С. 314–364.

⁹ См. напр.: Кирилло В.П. Каменная летопись Каламиты-Инкермана // Stratum plus. 2019. № 6. С. 278–281.

Поствизантийская Таврика в XIII в.

Исторические процессы, протекавшие в Горной Юго-Западной Таврике в XIII в., активно обсуждаются в историографии, что привело к формированию различных, часто противоречивых, точек зрения. Среди исследователей существует консенсус, что вскоре после распада Византийской империи (1204) область Херсона и «климаты Готии» были подчинены Трапезундской империи и, по крайней мере, до середины 20-х гг. XIII в. платили ей ежегодные подати¹⁰. «Заморье» (Περαιτέα) входило в титулатуру Великих Комнинов до XV в., хотя императоры Трапезунда едва ли сохраняли всё это время реальную власть над территориями по ту сторону Черного моря¹¹. В 1214 г. сельджукиды Рума впервые захватили Синоп, а около 1225 г. флот, посланный сельджукидским наместником Синопа Хетумом, разграбил «климаты Херсона». Незадолго до этого сельджукидская экспедиция захватила главный на то время порт южного Крыма — Сугдею (Судак)¹².

Однако в Крыму появились новые хозяева: зимой 1223 г. сюда пришли передовые отряды армии Чингисхана, а после похода 1238–1239 гг. почти весь полуостров оказался подчинен Монгольской империи. К середине XIII в. оформился Крымский улус Золотой Орды, правителям которого стали платить дань бывшие византийские города Таврики.

Убедительной представляется точка зрения, согласно которой упадок имперских институтов в периферийных областях распавшейся Византии сопровождался усилением представителей городской и бывшей феменной администраций. В XIII в. Таврика фактически «вернулась в эпоху автономных архонтий»¹³. По данным В.Л. Мыца, в 20–30-е гг. XIII в. происходит значительная активизация крепостного строительства «на территории бывшей фемы Херсона, в которую входила и Готия»: помимо 12 уже существовавших византийских городов-крепостей VI–XII вв., в горных районах и на южном побережье Крыма появляются 24–25 новых

¹⁰ Подробнее см.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб.: Алетей, 2007. С. 413–414; *Айбабин А.И.* Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века // Город на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время. Симферополь: Антиква, 2022. С. 47–55.

¹¹ С 1282 г. Великие Комнины, отказавшись от претензий на империю ромеев, приняли титул «василевсов всего Востока, ивиоров и Ператии». См.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. С. 194. Но ни «весь Восток» (Анатолия), ни ивиры (грузины) Трапезунду не подчинялись.

¹² См. подробно: *Мыц В.Л.* К датировке похода эмира Хусам-ад-дина Чобана на Судак // Античная древность и Средние века. 1999. Вып. 30. С. 176–186. И др.

¹³ *Степаненко В.П.* Византия и Крым в постфеодальный период (конец XI–XII вв.): к постановке проблемы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. 23. С. 714–716.

укреплений, что автор связывает с обострением военно-политической обстановки в регионе¹⁴.

Автономизация бывших византийских владений во 2-й половине XIII в. протекала в условиях внешнего давления со стороны Золотой Орды и итальянских морских республик. Вопрос о времени вхождения Горной Юго-Западной Таврики в состав ордынских владений остается дискуссионным. В историографии присутствуют точки зрения как о подчинении данного региона ханам уже к середине XIII в., так и о существовании здесь до самого конца этого столетия относительно независимых государственных образований с центрами в Чуфут-Кале (Кырк-Ер) и Мангупе (Феодоро)¹⁵. Источники по данному вопросу фрагментарны и противоречивы¹⁶. Однако есть основания предполагать, что Горная Таврика попала в подчинение к ханам Сарая не ранее 40–60-х гг. XIII в., причем на первом этапе эта зависимость не выходила за рамки выплаты дани¹⁷. Почти синхронно с монгольскими завоеваниями происходило и проникновение в Северное Причерноморье итальянских морских республик — Венеции и Генуи. Выстраивая отношения как с ханами, так и с местными властями, они стали создавать в прибрежных городах Крыма свои фактории и колонии. Венецианское консульство в Сугдее, которому предшествовала небольшая торговая фактория, было основано не позднее 1288 г. Генуэзцы в середине 70-х гг. XIII в. обосновываются в Каффе, где не позднее 1281 г. уже разместился генуэзский консул¹⁸. В результате этих событий к началу XIV в. на Крымском полуострове оформились новые торговые и административные центры: ордынский Крым (Солхат, совр. Старый

¹⁴ Мыц В.Л. Сторожевые укрепления XIII века «Херсакеи» и Крымской Готии // Поволжская археология. 2020. № 2(32). С. 48–63.

¹⁵ Историографию см. в работах: Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. 25. С. 499–503; Он же. Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века // Город на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время. Симферополь: Антиква, 2022. С. 55–64; Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. // Stratum plus. 2016. № 6. С. 71–79; Он же. Основные этапы завоевания Таврики монголами: 1223–1278 гг. // Вестник Владимирского государственного университета имени Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 1 (29). С. 27–33.

¹⁶ Обзор см.: Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики... С. 79–81; Айбабин А.И. О дате подчинения Готии... С. 494–499; Он же. Эволюция городов... С. 55–60.

¹⁷ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер–Чуфут-Кале. С. 141.

¹⁸ Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории... С. 314–320; Боcharов С.Г. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. // Bocharov S.G. Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans: The studies of the history of Crimea in the 13th–18th centuries. București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2021. С. 169–192 (здесь: С. 170–175).

Крым)¹⁹, генуэзская колония Каффа (совр. Феодосия)²⁰ и столица местных династов Феодоро (совр. Мангуп)²¹.

Начало латинского миссионерства в землях «Тартарии».

Известно, что после образования Монгольской империи, первые правители которой придерживались политики широкой веротерпимости, на ее территории развернулась активная миссионерская деятельность католических монашеских орденов — миноритов (францисканцев) и проповедников (доминиканцев)²². В феврале 1255 г. эмиссар французского короля монах-францисканец Гийом де Рубрук, возвращаясь из Золотой Орды, встретил в армянском городе Ани группу доминиканцев, имевших рекомендательные буллы папы Иннокентия IV к хану Улуса Джучи и намеревавшихся обосноваться там с целью развертывания проповеднической деятельности²³. Католические миссионеры встретили благосклонный прием правителей Золотой Орды, о чем свидетельствует благодарственное послание папы (Александра IV?) хану Берке (датируется 1259–1261 гг.)²⁴, а также выданные францисканцам ярлыки ханов Менгу-Тимура (1267 г.?), Тохты (1291–1312) и Узбека (1314)²⁵.

Особенно активно католические миссии действовали на территории Крымского полуострова, чему способствовало присутствие здесь венецианских и генуэзских колоний. В Сугдее (Солдае) не позднее 1280 г. существовал конвент ордена францисканцев, которому в августе этого года завещал свой дом венецианский купец Марко Поло Старший (дядя знаменитого путешественника)²⁶. Между 1278 и 1287 гг. был образован целый викариат²⁷ того же ордена в Северной Тартарии, с кустодиями в Газарии (от Крыма до нижнего Дуная) и Сарае (восток Золотой Орды,

¹⁹ Сейдалиев Э.И. Стратиграфия и хронология некоторых опорных археологических комплексов золотоордынского Солхата по материалам раскопок 1978–2023 гг. // Археология евразийских степей. 2024. № 2. С. 263–282 (здесь: С. 264).

²⁰ Бочаров С.Г. Генуэзские владения... С. 170–171.

²¹ По данным исследователей городища, жизнь на этом поселении, после ее затухания в середине XI в., возрождается в конце XIII в. Крепость, ранее известная как Дорос, а теперь получившая название Феодоро, была включена в систему золотоордынских владений в Крыму в качестве «протектората». См., напр.: Науменко В.Е., Герцен А.Г., Душенко А.А. Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология. Симферополь: Антиква, 2023. С. 463.

²² Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 3.

²³ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»... С. 10.

²⁴ Там же. С. 112–114 (№ 2).

²⁵ Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории... С. 353.

²⁶ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»... С. 13, 118–120.

²⁷ Территориальная единица 2-го уровня (ниже провинции и выше кустодии).

включая Северный Кавказ) и конвентами в Каффе, Сарае, Солхате, Викауме²⁸ и Кырк-Ере²⁹. Последний, созданный во второй половине 1286 г., стал первой католической общиной на территории Горного Крыма.

Об интересе латинских миссионеров именно к областям Юго-Западного Крыма, жители которого традиционно исповедовали православие, говорит уже булла папы Александра IV «Cum hora jam undecima» от 19 апреля 1258 г., адресованная отправляющимся на Восток францисканцам. В ней среди народов, на землях которых надлежит организовать миссию, упоминаются «аланы», «газары» и «готы», причем братьям-миноритам папа дает право принимать в общение схизматиков, основывать церкви и рукополагать клириков³⁰. Находка в окрестностях Балаклавы (Чембало) моливдовула того же папы³¹ подтверждает, что планы Александра IV имели и практическую реализацию. Заметим, что генуэзцы обосновываются в Чембало намного позднее, не ранее 40-х гг. XIV в.³²

Особенно интересна информация о проникновении католических монахов в Горный Крым в 80-е гг. XIII в., содержащаяся в письме францисканского монаха Ладислава, «избранного кустада Газарии»³³, которое было отправлено из Каффы 11 апреля 1287 г. к его собрату (и, возможно, начальнику)³⁴ Лаврентию³⁵.

Основание католической общины в Кырк-Ере в 1286 г.

Как сообщает Ладислав, в августе 1286 г. в ответ на жалобу францисканцев, правители Золотой Орды — только что ставший ханом Телебуга³⁶ и его опекун, всесильный беклярбек Ногай — заступились за католиков Солхата, которые подверглись нападению со стороны местных мусульман,

²⁸ Локализуется где-то на Нижнем Дунае.

²⁹ Kovács S. A Franciscan Friar's Letter from the Crimea (1287) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae. 2016. Vol. 69. № 2. P. 157–164 (здесь: P. 158–159).

³⁰ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»... С. 104–111 (№ 1).

³¹ Алексеев Н.А. Печать римского папы Александра IV из окрестностей Балаклавы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Т. 3. С. 267–269.

³² Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Bocharov S. G. Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans: The studies of the history of Crimea in the 13th–18th centuries. București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2021. С. 345–362 (здесь: С. 346).

³³ По-видимому, он еще не был утвержден в должности.

³⁴ Лаврентий выехал в Европу для выборов генерального министра ордена францисканцев, в которых должны были участвовать провинциальные министры и викарии. Это дает основание предположить, что Лаврентий был викарием Северной Тартарии.

³⁵ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»... С. 123–127 (№ 5).

³⁶ Данное письмо позволяет уточнить начало правления Телебуги (Тула-Буги), который сменил своего отрешенного от престола дядю Туда-Менгу не позднее июля 1286 г. (а не в 1287 г., как утверждается в справочной литературе).

скинувших колокол с их церкви. Ладислав сообщает, что «императоры Телебуга и Ногай направили каждый по одному из наиболее знатных своих баронов» для разбора конфликта и «особого посла (ambasiatorem)» для наказания виновных. Последний, «прибыв на второй день после праздника Святого Доминика в августе³⁷ и неся крест с регалиями императоров и знаменами», вступил в Солхат с военной силой «в сопровождении всех латинян и других бесчисленных христиан и с торжественной процессией, как и вместе с поющими литанию братьями, и прошел через все улицы и площади упомянутого города. И хотя он сам был сарацином, он заставил всех сарацин поджать хвост, словно собак. Даже самые могущественные из сарацин, видя нависшую над ними угрозу их жизни, бежали, бросив все, что имели, в соседний с городом лес, где они и прятались в течение целых семи дней. Названный же посол повесил на место колокола, которые они бесчинно сняли, три колокола, к величайшей славе и бесконечной радости христиан. И поскольку все братья, охваченные сильным ужасом, стали просить и, как только могли, умолять Господа, дабы никто не погиб из-за них или по их поводу, сей чудный Бог, Кто все вершит чудесным образом, чудесно избавил нас: ибо те, кого, как мы полагали, ожидала немедленная смертная казнь, были наказаны за ущерб взысканием их мирских денег. Ибо поистине, сразу же после того, как Всевышний чудесным образом изменил приговор, они должны были выплатить компенсацию в более чем шестьсот тысяч аспров. Также в те же дни прибыла императрица Яйлак, старшая и наиболее могущественная жена Ногай, и вошла в упомянутый город, чтобы увидеть местопребывание братьев и церковь с колоколами. Сколько же денег они дали [ей], я не могу написать вам с достоверностью, поскольку их было, как казалось, почти без числа³⁸. Там же она попросила, чтобы братья³⁹ крестили ее и наставили в католической вере; и пожелала, чтобы местом крещения был город под названием Керквери (Kerqueri)⁴⁰. Когда же я, брат Л., нареченный кустод, пришел туда вместе с братом Стефаном, гардианом⁴¹ Кафы (de Carpha),

³⁷ Память св. Доминика (основателя ордена доминиканцев) отмечается в Римско-Католической церкви 8 августа. Следовательно, речь идет о 10 августа, выпавшем в 1286 г. на воскресенье. Приводимая в изданиях дата 4 августа (*Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»... С. 128. Примеч. 9) ошибочна.

³⁸ Следует отметить, что К. Ойбель и Дж. Голубович перемещают данную фразу в конец предыдущего параграфа, трактуя ее как взятку послу. Но Р. Хаутала оставляет ее на месте и переводит «они дали той [императрице]» (хотя местоимения «той» в латинском тексте нет). В любом случае очевидно, что местоимение «они» относится не к братьям нищенствующего ордена, а к мусульманским купцам.

³⁹ Т. е. францисканские монахи.

⁴⁰ В издании Kerqueti, но это явная ошибка. См.: *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Orde d'Or. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. P. 77. N. 2.

⁴¹ Гардиан, или гвардиан (guardianus «стражник») — третий уровень в иерархии ордена францисканцев, после министра и кустода.

то — в присутствии архиепископа армян со всем его клиром, а также многочисленных греческих священников и клириков, хоть все они противились и выражали недовольство, — она была крещена нашими руками. И сама эта госпожа просила с большой настойчивостью, чтобы братья пребывали в этом месте, где она была крещена, и повелела дать нам место в упомянутом городе, на котором я, брат Л., нареченный кустод, вместе с братом Павлом, некогда гардианом Сарая, возвел церковь и заложил необходимые здания в честь славной Матери-Девы. И в том же месте упомянутая госпожа назначила нам в защитники (*procuratorem*) Имора, сына Молдая (*Ymor filium Molday*), господина той земли⁴², с повелением под страхом смертной казни охранять нас от всех беззаконий, которые нам могли бы причинить те сарацины»⁴³.

Как видим, согласно источнику, жена Ногая пожелала креститься именно от рук католиков и именно в Кырк-Ере. Францисканцы охотно откликнулись на эту возможность расширить свое присутствие в Крыму, несмотря на недостаток в кадрах (в конце письма Ладислав просит прислать пополнение).

Данное письмо — самый ранний известный на сегодня источник, упоминающий крепость Кырк-Ер, считающуюся центром Крымской Алании⁴⁴. Любопытно, что латинская форма названия *Kerqueri* (с финальным «и») находит соответствие в арабской форме двух близких по времени источников: *Q.r.q.y.r.u* (قرق یری), засвидетельствованной у Байбарса (не позднее 1325 г.)⁴⁵ и *Q.r.q.r.u* (قرقری) у Абу-л-Фиды (около 1321 г.)⁴⁶ (ср.: Киркир у ал-Калкашанди, 1418 г.⁴⁷; *Karkery* у Иоганна Шильтбергера, 1427 г.⁴⁸)

⁴² В переводе сознательно сохранена двусмысленность, поскольку хотя в издании принято чтение *dominum terre*, и сам Имор предстает «господином земли», но более вероятно, что господином был его отец Молдай, и тогда чтение следует исправить на *domini*. См.: *Pelliot P. Notes sur l'histoire... P. 78–79. N. 2.*

⁴³ *Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»... С. 123–126* (перевод с исправлениями П.В. Кузенкова). См. тж.: *Гусельников Т.А. Римско-католическая церковь в истории Крыма XIII–XV вв. Основные проблемы и перспективы исследования // История и археология Крыма. 2021. Вып. 14. С. 199–212 (здесь: С. 201–202).*

⁴⁴ Финальное «и», возможно, отражает изначальное местное название; позже оно исчезло под влиянием тюркской «народной этимологии» (букв. «сорок мужей»). См.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер–Чуфут-Кале. С. 105–148.*

⁴⁵ *Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 89.*

⁴⁶ *Конвалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. С. 121.*

⁴⁷ *Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1964. С. 29–66 (здесь: С. 34).*

⁴⁸ *Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 232.*

и отличается от установившегося в официальных документах Крымского Ханства с XV в. названия Кырк-Ер/Йер⁴⁹.

Памятник подтверждает известную из источников XIV–XVI вв. информацию о проживании на плато Чуфут-Кале греко-православной и армянской общин⁵⁰ и сообщает об основании в Кырк-Ере первой католической общины и строительстве церкви во имя Богородицы. При этом автор, непосредственный участник событий, подчеркивает, что во время обряда крещения ханши представители других христианских конфессий были далеко не в восторге от успеха католиков. Характерно, что Яйлак не просто подарила францисканцам в Кырк-Ере место под храм, но и назначила для них защитника в лице местного династа или его сына. Имя Molday имеет, скорее всего, тюркское (кыпчакское?) происхождение (ср. совр. казахское имя Молдай/Мулдай). Однако письменные и археологические источники свидетельствуют, что собственно татарское население обосновалось в Кырк-Ере не ранее 40-х гг. XIV в., когда крепость стала центром бейлика⁵¹. Поэтому в данном случае, скорее всего, речь идет о представителе местной православной аристократии. Как показывают заметки в Сугдейском синаксаре, в XIII–XV вв. крымские христиане нередко носили тюркские имена⁵². В эпиграфических источниках XIII–XIV вв., выявленных в рассматриваемом регионе (Эски-Кермен, Мангуп и округа), также упоминаются христиане с тюркскими именами: «рабы Божьи» Ла[нк]ули-би, Татар-пей и его сын Тини-пей, а также топотирит Цулабиги, который в 1294/5 г. построил (возобновил) оборонительную стену на Мангупе⁵³. Впрочем, если исходить из того, что в Кырк-Ере проживало преимущественно аланское население, нельзя полностью исключать и иранское происхождение имени назначенного Яйлак «протектора». Так, ведущий специалист в области осетинской филологии Ю.А.Дзиццойты в ответе на наш запрос предложил следующую трактовку имени Имор:

⁴⁹ Подробнее см.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер–Чуфут-Кале. С. 133–134.

⁵⁰ Там же. С. 109–112, 235–236.

⁵¹ Там же. С. 135–142.

⁵² Νυσταζοπούλου Μ.Γ. 'Η ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία, ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μέχρι τοῦ ΙΕ' αἰῶνος: Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ τῆς Νοτίου Ῥωσίας. Ἀθήναι, 1965. Σ. 121 (№ 27), 125 (№ 75), 126 (№ 90), 129 (№ 123) и др.

⁵³ См. подробно: Кузенков П.В., Могаричев Ю.М. Горная Юго-Западная Таврика на начальном этапе золотоордынского периода (по данным нарративных и эпиграфических источников XIII–XIV вв.) // Археология евразийских степей. 2024. № 2. С. 214–224. См. тж.: Кузенков П.В., Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Надпись топотирита из Табана-Дере (Мангуп, Юго-Западный Крым): к вопросу о датировке и интерпретации // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 1 (83). С. 231–249; Кузенков П.В., Могаричев Ю.М. Эпиграфические памятники Мангупа как источник по истории политических институтов Горного Юго-Западного Крыма в XIII–XIV вв.: к постановке проблемы // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 12. СПб.: Алетей, 2024. С. 141–168.

«Начальное *i*- непременно следует возвести к праиран. префиксу **wi-*, означающему направленность действия во все (или в разные) стороны. Конечное *-t* следует возвести к праиран. суффиксу прилагательных **-ga*. А корень — к праиран. **ma-* ‘мерить, измерять, отмерять; соразмерять; приводить в порядок; сооружать’. В древних причастиях прошедшего времени имеем огласовку **muta-*, что указывает на параллельную форму **mau-*. С этим префиксом рассматриваемый глагол представлен, например, в среднеперсидском *gwm’u-*, где означает “терпеть, переносить боль, страдания”. С учетом суффикса, этимон **wi-mau-ga* можно понимать как “(легко) переносящий все страдания”». Имя его отца Молдая, по мнению того же исследователя, «также можно этимологизировать либо на основе праиран. **marwi-* ‘муравей’, либо **magi-* ‘озеро, море’ + праиран. **dayah-* ‘оберегающий, опекающий, заботящийся»⁵⁴.

Вызывает интерес отмеченное в письме Ладислава присутствие на церемонии крещения «архиепископа армян со всем его клиром». По данным источников, в XIV–XV вв. армянские архиепископы в Крыму не имели постоянного местопребывания. Согласно Т.Э. Саргсян, резиденция архиерея «северных стран» располагалась в том монастыре, настоятель которого назначался главой местной армянской общины. С 40-х гг. XIV в. кафедрой архиепископа был монастырь Сурб-Хач близ Солхата⁵⁵, а в 30-е гг. XV в. армянский архиепископ восседал в Каффе⁵⁶. Соответственно, в нашем случае возможны два предположения: либо в 1286 г. резиденцией армянского владыки был Кырк-Ер (вернее, монастырь на территории или в округе крепости), либо архиепископ прибыл в этот город (например, в свите «высокой гостыи» и сопровождал ее на земли, где проживали представители его паствы). Вторая гипотеза вероятнее, учитывая, что большинство армянского населения Крыма исторически тяготело к востоку полуострова, где находились основные торговые центры. Возможно, армянский архиепископ сопровождал старшую жену Ногая, надеясь получить покровительство для своей паствы. Не исключено, что его роль заключалась и в нивелировании недовольства местных христиан проникновением католиков на их историческую территорию.

⁵⁴ Авторы искренне благодарят заведующего кафедрой осетинского языка и общего языкознания Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова Юрия Альбертовича Дзиццойты и старшего научного сотрудника Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания Михаила Эрнестовича Мамиева за консультации по данному вопросу.

⁵⁵ Само название Солхат, как европейцы называли город Кырым, возможно, передает в искаженной форме название этого знаменитого монастыря.

⁵⁶ Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь: Сонат, 2010. С. 34.

Особый вопрос — почему местом крещения Яйлак был выбран именно Кырк-Ер. Ладислав представляет дело таким образом, что ханша сама избрала этот город. Но кажется, что более логичным было бы провести церемонию в Солхате, где уже существовал францисканский конвент и куда Яйлак прибыла для осмотра отремонтированной католической церкви. Конечно, в указанный период это было еще поселение деревенского типа, которое только начинает приобретать городские черты; процветания Солхат достигнет только в XIV в.⁵⁷ Но здесь уже находилась ставка ханского наместника. Можно было провести обряд в оплоте католиков — Каффе, находившейся рядом с Солхатом и быстро развивавшейся в конце XIII в.⁵⁸ Наконец, ничто не мешало крестить Яйлак в недалеко расположенной Сугдее — исторически крупном торговом центре, входившем в орбиту золотоордынских владений и также облюбованном итальянскими купцами. Для чего же понадобился как минимум двухдневный переход в Горную Таврику — место, совершенно новое для францисканцев? Напрашивается объяснение, что вся церемония с крещением Яйлак была частью давнего плана католиков (намеченного уже в булле Александра IV) о продвижении миссии не только среди татар, но и на землях, исконно населенных православными «схизматиками». Латинским миссионерам быстро стало ясно, что без поддержки на самом высоком уровне реализовать этот план было невозможно. И потому, когда сложилась благоприятная ситуация, связанная с заступничеством со стороны ордынских властей и приездом старшей жены Ногая, которая была не прочь принять христианство католического обряда (очевидно, рассчитывая на укрепление связей с богатыми европейскими купцами), братья-минориты умело совместили таинство крещения с проникновением своей общины в Крымскую Аланию, где им удалось закрепиться на некоторое время.

Мы не вполне согласны с мнением М.Г. Крамаровского, который из факта крещения Яйлак заключил, что «православные традиции аланского населения и правящей элиты Кырк-Орского княжества <...> оказались не настолько сильны, чтобы на исходе XIII в. противостоять католическому влиянию»⁵⁹. Из письма Ладислава ясно, что местное православное и армянское население было недовольно данной акцией, но противостоять ему приходилось не столько «католическому влиянию», сколько позиции ордынских властей, которые на примере репрессий против мусульман Солхата недвусмысленно показали, что ждет противников католических

⁵⁷ Сейдалиев Э.И. Стратиграфия и хронология... С. 264.

⁵⁸ Бочаров С.Г. Генуэзские владения... С. 170–171.

⁵⁹ Крамаровский М.Г. О христианских конфессиях Солхата в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. 22. С. 399–411 (здесь: С. 407).

миссионеров⁶⁰. Более того, сам факт назначения для новообразованной францисканской общины в Кырк-Ере «защитника» в лице местного династа, которому было приказано охранять миссионеров от насилия «под страхом смертной казни» (!) красноречиво говорит о том, что православные традиции в данном регионе были весьма и весьма сильны.

Особый драматизм события в Кырк-Ере в 1286 г. приобретают в связи с новым прочтением эпиграфического источника, обнаруженного на Мангупе, примерно в 15 км к юго-западу, и известного как надпись «героя из Пойки»⁶¹.

Новое свидетельство о попытке проникновения латинян на плато Мангуп в 1282 г.

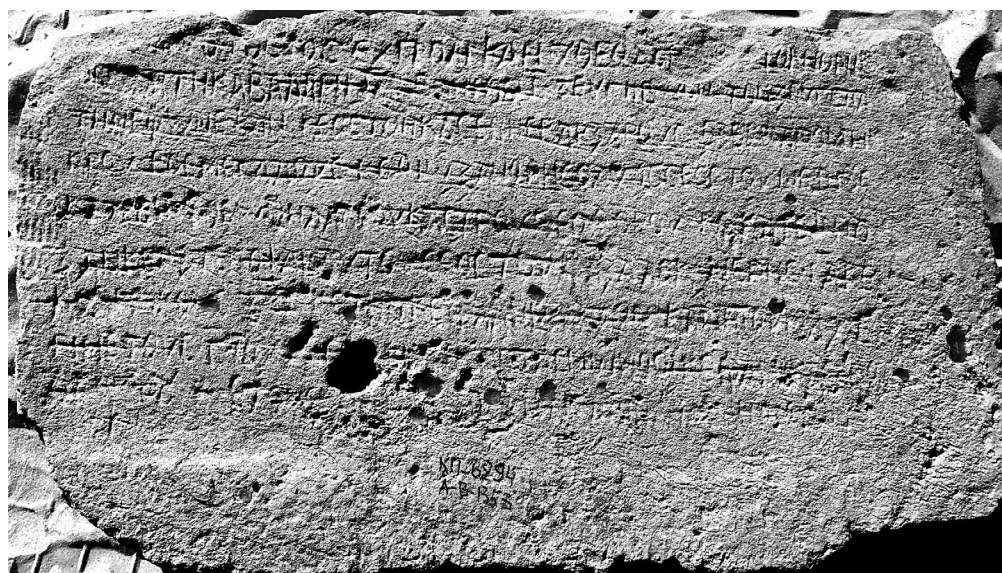
Надпись (Рис. 1), найденная в кладке башни Второй линии обороны (по классификации А.Г. Герцена⁶²) в верховьях балки Табана-Дере, была изучена авторами данной статьи как посредством аутопсии, так и при помощи компьютерного анализа фотоснимков, сделанных во время посещения Бахчисарайского музея в 2023 и 2024 гг. В ходе исследований удалось исправить ряд принятых чтений и прочесть несколько новых слов, что дало основание для новой трактовки этого уникального эпиграфического памятника, первого свидетельства о существовании на месте древнего Дороса «богохранимой крепости Феодору».

Начало надписи повествует о том, как некий «...фей» (имя испорчено), выходец из Пойки, удостоился от «феодоритов» вечного памятования за то, что в то время, когда некие «каваларии» (всадники) «похитили 2 упряжки волов и убили погонщика», он, услышав об этом, «поднял в Варзарах всех от мала до велика, и они погнались за ними до Медиус Кастели (Среднего замка?) богохранимой крепости Феодору; и нагнали, и изрубили их вплоть до Фазалок (Фазалек)». Но самое интересное заключается в том, что на месте предлагавшегося ранее слова МЕРНΣ в надписи довольно четко читается НЕРНΣ (священников), а следующее за цифрой ΙΑ (11) и союзом ΚΕ (и) слово, несмотря на порчу, может быть восстановлено как ΚΟ[ΣΜ]ΗΚΟΥΣ (мирян), также в сопровождении цифр, предположительно ΞΔ (64). Более того, продолжение этой фразы

⁶⁰ Любопытно, что именно в 1287 г. египетский султан Калаун решил «спонсировать» строительство в Кырыме-Солхате новой мечети. См.: *Тизенгаузен В.* Сборник материалов... Т. 1. С. 356, 363.

⁶¹ См. подробно: *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* Памятная надпись в честь «героя из Пойки» как свидетельство начального этапа истории Феодоро // *Поволжская археология.* 2025. № 1 (в печати); *Кузенков П.В., Могаричев Ю.М.* Эпиграфические памятники Мангупа... С. 152–159.

⁶² *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 1990. Вып. 1. С. 88–166 (здесь: С. 139–143).

Надпись в честь «героя из Пойки» (IOSPEi V 175). Общий вид (фото Ю.М.Могаричева) /
Fig. Inscription in honor of the "hero from Poika" (IOSPEi V 175).
General view (photo by Iu.M.Mogarichev)

предположительно реконструируется как ΚΕ ΤΗΝ ΚΕΦΑΛΗΝ ΑΥΤΩΝ ΚΑΜΗΤΟΥ ΜΑΔΕ..ΦΗΝ. Тем самым появляется возможность с высокой степенью вероятности предположить, что враги, побежденные героем надписи, представляли собой довольно крупный отряд священников и мирян в сопровождении нескольких кавалеристов и под предводительством некоего камита.

Характер данной надписи, одного из самых пространных эпиграфических памятников средневекового Крыма, говорит о том, что здесь запечатлена не какая-то рядовая стычка с разбойниками, а победа над неким важным и опасным противником. Надпись носила официальный мемориальный характер, что является редкостью не только для Мангупа, но и для греческих эпиграфических памятников в целом. Примечательно, что торжественный характер «вечного памятника» не соответствует его качеству: надпись довольно грубо прорезана на простой известняковой плите и лишена каких-либо декоративных элементов. Это обстоятельство, а также отсутствие в надписи упоминаний о каких-либо официальных лицах подтверждает ее датировку концом XIII в., когда на месте заброшенной крепости Дорос только зарождалось новое государственное образование Феодоро, а община феодоритов еще не имела официального предводителя.

Лицевая поверхность плиты сильно повреждена горизонтальными линиями, проведенными острым предметом точно по строкам надписи, из чего можно заключить, что кто-то пытался уничтожить текст в поряд-

ке *damnatio memoriae* — причем попытка была поспешной и неловкой, и надпись почти не пострадала. Идея уничтожить надпись могла возникнуть только в том случае, если она находилась на видном месте и выполняла важную идеологическую функцию, вызывая неприятие у лиц, связанных с врагами, победа над которыми была увековечена в мемориале.

Кто же был разбит феодоритами? Это могли быть простые разбойники, православные соседи, монголо-татары или западноевропейцы. Версия с победой над обычными разбойниками не объясняет торжественный характер мемориала. Конфликты между соседними православными епархиями Крыма были не редкостью⁶³. Однако избиевание единоверных священников, кем бы они ни были, едва ли стало бы поводом для прославления победителя в Готии, которая как раз в это время становится самой высокой по рангу православной кафедрой Таврики⁶⁴. Язычники монголы не стали бы приводить с собой «священников и мирян», да и не потерпели бы, чтобы надпись с описанием победы над ними благополучно простояла на видном месте в период нахождения Мангула под властью Золотой Орды. Остается лишь один вариант: отражение «духовной агрессии» со стороны латинян.

Учитывая известные из других источников и описанные выше попытки католиков обосноваться в Горной Юго-Западной Таврике в конце XIII в., мы считаем, что надпись свидетельствует о попытке католических миссионеров закрепиться в Крымской Готии, возможно, основав монастырь на плато горы Мангуп. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с одним из так называемых мобильных конвентов, которые упоминает в своей хронике Иоанн Элемосина. Он сообщает, что во второй половине 70-х XIII в. у францисканцев в северной Тартарии, помимо городских конвентов было пять мобильных⁶⁵. Это позволяет объяснить столь большое количество духовных лиц и мирян (слуг?), а также наличие военного эскорта. Видимо, миссионеры были уверены в своих силах, не видя в регионе серьезных противников.

Соответственно, можно предполагать, что данный эпиграфический памятник (самая ранняя из известных надпись с упоминанием Феодоро) был призван запечатлеть зарождение феодоритской государственности, связанное с подвигом «героя из Пойки», и ознаменовать «на вечные времена» готовность феодоритов с оружием в руках отстаивать свою веру и свою землю.

⁶³ См., напр.: *Бочаров С.Г.* О причинах конфликта между иерархами Херсонской, Сугдейско-Фульской и Готской митрополий за приходы южного берега Крыма (вторая половина XIV в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 46–55.

⁶⁴ *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum... P. 138, 181.

⁶⁵ *Kovács S.* A Franciscan Friar's Letter... P. 159.

Неудача латинян в Юго-Западной Горной Таврике и ее причины

XIII столетие можно без преувеличения назвать полномасштабным испытанием всей православной цивилизации⁶⁶. Признанный центр мирового Православия, Новый Рим-Константинополь в 1204 г. попал в руки католиков, а «вселенский» патриарх был вынужден бежать в малозначительную Никею. В православной Болгарии в том же 1204 г. легат папы Иннокентия III короновал царя Калояна как «короля болгар и влахов», а Тырновского архиепископа миропомазал в сан католического примаса. В Сербии в 1202 г. дуклянский король Вукан, восстановивший Барскую митрополию как центр католического влияния на Балканах, в союзе с венграми захватил Рашку, и только вмешательство болгар помешало ему аннексировать всю Сербию и подчинить ее Риму. Его младший брат Стефан Первовенчаный, вторым браком женатый на внучке венецианского дожа Энрико Дандоло (инициатора захвата Константинополя), в 1217 г. также перешел на сторону папства, получив от того же Иннокентия III королевскую корону Сербии. Католическим симпатиям Вукана и Стефана не помешало то, что они были сыновьями преподобного Стефана Мироточивого и братьями святого Саввы — столпов сербского Православия. Даже афонские монахи в 1214 г. обратились к папе Иннокентию III за заступничеством, встретив самую горячую поддержку: Святая Гора была взята под личную протекцию Апостольского Престола. В 1253 г. королевскую корону из рук папского легата принял и один из самых сильных русских князей, Даниил Романович Галицкий. Наконец, в 1274 г. византийский император Михаил VIII Палеолог заключил с католиками Лионскую унию, приняв все условия Рима.

Православие, казалось, потерпело сокрушительное поражение, и это не могло не сказаться и на ситуации в Крыму. Однако довольно быстро выяснилось, что успехи католиков держались на благоприятной политической конъюнктуре и были эфемерны. К концу века и Болгария, и Сербия, и Византия вернулись к своей традиционной конфессии. Уния была отвергнута, а католические миссионеры повсеместно изгонялись. На Руси Православие также выдержало натиск латинян и окрепло благодаря подвигам Александра Невского и веротерпимой политике Чингизидов. Аналогичная ситуация складывалась и в Юго-Западной части Крыма, где сохранялись православные политические институты.

Как показывают источники, несмотря на определенные успехи, уже в конце XIII — начале XIV в. латиняне были вынуждены уйти из Горной Таврики. Так, в письме от 15 мая 1323 г. францисканцы Каффы сообщают

⁶⁶ См. подробно: Кузенков П.В. Восточнохристианский мир в эпоху Александра Невского: время испытаний // Александр Невский: Эпоха. Личность. Историческая память. М., 2021. С. 142–144.

генеральному конвенту своего ордена, что в Юго-Западном Крыму у них сохранилось всего одно «местопребывание», «рядом с морским побережьем и горой мученичества святого Климента» — то есть в Херсоне или его окрестностях⁶⁷. Следовательно, опорный пункт в Кырк-Ере был ими оставлен. Впрочем, в булле папы Иоанна XXII от 5 июля 1333 г. еще выражается оптимизм по поводу возможных предстоящих миссионерских успехах «в обширной и многолюдной земле Готии»⁶⁸.

Как представляется, неудача планов латинян по колонизации и окатоличиванию Горной Юго-Западной Таврики была вызвана двумя основными причинами. Первой явилось нараставшее напряжение в отношениях золотоордынских правителей и итальянских колонистов в Северном Причерноморье, в результате чего католики лишились могущественного покровительства. Даже Ногай, чья старшая жена Яйлак, как упоминалось, приняла католичество (очевидно, не без его ведома), в итоге вошел в острый конфликт с генуэзцами⁶⁹. Не будем забывать и другой фактор. Ногай, сам будучи мусульманином, имел прочные связи с православной Византией: его другой женой с 1272/3 г. была внебрачная дочь Михаила VIII Палеолога, Ефросинья, а сам он стал союзником империи и даже получил титул архонта⁷⁰. Не исключено, что Ногай не стал усугублять конфликт с православными Таврики, которые в церковном отношении подчинялись Константинополю и традиционно тяготели к империи ромеев. Возможно, на ситуацию повлияло и пошатнувшееся положение Яйлак. Известно, что она в 1297/98 гг. рассорилась с Джуки и Теке, сыновьями Ногай от другой жены, и была вынуждена укрыться под защитой хана Тохты⁷¹. А после гибели Ногай в 1307 г. вспыхнул вооруженный конфликт между генуэзцами и Тохтой, в результате которого Каффа была эвакуирована и пустовала несколько лет⁷².

Вторая причина была не менее существенной. По мере утверждения ордынской власти в Крыму и исламизации Золотой Орды правители Сарая и их местные представители стали осознавать опасность активной экспансии католических миссионеров, за которыми стояли сильные европейские государства, и предпочли «сделать ставку» на местное православное на-

⁶⁷ Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»... С. 367.

⁶⁸ Там же. С. 65, 418.

⁶⁹ Там же. С. 21–22.

⁷⁰ См.: Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. С. 54–58; Митрофанов А.Ю. Темник Ногай в повествовании Георгия Пахимера: к вопросу об отношениях монгольского беклярбека и византийского императора // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 216.

⁷¹ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюркско-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. С. 183–184.

⁷² Карнов С.П. Генуэзские и венецианские фактории... С. 319.

селение, которое, как свидетельствует эпизод с крещением в Кырк-Ере жены Ногая, крайне насторожено относилось к деятельности католических миссионеров. В итоге, уже в XIV в. мы наблюдаем, как отмечалось, захват татарами Кырк-Ера (около 1346 г.), превращение его в центр золотоордынского бейлика и усиление ордынского влияния в Крымской Готии, где на плато Мангуп возрождается крепость Феодоро. А с начала XV в. и до 70-х гг. этого столетия феодоритские и солхатские власти неоднократно совместно выступали против генуэзцев⁷³.

References

- Alekseenko, N.A. "Pechat' rimskogo papy Aleksandra IV iz okrestnostej Balaklavy [The Seal of Pope Alexander IV from the vicinity of Balaklava]." *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* 3 (1993). P. 267–269 (in Russian).
- Aibabin, A.I. "On the Date When the Mongol Tatars Subjugated Gothia." *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* 25 (2020). P. 493–513 (in Russian).
- Aibabin, A.I. "Evol'uciia gorodov na Vnutrennei gr'ade Krymskih gor v Srednie veka [The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages]." In *Gorod na Vnutrennei gr'ade Krymskih gor v srednie veka i novoe vrem'a*. Simferopol, 2022. P. 7–85 (in Russian).
- Beyer, H.-V. *Istoria krymskih gotov kak interpretacija Skazania Matfeja o gorode Feodoro [The History of the Crimean Goths as an Interpretation of the Mathew's Tale about the City of Theodoro]*. Ekaterinburg, 2001 (in Russian).
- Bocharov, S.G. "The Reasons of the Conflict Between the Church Authorities of Cherson, Sougdea-foul, Gothian Metropolies for the Parishes of the Southern Coast of the Crimea (Second half of the 14th cent.)." *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* 22/5 (2017). P. 46–55 (in Russian).
- Bocharov, S.G. "Genoese Domain in the Crimea (the second half of 14th century)." In Bocharov, S.G. *Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans: The studies of the history of Crimea in the 13th–18th centuries*. București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I", 2021. P. 169–192 (in Russian).
- Bocharov, S.G. "Notes in the Historical geography of Genoese Gazaria 14th–15th cent. Consulate of Cembalo." In Bocharov, S.G. *Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans: The studies of the history of Crimea in the 13th–18th centuries*. București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I", 2021. P. 345–362 (in Russian).
- Gertsen, A.G. "Krepostnoi ansambl' Mangupa [Fortress Ensemble of the Mangup]." *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* 1 (1990). P. 88–166 (in Russian).

⁷³ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. С. 69–232.

- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu.M. *Kyrk-Yer – Chufut-Kale. Krepost' na krayu sed'mogo klimata* [Kyrk-Yer – Chufut-Kale. The Fortress on the Edge of the 7th Klima]. Simferopol, 2016 (in Russian).
- Gusel'nikov, T.A. "Rimsko-katolicheskaya tserkov' v istorii Kryma XIII–XV vv. Osnovnye problemy i perspektivy issledovaniya [Roman Catholic Church in the History of the Crimea from the Thirteenth to the Fifteenth Centuries: The Main Questions and Perspectives on Research]." *Istoriia i arheologiya Kryma* 14 (2021). P. 199–212 (in Russian).
- Karpov, S.P. *Istoriia Trapezundskoi imperii* [The History of the Empire of Trebizond]. Saint-Petersburg, 2007 (in Russian).
- Karpov, S.P. "Genuezskie i venecianskie faktorii v Krymu [Genoese and Venetian trading posts in Crimea]." In *Istoriia Kryma*. Vol. 1. Moscow, 2018. P. 314–362 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Chronicles in Stone from Kalamita-Inkerman." *Stratum plus* 6 (2019). P. 263–294 (in Russian).
- Konovalova, I.G. *Vostochnaya Evropa v sochineniyah arabskikh geografov XIII–XIV vv.* [Eastern Europe in Works of Arabian Geographers of 13th–14th cent.]. Moscow, 2009 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. "Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. [Jochids and Crimea: 13th–15th cent.]." *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* 10 (2003). P. 506–532 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. "On the Christian Confessions of Solkhat in the Thirteenth and Fourteenth Centuries (A Preliminary Communication)." *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* 22 (2017). P. 399–411 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V. "Vostochnokhristianskii mir v epohu Aleksandra Nevskogo: vrem'a ispytaniy [Eastern Christian World in the Era of Alexander Nevsky: Time of Trials]." In *Alexander Nevsky: Era. Personality. Historical Memory*. Moscow, 2021. P. 142–144 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V., and Mogarichev, Iu.M. "Gornaia Iugo-Zapadnaia Tavrika na nachal'nom etape zolotoordynskogo perioda (po dannym narrativnykh i epigraficheskikh istochnikov XIII–XIV vv.) [Mountainous Southwestern Taurica at the Initial Stage of the Golden Horde Period (According to Narrative and Epigraphic Sources of 13th–14th cent.).]" *Arheologiya evraziiskikh stepei* 2 (2024). P. 214–224 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V., and Mogarichev, Iu.M. "Pam'atnaia nadpis' v chest' «geroia iz Poiki» kak svidetel'stvo nachal'nogo etapa istorii Feodoro [A Memorable Inscription in Honour of a "Hero from Poika" as Evidence of the Initial Stage of the History of Theodoro]." *Povolzhskaya arheologiya* 50/4 (2024) (in print) (in Russian).
- Kuzenkov, P.V., and Mogarichev, Iu.M. "Epigraphic Monuments of Mangup as a Source on the History of Political Institutions of the Mountainous South-Western Crimea in the 13th–14th Centuries: Towards the Formulation of the Problem." In *Prichernomor'e v Srednie veka*, ed. S.P. Karpov. Issue 12. Saint-Petersburg, 2024. P. 141–168 (in Russian).

- Kuzenkov, P.V., Mogarichev, Iu.M., and Sazanov, A.V. "Nadpis' topotirita iz Tabana-Dere (Mangup, Jugo-Zapadniy Krym): k voprosu o datirovke i interpretatsii [The Inscription of *topoteretes* from Tabana-dere (Mangup, South-Western Crimea): On the Issue of Dating and Interpretation]." *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 83/1 (2024) P. 141–168 (in Russian).
- Mitrofanov A.Iu. "Temnik Nogai v povestvovanii Georgiia Pahimera: k voprosu ob otnosheniiah mongolskogo bekliarbeka i vizantiiskogo imperatora [Temnik Nogai in the Narratives of George Pachymeres: On the Issue of the Relations between the Mongol Beylikbey and the Byzantine Emperor]". *Khristianskoe Chtenie* 4 (2023). P. 202–219 (in Russian).
- Mogarichev, Iu.M., and Ergina, A.S. *Monumental'naia zhivopis' srednevekovoi Tavriki (peshchernye cerkvi) [Monumental Painting of Medieval Taurica (Cave Churches)]*. Simferopol, 2024 (in Russian).
- Mogarichev, Iu.M., Sazanov, A.V., and Sorochan, S.B. *Krym v «hazarskoe» vremya (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arheologii [Crimea at "Khazar period" (8th – middle 10th cent.): Problems of History and Archeology]*. Moscow, 2017 (in Russian).
- Myts, V.L. "K datirovke pohoda emira Khusam-ad-dina Chobana na Sudak [To the Dating of the Campaign of Emir Khusameddin Choban to Sudak]." *Antichnaia drevnost' i srednie veka* 30 (1999). P. 176–186 (in Russian).
- Myts, V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty [Caffa and Theodoro in the 15th cent. Contacts and Conflicts]*. Simferopol, 2009 (in Russian).
- Myts, V.L. "Zavoevanie pozdnevizantiiskoi Tavriki mongolami: istoriko-arheologicheskii kontekst katastrofy poslednei chetverti XIII v. [The Conquest of Late Byzantine Taurica by the Mongols: Historical and Archaeological Context of the Disaster of the Last Quarter of the 13th Century]." *Stratum plus* 6 (2016). P. 69–106 (in Russian).
- Myts, V.L. "Storozhevyie ukrepleniia XIII veka «Hersakei» i Krymskoi Gotii [Guard Fortifications of the 13th Century in "Khersakei" and Crimean Gothia]." *Povolzhskaia arheologiya* 32/2 (2020). P. 48–63 (in Russian).
- Myts, V.L. "Main stages of the Mongol Conquest of Taurica: 1223–1278." *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni A.G. i N.G. Stoletovykh. Seriya: Social'nye i gumanitarnye nauki* 29/1 (2021). P. 26–37 (in Russian).
- Naumenko, V.E., Gertsen, A.G., and Dushenko, A.A. *Dvortsovyi kompleks Mangupskogo gorodishcha: istoriia izucheniia, stratigrafiia, khronologiya [Palace Complex of the Mangup Fortress: History of Study, Stratigraphy, Chronology]*. Simferopol, 2023 (in Russian).
- Polyak, A.N. "Novye arabskie materialy pozdnego srednevekov'ya o Vostochnoi i Central'noi Evrope [New Arabic Materials from the Late Middle Ages on Eastern and Central Europe]." In *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoy Evropy*. Moscow, 1964. P. 29–66 (in Russian).
- Pochekaev, R.Iu. *Tsari ordynskie. Biografii hanov i pravitelei Zolotoi Ordyy [Tsars of the Horde. Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]*. Saint-Petersburg, 2010 (in Russian).

- Pochekaev, R.Yu., and Pochekaeva, I.N. *Vlastitel'nitsy Evrazii. Istoriia i mify o pravitel'nitsah t'urksko-mongol'skih gosudarstv XIII–XIX vv. [Rulers of Eurasia. History and Myths about the Rulers of the Turkic-Mongol States of the 13th–19th Cent.]*. Saint-Petersburg, 2012 (in Russian).
- Sargsyan, T.E. *Svod arm'anskih pam'atnyh zapisei, otnos'ashchihs'a k Krymu i sopredel'nyim regionam (XIV–XV vv.) [Collection of Armenian Memorial Records Relating to Crimea and Adjacent Regions (14th–15th cent.)]*. Simferopol, 2010 (in Russian).
- Seidaliyev, E.I. "Stratigraphy and Chronology of Some Reference Archaeological Complexes of the Golden Horde Solkhat Based on Excavations in 1978–2023." *Arheologiya evraziiskih stepei* 2 (2024). P. 263–282 (in Russian).
- Stepanenko, V.P. "Byzantium and Crimea in the Post-Theme Period (End of the 11th – 12th Cent.): Towards the Formulation of the Problem]." *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* 23 (2018). P. 713–720 (in Russian).
- Hautala, R. *V zemlyakh «Severnoy Tartarii»: Svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravleniye khana Uzbeka (1313–1341) [In the Lands of "Northern Tartary": Information from Latin Sources about the Golden Horde During the Reign of Uzbek Khan (1313–1341)]*. Kazan, 2019 (in Russian).
- Darrouzès, J. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981.
- Kovács, S. "A Franciscan Friar's Letter from the Crimea (1287)." *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae* 69/2 (2016). P. 157–164.
- Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Orde d'Or*. Paris, 1949.
- Nystazopulu, M.G. *Hē en tē Taurikē Hersonēsō polis Sougdaia, apo tou IG mehri tou IE aiōnos [The City of Sougdaea in Tauric Chersonesos, from 13th to 15th c.]*. Athens, 1965 (in Greek).

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 217–270

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 217–270

Научная статья

Казалии Готии второй половины XIV–XV вв.: материалы к археологической карте муниципального округа Ялта

Наталья Петровна ТУРОВА

Младший научный сотрудник; Отдел средневековой археологии; Институт археологии Крыма РАН; пр-т Академика Вернадского, д. 2, 295007 Симферополь; turova.n@gmail.com

Аннотация: На основании историко-архивных сведений и археологических исследований последних десятилетий в работе представлена топография сельских приморских поселений Южного берега Крыма и их окрестностей, входящих в казалии Готии, известных по данным массарий — казначейских книг Каффы 80 гг. XIV в.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, Казалии Готии, массарии, средневековые поселенческие структуры, Форос, Кикенеиз, Симеиз, Алушка, Мисхор, Ореанда, Ялта, Никита, Гурзуф.

Цитирование: *Турова Н.П.* Казалии Готии второй половины XIV–XV вв. (материалы к археологической карте муниципального округа Ялта) // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* 2024. Т. 2. С. 217–270.

Original article

Casalia of Gothia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Materials for the Archaeological Map of the Yalta Municipal District

Natalia P. TUROVA

Junior Researcher; Department for Medieval Archaeology; Institute of archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; 2 Academic Vernadsky Av., 295007 Simferopol, Russian Federation; turova.n@gmail.com

Abstract: Based on historical and archival data and archaeological research of recent decades, the paper presents the topography of rural coastal settlements of the Southern coast of Crimea and their environs, included in the *casalia* of Gothia, known from the *massaria* — exchequer books of Caffa of the 80s of the 14th century.

Keywords: Southern coast of Crimea, *casalia* of Gothia, *massaria*, medieval settlement structures, Foros, Kikeneiz, Simeiz, Alupka, Miskhor, Oreanda, Yalta, Nikita, Gurzuf.

For citation: Turova, N.P. “Casalia of Gothia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Materials for the Archaeological Map of the Yalta Municipal District.” *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 217–270 (in Russian).

Латинский термин «казалия» (*casal*, *casale*, *casalle*, *cazalle*, *cahalle*, *casalie*), согласно письменным источникам и археолого-топографическим наблюдениям, означает сельскохозяйственную (обрабатываемую) населенную или ненаселенную территорию с известными границами, включающую одно или несколько поселений¹. Казалии Готии, приморские поселения Южного берега Крыма с прилегающими к ним территориями, известны по данным массарий — казначейских книг Каффы 80 гг. XIV – третьей четверти XV вв.² Согласно договору от 28 ноября

¹ См.: Пономарев А.Л. Население и топография Каффы по данным бухгалтерской книги массарии – казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 4. М.; СПб., 2000. С. 317–442; Джанов А.В. Казалии Солдайи и Готии по данным книг Массарии Каффы // История и археология Крыма. Вып. 5. Симферополь, 2017. С. 286–339 (здесь: С. 311).

² См.: Пономарев А.Л. Население и топография... С. 317–442; Карпов С.П. Древняя Русь и Причерноморье в XIII–XV вв. Результаты новых архивных изысканий // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 6. С. 508–511; Джанов А.В. Казалии... С. 286–340; Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова, А. Ситдикова. Т. 2. Казань; Кишинев, 2019. С. 741–770 (здесь: С. 753–755. Рис. 11).

1380 г., они с землей, водами и людьми, которые являются христианами, перешли от Крымского улуса Золотой Орды к Генуэзской республике³. Из 14 известных казалий Готии⁴ 9 расположены на Южнобережье и входят в границы современного муниципального округа Ялта⁵.

В рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН «Город и его округа в средневековом Крыму», в результате исследований последних лет, работая над составлением археологической карты Ялтинского района, представилась возможность уточнить топографию данных селений и их округи⁶.

Название казалий — Fori (Форос), Chichineo (Кикенеиз), Symeo (Симеиз), Lupicha (Алупка), Muzacori (Мисхор), Orianda (Ореанда), Jallita (Ялта), Sichite (Никита), Gorzovi (Гурзуф) — сохранилось на протяжении веков и исторически перешло на современные населенные пункты⁷. Их появление связано с распространением провинциально-византийской культуры на южном побережье Черного моря в VIII–X вв., а формирование сельской округи — в последующий период X–XIII вв. Судя по археологическим источникам, многочисленные сельские поселения со временем объединяются или были объединены в виде «сообществ» в систему административного устройства⁸, дожившего в Крыму до конца XVIII в.⁹

³ Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 4. С. 675–713 (здесь: С. 681).

⁴ См.: Джанов А.В. Казалии... С. 317; Бочаров С.Г. О причинах конфликта между иерархами Херсонесской, Сутдейско-Фульской и Готской митрополий за приходы Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.) // Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 46–55 (здесь: С. 49. Рис. 1).

⁵ Муниципальный городской округ Ялта включает 32 населенных пункта от пгт Фороса на юго-западе до пгт Краснокаменки на северо-востоке, в том числе Ялту и Алупку.

⁶ Огромную признательность выражаю С.Г.Бочарову, подсказавшему идею написания данной работы.

⁷ См.: Джанов А.В. Казалии... С. 298–199; Бочаров С.Г. Историческая география... С. 753.

⁸ См.: Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991. С. 118–119; Джанов А.В. Казалии... С. 308; Бочаров С.Г. Историческая география... С. 755.

⁹ С большой долей осторожности можно сказать, что отголоски этого административного деления существуют и по сей день. До 2014 г. земли были объединены в поселковые советы, а затем преобразованы в территориальные органы, входящие в городской округ Ялта. Например: Форосский поселковый совет (включал пгт Форос, п. Оливу, пгт Санаторное (с. Мелас, Мухалатка, Мшатка)); Симеизский поселковый совет (пгт Симеиз, пгт Береговое (Кастрополь), пгт Голубой Залив (Лимена), пгт Качивели, с. Оползневое (Кикенеиз), пгт Парковое (Кучуккой), пгт Понизовка); Массандровский поселковый совет (пгт Массандра, пгт Никита, пгт Восход (Джемиет), пгт Отрадное (Магарач), пгт Советское (Долоссы) и т. д.

Археологические объекты XIII–XV вв., обнаруженные в районе современных населенных пунктов, не упомянутые в генуэзских источниках, но существовавшие в это время, могли входить в общину названных казалий¹⁰. Так, С.Г. Бочаров относит Массандру, Дереккой, Аутку,

¹⁰ Пгт Береговое (Кастрополь). См.: *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южного берега. [Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма]. Киев, 1974. С. 30; *Фирсов Л.В.* Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 373; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики... С. 142; *Бочаров С.Г., Кирилло В.П.* Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. 2017. Т. 32. С. 279–304 (здесь: С. 283–284. № 15); *Бочаров С.Г.* Кастропуло. Исар, которого не было? // XVI Дмитриевские чтения (7–8 октября 2021 года): история Южного берега Крыма. Сборник научных статей / Составители: Е.А. Москатова, Л.А. Лисовая. Ялта, 2022. С. 27–29; *Турова Н.* Византийские храмы Южного берега Крыма. Симферополь. 2023. С. 228. № 56. Пгт Парковое (Кучук-Кой, Бекетово). См.: *Махнева О.А.* Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого Залива // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 53–57 (здесь: С. 56). Пгт Голубой Залив (Лимены). См.: *Махнева О.А.* Раскопки средневекового поселения у пос. Голубой залив в 1967 г. // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. НА КФ ИА НАНУ: Инв. КН. № 4, инв. № 547. Папка № 911. Симферополь. С. 125–133; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения... С. 31; *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Археологические разведки на территории Малоякского сельсовета (АРК) в 2004 г. / Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.: Збірка наукових праць. Вип. 7. Киев; Запорожье, 2005. С. 296–297; *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Отчет о разведках на территории Ялтинского и Алуштинского горсоветов в 2004 г. Симферополь, 2007. С. 28–31. Пункт 5; *Бочаров С.Г., Новиченкова Н.Г., Горбунов В.И.* Исследования Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедиции в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні / Головний редактор Д.Н. Козак. Киев; Луцк, 2010. С. 41; *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2011 г. Ялта, 2012. С. 14–18. Пункт № 2–№ 7, № 9–№ 10; *Турова Н.П.* Отчет об археологических разведках на территории муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым в 2016 г. Ялта, 2017. С. 64–70. Пгт Гаспра. См.: *Домбровский О.И.* Средневековые поселения... С. 31. Рис. 19; *Фирсов Л.В.* Исары... С. 280. Рис. 89; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики... С. 144; *Новиченкова Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях средневекового памятника у Ливадийской Больницы. Ялта, 1982 // НА ИАК РАН. Ф. 0–1. Оп. 1. Д. 234. С. 12–13; *Жук С.М.* Отчет об археологических разведках и охранных раскопках в окрестностях Ялты в 1993 г. Симферополь; Ялта. 1994 // НА ИАК РАН. Ф. 0–1. Оп. 1. Д. 581. С. 106; *Турова Н.* Византийские храмы... С. 190–191. Пгт Массандра. См.: *Домбровский О.И.* Средневековый храм в Массандре // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 70–74; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения... С. 35–36; *Махнева О.А.* Раскопки в 1967 г. в Верхней Массандре // Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма ИА АН УССР в 1965–69 гг. Симферополь, 1969 // НА ИАК. Инв. Кн. № 4. Инв. № 547. Папка № 91.1. С. 190–194; *Фирсов Л.В.* Исары... С. 194; *Бочаров С.Г., Кирилло В.П.* Средневековые церкви... С. 286. № 40–43; *Турова Н.П.* Византийские храмы... С. 96–110. № 20–22. Поселок Даниловка (Ай-Даниль). См.: *Турова Н.П.* Византийские храмы... С. 71–73. № 13. Пгт Краснокаменка (Кизилташ). См.: *Мыц В.Л.* Укрепления... С. 146–147. Рис. 2, 54. Фото 5; *Турова Н.П.* Византийские храмы... С. 61–69.

обозначенные в османской переписи 1520 г., в общину Ялты. А Симеиз и Лимены — в общину Кикенеиза¹¹. Административное деление Южно-бережья в конце XIV–XV вв., по мнению С.Г. Бочарова, состояло из пяти консульств с центрами в Алуште, Партените, Гурзуфе, Ялте и Симеизе. Они охватывали прибрежную зону с запада на восток от мыса Сарыч и до реки Сотера в Алуштинской долине¹².

Cazallia Fori [Feri] связана с селением, расположенным на месте современного пгт Форос. Это крайний юго-западный пункт, перешедший под управление генуэзцев по договору 1380 г.¹³ А.Л. Бертъе-Делагард переводит название селения с греческого «подать», «дань»¹⁴. Л.В. Фирсов приводит целый ряд слов-вариантов перевода: «ущелье», «пропасть», «лощина», «обрыв», «плащ», «покров», «парус», «проход», «переправа», а также «туф», «мрамор», «площадь», «рынок», «маяк» и др.¹⁵ В 1475 г. *cazallia Fori* перешло в собственность Османской Порты и вошло в число населенных пунктов Мангупского кадылыка.

По налоговым переписям 1520 (1529) гг. Кефинского санджака Мангупского кадылыка, в деревнях Форос (Карвис) и Сахнек (Сахтек), числилось мусульман: дворов семейных 4, дворов холостых 3, жителей 5; христиан: дворов семейных 50, дворов вдов 1, жителей 193; по переписи 1542 (1545) гг.: мусульман — дворов семейных 9, жителей 45; христиан — дворов семейных 41, дворов холостых 6, дворов вдов 3, жителей 217¹⁶.

В фирмане 1774 г. среди населенных пунктов, прежде принадлежавших Османскому султану и перешедших в состав Крымского ханства, значится деревня Фурус Мангупского кадылыка Бахчисарайского кай-

¹¹ См.: Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кёппена). Киев, 2004. С. 186–200 (здесь: С. 191–192); Бочаров С.Г. Историческая география... С. 755.

¹² Бочаров С.Г. Историческая география... С. 754–755.

¹³ Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 186; Бочаров С.Г. К вопросу о границах херсонской митрополии в XIII–XV вв. // Византийское наследие в Крыму: Материалы круглого стола, приуроченного к 570-летию падения Византии / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2023. С. 9–12 (здесь: С. 10.)

¹⁴ Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 1–135 (здесь: С. 18).

¹⁵ Фирсов Л.В. Исары... С. 395–396.

¹⁶ Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. № 2. P. 135–170 (здесь: P. 153, 164); Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма: История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб., 2020. С. 23.

маканства¹⁷. В 1796–1802 гг. деревня Форос входит в Акмечетский уезд Новороссийской губернии¹⁸.

Основные археологические исследования на территории Фороса были проведены в 60-х гг. XX в. Л.В. Фирсовым¹⁹ и Южнобережной экспедицией под руководством О.И. Домбровского²⁰ (Рис. 1).

Л.В. Фирсов топографически помещает селение Фори с крепостью на месте старой части современного пгт Форос между современным мысом Чехово на востоке и мысом Николая на западе²¹ (Рис. 1). В районе мыса Николая им был собран подъемный материал, состоящий из фрагментов средневековой керамики, что дало ему возможность предположить, что и в этом месте могло находиться укрепление, а в бухте располагался небольшой порт²².

В 2016 г. экспедицией Ялтинского историко-литературного музея (рук. Н.П. Турова), в 300–600 м северо-восточнее мыса Николая, на распаханном поле и южнее на территории Форосского парка на площади 0,6 га локализован многочисленный подъемный материал позднеантичного-средневекового времени (Рис. 2, 1). Подавляющее количество находок принадлежит фрагментам черепиц-керамид VIII–XIII (?) вв. и сильно замыленным обломкам стенок красноглиняных амфор различных центров. Среди них выделяются отдельные части гладкостенных красноглиняных пифосов, обломки простой красноглиняной гончарной и глазурованной посуды XIII–XV вв.²³

В 60-х гг. XX в. Л.В. Фирсовым на побережье выявлен целый ряд остатков поселений, представляющих собой «маленькие хуторки или даже отдельные усадьбы», расположенные к востоку от Фороса (Рис. 1). Поселения обнаружены на водоразделах или в глубине балок, состоят из террасированных усадеб, сконструированных особым образом: с юга они ограничены мощной крепидой (высотой 2–3 м, толщиной 0,7–1,5 м), по бокам — межевыми стенами (высотой 1–2 м и толщиной 0,7–1,5 м)²⁴. Большое поселение, состоящее из десятков разбросанных усадеб, находилось на склоне у подножия Байдарской скалы. В 1967 г. большая его часть была уничтожена при строительстве автомагистрали²⁵.

¹⁷ Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследие. М.: Наука, 1999. С. 158.

¹⁸ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 23.

¹⁹ Фирсов Л.В. Исары... С. 390–404.

²⁰ Махнева О.А. Средневековые памятники... С. 53–57.

²¹ Фирсов Л.В. Исары... С. 394.

²² Там же. С. 391. Рис. 138,7; С. 397.

²³ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым в 2016... С. 60–61.

²⁴ Фирсов Л.В. Исары... С. 398.

²⁵ Там же. С. 396–397.

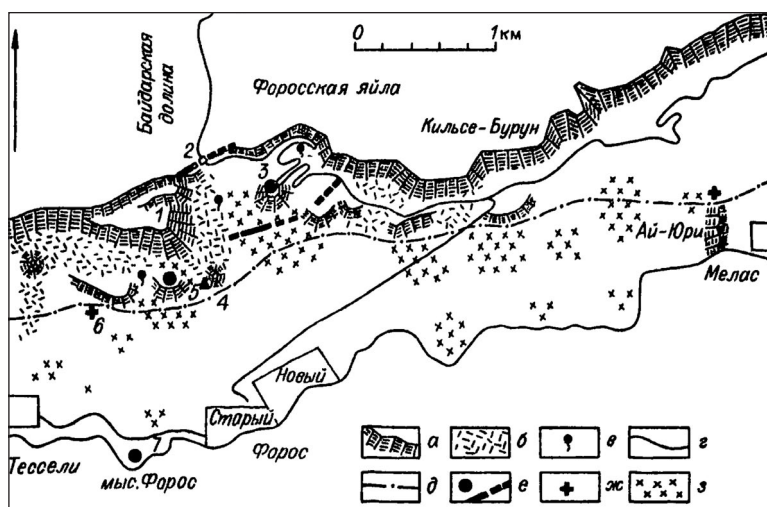

Рис. 1. Археологические объекты в районе пгт Форос (по Фирсову, 1990, с. 391, рис. 138): а — обрывы Яйлы; б — каменные развалы; в — водоисточники; г — современные дороги; д — новая автомагистраль; е — средневековые укрепления и стены, возможно, имевшие оборонительное назначение; ж — средневековые могильники с храмами; з — средневековые усадьбы и поселения. 1 — Форосская скала; 2 — Байдарский проход; 3 — Байдарская скала (предполагаемое укрепление); 4 — старая каменоломня; 5 — укрепление с храмом; 6 — могильник с храмом; 7 — мыс Форос (место предполагаемого укрепления)

Рис. 2. Археологические объекты селения Фори (cazalia Fori).

1. Местонахождение подъемного материала позднеантичного — средневекового времени.
 2. Храмовый комплекс на укреплении X–XV вв.
 3. Храм с плитовым могильником XII–XIV вв.
- — подъемный материал, остатки усадеб, строений средневекового времени, выявленные Л.В. Фирсовым в 60-х гг. XX в.

В 1965 г. на сланцево-диабазовом мысе, выше шоссе Ялта—Севастополь, между каптированным источником и старой дорогой, идущей на Байдары, в 1,2 км от берега моря обнаружен храм на укреплении²⁶ (Рис. 2, 2). По типологии В.Л. Мыца — это сторожевое укрепление X–XIII вв. (?)²⁷. О.И. Домбровский относит его существование к X–XV вв.²⁸ Крепостная постройка расположена на скалистой возвышенности. В некоторых местах сохранились основания оборонительных стен и построек²⁹. Храм ориентирован апсидой на северо-восток. Его размеры без апсиды — 4,5 x 7 м³⁰. Входной проем в здание располагался в южной стене. Кладка стен храма толщиной 0,65–0,7 м сохранилась на высоту 0,5–0,8 м. Апсида храма была сложена из блоков травертина, а другие стены — из дикого камня. Стены покрывал слой штукатурки толщиной 3–4 см. На некоторых фрагментах остались следы красочного слоя. Среди завала камней встречаются фрагменты черепицы и посуды³¹. В результате работ археологической экспедиции «Каффа», проводившихся в 2004–2010 гг. под руководством С.Г. Бочарова, укрепление отнесено к храмовому комплексу или скиту X–XV вв.³² При осмотре развалин храма в начале 2020 г. экспедицией Института археологии Крыма РАН (рук. Н.П. Турова) фиксируются следы грабительских перекопов. Севернее церкви на возвышенности встречаются фрагменты человеческих костей, возможно, связанные с существованием могильника вблизи культового здания³³.

Еще один храм на некрополе XII–XIV вв. находится в полукилометре западнее Форосского укрепления на сланцевом холме недалеко от дачи «Тессели»³⁴ (Рис. 2, 3). Раскопки были проведены в 1967 г. О.И. Домбровским, О.А. Махневой, Л.В. Фирсовым³⁵. Храм представлял собой одноапсидную постройку размером 5,7 x 8,0 м (размеры без алтарного полукружия). Здание ориентировано на северо-восток по азимуту

²⁶ Там же. С. 400–401.

²⁷ Мыца В.Л. Укрепления... С. 141.

²⁸ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 27.

²⁹ Мыца В.Л. Укрепления... С. 141.

³⁰ Фирсов Л.В. Исары... С. 401.

³¹ Фирсов Л.В. Исары... С. 401; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 283. № 10; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 243–245. № 61.

³² Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 283. № 10.

³³ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 243–245. № 61.

³⁴ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 27; Фирсов Л.В. Исары... С. 391. Рис. 138, 6; С. 397; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 282–283. № 9; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 246–249. № 62.

³⁵ Махнева О.А. Средневековые памятники... С. 53; Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 27; Фирсов Л.В. Исары... С. 403–404.

(72°–74°)³⁶. Вход, шириной 1–1,1 м, располагался в южной стене храма. Стены здания были сложены из бута на известковом растворе. Толщина стен — 0,6–0,7 м. Внутри они были покрыты известковой штукатуркой и расписаны фресками. Пол был выложен из тонких плит серого слоистого песчаника. Под ним в одном месте была обнаружена плитовая могила с одиночным детским погребением. При раскопках храма найдены фрагменты черепицы, пифосов, амфор, многочисленные мелкие обломки поливных чаш. Среди развала камней обнаружены целые блоки травертиновых деталей от свода и несколько блоков инкерманского известняка³⁷. Вокруг храма на площади 50 х 100 м выявлен могильник³⁸. Значительная его часть была уничтожена плантажной вспашкой и прокладкой нового шоссе Ялта—Севастополь в конце 60-х гг. XX в.³⁹

Cazallia de Chichineo [Chinicheo] отождествляют с бывшей деревней Кикенеиз (Кикинеиз, Кикенеис), переименованной в 1945 г. в с. Оползневое⁴⁰. По мнению П. Кёппена происхождение названия Кикенеиз может быть связано с кругом, окруженным местом⁴¹. А.Л. Бертъе-Делагард переводит его с греческого как «курчавая»⁴².

Согласно переписи Кефинского санджака 1520 (1529) гг. в деревне Кекнос, входящей в состав Мангупского кадылыка, числилось: мусульман — дворов семейных 1, сведений по количеству жителей нет; христиан — дворов семейных 37, дворов вдов 2, жителей 133. По переписи 1542 (1545) гг.: мусульман — сведений по количеству дворов нет, жителей 20; христиан — дворов семейных 34, дворов холостых 4, дворов вдов 3, жителей 182⁴³.

Деревня Кикенеиз Мангупского кадылыка упоминается в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея⁴⁴ и в реестре деревень 1784 г.⁴⁵

³⁶ Махнева О.А. Средневековые памятники... С. 53; Фирсов Л.В. Исары... С. 403; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 282–283. № 9; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 246. № 62. Параметры, данные О.А. Махневой, другие: внутренние размеры храма без алтаря 6,55 х 4,3 м, радиус апсиды (тоже внутри) — 2,5 м. Дверной проем расположен в продольной юго-восточной стене. Ширина его 1,1 м. См.: Махнева О.А. Средневековые памятники... С. 53.

³⁷ Фирсов Л.В. Исары... С. 403.

³⁸ Там же.

³⁹ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С.27.

⁴⁰ Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 186.

⁴¹ Кёппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 203.

⁴² Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С. 17.

⁴³ Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 155, 165; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 71.

⁴⁴ Паллас П.С. Наблюдения... С. 158.

⁴⁵ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 71.

В 1786 г. селение пострадало от «страшного» обвала⁴⁶. Тогда «почти все строения, греческая церковь, мельницы, виноградники и сады... вдруг скатились в море; жители спаслись все, но от богатого селения осталась только незначительная часть, где теперь деревня Кикинеиз, и несколько домов в деревушке Кучук-Кой, вблизи от Кикинеиза, на берегу моря...», — так пишет княгиня Е.С. Горчакова в 1883 г. в «Воспоминаниях о Крыме»⁴⁷. В 1805 г. численность населения деревни Кикенеиз составила 272 человека, состоящего из крымских татар⁴⁸.

Почти на одинаковом расстоянии в меридиональном направлении с небольшим отклонением на восток от с. Оползневое (д. Кикенеиз) расположены два исара: к северу — Биюк-Исар (Бююк Исар), к югу — Кучук-Исар (Кючюк Исар), описанные в XIX в. П. Кёшпенем⁴⁹.

По типологии В.Л. Мыца Биюк-Исар («Большая крепость», или «Верхняя крепость») является укрепленным поселением X–XIII вв., в XIII в. на вершине скалы строится феодальный замок⁵⁰ (Рис. 3, 1). Плоскость скалы наклонена к северу. Укрепление занимает площадь около 1 га. Наибольшие размеры крепостной площадки 140 x 120 м. На самой вершине, на естественных террасах видны развалины каменных построек, среди них остатки храма (2,7 x 4,7 м)⁵¹. Сохранились отдельные камни от основания стен толщиной 65–80 см, клинчатые блоки травертина⁵².

На западном склоне Биюк-Исара находится небольшая пещера, которая использовалась для хранения и сбора воды. Проходы между скалами, окружающими с севера и запада утес с укреплением, были закрыты стенами, сложенными из бута насухо. Огражденная таким образом территория площадью около 4 га, по мнению О.И. Домбровского, использовалась в качестве загона для скота и убежища для жителей окрестных селений⁵³. В 1967 г. на скале Биюк-Исар Е.А. Паршиной в составе экспедиции О.И. Домбровского было заложено три шурфа 1 x 1 м и траншея 1 x 5 м глубиной около 0,5 м от современной поверхности⁵⁴.

Следует отметить, что скалы и утесы в окрестностях Биюк-Исара еще в начале XIX в. именовались скалами Кикенеиза, возможно, что первоначаль-

⁴⁶ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 томах. Т. 5, 6. Париж, 1843 (репринт: Симферополь, 2009). С. 186.

⁴⁷ Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме. Симферополь, 2008. С. 132.

⁴⁸ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 71.

⁴⁹ Кёшпен П.И. О древностях... С. 202–205.

⁵⁰ Мыц В.Л. Укрепления... С. 142. Рис. 1,24; 27,3,4. Фото 4,2.

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² Фирсов Л.В. Исары... С. 349.

⁵³ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 30.

⁵⁴ Паршина Е.А. Работы на скале Биюк-Исар в 1967 г. // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Симферополь. 1969 / НА ИАК НАНУ. Инв. кн. № 4, инв. № 547. Папка № 911, № 913. С. 123.

чально селение Кикенеиз располагалось здесь, а после разрушительного оползня переместилось к югу на безопасное место⁵⁵.

Укрепление «Кучук-Исар» («Малая крепость») находится на Кикинеизском мысе или мысе, получившем название в конце XIX – начале XX в., — Святой Троицы⁵⁶ (Рис. 3, 2). Мыс возвышается на 15–20 м над уровнем моря. В плане имеет форму трапеции и поверхность, напоминающую морскую террасу. Длина плоской части мыса около 200 м, ширина — 70–80 м, общая площадь террасы и южного склона гряды (до ее гребня) около 5 га⁵⁷.

Вершину мыса по всему периметру замыкала линия оборонительной стены, отгораживающая площадку размером 27 x 40 м. Куртины толщиной около 2 м, сложенные из бута на известково-песчаном растворе. В плане укрепление имело форму прямоугольника. В центре северного участка стены располагалась круглая башня диаметром 6,2 м, занимавшая господствующее положение в обороне крепости⁵⁸. На склоне гряды от ее гребня до основания, на площади около 1 га располагались жилые постройки. По подсчетам Л.В. Фирсова, их было около 200. Часть из них в верхней и средней зонах южного склона гряды была обнесена стенами, образуя своего рода акрополь. Площадь акрополя — около трети гектара⁵⁹.

Впервые археологические исследования на укреплении, которое он датировал XIII–XIV вв., предпринял В.Е. Данилевич в 1903 г.⁶⁰ Среди многочисленных фрагментов керамической продукции (черепицы и посуды), пищевых остатков найдены железные гвозди, ножи и другие предметы «домашнего обихода»⁶¹. В 1968 г. к западу от башни был раскопан комплекс жилых и хозяйственных помещений с горновыми печами⁶². По типологии В.Л. Мыца первоначально в X–XIII вв. на Кикенеизском мысе существовало укрепленное поселение, в XIII–XIV вв. — феодальный замок⁶³. В начале 2000 г. на крепости Кучук-Исар были произведены работы археологической экспедиции «Каффа» (рук. С.Г. Бочаров).

Вне крепостных сооружений в окрестностях Кикенеиза в 1870 г. побывал Д.М. Струков. До нас дошли его зарисовки христианских надгробных

⁵⁵ Фирсов Л.В. Исары... С. 342.

⁵⁶ Там же. С. 357.

⁵⁷ Там же. С. 358.

⁵⁸ Мыц В.Л. Укрепления... С. 142. Рис. 2, 37.

⁵⁹ Фирсов Л.В. Исары... С. 361–363.

⁶⁰ См.: Данилевич В.Е. Раскопки около д. Кикенеиз, Ялтинского уезда, Таврической губернии летом 1903 года // Известия XIII Археологического Съезда в Екатеринославе. Харьков, 1905. С. 42; Данилевич В. Заметка о древностях в окрестностях д. Кикенеиз, Ялтинского уезда // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1907. Т. 40. С. 56–60 (здесь: С. 58).

⁶¹ Данилевич В. Заметка... С. 58.

⁶² Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках на мысе Троицы в 1968 г. (городище XII–XIV вв.) // Арх. ИА АН УССР. 1969. № 6290–91. С. 18.

⁶³ Мыц В.Л. Укрепления... С. 142.

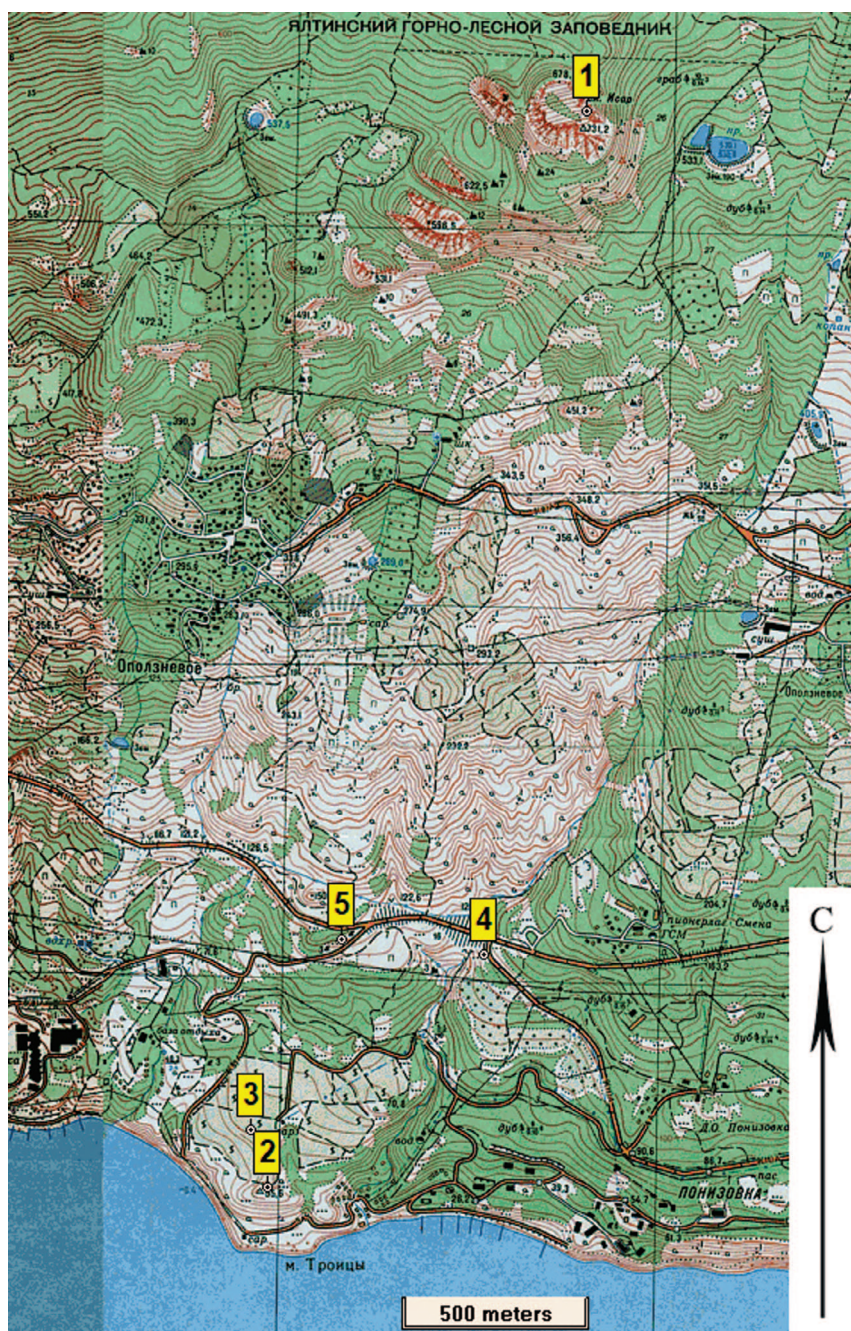

Рис. 3. Археологические объекты селения Чиничео — Кикенеиз — Оползневое (cazalia Chinicheo). 1. Укрепление «Биюк-Исар» X–XIII вв.

2. Укрепление «Кучук-Исар» X–XIV вв.

3. Местонахождение храма с плитовым могильником.

4–5. Местонахождение керамики позднеантичного — средневекового (XIV–XV) времени

каменных памятников⁶⁴. В 1903 г. В.Е. Данилевичем были исследованы объекты разных эпох деревни Кикенеиз, от древностей тавров (каменные ящики) до средневековья (плитовый могильник и курганы). К сожалению, судя по указанным топонимам, привязать их к современной топооснове затруднительно⁶⁵.

В «Ведомости христианского населения, вышедшего из городов и деревень Крыма в 1778 году, и оставшихся после него старых церквей в Крыму», составленных в 1901 г. А.Л. Бертье-Делагардом, в деревне Кикинеиз, по местным рассказам старожилов, было 3 церкви, но без названий⁶⁶.

Один из раскопанных В.Е. Данилевичем могильников находился в урочище Катра-Ташлар⁶⁷. Судя по топонимической карте И.Л. Белянского, возвышенность Катра-Ташлар расположена севернее мыса Святой Троицы. Возможно, данный некрополь с остатками храма был уничтожен во время плантажных работ на винограднике во второй половине XX в.⁶⁸ (Рис. 3, 3).

Могила, по словам В.Е. Данилевича, «ящикообразные» без курганов, без надгробий. Представляли собой прямоугольные ямы, выкопанные в грунте на различной глубине, обложенные «с 4 сторон и прикрытые сверху каменными плитами». Могила содержит от 2 до 10 костяков, лежащих на спине в вытянутом положении, ориентированные по оси С-З—Ю-В, за исключением одного случая, где костяк был расположен с востока на запад. «Инвентарь находок очень беден и состоял из бронзовых проволочных колечек и шаровидных пуговиц, сердоликовой бусы, бусы из горного хрусталя»⁶⁹. По мнению исследователя, могильник относится к «позднему средневековью» так же, как и исследованный им курган с каменной обкладкой в урочище Исарское кладбище рядом с таврскими ящиками⁷⁰ и курган в урочище Биюк-Узень-Исарлар⁷¹. Курган с каменной обкладкой в урочище Исарское кладбище представлял собой каменный склеп, в котором было коллективное захоронение «причем более ранние скелеты при новых погребениях сбрасывались в канавки, устроенные

⁶⁴ Лазарь (Швец Р.Ф.). Священный образ Тавриды: Православные святыни Крыма в изобразительном искусстве: Альбом / Сост. Т. Шорохова. Симферополь, 2012. С. 537.

⁶⁵ Данилевич В.Е. Раскопки... С. 39–43; Данилевич В. Заметка... С. 56–60.

⁶⁶ Мальгин А.В. Из наследия А.Л. Бертье-Делагарда // Крымский музей. 1994. № 1. С. 151–169 (здесь: С. 156).

⁶⁷ Данилевич В.Е. Раскопки... С. 41; Данилевич В. Заметка... С. 60; Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 155–168 (здесь: С. 165); Турова Н.П. Византийские храмы... С. 218.

⁶⁸ Фирсов Л.В. Исары... С. 367.

⁶⁹ Данилевич В.Е. Раскопки... С. 41.

⁷⁰ Там же; Данилевич В. Заметка... С. 57.

⁷¹ Там же. С. 58.

на дне склепа»⁷². Среди находок упомянуты бронзовые пуговицы и стеклянные браслеты⁷³.

По словам местных жителей, еще один плитовый могильник с вещами тождественными исследованному некрополю в урочище Катра-Ташлар находился в районе Кикенеизской шоссеиной казармы⁷⁴.

В 50-х гг. XX в. несколько разрушенных плитовых могил с черепичным покрытием и стенками, выложенными из камня, были осмотрены П.Н. Шульцем в Кикенеизе, точное местонахождение их не указано⁷⁵. В 2004 г. Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАН Украины под руководством И.Б. Тесленко ниже дороги Ялта—Севастополь, выше мыса Святой Троицы, на склонах невысокого холма и в его окрестностях выявлено местонахождение керамики позднеантичного—средневекового (XIV–XV) времени⁷⁶ (Рис. 3, 4–5).

Переотложенный материал: обломки стенок амфор позднеантичного времени, фрагменты стенок лепных сосудов, значительное количество обломков средневековой керамики (печина, черепица, стенки пифосов, красноглиняных гончарных сосудов VIII(?)–X вв., фрагмент венчика красноглиняной поливной чашки XIV–XV вв.), найденной на склонах в верхней части выемки грунта, образованной при сооружении асфальтированной дороги.

На склоне экспедицией зафиксированы остатки однолицевой кладки из разномерных обломков верхнеюрского известняка. Она сохранилась на высоту до 0,65 м и прослежена на 3 м. Назначение и датировка объекта не ясны.

На некоторых участках склона холма выявлена стратиграфия. Под дерном до глубины 0,3–0,4 м располагается слой коричневого грунта с большим количеством разномерного бута. Ниже отмечены отложения плотного археологически стерильного светло-коричневого грунта с делювием верхнеюрских известняков. Выраженных культурных отложений не зафиксировано. На вершине холма выявлена яма округлой в плане формы (диаметр около 1 м, глубина до 0,4 м). В отвале найден мелкий фрагмент стенки лепного сосуда⁷⁷.

Casale de Symeo связана с пгт Симеиз⁷⁸. Данное название переводится А.Л. Бертье-Делагардом с греческого языка как «знак»⁷⁹.

⁷² Данилевиг В.Е. Раскопки... С. 41.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Данилевиг В. Заметка... С. 60.

⁷⁵ Махнева О.А. О плитовых могильниках... С. 166 (в сноске).

⁷⁶ Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Отчет о разведках на территории Ялтинского и Алуштинского горсоветов в 2004... С. 22–23. Пункты № 6–9.

⁷⁷ Там же. С. 22–23. Пункты № 6–7.

⁷⁸ См.: Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 186, 190.

⁷⁹ Бертье-Делагард А.Л. Исследование... С. 18.

Согласно налоговым переписям Кефинского санджака XVI в. деревня Сембос (Шембос), входившая в состав Мангупского кадылыка, была христианской. По данным 1520 (1529) гг. в ней числилось всего 150 жителей, в их числе 30 семейных дворов. На момент переписи 1542 (1545) гг. насчитывалось 159 жителей: дворов семейных 31, дворов холостых 3, дворов вдов 1⁸⁰.

Деревня Симеиз Мангупского кадылыка упоминается в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея⁸¹ и в реестре деревень 1784 г.⁸² В 1805 г. численность населения в деревне составила 148 чел. — все крымские татары. На военно-топографической карте Крыма 1817 г. генерала-майора С.А. Мухина деревня Симеиз обозначена с 21 двором⁸³.

Судя по современной топографии, деревня располагалась в районе современного поселкового автовокзала, на ул. Советской (Старый Симеиз), где в 1965 г. на вершине так называемого Могильного бугра при строительстве спортивной площадки Южнобережным отрядом Крымской археологической экспедиции под руководством О.И. Домбровского выявлен плитовый могильник XII–XV вв. и остатки каменных построек⁸⁴ (Рис. 4, 1). Более 700 м юго-западнее Могильного бугра, севернее ск. Панеа, на возвышенности ниже санатория «Красный маяк», между ул. Советской и проспектом Мальцова (ул. Ленина) в 2018 г. зафиксированы и описаны экспедицией Института археологии Крыма РАН (руководитель Н.П. Турова) остатки средневековой храмовой постройки⁸⁵ (Рис. 4, 2). В непосредственной близости от развалин обнаруженного храма в начале XX в. на территории бывших дач С.Л. Лансере (0,22 км юго-западнее) (Рис. 1, 3) и О.А. Чорна (0,12 км северо-западнее) были найдены плитовые могилы (Рис. 4, 4)⁸⁶.

В XIV–XV вв. на скале Панеа юго-западной окраины пгт Симеиз располагался генуэзский замок⁸⁷, воздвигнутый на месте монастыря X–XIII вв.⁸⁸

⁸⁰ Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 154, 164; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 90.

⁸¹ Паллас П.С. Наблюдения... С. 158.

⁸² Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 90.

⁸³ Там же.

⁸⁴ См.: Домбровский О.И. Отчет о работе Южнобережного отряда Отдела Археологии Крыма ИА АН УССР в 1965–68 // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Симферополь / НА ИАК РАН: Инв. Кн. № 4, инв. № 547. Папка № 911, № 913. 1969. С. 17; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 212.

⁸⁵ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 210–211.

⁸⁶ См.: Кузьменко В.М. Новый-Симеиз и его окрестности на Южном Берегу Крыма. Москва, 1913. С. 46–48; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 211.

⁸⁷ См.: Мыц В.Л. Укрепления... С. 143. Рис. 1, 25. Фото 3, 4; 4, 3; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 190.

⁸⁸ См.: Мыц В.Л. Укрепления... С. 143; Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 28–29; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 284. № 19; Кирилло В.П. Архитектурные миграции средневекового Крыма: однефные храмы южнобережной части полуострова // Stratum plus. 2020. № 6. С. 129–152 (здесь: С. 143. Рис. 11); Турова Н.П. Византийские храмы... С. 206–209.

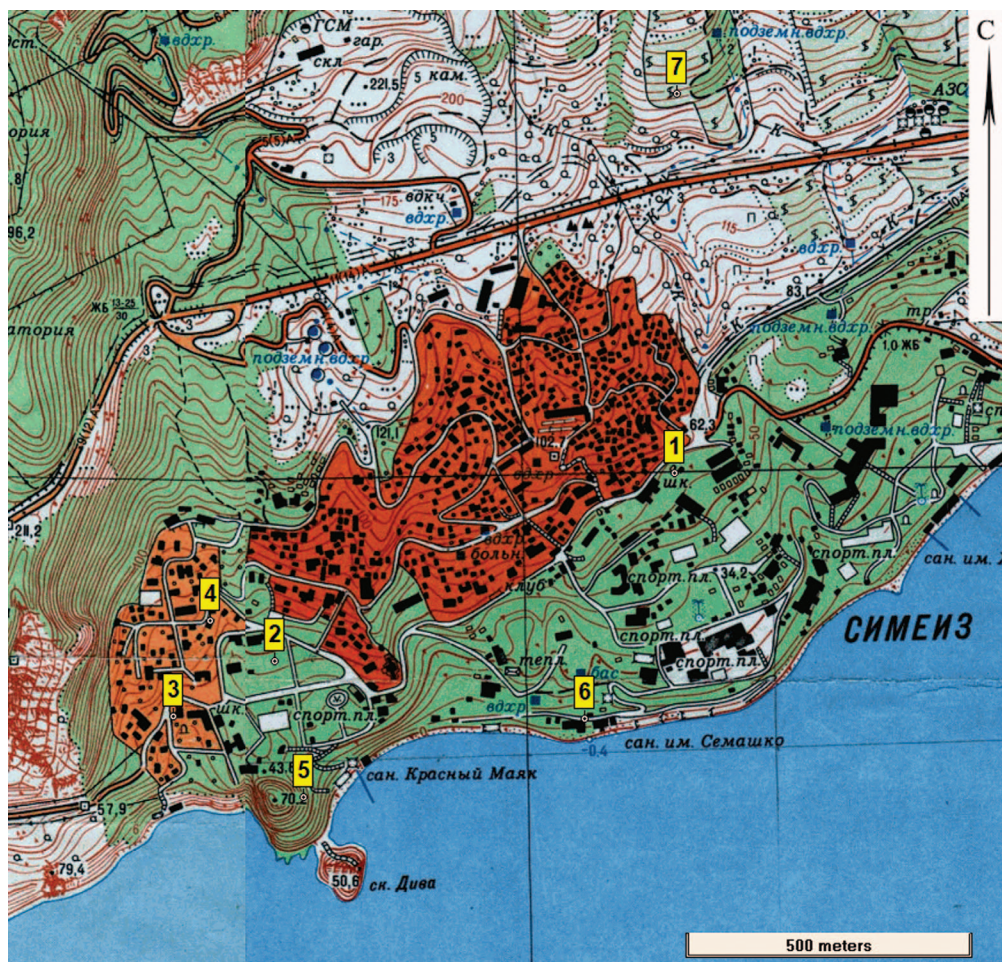

Рис. 4. Археологические объекты селения Симео — Семенз (cazalia Symeo).

1. Остатки поселения с плитовым могильником XII–XV вв.
2. Остатки храма.
3. Плитовые могилы на месте дачи С.Л. Лансере.
4. Плитовые могилы на месте дачи О.А. Чорна.
5. Укрепление XIV–XV вв. на скале Панеа на месте укрепленного монастыря X–XIII вв.
6. Остатки средневековых культурных слоев на мысу Ай-Панда.
7. Остатки поселения X–XII вв.

(Рис. 4, 5). В 1966 г. были проведены археологические исследования трех объектов внутри крепости: двух домов и храмового комплекса, имеющего три строительных периода⁸⁹. Восточнее скалы Панеа на мысу Ай-Панда,

⁸⁹ См.: Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 28–29. Рис. 17; Кирилло В.П. Храмы Панеа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Международный Византийский семинар (Севастополь, 24–28 мая 2024 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2024. С. 137–144.

в парковой зоне детского санатория «Пионер» в размывах склонов встречаются разновременные культурные напластования (Рис. 4, б). В конце 80-х гг. XIX в. здесь был собран подъемный материал Е.И. Висниовской⁹⁰.

Остатки поселения X–XII вв. зафиксированы у трассы Ялта–Севастополь на винограднике в 1,5 км к востоку от седловины г. Кошка⁹¹. Обнаружены в 1968 г. отдельным отрядом под руководством О.А. Махневой в составе Южнобережного отряда ИА АН УССР под руководством О.И. Домбровского. Согласно выводу последнего, «удалось уловить, к сожалению, лишь на узких полосках нетронутого грунта преемственность построек и могил от первых веков н. э. вплоть до XII–XIV вв. н. э.»⁹² (Рис. 4, 7).

Casalle de Lupicha [вар.: Lupicho, Lupichi] — современная Алупка в муниципальном округе Ялта⁹³. А.Л. Бертье-Делагард переводит название «Алупка» с греческого языка как «лисица»⁹⁴. Впервые Алупка, как Алубиха, упоминается в пространной редакции письма хазарского кагана Иосифа сановнику кордовского халифа Абд ар-Рахмана III Хасдаю ибн Шапругу [Шафругу], где перечислены владения хазар X в.⁹⁵

Согласно тахир-дефтеров (налоговых переписей) Кефинского сан-джака Мангупского кадылыка в деревне Алубка в 1520 (1529) гг. числилось: 6 дворов мусульман (из них 4 двора семейных и 2 двора холостых), 29 дворов христиан (28 семейных и 1 двор вдовы). По переписи 1542 (1545) гг.: 4 мусульманских (3 семейных и 1 двор холостяка), 34 христианских (28 семейных, 3 двора холостых и 3 вдов)⁹⁶. Деревня Алупка Мангупского кадылыка Бахчисарайского каймаканства значится среди населенных пунктов в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея,

⁹⁰ Турова Н.П. Археологическая карта Горного и Южнобережного Крыма по полевой картотеке Е.И. Висниовской // История и археология Крыма. Сборник статей. Вып. 10. Симферополь, 2019. С. 311–354 (здесь: С. 341).

⁹¹ Домбровский О.И. Отчет... С. 41; Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.). Т. 2. Симферополь, 2004. С. 399. П/п № 2181. Уч. № 469; Перечень выявленных объектов культурного наследия (археология), расположенных на территории Республики Крым / Приложение 2 к постановлению Совета министров Республики Крым от 24 января 2017 г. № 17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gkokn.rk.gov.ru/rus/info.php?id=629727> П/п № 271. Уч. № 469.

⁹² Домбровский О.И. Отчет... С. 41.

⁹³ См.: Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 186.

⁹⁴ См.: Бертье-Делагард А.Л. Исследование... С. 18.

⁹⁵ См.: Коковцев П.К. Ответное письмо хазарского царя Иосифа согласно пространной редакции // Еврейско-хазарская переписка в X веке. М., 1932. С. 89–112 (здесь: С. 102).

⁹⁶ Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 153, 164; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 153.

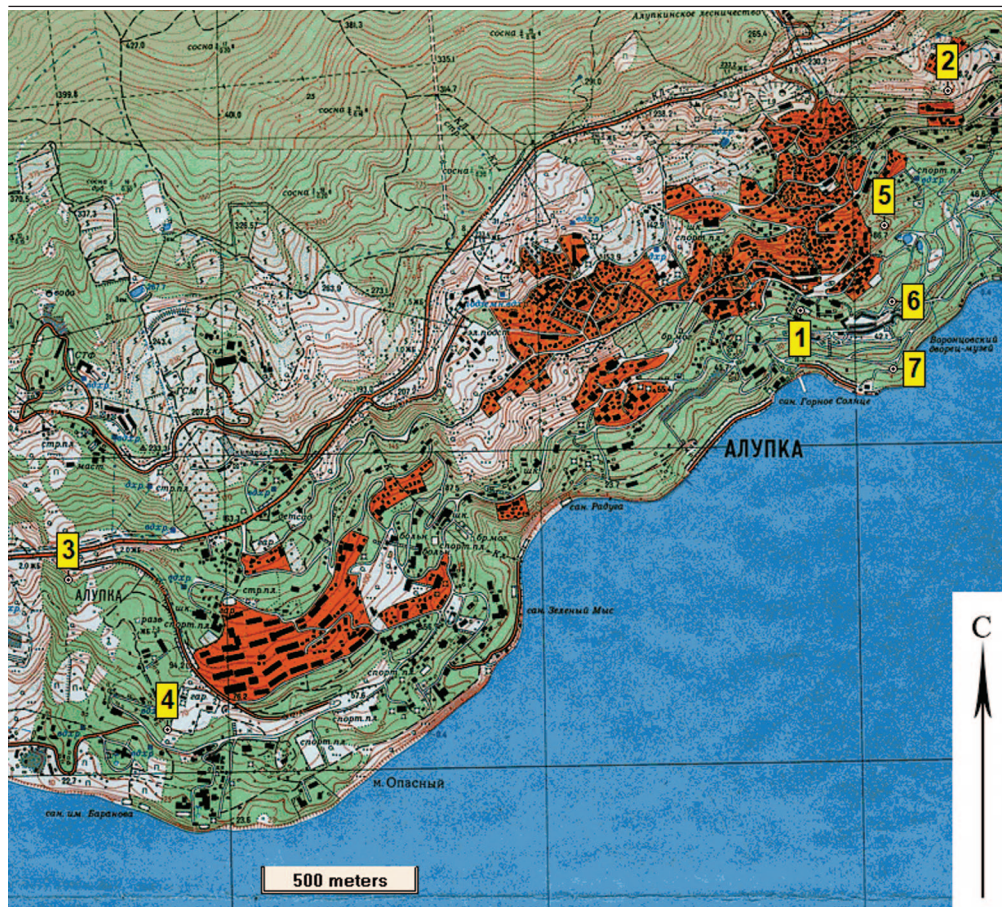

Рис. 5. Археологические объекты селения Алупка (cazalia Lupico).

1. Местонахождение средневекового могильника в Алупке.
2. Местонахождение христианского храмового комплекса VIII (?)–XIII вв. (Алупка–1).
3. Местонахождение подъемного материала VIII–XV (?) вв. и остатки каменных строений (Алупка–2).
4. Местонахождение подъемного материала первых вв. н. э. — VIII–XV (?) вв. (Алупка–3).
5. Местонахождение подъемного материала VIII–XV (?) вв. (Алупка–4).
6. Местонахождение подъемного материала VIII (?)–XV вв. (Алупка–5).
7. Местонахождение подъемного материала VIII–XV (?) вв. (Алупка–6).

перешедшая из собственности Османского султана⁹⁷. В «Сборнике архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического Гавриила Розанова» в сведениях о церквях, оставленных греками при переселении из Крыма в Приазовье в 1778 г., в Алупке числится одна церковь⁹⁸.

⁹⁷ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С.158.

⁹⁸ Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов Южного берега Крыма в «Сборнике Гавриила» // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003. С. 11–12 (здесь: С. 12).

По свидетельству В.Х. Кондараки (в конце XIX в.), «Алупка, как чрезвычайно удобная, по изобилию воды, для садоводства, вероятно, с глубокой древности служила местожительством человека, но и здесь нет никаких следов, сколько-нибудь подтверждающих предположение наше. Нам известно только, что во время жительства здесь греков, она именовалась Аия-Мария, т. е. Св. Марія, по храму, воздвигнутому во имя Богородицы»⁹⁹.

Первые археологические находки в городе связаны со строительством Воронцовского дворца в конце 20-х гг. XIX в. По свидетельству Дюбуа де Монпере, при его постройке нашли «глиняный» горшок с пятью византийскими монетами. Он же говорит о существовании на месте строительства «руин маленькой греческой крепости»¹⁰⁰.

Остатки средневекового могильника обнаружены в октябре 1951 г. при земляных работах во дворе гостиницы «Магнолия» (Рис. 5, 1). Охранно-разведочные работы были произведены директором Ялтинского музея Е.А. Воронцовым и заместителем директора по научной работе Л.А. Афанасьевой, а также представителем «Сектора истории и археологии при Крымской научно-исследовательской базе АН СССР» (имя неизвестно)¹⁰¹.

В архивных материалах Е.В. Веймарна, хранящихся в научном архиве Института археологии Крыма РАН, имеются сведения, что в 1951 г. О.Д. Дашевской в Алупке были произведены охранные раскопки на месте строящегося кинотеатра. На глубине 1,30–1,70 м были вскрыты 3 безынвентарные могилы, обложенные известняковыми камнями и перекрытые диоритовыми плитами. В одной из могил сохранился костяк, лежащий на спине головой на запад, руки на животе¹⁰².

В 2022 г. Южнобережной экспедицией Института археологии Крыма РАН (руководитель Н.П. Турова) была впервые предпринята работа по картографированию подъемного материала, расположенного в городской черте Алупки, на территории и ближайших окрестностях Милютинского и Воронцовского парков, свободных от застройки.

В результате исследования выделено 6 пунктов концентрации подъемного материала и связанные с ними объекты, получившие шифр: Алупка 1, Алупка 2, Алупка 3, Алупка 4, Алупка 5, Алупка 6 (А1–2022; А2–2022, А3–2022, А4–2022, А5–2022, А6–2022)¹⁰³ (Рис. 5, 2–7).

⁹⁹ Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. СПб., 1875. С. 154.

¹⁰⁰ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие... С. 184.

¹⁰¹ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 204.

¹⁰² Веймарн Е.В., Кацуф Н.П. Археологическая карта средневековых памятников Крыма. Бахчисарай, 1952 / НА ИАК РАН. Ф. О-1. Оп.1. Д. 2062. № 15.

¹⁰³ См.: Турова Н.П. Итоги археологических разведок на территории городских округов Ялта и Алупка в 2022 г. // Известия археологической комиссии. Вып. 19 (Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2022 года на Крымском полуострове). Симферополь, 2023. С. 267–275 (здесь: С. 267–268); Турова Н.П. Город Алупка и его археологическое наследие // Известия археологической комиссии / Ответственный редактор В.В. Майко. Вып. 20. Симферополь, 2023. С. 204–217 (здесь: С. 208–210).

Алупка 1 (А1–2022) — местонахождение христианского храмового комплекса VIII(?)–XIII вв. выявлено на бугре Хара-Хунда (Киракунда), на высоте более 175 м над уровнем моря в 0,625 км от берега моря (Рис. 5, 2). С западной стороны бугор ограничен балкой Кара-Кундо, с востока — хребтом Ай-Влас, с севера Южнобережным шоссе, отделяющим его от южных отрогов, г. Алупка-Исар и скал Чабан-Таш, с юга — занят жилыми постройками и огородами.

Алупка 2 (А2–2022) — скопление подъемного материала, локализованное в северо-западной части Милютинского парка на западном склоне хребта, с востока ограниченного балкой Шаан-Кая (Сара), с запада — оврагом Кара-Дере (Рис. 5, 3). Находится на высоте около 100–120 м над уровнем моря.

Алупка 3 (А3–2022) — скопление подъемного материала в урочище Майоран (Айя-Мария); на данный момент это приграничная территория между Симеизом и Алупкой (Рис. 5, 4).

Единичные фрагменты средневековой керамики и скопления подъемного материала, условно названные Алупка 4, Алупка 5 и Алупка 6, расположены в парковой зоне Воронцовского дворца — на газонах и грунтовых тропинках; видимо, связаны с селением *Luricha*. В окрестностях «Большого хаоса» собран подъемный материал позднеантичного-средневекового времени VIII(?)–XIII вв.: Алупка 4 (А4–2022) (Рис. 5, 5). Наиболее высокая концентрация находок X–XIII и XIV–XV вв. сосредоточена в окрестностях «Малого Хаоса»: Алупка 5 (А5–2022) (Рис. 5, 6). Условная площадь распространения подъемного материала около 0,4 га. Скопление подъемного материала VIII–XIII вв. Алупка 6 (А6–2022), расположено ниже южной террасы Воронцовского дворца¹⁰⁴ (Рис. 5, 7).

Cazalle Muzacori, упомянутая в материалах массарий Кафы XIV–XV вв., отождествляется с местностью Мисхор, с 1958 г. включенной в состав пгт Кореиз¹⁰⁵. Мисхор с греческого языка А.Л. Бертье-Делагард переводит как «половина деревни»¹⁰⁶.

Согласно переписи Кефинского санджака 1520 (1529) гг. в деревнях Мисхор и Арйенда (Ореанда), входящих в состав Мангупского кадылыка, числилось мусульман — дворов семейных 1, жителей 5; христиан — дворов семейных 64, дворов вдов 3, жителей 320. По переписи 1542 (1545) гг.: мусульман — дворов семейных 5, дворов холостых 2, жителей 10; христиан — дворов семейных 46, дворов холостых 24, дворов вдов 4,

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 186.

¹⁰⁶ Бертье-Делагард А.Л. Исследование... С. 17.

жителей 246¹⁰⁷. По переписи 1634–1635 гг. в деревни Мисхор было дворов немусульман — 10, в том числе количество дворов выселившихся — 16¹⁰⁸.

Деревня Махура Мангупского кадылыка Бахчисарайского каймаканства упоминается в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея среди деревень, вошедших в состав Крымского ханства и прежде принадлежавших Османскому султану¹⁰⁹.

На картах XIX в. селение пишется как Мусхор (1817 г.), Мысхор (1842, 1865, 1876). Согласно списку населенных мест Таврической губернии по сведениям 1864 г. (Мисхор) — деревня татарская казенная, расположена на берегу моря при речке безымянной, 9 верст от уездного города¹¹⁰.

На данный момент об археологических объектах на территории Мисхора нам ничего неизвестно. Остатки большого средневекового поселения зафиксированы С.М. Жуком в 1993 г. на территории санатория «Ясная Поляна», в старой части Кореиза и центральной части Гаспры (Рис. 6, 1). Исследователь отождествил его местонахождение со средневековым торжищем Курасайтов¹¹¹, известным по письменным источникам¹¹².

При строительстве Вознесенской (у А.Л. Бертье-Делагарда — Воскресенской) церкви в Кореизе на скале Мачтовой (Джуневис (?)), возведенной в 1831 г., были обнаружены остатки «древней греческой церкви», о чем свидетельствует заметка архиепископа Гавриила. Здесь же найден камень с надписью, заложенный позже в основание новой церкви. А.Л. Бертье-Делагард предположил, что остатки средневековой церкви могут быть связаны с монастырем Кюризу, известным из патриарших грамот 1395 г.¹¹³ (Рис. 6, 2).

В 1891 г. при добыче глины в откосе холма Джуневис (с крымскотатарского переводится как «генуэзская могила») был обнаружен раннесредневековый могильник с вещами готского типа¹¹⁴. Здесь же были найдены и более поздние плитовые могилы¹¹⁵. Месторасположение данного некрополя не локализовано. В 1991 г. на юго-восточном склоне возвышенности, где находится памятник В.И. Ленину, экспедицией КФ ИА НАН

¹⁰⁷ Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 153, 164; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 231.

¹⁰⁸ Ефимов А.В. Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. Вып. 3 (перевод). М., 2021. С. 207.

¹⁰⁹ Паллас П.С. Наблюдения... С. 158.

¹¹⁰ Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 г. СПб., 1865. С. 95; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 231.

¹¹¹ Жук С.М. Отчет... С. 10.

¹¹² Бертье-Делагард А.Л. Исследование... С. 17.

¹¹³ Там же. С. 16–17.

¹¹⁴ Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готы // Известия Императорской Археологической комиссии. 1906. Вып. 19. С. 1–80 (здесь: С. 37–38).

¹¹⁵ Махнева О.А. О плитовых могильниках... С. 165.

Украины (руководители С.В. Татарцев и С.М. Жук) в средневековом слое обнаружили грунтовую безынвентарную могилу. Костяк ориентирован головой на запад¹¹⁶.

Casalle Oriande — современный пгт Ореанда¹¹⁷.

Местность Gorian фигурирует в атласе Анконца Бенинказы 1480 г.¹¹⁸ А.Л. Бертъе-Делагард относил название Ореанды к топонимам неизвестного происхождения¹¹⁹. В свою очередь Л.В. Фирсов предлагал различные варианты толкования названия: граница, придел, спелый, зрелый¹²⁰.

Согласно переписи Кефинского санджака 1520 (1529) гг. в деревнях Мисхор и Арийенда (Ореанда), входящих в состав Мангупского кадылыка, числилось мусульман — дворов семейных 1, жителей 5; христиан — дворов семейных 64, дворов вдов 3, жителей 320. По переписи 1542 (1545) гг.: мусульман — дворов семейных 5, дворов холостых 2, жителей 10; христиан — дворов семейных 46, дворов холостых 24, дворов вдов 4, жителей 246¹²¹. В исторических документах позднего периода Ореанда как населенный пункт не встречается¹²².

В 1794 г. П.С. Паллас упоминает скалу, на которой находятся следы старого укрепления, называемого татарами «Иссар», «Ургенда». На вершине ее он обнаружил обломки черепицы и фрагменты посуды, а в долине — следы старых построек¹²³. История населенного пункта Ореанда была продолжена уже в XIX в., когда земли, принадлежавшие татарам деревень Гаспра и Мисхор, были куплены для создания имений, в том числе и Великокняжеского¹²⁴.

Е.И. Висниовская в 20-х гг. XX в. на скале Мачтовой в Нижней Ореанде обнаружила фрагменты средневековой гончарной посуды, среди которых обломки поливной керамики. Недалеко от берега моря она описывает плитовые могилы, сложенные на извести с обломками черепицы¹²⁵ (Рис. 7, 1).

¹¹⁶ См.: Татарцев С.В., Жук С.М. Отчет о разведках в Горном Крыму в 1991 г. Симферополь. 1992 / НА ИАК РАН. С. 14–15; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 194–195.

¹¹⁷ См.: Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 186.

¹¹⁸ Кёппен П.И. О древностях... С. 189; Фирсов Л.В. Исары... С. 209.

¹¹⁹ Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С. 18.

¹²⁰ Фирсов Л.В. Исары... С. 209.

¹²¹ Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 153, 164; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 231, 339.

¹²² Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 339.

¹²³ Паллас П.С. Наблюдения... С. 81.

¹²⁴ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 339–360.

¹²⁵ См.: Турова Н.П. Археологическая карта... С. 336; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 168.

Сейчас эта местность застроена корпусами санатория «Нижняя Ореанда».

На территории пгт Ореанды расположены два средневековых укрепления (Ореанда-Исар и Хачла-Каясы), остатки поселений и руины храма на некрополе. Укрепленное поселение X–XIII вв. Ореанда-Исар (Крестовая) находится на одноименной скале конической формы, в северной части Ореандовской котловины¹²⁶ (Рис. 7, 2). С северо-востока, востока и юго-востока укрепление ограничено обрывами, а с южной стороны — крутым склоном, заваленным скальными обломками. Площадь самого укрепления 100 x 85 м, по периметру оно обнесено стеной, сложенной из бута на глине (местами на известковом растворе). Крепостная стена сохранилась на высоту до 2,5 м, ее толщина — 2,3 м. Предположительно вход в укрепление находился с северной стороны¹²⁷. Впервые план крепости Ореанда-Исар составлен Л.В. Фирсовым в 1963 г.¹²⁸

Раскопки построек на территории укрепленного поселения проводились в 1967 и 1968 гг. О.И. Домбровским, Е.А. Паршиной и Ю.М. Скобелевым¹²⁹. У оборонительной стены открыты остатки храма, три плитовые могилы, часть хозяйственного помещения с пифосом. Выявлены два слоя пожара — X и XIII вв.¹³⁰ и керамический материал XIV–XV вв.¹³¹

В 1986 г. на северном склоне скалы Ореанда-Исар Отделом археологии Крыма под руководством В.А. Сидоренко были предприняты раскопки раннесредневекового могильника, а в 2002 г. охранные исследования на памятнике были возобновлены¹³² (Рис. 7, 3). В 2010 г. экспедицией Ялтинского историко-литературного музея (руководитель Н.П. Турова) на ССЗ склоне г. Крестовой в бортах строительного котлована под постройку частного дома зафиксирован культурный слой VIII–X вв., свя-

¹²⁶ См.: Кёппен П.И. О древностях... С. 189; Паллас П.С. Наблюдения... С. 81; Фирсов Л.В. Исары... С. 205–228; Мыц В.Л. Укрепления... С. 144–145. Рис. 1, 28; 9,2; Боچارов С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 26; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 169–172.

¹²⁷ Мыц В.Л. Укрепления... С. 144–145.

¹²⁸ Фирсов Л.В. Исары... С. 205. Рис. 62–64.

¹²⁹ См.: Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 33; Скобелев Ю.М. Археологическая разведка на г. Крестовой в Верхней Ореанде // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 108–111.

¹³⁰ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 33; Скобелев Ю.М. Археологическая разведка... С. 108–111; Фирсов Л.В. Исары... С. 219.

¹³¹ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 33.

¹³² Турова Н.П. Находки из некрополей позднеримского и раннесредневекового времени в коллекции Ялтинского историко-литературного музея (обзор и история формирования коллекции) // История и археология Крыма. Сборник статей. Вып. 7. Симферополь, 2018. С. 229–239 (здесь: С. 230).

занный, видимо, с остатками поселения, расположенного у подножия укрепления Ореанда-Исар¹³³ (Рис. 7, 4).

На западных границах Ореандовской котловины, в 2,5 км от пос. Верхняя Ореанда, на вершине скалы Хачла-Каясы (Хач-ла-Каясы, Хачлы-Каясы) находится укрепление «Хачла-Каясы» (Рис. 7, 5). По типологии В.Л. Мыца — замок XIII–XIV вв.¹³⁴ Укрепление занимает площадь около 0,15 га. С востока, юга и запада ограничено обрывами, вдоль которых прослеживаются следы парапета, сложенного из бута на песчано-известковом растворе. С северной, напольной стороны возведены оборонительная стена и башня. Стена протяженностью 30 м и толщиной 2 м сохранилась в высоту на 1,5–1,8 м.¹³⁵ На территории укрепления обнаружены развалины построек, среди которых выделяются ворота и небольшой храм, идентифицированный О.И. Домбровским как капелла с фамильной усыпальницей¹³⁶. Культовая постройка, расположенная на одной из площадок у северо-восточного обрыва, была исследована в 1967 г. Е.А. Паршиной¹³⁷. Рядом проходила дорога от ворот укрепления к северной оконечности крепости¹³⁸.

В 1991 г. Горно-Крымской экспедицией Отдела археологии Крыма были предприняты работы у северо-восточного подножия скалы Хачла-Каясы, где в результате древнего тектонического разлома известняковой скалы образовался естественный грот¹³⁹ (Рис. 7, 6). Экспедицией произведены обмеры грота и исследованы культурные отложения как в самом гроте, так и в районе его привходовой площадки¹⁴⁰. Обнаружены фрагменты таврской лепной посуды, обломки гончарной керамики X–XI вв., створка бронзового креста-энколпиона и фрагменты гончарной керамики с поливой и без XIII–XV вв.¹⁴¹

В 1967 г. Южнобережным отрядом, группой под руководством Е.А. Паршиной¹⁴² в 170 м от остановки «Ореанда» в развилке Верхнего и Нижнего шоссе Ялта–Алупка исследован храм XIII–XV вв. с плитовым могильни-

¹³³ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г. Ялта, 2011. / НА ИАК РАН. Д. 1801. С. 12–13.

¹³⁴ Мыц В.Л. Укрепления... С. 144.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 33.

¹³⁷ Паршина Е.А. Средневековые памятники на побережье от Голубого залива до Ялты // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 57–64 (здесь: С. 58–60); Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 24; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 178–187.

¹³⁸ Фирсов Л.В. Исары... С. 246.

¹³⁹ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 184–186.

¹⁴⁰ Татарцев С.В., Жук С.М. Отчет... С. 4.

¹⁴¹ Там же. С. 4–11.

¹⁴² Паршина Е.А. Средневековый храм в Ореанде // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 65–70.

ком¹⁴³ (Рис. 7, 7). Храм одноапсидный, его внутренняя длина 4,9 м, ширина 2 м. Хорда дуги апсиды — 1,2 м, а ее диаметр — 1,3 м. Ширина плеч апсиды внутри храма 0,4 м, снаружи — 0,6 м. Толщина стен — 0,6–0,74 м. Дверной проем находился в южной стене храма, у юго-восточного угла, его ширина составляет 0,75 м. Здание сложено из известняка и песчаника на известковом растворе. В промежутке между камнями встречаются обломки черепицы и стенок пифосов. Полы в храме были покрыты плитами¹⁴⁴. Кровля храма двухскатная керамическая, а стены его внутри оштукатурены¹⁴⁵. При раскопках найдено множество архитектурных деталей из туфа клинчатой формы от арок дверного и оконного проемов и свода¹⁴⁶. Исследовано всего 15 могил некрополя: 14 вокруг храма и 1 внутри. Узкие плитовые могилы трапециевидной формы сужаются в восточной части, облицованы известняком или серым песчаником. Плиты перекрытия могил из песчаника, черепицы или плинфы. В могилах встречаются от двух до пяти костяков. Общее число погребенных взрослых — 21, детей — 9. Среди инвентаря могил: стеклянные бусы, бронзовые проволочные серьги и пуговицы, железный нателный крестик, керамика, датирующаяся XIII–XV вв.¹⁴⁷ В двух могилах найдены фрагменты небольших плинф или плиток с процарапанным крестом и надписью: IC.XC. NIKA¹⁴⁸.

Храмовый комплекс принадлежал средневековому поселению, большая часть которого, по-видимому, была уничтожена оползневыми процессами, широко распространенными в ореандовской котловине. В 1969 г. здесь зафиксирован активный оползень: 10 млн м³ горных пород на площади в 30 га со скоростью 1,5 м/сут. двигалось к морю. Оползень, получивший название «Золотой пляж», зародился у моря, захватил и уничтожил береговые корпуса санатория и 300-метровый отрезок дороги Ялта—Алупка, затем ореандовские виноградники, 200-метровый отрезок «Солнечной тропы» (Царской), участок дороги Ялта—Симеиз, остановил свое движение в районе г. Ай-Никола и г. Ореанда-Исар¹⁴⁹. Действие оползня охватило практически всю Ореандовскую котловину.

Ниже местонахождения храма с некрополем, на склонах выше береговой линии санатория «Золотой пляж» можно найти отдельные фрагменты керамики разных эпох. В результате разведок Ялтинского музея краеведения в 1981 г. под руководством Н.Г. Новиченковой выше санатория «Золотой

¹⁴³ См.: Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 25; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 173–177.

¹⁴⁴ Паршина Е.А. Средневековый храм... С. 65.

¹⁴⁵ Фирсов Л.В. Исары... С. 229.

¹⁴⁶ Паршина Е.А. Средневековый храм... С. 65.

¹⁴⁷ Там же. С. 65–66.

¹⁴⁸ Там же. С. 66.

¹⁴⁹ Ерыш И.Ф., Саломатин В.Н. Оползни Крыма. Ч. 1 (История отечественного оползневедения). Симферополь, 1999. С. 36–37.

пляж» собран переотложенный подъемный материал позднеантичного времени (VIII–X)¹⁵⁰.

В 2017 г. зафиксирован еще один пункт со скоплением подъемного материала позднеантичного-средневекового времени (VIII–XV) в пгт Ореанда¹⁵¹ (Рис. 7, 8). Местонахождение выявлено в Верхней Ореанде на высоте 180–200 м над уровнем моря на расстоянии около 0,9 км от берега моря в окрестностях подземного водохранилища в районе бывшего имения Мургунду (Курулу) около источника Лакони у юго-восточного подножия г. Ай-Никола в овраге Лакони (Лакенес-Дереси). Находки встречаются на площади около 0,2 га на выположенных участках и тропинках. Большая часть территории задернована, покрыта густой кустарнико-древесной растительностью. Видимо, находки появились на поверхности в результате строительства подземного водохранилища во второй половине XX в. В большинстве своем это фрагменты строительной керамики VIII(?)–X–XIII вв. и обломки гончарных сосудов средневекового времени, в том числе и поливных¹⁵². Возможно, отсутствие селения Орианды в османской переписи 1520 г. связано с трагической гибелью деревни от антропогенных причин.

Casale Iallite связана с современной Ялтой¹⁵³.

А.Л. Бертье-Делагард переводит название Ялта с греческого языка как «прибрежная»¹⁵⁴. Название населенного пункта впервые упоминается в XII в. арабским географом и путешественником Абу Абдаллахом Мухаммадом ал-Идриси (около 1100–1165). Он называет его Джалита¹⁵⁵. Ялита упоминается в актах Константинопольского патриархата 1384 и 1386 гг.¹⁵⁶

С.Г. Бочаров располагает генуэзскую крепость Jallita на восточной окраине Ялты на мысе Святого Иоанна Поликуровского холма (мыс был взорван и разобран на камень при строительстве каменного мола в XIX в.). Ссылаясь на планы селения, снятые русскими топографами в конце XVIII – начале XIX в., С.Г. Бочаров дает реконструкцию укрепления.

¹⁵⁰ Новиченкова Н.Г. Отчет... С. 13.

¹⁵¹ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории городских округов Ялта, Алушта Республики Крым в 2017 г. Симферополь; Ялта, 2018. С. 22–24.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Джанов А.В. Казалии... С. 298; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 189–190.

¹⁵⁴ Бертье-Делагард А.Л. Исследование... С. 18.

¹⁵⁵ Бейлис В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 69.

¹⁵⁶ Архимандрит Антонин. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю // Записки общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 445–473 (здесь: С. 460–461, 466–467).

По его мнению, крепость имела площадь около 0,137 га размером 50,5 x 35,5 м. Протяженность стен крепости около 147 м. Выделяются шесть куртин. Внутри укрепления располагался храм Святого Иоанна¹⁵⁷. Судя по картографическим материалам, это трехапсидная базилика размером около 13 x 17 м¹⁵⁸. По типологии В.Л. Мыца, на мысе Святого Иоанна, который также именовался Кильсе-Буруном, в X–XIII вв. был укрепленный монастырь. Датировал его исследователь по аналогии с другими укрепленными монастырями Южнобережья, появившимися в X в. (Панеа, Ильяс-Кая и др.)¹⁵⁹. К 1374 г. в селении уже было учреждено генуэзское консульство, а к 1449 г. в крепости располагалась резиденция одного из четырех консулов Готии¹⁶⁰.

В конце XV в. землетрясение разрушило гору и крепость-город с каменной стеной и несколькими церквями¹⁶¹. Жители его расселились в другие места. Окрестности мыса находились в запустении около 70 лет. Вновь оно было восстановлено благодаря грекам и армянам. «Греческая» церковь просуществовала до XVIII в.¹⁶² В настоящее время мыс практически полностью уничтожен, территория вблизи памятника застроена.

Согласно переписи Кефинского санджака 1520 (1529) гг. в деревне Ялта, входящей в состав Мангупского кадылыка, числилось христиан — дворов семейных 48, дворов вдов 4, жителей 256. По переписи 1542 (1545) гг.: христиан — дворов семейных 57, дворов холостых 7, дворов вдов 2, жителей 308¹⁶³. В османских налоговых реестрах в селении Ялта (Йалта, Йалыта)

¹⁵⁷ См.: *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии... С. 189; *Бочаров С.Г., Кирлико В.П.* Средневековые церкви... С. 286. № 36; *Турова Н.П.* Археологическое прошлое Поликуровского холма // Город начинался с Поликура. Храм св. Иоанна Златоуста. (Материалы конференции, посвященной 180-летию освящения храма, 14–16 сентября 2007 года). Симферополь, 2018. С. 80–88 (здесь: С. 81–82); *Турова Н.П.* Византийские храмы... С. 112; *Турова Н.П.* К вопросу об археологической карте средневековых христианских храмов Ялтинского региона // Археологические исследования в Южнобережном и Горном Крыму: материалы Второго археологического семинара, Ялта, 28–30 октября 2022 г. / Ред.-сост. Н.Г. Новиченкова, К.В. Новиченкова-Лукичева. Ялта, 2023. С. 99–106 (здесь: С. 105. Рис. 1:1).

¹⁵⁸ *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии... С. 189.

¹⁵⁹ *Мыц В.Л.* Укрепления... С. 145. Рис. 1, 31.

¹⁶⁰ *Бочаров С.Г.* Первые археологические исследования на территории средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 г. // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология евразийских степей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Вып. 17. Казань, 2013. С. 30–43 (здесь: С. 31); *Джанов А.В.* Казалии... С. 298.

¹⁶¹ *Сумароков П.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб., 1805. С. 202–203.

¹⁶² *Kёппен П.И.* О древностях... С. 181–182.

¹⁶³ *Fisher A.* The Ottoman Crimea... P. 155, 165; *Краснолуцкий А.Ю.* Южный берег Крыма... С. 400.

в 1542–1543 гг. числится: дворов мусульман — 1; дворов христиан — 57, вдов — 2, холостых — 7. В 1634–1635 гг.: дворов христиан — 69; в том числе количество дворов переселившихся — 8. В 1651–1652 гг. христианских дворов — 43¹⁶⁴. Деревня упоминается в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея среди деревень, вошедших в состав Крымского ханства, прежде принадлежавших Османскому султану¹⁶⁵. В 1778 г. при переселении христианского населения в Приазовье из селения выведено 240 греков и священник. Согласно ведомости генерал-поручика О.А. Игельстрома от 14 декабря 1783 г. до вывода христиан в селении были церкви Святого Иоанна, Святого Николая, Святой Параскевы, Святого Федора Тирона, дворов — 66¹⁶⁶.

Первые и единственные археологические исследования на территории средневековой Ялты, примыкающие к уничтоженному мысу Святого Иоанна, были проведены в 2010 г. Восточно-Крымской (Феодосийской) археологической экспедицией КФ Института археологии НАНУ под руководством С.Г. Бочарова¹⁶⁷ (Рис. 8, 1). В 6 шурфах, расположенных в строительном котловане, вырытом при реконструкции здания гостиницы «Бристоль» на ул. Рузвельта, 12а, были зафиксированы культурные слои XIII–XV вв., а также подъемный материал VIII–XVI вв.¹⁶⁸

Имеются сведения, что при строительстве собора Иоанна Златоуста в начале XIX в. были обнаружены остатки древнего храма: мозаичный пол, основания стен и апсида. Храм был ориентирован на север—северо-восток¹⁶⁹ (Рис. 8, 2). По свидетельству священника Александра Накропина, на Поликуровском холме в 1840 г. были видны развалины древней церкви и остатки построек ближе к морю¹⁷⁰. Видимо, об этой «небольшой» церкви, обнаруженной при строительстве дома Беймана в 1850 г., сообщает и епископ Гермоген¹⁷¹ (Рис. 8, 3).

¹⁶⁴ Ефимов А.В. Османский реестр... С. 214.

¹⁶⁵ Паллас П.С. Наблюдения... С. 158.

¹⁶⁶ Ефимов А.В. Османский реестр... С. 214.

¹⁶⁷ Бочаров С.Г. Первые археологические исследования на территории средневекового селения Джалита (Ялты) в 2010 г. // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов. Сер. История, археология. Ялта: РИО КГУ, 2011. С. 10–12 (здесь: С. 11).

¹⁶⁸ Там же. С. 12; Бочаров С.Г. Первые археологические исследования... // Средневековая Евразия... С. 33–35.

¹⁶⁹ См.: Фирсов Л.В. Исары... С. 196; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 112; Турова Н.П. К вопросу об археологической карте... С. 105. Рис. 1:3.

¹⁷⁰ См.: Накропин А. Ялта // Таврические епархиальные ведомости, 1884. № 18. С. 867–875 (здесь: С. 874); Турова Н.П. Византийские храмы... С. 112–113; Турова Н.П. К вопросу об археологической карте... С. 105. Рис. 1:2.

¹⁷¹ См.: Гермоген (Добронравин К.П.). Таврическая епархия. Псков, 1887. IV. С. 344–345; Турова Н.П. Археологическое прошлое... С. 82; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 113.

В результате земляных работ в 1974 г. на северо-западном склоне вершины Поликуровского холма при строительстве Южного центра кинематографии был обнаружен целый комплекс археологических памятников: поселение VIII–X вв., два плитовых могильника X–XVIII вв. и XII–XVIII вв., христианский храм XII–XVIII вв. (Рис. 8, 4). Большая часть объектов была уничтожена строителями. Доследование комплексов проведено отрядом Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР при участии Ялтинского краеведческого музея (руководитель И.А. Баранов)¹⁷². На археологическом раскопе 12 x 10 x 3,5 м при средней глубине 1 м были открыты остатки храма и 19 плитовых могил, датируемых в целом X–XVIII вв.¹⁷³ Могилы до археологических раскопок были разграблены. Материалы данных исследований не опубликованы, место их хранения неизвестно. В южной части вершины Поликуровского холма на территории Ялтинской киностудии в 2011 г. проведены охранные раскопки плитовой могилы, обнаруженной в результате размыва почвы (Рис. 8, 5).

Могила безынвентарная, с массовым захоронением (не менее 18 человек), в котором присутствуют кости как взрослых, так и детей (нет ни одного погребенного, сохранившегося в анатомическом порядке). В результате исследований было установлено, что данное погребальное сооружение относится ко второй половине IX – первой половине XI в. Могила сложена из плит песчаника и бутовых камней, щели заложены фрагментами черепицы VIII–X вв. (?). Также в конструкции погребального сооружения присутствуют туфовые блоки, свидетельствующие о существовании средневекового христианского храма поблизости от могилы¹⁷⁴.

В долинах рек Ялтинской котловины, впадающих в Черное море, в разное время на современных улицах Васильева, Киевской, Московской, Кирова, Горького, Набережной имени В.И. Ленина были обнаружены подъемные находки и культурные слои VIII–XV вв. — следы средневековых селений, храмовые комплексы с некрополями и плитовые могилы¹⁷⁵. В Ялтинской котловине выделяются два района, где среди подъемного материала присутствуют находки XIV–XV вв.

¹⁷² См.: Баранов И.А., Олейник Г.Н. Отчет об археологических раскопках на холме Палекур на месте строительства Южного центра кинематографии в Ялте в 1974 г. Архив ЯИЛМ. С. 14; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 37; Турова Н.П. Археологическое прошлое... С. 84–86; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 118–120.

¹⁷³ Баранов И.А., Олейник Г.Н. Отчет... С. 1–4.

¹⁷⁴ См.: Турова Н.П. Археологическое прошлое... С. 86–87; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 121–124.

¹⁷⁵ См.: Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 35; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 129–130.

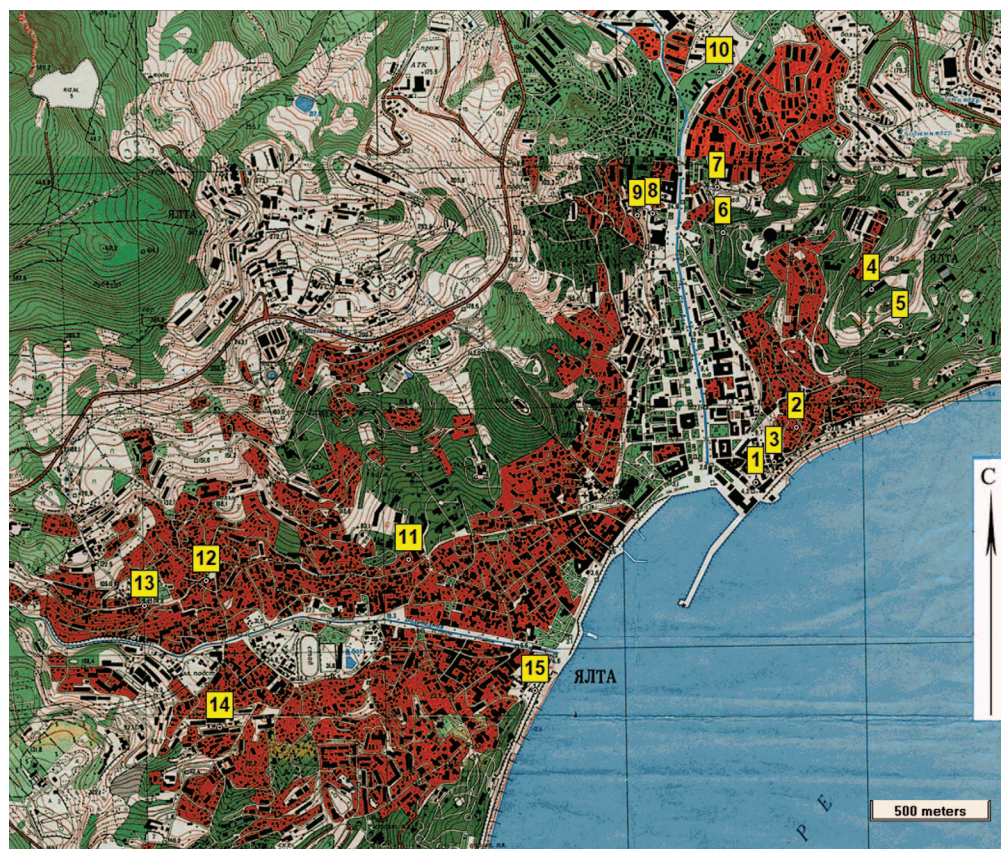

Рис. 8. Археологические объекты селения Ялита — Ялта (cazalia Jallita).

1. Культурные слои XIII–XV вв. на ул. Рузвельта.
2. Местонахождение храма на месте церкви Иоанна Златоуста (1837).
3. Храм, обнаруженный при строительстве дома Беймана в 1850 г.
4. Комплекс археологических памятников: поселение VIII–X вв., два плитовых могильника X–XVIII вв. и XII–XVIII вв., христианский храм XII–XVIII вв. на вершине Поликуровского холма.
5. Местонахождение плитовой могилы половине IX–первой половине XI в. на вершине Поликуровского холма.
6. Храм с плитовым могильником на поселении, д. Дерекой (Ущельное).
7. Местонахождение плитовой могилы в районе д. Дерекой (Ущельное).
8. Подъемный материал VIII–X–XV вв.
9. Местонахождение могилы, сложенной из туфовых блоков на ул. Садовой.
10. Местонахождение средневекового поселения в районе ялтинских вокзалов.
11. Остатки средневекового храма на месте церкви Успения Богородицы (1866).
12. Остатки средневекового храма на месте церкви Святого великомученика Федора Тирона (1788).
13. Местонахождения храма Святой Евфимии.
14. Плитовая могила на ул. Горького.
15. Храм и плитовые могилы на холме Вальвони-Оба

Восточный район связан с остатками поселения в Мордвиновском парке возле д. Дерекой (Ущельное). В его границах в 1926–1927 гг. Ялтинским краеведческим музеем при непосредственном участии Е.И. Висниовской был раскопан храм на некрополе¹⁷⁶ (Рис. 8, 6). В декабре 1949 г. в ближайших к ним окрестностях, на территории питомника цитрусовых культур, во время производства плантажных работ была найдена плитовая могила¹⁷⁷ (Рис. 8, 7). Обследование могилы было произведено Е.В. Веймарном и Е.А. Воронцовым (директором Ялтинского музея краеведения) при участии научного сотрудника музея Л.А. Афанасьевой. Плитовая могила залегала на глубине 50–60 см от современной дневной поверхности. Обкладка состояла из плит песчаника-сланца. В могиле без порядка лежал костяк и несколько фрагментов черепиц, причем одна целая с рельефной меткой¹⁷⁸.

Находки средневекового времени, в том числе XIV–XV вв., найдены не только на левом берегу горной реки Быстрой (Дерекойки, Гувы). В начале 2000-х гг. в непосредственной близости от правого берега реки, в переулке Киевском, при строительстве церкви адвентистов седьмого дня, выявлен подъемный материал VIII–X–XV вв. (Рис. 8, 8). В 2020 г. в ходе ремонтных работ на ул. Садовая, д. 35, выше переулка Киевского, обнаружена могила, сложенная из туфовых блоков (Рис. 8, 9). По вине строителей и администрации города исследования не были произведены¹⁷⁹.

В 60-х гг. XX в. рядом с авто-троллейбусными вокзалами и молокозаводом, в северной части Ялты при строительстве на территории средневекового поселения, расположенного в долине первого притока р. Дерекойки-Гувы были найдены плитовые могилы¹⁸⁰ (Рис. 8, 10). В «Ведомости христианского населения...», составленной А.Л. Бертье-Делагардом, в селении Дерекой значитися церковь Успения Богородицы¹⁸¹.

В западной части Ялтинской котловины, расположенной на берегах р. Водопадной (Учан-Су), в литературных источниках сохранился топоним

¹⁷⁶ См.: Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286, № 38; Турова Н.П. Археологическая карта... С. 329, № 46; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 125–128.

¹⁷⁷ Веймарн Е.В. Отчет об эпизодических археологических разведках, проведенных в Крымской области в 1949 г. 1949. / НА Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 307. Ф-1. Р-1. № 306. <https://www.archaeolog.ru/ru/archive/elektronnye-polevyye-otchety/>. / 23 л.

¹⁷⁸ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 129–130.

¹⁷⁹ Турова Н.П. Археологическая карта средневековых христианских комплексов ялтинского региона (новые открытия и дополнения) // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д.В. Айналова / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2022. С. 224–226 (здесь: С. 224).

¹⁸⁰ Фирсов Л.В. Исары... С. 191.

¹⁸¹ Мальгин А.В. Из наследия... С. 156.

«Поликлиси» (Пола-Клесия): в переводе с греческого «многоцерковье»¹⁸². Княгиня Е. Горчакова, путешествовавшая по Крыму в 1883 г., помещает Пола-Клесия рядом с Ауткой в деревне Форфора (Нижняя Аутка), мимо которой проходит дорога на водопад Учан-Су¹⁸³. Именно здесь, по ее представлениям, поселились ранее других греки-христиане.

Средневековые храмовые комплексы были на месте церкви Успения Богородицы, построенной в 1866 г. (Рис. 8, 11)¹⁸⁴, Святого великомученика Федора Тирона, восстановленного после 1788 г. и вновь освященного в 1842 г.¹⁸⁵ (Рис. 8, 12). В Аутке в XIX в. Д.М. Струков исследовал храм Святой Евфимии (Святая Евфимия) (Рис. 8, 13)¹⁸⁶.

Е.И. Висниовская отождествляла Поликлиси с местностью Шеломе на земле Скворцова, расположенной на правом берегу р. Водопадной (Учан-Су)¹⁸⁷. В начале 2000-х гг. в частном секторе на ул. Горького, в одном из районов локализации Поликлиси была обнаружена могила, внутри которой найдена поливная чашка XIV в.¹⁸⁸ (Рис. 8, 14).

Еще об одном храме на холме Валвони-Оба, расположенном в дельте р. Водопадной (Учан-Су) — на ее левом берегу (сейчас это район Набережной у памятника М. Горького), — нам известно из работы В.Х. Кондараки 1883 г. «История и археология Тавриды»¹⁸⁹ (Рис. 8, 15). В данной местности, принадлежавшей г. Брацианову, был обнаружен фундамент стены, обращенной к востоку, с фрагментами «кирпича, битой посуды, извести и другого мусора». Судя по тому, что стена была ориентирована на восток, а рядом найдены плитовые могилы (около десятка), расположенные полукругом, — это были остатки храмового комплекса. В могилах найдено по несколько костяков. В головах зафиксированы вертикально стоящие куски черепицы, в ногах — фрагменты глиняной посуды¹⁹⁰.

¹⁸² См.: Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 28; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 138–140.

¹⁸³ Горчакова Е.С. Воспоминания... С. 159.

¹⁸⁴ См.: Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 287. № 29; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 143–145; Турова Н.П. К вопросу об археологической карте... С. 105. Рис. 1:16.

¹⁸⁵ См.: Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 287. № 30; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 141–142; Турова Н.П. К вопросу об археологической карте... С. 105. Рис. 1:17.

¹⁸⁶ См.: Турова Н.П. Византийские храмы... С. 139; Турова Н.П. К вопросу об археологической карте... С. 105. Рис. 1:18.

¹⁸⁷ См.: Турова Н.П. Археологическая карта... С. 329; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 138–140.

¹⁸⁸ Там же. С. 139.

¹⁸⁹ См.: Кондараки В. В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883. С. 219–221; Турова Н.П. К вопросу об археологической карте... С. 105. Рис. 1:20.

¹⁹⁰ Кондараки В. В память столетия Крыма... С. 219–221.

В XVI–XVII вв., следуя османским налоговым реестрам, видимо, на месте средневековых поселений в восточной и западной частях Ялты, были уже выделены деревни Аутка (Авитка, Хавитка, Агутка) и Дереккой (Дере, Ущельное)¹⁹¹.

Casale Sichite отождествляют с пгт Никита (в 1971–1991 гг. пгт Ботаническое)¹⁹².

О названии деревни Сикита княгиня Е. Горчакова пишет, к примеру, следующее: «Некоторые утверждают, что древнее название — ошибка писца и что город и поселение всегда носили название Никиты»¹⁹³. Н. Мурзакевич связывает замену начальной буквы в названии деревни с постройкой церкви во имя Святого Никиты¹⁹⁴. А.Л. Бертъе-Делагард в своей работе «Исследование некоторых недоуменных вопросов в Тавриде», вышедшей в 1920 г. в № 57 «Известий Таврической ученой архивной комиссии», оспаривает ассоциацию топонима «Сикита» с Никитой¹⁹⁵. По его мнению, во-первых, «замена одной буквы в слове другою может быть, вообще говоря, и не трудна, но не в словах, имеющих прямой смысл. Сикита значит место, где растут или разводятся винные ягоды (инжирница, фиговница) и переменить такое значащее название на имя в честь святого Никиты не столь просто». Во-вторых, «...у Греков, выходцев в Мариуполь, эта деревня также называлась просто Никита». В-третьих, «...в патриарших грамотах все деревни показаны смежно, без пропусков, что и понятно, так как иначе вышла бы чересполосица епархий. Сикита в грамотах показана западнее Партенита... В этом промежутке теперь находятся несколько деревень <...> Вероятнее думать, что название Сикита относилось не к Никите, и что оно исчезло совсем, замененное иным, наприм., именем ближайшей к Партениту деревни — Миляри, ныне называемой Дегерменкой. <...> существующая деревня Никита, вероятно, гораздо более поздняя, чем Сикита...»¹⁹⁶. Само название «Никита» переводится с греческого как «победитель»¹⁹⁷.

¹⁹¹ См.: *Краснолуцкий А.Ю.* Южный берег Крыма... С. 657, 659; *Ефимов А.В.* Османский реестр... С. 214.

¹⁹² См.: *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии... С. 191; *Голенко А.И.* Никита, Сикита османского времени // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8. С. 79–91; *Горчакова Е.С.* Воспоминания... С. 166; *Шапошников А.К.* Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: Сборник статей. Симферополь, 2011. С. 388–389; *Джанов А.В.* Казалии... С. 298.

¹⁹³ *Горчакова Е.С.* Воспоминания... С. 166.

¹⁹⁴ *Бертъе-Делагард А.Л.* Исследование... С. 3.

¹⁹⁵ Там же. С. 3–5.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. С. 18.

Согласно налоговой переписи Кефинского санджака 1520 (1529) гг. деревня Сикита, входящая в состав Мангупского кадылыка, была исключительно христианской: дворов семейных 38, дворов вдов 3, жителей 202. По переписи 1542 (1545) гг. в деревне уже присутствуют мусульмане, но по-прежнему преобладают христиане. Согласно ее результатам, в Сиките: христиан — дворов семейных 49, дворов вдов 1, жителей 249. В переписи выделяется деревня Кучук Сикита, где проживает 40 мусульман¹⁹⁸. По османскому реестру земельных владений 1634–1635 гг. в деревне числилось 55 дворов христиан¹⁹⁹.

Деревня Никита Мангупского кадылыка Бахчисарайского каймаканства упомянута в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея среди населенных пунктов, прежде принадлежавших Османскому султану и перешедших в состав Крымского ханства²⁰⁰. В 1778 г. в Приазовье из Никиты выселено 102 грека; до переселения в деревне была церковь Святого Иоанна Златоуста и 30 дворов христиан²⁰¹. В 1805 г. численность населения Никиты составила 65 человек, состоящих исключительно из крымских татар²⁰². На карте 1817 г., составленной генерал-майором С.А. Мухиным, обозначена татарская деревня Никита с 10 дворами. К началу XX в. население было сплошь татарское. От церкви Святого Иоанна Златоустого сохранились лишь следы развалин, невдалеке от нее «развалины другой, маленькой, во имя Святого Юрия (в пределах казенного Никитского сада)»²⁰³.

Остатки средневековой деревни Никиты — подъемный материал, следы гончарного центра VIII(?)–X вв. и двух храмов (храма во имя Святого Иоанна Златоуста и храма во имя Святого Юрия) зафиксированы в центральной и восточной части селения, ниже Южнобережного шоссе, между урочищем Ай-Ян-Су, оврагом Папайора на западе и оврагом Мартьян на востоке (Рис. 9, 1–3). Подъемный материал фиксируется практически по всей площади старой деревни²⁰⁴. Находки представлены обломками амфор причерноморского типа и фрагментами керамического шлака, красноглиняных амфор с большим количеством пироксена в тесте, в целом датирующихся в рамках VIII(?)–X вв., а также керамическими сосудами XIV–XV вв. Здесь же отмечены следы однокамерных построек,

¹⁹⁸ См.: Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 154, 164–165; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 722.

¹⁹⁹ Ефимов А.В. Османский реестр... С. 222.

²⁰⁰ Паллас П.С. Наблюдения... С. 158.

²⁰¹ См.: Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 722; Ефимов А.В. Османский реестр... С. 222.

²⁰² Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 722.

²⁰³ Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С. 3–4.

²⁰⁴ См.: Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г. С. 5–6; Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории городских округов Ялта, Алушта Республики Крым в 2019–2020 гг. Симферополь, 2022. С. 29–37.

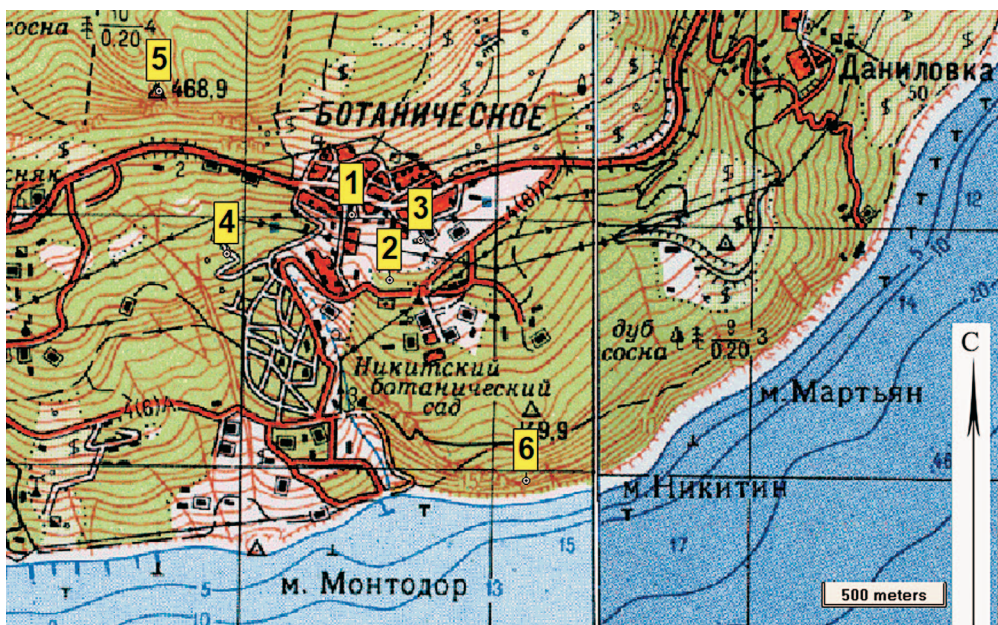

Рис. 9. Археологические объекты селения Сикита — Никита (cazalia Sikita).

1. Храм во имя Св. Иоанна Златоуста. 2. Храм во имя Св. Юрия.
3. Местонахождение подъемного материала и следы гончарного центра VIII (?)–X вв.
4. Комплекс археологических объектов: два поселения IX–X и XI–XV вв., гончарный центр VIII–X вв., храм с плитовым могильником XI(?)–XV вв.
5. Укрепление Палеокастрон X–XIII вв. 6. Укрепление «Рускофиль-Кале» XII–XIII вв.

сложенных из бута, датировка которых без специальных исследований затруднительна²⁰⁵.

Храм во имя Святого Иоанна Златоуста значится в списках митрополита Игнатия²⁰⁶, о нем в 1831 г. свидетельствовал архиепископ Гавриил (Розанов)²⁰⁷ (Рис. 9, 1). В конце XVIII в. церковь была обращена в мечеть. Позже мечеть переделали в медресе, а в 1913 г. ее полностью разобрали и на ее месте возвели новое татарское училище (пгт Никита, ул. Никитский спуск, рядом с домом № 8)²⁰⁸.

Храм во имя Святого Юрия на г. Ай-Йори с некрополем на поселении VIII(?)–X вв., зарисованный Д.М. Струковым во второй половине XIX в.²⁰⁹,

²⁰⁵ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории Ялтинского городского совета АР Крым в 2010 г. С. 6. Рис. 1–3, 21–24.

²⁰⁶ Мальгин А.В. Из наследия... С. 157.

²⁰⁷ Журба О.І. Перше історичне дослідження у Катеринославі: матеріали до історії формування субрегіонального історіографічного середовища // Південна Україна XVIII–XIX століття. Вип. 7. Запорожье, 2003. С. 265–270 (здесь: С. 268).

²⁰⁸ См.: Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С. 4; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 44; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 76–77.

²⁰⁹ Лазарь (Швец Р.Ф.). Священный образ Тавриды... С. 461.

был выявлен в 2013 г. при строительстве частного домовладения (Рис. 9, 2). В срезе строительного котлована на ул. Никитский спуск, д. 27, обнаружены: остатки более 2 плитовых могил, развалы черепицы VIII(?)–XIII(?) вв. (керамид и калиптеров), обломки туфовых деталей, следы известкового раствора. В отвалах грунта имеются фрагменты костей и отдельные редкие фрагменты амфор причерноморского типа IX–X вв.²¹⁰

Судя по рисункам Д.М. Струкова, а также информации, приведенной у А.Л. Бертъе-Делагарда, храм представлял собой прямоугольную в плане постройку с одной полукруглой апсидой и входом в западной стене у северо-западного угла²¹¹. В 2015 г. холм с храмом и могилами были полностью залиты бетоном при строительстве, без археологического исследования²¹².

В западной части современного пгт Никита на территории Никитского ботанического сада, на северных его окраинах, в 1989 г. выявлен целый комплекс археологических объектов: два разновременных поселения IX–X и XI–XV вв., гончарный центр VIII–X вв., остатки храма с плитовым могильником XI(?)–XV вв. общей площадью около 5 га²¹³ (Рис. 9, 4). Археологические объекты расположены в 400 м ниже трассы Алушта—Ялта, вблизи остановки «Ботаническое», на одной из террас опытного участка Никитского ботанического сада, на скалистом водораздельном холме между оврагами Цакла (на западе) и Папайора (Папаки-Юри) (на востоке). Последний берет свое начало севернее, в урочище Ай-Ян-Су.

Исследования 1989 г. произведены отрядом Горно-Крымской экспедицией ИА АН СССР под руководством Е.А. Паршиной²¹⁴. Наиболее хорошо сохранился могильник, расположенный на относительно ровной, выделяющейся в рельефе площадке размером 70 x 90 м площадью около 800 м². С южной и западной сторон площадка ограничена откосами, с востока — грунтовой дорогой, с севера — искусственной вертикальной бровкой высотой около 5 м²¹⁵. Некрополь состоит из 20 плитовых могил, содержащих одиночные или групповые захоронения XIV–XV вв.²¹⁶

²¹⁰ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 78–81.

²¹¹ Лазарь (Швец Р.Ф.). Священный образ Тавриды... С. 461; Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С. 4; Мальгин А.В. Из наследия... С. 157.

²¹² Турова Н.П. Византийские храмы... С. 78–81.

²¹³ См.: Паршина Е.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Государственного Никитского Ботанического Сада в 1989 г. Киев, 1990. / НА ИАК РАН. Инв. КН. 2. Инв. № 241. Папка 534. С. 6, 17. Рис. 2, 3, 96–104; Паршина А.Е., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев, 2001. С. 52–81 (здесь: С. 63); Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. Магнитометрическое изучение гончарных пещей средневековой Таврики / Под ред. В.И. Чижика. СПб., 2000. С. 120.

²¹⁴ Паршина Е.А. Отчет...; Паршина А.Е., Тесленко И.Б. Зеленко С.М. Гончарные центры... С. 63.

²¹⁵ Паршина Е.А. Отчет... С. 5–6.

²¹⁶ Там же. С. 6, 17. Рис. 2, 3, 96–104.

С западной стороны могильник примыкал к храму, от которого ко времени исследования сохранился только северо-западный угол²¹⁷. Отрезок западной стены шириной 0,65 м сохранился на 3 м длины в один ряд камней. Северная стена постройки — 1,65 м длиной в один ряд камней. Стены храма были сложены на извести²¹⁸.

Под остатками храма открыта прямоугольная постройка IX–X вв., стены которой сложены на глине. Внутренние размеры постройки — 3,6 x 1,4 м²¹⁹. Постройка принадлежала, видимо, поселению, остатки которого прослеживались и ниже по восточному склону возвышенности. При неоднократном террасировании местности в 1956, 1964 гг. поселение было в значительной степени уничтожено. По подъемному материалу оно датируется IX–X, XIV–XV вв.

В северо-западной части исследуемой территории с помощью геомагнитной разведки обнаружена гончарная печь для обжига плинфы и черепицы²²⁰. От гончарного горна сохранилась только топочная камера. В плане она квадратная (2,30 x 2,30 м), ориентирована устьем на запад, с одним продольным и четырьмя парами поперечных каналов. Сложена из сырцового кирпича. Керамический материал немногочисленный: фрагменты керамид, мелкие обломки столовой посуды VIII–X вв.²²¹

На территории Никитского сада в 20–30-х гг. XX в. были проведены визуальные археологические разведки Е.И. Висниовской, на данный момент не локализованы²²². На тропе, ведущей через Нижний Никитский сад к морю, среди можжевельника ею были зафиксированы остатки кладки, «сложенной на извести», и обломки туфа, собран подъемный материал, в частности — фрагменты черепицы с загнутым краем и обломки раковин мидий. Е.И. Висниовская называет открытый ею объект «местом древнего поселения»²²³. Судя по описанию, ею были обнаружены, по-видимому, остатки средневекового христианского храма. Пункт не локализован. Неизвестно и местонахождение средневековой могилы, выявленной в сентябре 1975 г. на территории Никитского ботанического сада, обследованной заведующим отделом истории советского общества Ялтинского музея В.А. Колпаковым (Акт № 517 от 27.II.1976). Найдены: фрагментированная поливная чаша XII–XIV вв. и кувшинчик²²⁴.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же. С. 18.

²²¹ Там же. С. 112; *Паршина А.Е., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарные центры... С. 63.

²²² *Турова Н.П.* Археологическая карта... С. 327–328.

²²³ Там же. С. 327. № 41; *Турова Н.П.* Византийские храмы... С. 87.

²²⁴ Там же.

В результате осмотра в 2020 г. территории Никитского ботанического сада, включая мыс Монтодор, подъемный материал собран лишь в верхней части сада, в районе административного здания вблизи выставочного участка (хризантемы, тюльпаны) и «зеленого лабиринта». Археологический материал представлен фрагментами керамических изделий конца XIX – первой половины XX в. и единичными обломками средневековой керамики²²⁵.

П.И. Кёппен в 1837 г. в своей работе «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» описывает и дает первые планы крепостей Рускофиль-Кале на мысе Никитском (мыс Мартъян) и Паликастер (Поликастр), расположенных в окрестностях пгт Никиты²²⁶. Укрепление Паликастер (Поликастр), по свидетельству П.И. Кёппена, занимающее в плане не более «сотни шагов», находится на остроконечной скале, правее «большой дороги <...> ведущей из деревни Никиты в Магарац»²²⁷.

Укрепление Палеокастрон (Палеокастер, Паликастер Поликастр, Палеокастр) располагается на обрывистой скале в 0,5 км к северо-западу от границ пгт Никита в 0,20 км к северу от Южнобережного шоссе (Рис. 9, 5).

По типологии В.Л. Мыца, оно является сторожевой крепостью X–XIII вв.²²⁸ С северо-западной (напольной) стороны скалистой возвышенности установлена оборонительная стена, сложенная из бута на песчано-известковом растворе. Общая протяженность стены около 20 м. Куртина отгораживала небольшую площадку, на которой размещались внутри крепостные постройки (размер защищенной территории 28 x 12 м)²²⁹. Л.В. Фирсов выделяет две куртины боевой стены укрепления²³⁰. В окрестностях укрепления встречаются обломки «керамики с красным и оранжевым черепком — амфор, тонкостенных кувшинов, кувшинчиков, чашек, мисок...»²³¹. Специальные археологические исследования в укреплении и на близлежащей территории не проводились.

Нижнее укрепление — «Рускофиль-Кале» — находится на побережье, на мысе Мартъян (Рис. 9, 6). Его оборонительная стена, сложенная из бута на известковом растворе, отгораживает с напольной (северной) стороны площадку размером 15 x 30 м. Толщина каменной стены 1,1–1,2 м, она сохранилась на высоту 1–1,3 м. Протяженность куртины — 32 м²³².

²²⁵ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории городских округов Ялта, Алушта Республики Крым в 2019–2020 гг... С. 37. Рис. 137.

²²⁶ Кёппен П.И. О древностях... С. 177–181.

²²⁷ Там же. С. 179–180.

²²⁸ Мыц В.Л. Укрепления... С. 145. Рис. 1, 51; 28, 3.

²²⁹ Там же. С. 145.

²³⁰ Фирсов Л.В. Исары... С. 172.

²³¹ Там же. С. 174.

²³² Мыц В.Л. Укрепления... С. 146.

С XIX в. древние руины на скале отождествляют то с крепостью, то с остатками укрепленного монастыря Рускофиль-Кале. Местные жители-татары в XIX в. уверяли П.И. Кёппена, что на вершине скалы «крепости не было, а есть следы прежде бывшего монастыря»²³³. Вслед за П.И. Кёппеном, в начале XX в. А.Л. Бертъе-Делагард видел на вершине мыса остатки укрепления: на восточном фланге обороны — круглую башню, на западном — прямоугольную, поставленную на самой высокой точке мыса, занимающую господствующее положение в обороне крепости²³⁴. К культовому характеру построек на мысе Мартьян склонялся и Л.В. Фирсов²³⁵. По мнению В.Л. Мыца, прямоугольная башня могла являться крепостной часовней²³⁶. Ее размеры 3,5 x 6 м, ориентирована она продольными стенами на северо-восток. Само укрепление В.Л. Мыц определял как замок и датировал его XIII–XIV вв.²³⁷

Впервые археологические исследования на укреплении «Рускофиль-Кале» были проведены в 2009 г. Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедицией Крымского филиала Института археологии НАНУ (руководитель С.Г. Бочаров). Три разведочных шурфа были заложены на территории укрепления с внутренней стороны оборонительной стены для уточнения датировки памятника. В результате этих работ был получен археологический материал второй половины XII–XIII вв. В каменных завалах и культурных напластованиях мощностью 0,5–2,7 м найдены единичные фрагменты черепиц, обломки стенок красноглиняных сосудов и красноглиняных амфор (типы Трилия и Трапезунд)²³⁸. Один из шурфов 2009 г. был заложен на руинах «прямоугольной башни». Судя по результатам осмотра этой структуры (площадью, судя по развалу стен, около 361 м²), идентифицировать прямоугольное строение как «храм» или «крепостную часовню» затруднительно²³⁹. Форма постройки мало напоминает прямоугольник, ее конфигурация больше похожа на треугольник, изображенный на схеме Л.В. Фирсова и определенный как «ортогональное сопряжение двух стен»²⁴⁰. Обломков туфовых архитектурных деталей, обычных на руинированных христианских культовых зданий Южного берега Крыма, здесь не найдено. Среди камней известняка в каменных развалах можно увидеть лишь отдельные песчаниковые плиты²⁴¹.

²³³ Кёппен П.И. О древностях... С. 178.

²³⁴ Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С. 80–81.

²³⁵ Фирсов Л.В. Исары... С. 180.

²³⁶ Мыц В.Л. Укрепления... С. 145–146.

²³⁷ Там же. С. 145. Рис. 22:5.

²³⁸ Бочаров С.Г., Новиченкова Н.Г., Горбунов В.И. Исследования... С. 41.

²³⁹ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории городских округов Ялта, Алушта Республики Крым в 2019–2020 гг... С. 32–35.

²⁴⁰ Фирсов Л.В. Исары... С. 182. Рис. 52.

²⁴¹ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 86.

В июле—сентябре 2012 г. в рамках Договора о сотрудничестве между НБС-ННЦ НАНУ и Государственным морским университетом имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (Крымский филиал) были проведены археологические разведки под руководством преподавателя университета А.В. Черкасова — по-видимому, с помощью металлодетектора, — в результате которых был обнаружен ценный материал²⁴². Им же были проведены археологические сборы в 2006 г. Среди находок, сделанных в 2012 г. А.В. Черкасовым, фибулы и перстни первых веков нашей эры²⁴³, лировидные пряжки, нательные кресты из медного сплава с выемчатой эмалью XI–XII вв.²⁴⁴ — индивидуальные находки, которые представляют огромный научный интерес для данного объекта²⁴⁵. Результаты этих работ послужили поводом для визуального осмотра объекта археологического наследия в 2019–2020 гг. На территории крепости видны контуры шурфов 2009 г., каких-либо других перекопов не выявлено. Отдельные фрагменты керамических изделий встречаются на укреплении и на юго-западном склоне скалы. Подъемный материал единичный, всего обнаружено 8 обломков красноглиняных черепиц-керамид VIII(?)–XIII вв., фрагменты амфор с внутренней бугристой поверхностью (класс 52 по ХК–95) XIII–XIV вв., единичные осколки красноглиняной столово-кухонной посуды XIII–XV (?) вв.²⁴⁶

Casale de Gorzovi (пгт Гурзуф) связывают с укреплением на берегу моря на скале Джаневез-Кая — Горзувиты²⁴⁷.

Первое упоминание о Гурзуфе относится к VI в.: мы находим его в трактате «О постройках» Прокопия Кесарийского²⁴⁸. В XII в. у Мухаммада аль-Идриси (1100–1165) место это названо Гарурой, в XIV в. в списке населенных пунктов, переданных татарами генуэзцам, значится Орзувиум. Затем генуэзцы называли этот пункт Горзониум. Иосафат Барбаро (1413–1494), венецианский негодант и дипломат, именует его Гразуи. А побывавший в нем около 1468 г. Афанасий Никитин (?–1475) — Ткързов. В XVIII в. татары стали называть это место Гурзуф, а на картах значился

²⁴² Черкасов А.В. Предварительные итоги рекогносцировочного историко-культурного изучения полифункционального археологического комплекса Рускофиль-Кале // Научные записки природного заповедника «Мыс-Мартыан». 2012. Вып. 3. С. 6–22.

²⁴³ Там же. С. 17. Рис. 10, 11.

²⁴⁴ Там же. С. 19. Рис. 14; С. 20. Рис. 16.

²⁴⁵ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 85.

²⁴⁶ Турова Н.П. Отчет об археологических разведках на территории городских округов Ялта, Алушта Республики Крым в 2019–2020 гг... С. 32–35.

²⁴⁷ Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 188–189; Джанов А.В. Казалии... С. 298–299.

²⁴⁸ Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П.Кондратьева // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 203–283 (здесь: С. 245).

Рис. 10. План местечка Урзова 1775 г., составленный генералом-инженером Михаилом Ивановичем Мордвиновым (1730–1782)

залив Киурсуф²⁴⁹. А.Л. Бертъе-Делагард относил название селения Гурзуф к топонимам неизвестного происхождения²⁵⁰.

Согласно переписи Кефинского санджака 1520 (1529) гг. в деревне Гурзуф (Курзуф, Гурзы), входящей в состав Мангупского кадылыка, числилось христиан — дворов семейных 150, дворов вдов 2, жителей 758. По переписи 1542 (1545) гг.: мусульман — дворов семейных 4, жителей 20; христиан — дворов семейных 116, дворов холостых 61, дворов вдов 18, жителей 622²⁵¹. По переписи 1634–1635 гг. в деревне дворов христиан — 140²⁵².

²⁴⁹ Фирсов Л.В. Исары... С. 152.

²⁵⁰ Бертъе-Делагард А.Л. Исследование... С.18.

²⁵¹ См.: Fisher A. The Ottoman Crimea... P. 155, 165; Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 740.

²⁵² Ефимов А.В. Османский реестр... С. 225.

Деревня Юрзуф Мангупского кадылыка упоминается в фирмане 1774 г. Крымского хана Шахин-Гирея среди населенных пунктов, прежде принадлежавших Османскому султану и перешедших в состав Крымского ханства²⁵³. В ведомости А.В. Суворова от 18 сентября 1778 г. среди населенных пунктов (откуда были выведены христиане в Приазовье), упоминается деревня Гурзы. Из деревни были переселены 28 дворов, состоящих из 82 человек и священника из церкви Святого Архангела Михаила²⁵⁴.

На плане местечка Урзова 1775 г., составленном генералом-инженером Михаилом Ивановичем Мордвиновым (1730–1782)²⁵⁵, деревня расположена северо-западнее укрепления Гурзувиты, у юго-западного подножия возвышенности Болгатур. На плане показана «турецкая мечеть» и «греческая церковь», видимо, Святого Архангела Михаила (Рис. 10). На военно-топографической карте Крыма 1817 г. генерала-майора С.А. Мухина деревня Гурзуф обозначена с 21 двором. Исследователи выделяют 4 историко-хронологических периода — укрепления, которые связаны с существованием поселения у его подножия.

В VI–VIII и X–XII вв. Горзувиты — византийская приморская крепость, в XIII в. — феодальный замок, в конце XIV–XV в. на укреплении базируется генуэзская фактория, а в XVI–XVII вв. — турецкий сторожевой форт²⁵⁶.

Крепость состояла из цитадели (50 x 55 м) и внешнего оборонительного пояса, защищавшего часть поселения, примыкавшего к скале²⁵⁷ (Рис. 11, 1). Площадь укрепления — 0,059 га. Наибольшие размеры крепостной площадки — примерно 15 x 37,5 м. Протяженность крепостных стен — около 91 м при толщине от 0,5 до 4 м²⁵⁸. На скале О.И. Домбровский выделены три естественные площадки, названные им Верхней, Северной и Средней. Две из них — Северная и Средняя — объединены в один комплекс, включающий в себя единственную на укреплении прямоугольную башню и семь куртин. Самое высокое и труднодоступное место крепости, тоже укрепленное двумя куртинами, — Верхняя площадка (площадь — 0,019 га, наибольший размер — 6,4 x 24 м), где были открыты остатки крепостного храма и цистерна для воды²⁵⁹.

²⁵³ Паллас П.С. Наблюдения... С. 158.

²⁵⁴ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма... С. 741.

²⁵⁵ Один экземпляр хранится в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова в Санкт-Петербурге (МС КП 3441/23 Г-693, Госкаталог 18545866).

²⁵⁶ Мыц В.Л. Укрепления... С. 46. Рис. 1, 33; 8, 2. Фото 4, 5.

²⁵⁷ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 13.

²⁵⁸ Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 188–189.

²⁵⁹ См.: Домбровский О.И. Крепость в Гурзувитах. Симферополь, 1972. С. 90; Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 3; Мыц В.Л. Укрепления... С. 146; Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии... С. 188–189; Бочаров С.Г. Средневековые храмы Гурзуфа // Казанская наука. 2014. № 11. С. 26–32; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 48; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 31–35.

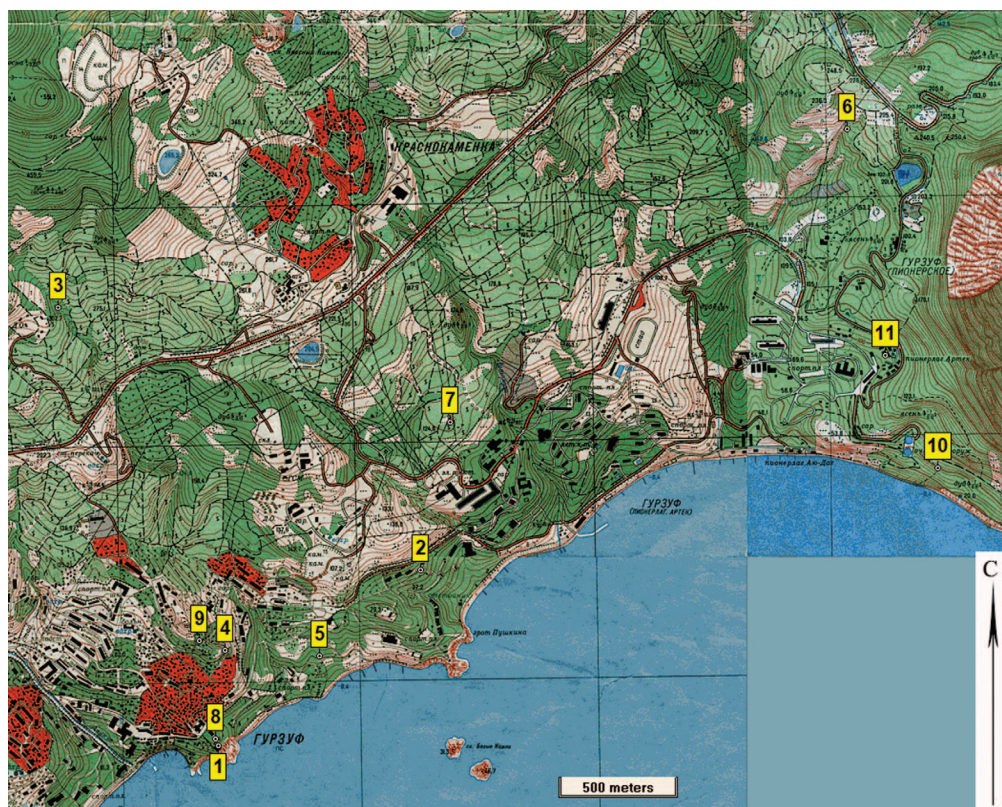

Рис. 11. Археологические объекты селения Горзониум – Гурзуф (cazalia Gorzonium).

1. Укрепление Горзувиты VI–XVII вв.
2. Раннесредневековый могильник «Суук-Су»
3. Раннесредневековый могильник «Гугуш»
4. Раннесредневековый могильник «Бал-Гота»
5. Раннесредневековый могильник «Гурзуфиты»
6. Раннесредневековый могильник «Артек I»
7. Раннесредневековый могильник «Артек II»
8. Местонахождение крестово-купольного храма XII–XIV вв.
9. Местонахождение храма IX–XIII вв. (?) с прилегающим к нему могильником.
10. Укрепленное поселение VIII (?) по XV в.
11. Остатки неукрепленного поселения поздневизантийского периода

С началом византийского периода укрепления на скале Джаневез-Кая, связаны находки раннесредневековых могильников VI–VIII вв., обнаруженные в Гурзуфской котловине еще в XIX в.²⁶⁰ Могильники

²⁶⁰ См.: Харузин А.Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на Южном берегу Крыма). М., 1890; Репников Н.И. Некоторые могильники... С. 1–80; Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готв. Часть II // Записки Одесского общества истории и древностей. 1906. Т. 27. С. 101–148; Репников Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байддарской долине в 1907 году // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 30. 1909. С. 105–111.

принадлежали «населению области Дори» — «крымским готам», являвшимся федератами Византийской империи²⁶¹. Всего найдено в Гурзуфской котловине 6 подобных некрополей («Суук-Су», «Гугуш», «Бал-Гота» (Балготур), «Гурзувиты», «Артек I», «Артек II»)²⁶² (Рис. 11, 2–7).

Раннесредневековые некрополи «Суук-Су», «Гурзувиты», «Бал-Гота» расположены на побережье северо-восточнее укрепления Джаневез-Кая, в окрестностях застроенной ул. Ленинградской и на территории лагерей «Кипарисный» и «Лазурный» МДЦ «Артек» (Рис. 11, 2, 4, 5). Здесь разведками и раскопками середины XX в.²⁶³, первой четверти XXI в.²⁶⁴ выявлены и исследованы культурные отложения, относящиеся к поселенческим структурам, где преобладают керамический материал IX–XI–XIII вв.

На территории данных некрополей зафиксированы христианские храмы, построенные не ранее IX в. со следами перестроек в более

²⁶¹ Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, 2017.

²⁶² См.: Турова Н.П. Находки из некрополей... С. 231; Мاستыкова А.В. Горзувиты в византийское время (VI–XIII вв.) // Византийское наследие в Крыму: Материалы круглого стола, приуроченного к 570-летию падения Византии / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2023. С. 57–62 (здесь: С. 58–59).

²⁶³ Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1954. Т. 53. С. 109–120; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. № 168. С. 23–24.

²⁶⁴ См.: Манаев А.Ю., Турова Н.П. Археологические исследования на посаде крепости Горзувиты в 2017 г. // XI Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 147–154; Мастыкова А.В. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялтинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А.В. Энговатова. [Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 25]. М., 2018. С. 186–191; Мастыкова А.В. Археологические раскопки 2017–2018 гг. средневекового храма и могильника в Горзувитах // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. Т. 2. М., 2019. С. 378–395; Мастыкова А.В. Средневековый памятник Горзувиты на Южном берегу Крыма: исследования 69 лет спустя // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 260. С. 407–427; Мастыкова А.В. О византийском облике поселения Горзувиты на Южном берегу Крыма // XIV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис / Сост. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2022. С. 155–164; Мастыкова А.В. Горзувиты в византийское время (VI–XIII вв.) // Византийское наследие в Крыму: Материалы круглого стола, приуроченного к 570-летию падения Византии / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2023. С. 57–62.

позднее время с грунтовыми и плитовыми погребальными сооружениями²⁶⁵.

У северо-западного подножия цитадели на скале Дженевет-Кая в конце XIX в. Д.М. Струков зафиксировал развалины трехапсидного храма XII–XIV вв. с плитовым могильником на поселении²⁶⁶ (Рис. 11, 8).

В 2009 г. на вершине скалы Балгатур на ул. Виноградской в строительной траншее для прокладки кабеля были обнаружены следы разрушенного при строительстве археологического объекта — предположительно, средневекового христианского храма IX–XIII вв. (?) с прилегающим к нему могильником²⁶⁷ (Рис. 11, 9).

Культурные слои и объекты, синхронные селению Горзониум, упомянутые в массариях Кафы XIV–XV вв. расположены в восточной части пгт Гурзуф, на юго-западном плече г. Аю-Даг и у его подножия, на территории МДЦ «Артек».

Первый пункт — укрепленное поселение, находящееся около очистных сооружений МДЦ «Артек», вдоль западных склонов Аю-Дага. Поселение исследовалось в 1963 г. О.И. Домбровским (Рис. 11, 10). В процессе работ выяснилось, что поселение существовало с VIII (?) по XV в. Его иррегулярная планировка обусловлена рельефом местности. Границами памятника служат с юга — берег моря, с востока — обрывы Аю-Дага. С северо-запада оно было защищено оборонительной стеной шириной 2,8 м. В развалах стены найдены листовидные наконечники стрел. Зафиксированы остатки 50 домов разной величины. Площадь наиболее крупных — до 27 м². Стены строений сложены из обломков диабаз на глине и оштукатурены. Судя

²⁶⁵ См.: Щепетов В.А. Гурзуф на Южном берегу Крыма и его лечебные средства. Одесса, 1890. С. 16; Репников Н.И. Некоторые могильники... С. 38–39; Репников Н.И. Некоторые могильники... С. 122–123; Якобсон А.Л. Разведочные раскопки... С. 109–120; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 49–51; Мاستыкова А.В. Раскопки в 2017 году храма в Горзувитах: первые результаты // Археология средневекового храма / Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 47–49; Мастыкова А.В. О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации / Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь, 2018. С. 292–298; Мастыкова А.В. Горзувиты в византийское время... С. 58; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 39–47.

²⁶⁶ См.: Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 36; Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 3; Бочаров С.Г. Средневековые храмы Гурзуфа // Таврические духовные чтения: Материалы Международная научно-практическая конференция, посвященная 140-летию создания Таврической духовной семинарии / Главный редактор протоиерей Дмитрий Гоцкалюк. Т. 2. Симферополь, 2013. С. 413–420; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 47; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 36–38.

²⁶⁷ Турова Н.П. Византийские храмы... С. 48–49.

по толщине стен (90–105 см), отдельные постройки могли быть двухэтажными.

На территории поселения открыты остатки железоделательных мастерских. Обилие костей рыб и раковин морских моллюсков, а также остатки рыболовных снастей (крючки, грузила и пр.) и элементов оснащения лодок (якорь, скобы) свидетельствуют о значительной роли морских промыслов в жизни местного средневекового населения. На поселении найдена золотая монета византийских императоров Василия и Константина (869–879)²⁶⁸.

В юго-западной части поселения в 1998 г. локализован однефный (?) храм (VIII–IX–XIV), а в 2012 г. он был частично исследован И.Б. Тесленко и Д.Ю. Алядиновой²⁶⁹.

Второй пункт — остатки крупного неукрепленного поселения поздне-византийского периода на территории МДЦ «Артек», в районе дома № 8 на ул. Гайдара, в урочище Артек, выявленного в 2016 г. Горно-Крымской экспедицией Института археологии Крыма (руководитель В.В. Майко)²⁷⁰ (Рис. 11, 11). Возможно, в данном районе, в бывшем селении Артек, находился храм, описанный Д.М. Струковым в 1876 г.²⁷¹ Судя по опубликованному рисунку, художник видел прямоугольную в плане постройку с одной выступающей апсидой. Среди развалин зафиксированы следы алтарной преграды, имеющей в центре один вход. В алтарной части храма стоял престол, отделенный от внутренней стены апсиды некоторым расстоянием. Он представлял собой камень, «имеющий вверху впадину круглой формы», поверх которой «накладывалась каменная плита»²⁷². Жертвенник, выложенный из тесаного камня, расположен в алтаре у северной стены храма между алтарной преградой и выступающим внутренним углом плечика апсиды. У южного угла апсиды находилось седалище для священнослужителей²⁷³.

²⁶⁸ Домбровский О.И. Средневековые поселения... С. 8.

²⁶⁹ См.: Тесленко И.Б., Лысенко А.В. К вопросу о локализации средневековых храмовых комплексов на г. Аю-Даг // Историко-географічні дослідження в Україні. 2003. № 6. С. 114–135 (здесь: С. 123–124); Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Исследования на юго-западном склоне горы Аю-Даг // АДУ в 2012 р. 36 наук. Киев; Луцк, 2013. С. 7–8; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 57; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 58.

²⁷⁰ Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Майко В.В., Семин С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножия г. Аю-Даг (Южный Крым) // Известия археологической комиссии. 2017. № 5. С. 172–196, 242–285.

²⁷¹ См.: Струков Д.М. Древние памятники... С. 35; Щепетов В.А. Гурзуф... С. 111; Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви... С. 286. № 55; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 52–55.

²⁷² Струков Д.М. Древние памятники... С. 35.

²⁷³ Струков Д.М. Древние памятники... С. 35; Турова Н.П. Византийские храмы... С. 52–55.

В работе представлены археологические объекты и поселенческие структуры, связанные с топографией девяти приморских поселений Южного берега Крыма, входящих в казалии Готии, известных по данным массарий, — казначейских книг Каффы 80 гг. XIV в. Появившиеся еще в раннем средневековье, они сохранились до сегодняшнего времени.

References

- Aibabin A.I., Hairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.) [Crimean Goths of the Country of Dori (mid-3rd–7th century)]*. Simferopol, 2017 (in Russian).
- Beilis, V.M. “Al-Idrisi o portakh chernomorskogo poberezh’ia i svyazyakh mezhdu nimi [Al-Idrisi on the Ports of the Black Sea Coast and the Connections Between Them].” In *Torgovl’a i moreplavanie v basseine Chernogo mor’a v drevnosti i srednie veka*. Rostov-na-Donu, 1988 (in Russian).
- Bocharov S.G. “Kastropulo. Isar, ktorogo ne bylo? [Kastropoulo. Hissar, that was not?].” In *XVI Dmitrievskie chteniia (7–8 oktyabrya 2021 goda): istoriia Yuzhnogo berega Kryma. Sbornik nauchnykh statei*, compil. by E.A. Moskatova, L.A. Lisovaia. Yalta, 2022. P. 27–29 [in Russian].
- Bocharov, S.G. “The Reasons of the Conflict Between the Church Authorities of Cherson, Sougdea-Foul, Gothian Metropolies for the Parishes of the Southern Coast of the Crimea (Second Half of the 14th Century).” *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Religiovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* 22/5 (2017). P. 46–55 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “Istoricheskaiia geografiia krymskikh territorii Genuezhskoi Gazarii (1275–1475 gg.) [Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275–1475)].” In *Genuezhskaia Gazariia i Zolotaiia Orda*, ed. by S.G. Bocharov, A. Sitdikov. Vol. 2. Kazan; Kishinev, 2019. P. 741–770 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “K voprosu o granitsakh khersonskoi mitropolii v XIII–XV vv. [On the Issue of the Boundaries of the Kherson Metropolitanate in the 13th–15th Centuries.].” In *Vizantiiskoe nasledie v Krymu: Materialy kruglogo stola, priurochennogo k 570-letiiu padeniia Vizantii*, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Iu. Yashaeva. Simferopol, 2023. P. 9–12 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “Opisanie srednevekovykh khramov Yuzhnogo Berega Kryma v “Sbornike Gavriila” [Description of Medieval Churches of the Southern Coast of Crimea in the “Collection of Gabriel”].” In *Kul’tovye pam’atniki v mirovoi kul’ture: arkheologicheskii, istoricheskii i filosofskii aspekty. Tezisy dokladov i soobshchenii*. Sevastopol, 2003. P. 11–12 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “Pervye arkheologicheskie issledovaniia na territorii srednevekovo seleniia Jalita (Yalta) v 2010 g. [The First Archaeological Research on the Territory of the Medieval Village of Yalita (Yalta) in 2010].” In *Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi. Materialy II Mezhdunarodnogo Bolgarskogo*

- foruma. Arkheologiia evraziiskikh stepei*, ed. by F.Sh. Khuzin. Issue 17. Kazan, 2013. P. 30–43 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “Srednevekovye khramy Gurzufa [Medieval Churches of Gurzuf].” *Kazanskaia nauka* 11 (2014). P. 26–32 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “Srednevekovye khramy Gurzufa [Medieval Churches of Gurzuf].” In *Tavricheskie dukhovnye chteniia: Materialy. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferenciia, posv’ashchennaia 140-letiiu sozdaniia Tavricheskoi dukhovnoi seminarii*, ed. by D. Gotskal’uk. Vol. 2. Simferopol, 2013. P. 413–420 (in Russian).
- Bocharov, S.G. “Zametki po istoricheskoi geografii Genuezskoi Gazarii XIV–XV vv. Yuzhnyi bereg Kryma [Notes on the Historical Geography of the Genoese Gazaria of the 14th–15th Centuries. The Southern Coast of Crimea].” In *“O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh”: Sbornik nauchnykh trudov (po materialam konferentsii v chest’ 210-letiiu so dn’a rozhdeniia Petra Ivanovicha K’oppena)*. Kiev, 2004. P. 186–200 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. “Mediaeval Churches of the South Bank of Crimea (Materials to the Archaeological Map).” *Dobrudzha* 32 (2017). P. 279–304 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Novichenkova, N.G., and Gorbunov, V.I. “Issledovaniia Vostochno-Krymskoi (Feodosiiskoi) ekspeditsii v 2009 g. [Research of the East Crimean (Feodosia) expedition in 2009].” *Arkheologichni doslidzhenn’a v Ukraini*, ed. by D.N. Kozak. Kiev; Luts’k, 2010. P. 41 (in Russian).
- Cherkasov, A.V. “Predvaritel’nye itogi rekognosirovochnogo istoriko-kul’turnogo izucheniia polifunktsional’nogo arkheologicheskogo kompleksa Rusko-fil’-Kale [Preliminary Results of the Reconnaissance Historical and Cultural Study of the Multifunctional Archaeological Complex Ruskophil-Kale].” *Nauchnye zapiski prirodnogo zapovednika “Mys-Mart’ian”* 3 (2012). P. 6–22 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. “Srednevekovyi khram v Massandre [A Medieval Church in Massandra].” In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* Kiev, 1968. P. 70–74.
- Dombrovskii, O.I. *Krepost’ v Gurzuvitakh [Fortress in Gurzuviata]*. Simferopol, 1972 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. *Srednevekovye poseleniia i «Isary» Krymskogo Iuzhnoberezh’ia [Medieval Settlements and “Hissars” of the Crimean South Coast]*. Kiev, 1974.
- Dzhanov, A.V. “The Tatar-Genoese Treaties of 1380 and 1381.” *Zolotoordynskoe obozrenie* 8/4 (2020). P. 675–713 (in Russian).
- Dzhanov, A.V. “Villages (casalia) of Soldaia and Gothia According to the Books of Caffas’ massaria.” *Istoriia i arkheologiia Kryma* 5 (2017). P. 286–339 (in Russian).
- Efimov, A.V. *Osmanskii reestr zemel’nykh vladenii Yuzhnogo Kryma 1680-kh godov [Ottoman Register of Land Holdings in Southern Crimea from the 1680s]*. Issue 3. Moscow, 2021.
- Erysh, I.F., and Salomatin, V.N. *Opolzni Kryma [Landslides in Crimea]*. Part 1. Simferopol, 1999.

- Firsov, L.V. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma [Hissars: Essays on the History of Medieval Fortresses of the Southern Coast of Crimea]*. Novosibirsk, 1990 (in Russian).
- Fisher, A. "The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century." *Harvard Ukainian Studies* 5/2 (1981). P. 135–170.
- Golenko, A.I. "Nikita, Sikita osmanskogo vremeni [Nikita, Sikita of the Ottoman Period]." *Istoricheskoe nasledie Kryma* 8 (2004). P. 79–91 (in Russian).
- Gorchakova, E.S. *Vospominaniia o Kryme [Memories of Crimea]*. Simferopol, 2008 (in Russian).
- Karpov, S.P. "Drevn'aia Rus' i Prichernomor'e v XIII–XV vv. Rezul'taty novykh arkhivnykh izyskanii [Ancient Rus and the Black Sea Region in the 13th–15th Centuries. Results of New Archival Research]." *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* 83/6 (2013). P. 508–511.
- Kirilko, V.P. "Arkhiteturnye migratsii srednevekovogo Kryma: odnonefnye khramy iuzhnoberezhnoi chasti poluostrova [Architectural Migrations of Medieval Crimea: Single-Nave Churches of the Southern Coastal Part of the Peninsula]." *Stratum plus* 6 (2020). P. 129–152 (in Russian).
- Kirilko, V.P. "Khramy Panea [Churches of Panea]." In *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XVI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar (Sevastopol, 24–28 maya 2024 g.). Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2024. P. 137–144 (in Russian).
- Kokovtsev, P.K. "Otvetnoe pis'mo khazarskogo tsar'a Iosifa soglasno prostrannoi redaktsii [Reply Letter of the Khazar King Joseph According to the Extended Version]." In *Evreisko-khazarskaia perepiska v X veke*. Moscow, 1932. P. 89–112 (in Russian).
- Kondrat'ev, S.P., transl. "Prokopii Kesariiskii. O postroikakh [Procopius of Caesarea. On Buildings]." *Vestnik drevnei istorii* 4 (1939). P. 203–283 (in Russian).
- Krasnolutskii, A.Iu. *Yuzhnyi bereg Kryma: Istorii imenii i dach s 1783 po 1920 god [Southern Coast of Crimea: History of Estates and Dachas from 1783 to 1920]*. Saint-Petersburg, 2020 (in Russian).
- Makhneva, O.A. "O plitovykh mogil'nikakh srednevekovogo Kryma [About the Slab Burial Grounds of Medieval Crimea]." In *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*. Kiev, 1968. P. 155–168 (in Russian).
- Makhneva, O.A. "Srednekovye pam'atniki na poberezh'ie ot Laspi do Golubogo Zaliva [Medieval Monuments on the Coast from Laspi to Blue Bay]." In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* Kiev, 1968. P. 53–57 (in Russian).
- Mal'gin, A.V. "Iz nasledii A.L. Bert'ie-Delagarda [From the Legacy of Bertier-Delagarde]." *Krymskii muzei* 1 (1994). P. 151–169 (in Russian).
- Manaev, A.Iu., and Turova, N.P. "Arkheologicheskie issledovaniia na posade kreposti Gorzuvity v 2017 g. [Archaeological Research at the Gorzuviti Fortress Settlement in 2017]." In *VI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i polis*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2019. P. 147–154 (in Russian).

- Mastykova A.V. “O vizantiiskom oblike poseleniia Gorzuvity na Iuzhnom beregu Kryma [On the Byzantine Appearance of the Settlement of Gorzuvita on the Southern Coast of Crimea].” In *XIV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar XEPΣΩNOC ΘEMATA: Imperiia i polis*, comp. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2022. P. 155–164 (in Russian).
- Mastykova, A.V. “Arkheologicheskie raskopki 2017–2018 gg. srednevekovogo khrama i mogil’nika v Gorzuvitakh [Archaeological Excavations 2017–2018 of the Medieval Temple and Burial Ground in Gorzuvita].” In *Krym-Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.*, ed. by S.Iu. Vnukov, O.V. Sharov. Vol. 2. Moscow, 2019. P. 378–395 (in Russian).
- Mastykova, A.V. “Gorzuvity v vizantiiskoe vrem’a (VI–XIII vv.) [Gorzuvita in Byzantine Times (6th–13th Centuries)].” In *Vizantiiskoe nasledie v Krymu: Materialy kruglogo stola, priurochennogo k 570-letiiu padeniia Vizantii*, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Iu. Yashaeva. Simferopol, 2023. P. 57–62 (in Russian).
- Mastykova, A.V. “O vizantiiskom khrame v Gorzuvitakh: raskopki 2017 g. [About the Byzantine Church in Gorzuvita: Excavations of 2017].” In *XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov’ia. Traditsii i innovatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Simferopol; Kerch, 2018. P. 292–298 (in Russian).
- Mastykova, A.V. “Raskopki v 2017 godu khrama v Gorzuvitakh: pervye rezul’taty [Excavations in 2017 at the Temple in Gorzuvita: First Results].” In *Arkheologiia srednevekovogo khrama. Materialy nauchnoi konferentsii, posv’ashchennoi 170-letiiu K.K. Kots’ushko-Val’uzhinicha*. Sevastopol, 2017. P. 47–49 (in Russian).
- Mastykova, A.V. “Srednevekovyi kompleks (poselenie, bazilika, mogil’nik) v Gurzufe (Respublika Krym, Ialtinskii okrug) [Medieval Complex (Settlement, Basilica, Burial Ground) in Gurzuf (Republic of Crimea, Yalta District)].” In *Goroda, selishcha, mogil’niki. Raskopki 2017*, ed. by A.V. Engovatova. [Materialy spasatel’nykh arkheologicheskikh issledovani; 25]. Moscow, 2018. P. 186–191 (in Russian).
- Mastykova, A.V. “Srednevekovyi pamyatnik Gorzuvity na Iuzhnom beregu Kryma: issledovaniia 69 let spust’a [Medieval Monument Gorzuvita on the Southern Coast of Crimea: Research 69 Years Later].” *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 260 (2020). P. 407–427 (in Russian).
- Myts, V.L. *Ukrepleniia Tavriki X–XV vv. [Fortifications of Taurica, 10th–15th c.]*. Kiev, 1991 (in Russian).
- Parshina, A.E., Teslenko, I.B., and Zelenko, S.M. “Goncharnye centry Tavriki VIII–X vv. [Pottery Centres of Taurica of the 7th–10th centuries].” In *Morskaiia trgovl’a v Severnom Prichernomor’ie*. Kiev, 2001. P. 52–81 (in Russian).
- Parshina, E.A. “Srednevekovye pam’atniki na poberezh’ie ot Golubogo zaliva do Yalty [Medieval Monuments on the Coast from Blue Bay to Yalta].” In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* Kiev, 1968. P. 57–64 (in Russian).

- Parshina, E.A. "Srednevekovyi khram v Oreande [Medieval Church in Oreanda]." *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g.* Kiev, 1968. P. 65–70 (in Russian).
- Ponomarev, A.L. "Naselenie i topografiia Kaffy po dannym bukhgalterskoi knigi massarii – kaznacheistva za 1381–1382 gg. [Population and Topography of Kaffa According to the Accounting book of the *massaria* – Treasury for 1381–1382]." In *Prichernomor'ie v Srednie veka*, ed. by S.P. Karpov. Issue 4. Moscow; Saint-Petersburg, 2000. P. 317–442 (in Russian).
- Shaposhnikov, A.K. "Slovar' drevneishei onomastiki Tavricheskogo poluostrova [Dictionary of the Most Ancient Onomastics of the Tauride Peninsula]." In *Toponimika Kryma 2011: Sbornik statei*, ed. by Iu.A. Belyaev. Simferopol, 2011. P. 271–444 (in Russian).
- Shvets, R.F. *Sv'ashchennyi obraz Tavridy: Pravoslavnye sv'atyni Kryma v izobrazitel'nom iskusstve: Al'bom [The Holy Image of Taurida: Orthodox Saints of Crimea in Fine Arts: Album]*, comp. by T. Shorokhova. Simferopol, 2012 (in Russian).
- Skobelev, Iu.M. "Arkheologicheskaiia razvedka na g. Krestovoi v Verkhnei Oreande [Archaeological Exploration at Mount Krestovaya in Upper Oreanda]." In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*. Kiev, 1974. P. 108–111 (in Russian).
- Smekalova, T.N., Mel'nikov, A.V., Myts, V.L., and Bevan, B.V. *Magnitometricheskoe izuchenie goncharnykh pechei srednevekovoi Tavriki [Magnetometric Study of Pottery Kilns of Medieval Taurica]*, ed. by V.I. Chizhik. Saint-Petersburg, 2000 (in Russian).
- Teslenko, I.B., and Lysenko, A.V. "Arkheologicheskie razvedki na territorii Malomayakskogo sel'soveta (ARK) v 2004 g. [Archaeological Exploration on the Territory of the Malomayak Village Council (ARC) in 2004]." In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2003–2004 rr.: Zbirka naukovich prats*. Issue 7. Kiev; Zaporozh'ie, 2005. P. 296–297 (in Russian).
- Teslenko, I.B., and Lysenko, A.V. "K voprosu o lokalizatsii srednevekovykh khramovykh kompleksov na g. Ayu-Dag [On the Issue of Localization of Medieval Temple Complexes on Mount Ayu-Dag]." *Istoriko-geografichni doslidzhenn'a v Ukraini* 6 (2003). P. 114–135 (in Russian).
- Teslenko, I.B., Lysenko, A.V., Maiko, V.V., and Semin, S.V. "Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnozhia g. Ayu-Dag (Iuzhnyi Krym) [New Settlement of the 14th–15th Centuries at the Western Foot of Mount Ayu-Dag (Southern Crimea)]." *Izvestiia arkheologicheskoi komissii* 5 (2017). P. 172–196, 242–285 (in Russian).
- Turova, N.P. "Arkheologicheskaiia karta Gornogo i Iuzhnoberezhnogo Kryma po polevoi kartoteke E.I. Visniovskoi [Archaeological Map of Mountainous and South-Coast Crimea According to the Field Card Index of E.I. Visniovskaya]." In *Istoriia i arkheologiiia Kryma. Sbornik statei*. Issue 10. Simferopol, 2019. P. 311–354 (in Russian).
- Turova, N.P. "Arkheologicheskaiia karta srednevekovykh khristianskikh kompleksov ialtinskogo regiona (novye otkrytiia i dopolneniia) [Archaeological

- Map of Medieval Christian Complexes of the Yalta Region (New Discoveries and Additions)].” In *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii, posv'ashchennoi 160-letiiu D.V. Ainalova*, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Iu. Yashaeva. Simferopol, 2022. P. 224–226 (in Russian).
- Turova, N.P. “Arkheologicheskoe proshloe Polikurovskogo kholma [Archaeological past of Polikurovsky Hill].” In *Gorod nachinal's a s Polikura. Khram sv. Ioanna Zlatousto. Materialy konferentsii, posv'ashchennoi 180-letiiu osv'ashcheniia khrama, 14–16 sent'abr'a 2007 goda*. Simferopol, 2018. P. 80–88 (in Russian).
- Turova, N.P. “Gorod Alupka i ego arkheologicheskoe nasledie [The City of Alupka and Its Archaeological Heritage].” In *Izvestiia arkheologicheskoi komissii*, ed. by V.V. Maiko. Issue 20. Simferopol, 2023. P. 204–217 (in Russian).
- Turova, N.P. “Itogi arkheologicheskikh razvedok na territorii gorodskikh okrugov Yalta i Alushta v 2022 g. [Results of Archaeological Exploration in the Territory of the Urban Districts of Yalta and Alushta in 2022].” In *Izvestiia arkheologicheskoi komissii*. Issue 19. Simferopol, 2023. P. 267–275 (in Russian).
- Turova, N.P. “K voprosu ob arkheologicheskoi karte srednevekovykh khristianskikh khramov Yaltinskogo regiona [On the Issue of the Archaeological Map of Medieval Christian Churches in the Yalta Region].” In *Arkheologicheskie issledovaniia v Iuzhnoberezhnom i Gornom Krymu: materialy Vtorogo arkheologicheskogo seminara, Yalta, 28–30 okt'abr'a 2022 g.*, ed. by N.G. Novichenkova, K.V. Novichenkova-Lukicheva. Yalta, 2023. P. 99–106 (in Russian).
- Turova, N.P. “Nahodki iz nekropolei pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni v kollektzii Ialtinskogo istoriko-literaturnogo muzei (obzor i istoriia formirovaniia kollektzii) [Finds from the necropolis of the Late Roman and Early Medieval Time in the collection of the Yalta Historical and Literary Museum (Review and History of the Formation of the Collection)].” In *Istoriia i arkheologiiia Kryma. Sbornik statei*. Issue 7. Simferopol, 2018. P. 229–239 (in Russian).
- Turova, N.P. *Vizantiiskie khramy Iuzhnogo berega Kryma [Byzantine Churches of the Southern Coast of Crimea]*. Simferopol, 2023 (in Russian).
- Yakobson, A.L. *Rannesrednevekove sel'skie poseleniia iugo-zapadnoi Tavriki [Early Medieval Village Settlements of Southwestern Taurica]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 168]. Moscow; Leningrad, 1970 (in Russian).
- Yakobson, A.L. “Razvedochnye raskopki srednevekovogo poseleniia Gorzuvity (bliz Gurzufa) [Exploratory Excavations of the Medieval Settlement of Gorzuvita (near Gurzuf)].” *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniiaakh Instituta istorii material'noi kul'tury* 53 (1954). P. 109–120 (in Russian).

Zhurba, O.I. "Pershe istorichne doslidzhennya u Katerinoslavi: materiali do istorii formuvannya subregional'nogo istoriografichnogo seredovishcha [First Historical Research in Ekaterinoslav: Materials for the History of the Formation of a Subregional Historical Society]." *Pivdenna Ukraina XVIII–XIX stolittya*. Issue 7. Zaporozh'e, 2003. P. 265–270.

Византийская зона влияния: исторические и археологические аспекты истории Руси и Кавказа

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 271–287

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 271–287

Научная статья

Царство Сарир («Авар») в X–XIII вв. — независимое государство или вассал государства ромеев? (К вопросу о границах и внешнеполитической ориентации)

Шахбан Магомедович ХАПИЗОВ

Кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Отдел этнографии; Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; ул. Ярагского, д. 75, 367030 Махачкала; markozul@mail.ru

Аннотация: В статье приведен анализ источников по истории царства Сарир (в местных источниках называется Авар) X–XII вв. Арабские источники X в. свидетельствуют о вхождении данного государственного образования в состав союза христианских политий под руководством Византийской империи («государства румов»). Исследованы также армянские источники, анализ и интерпретация сведений которых позволяет поддержать мнение о широком влиянии Византийской империи на царство Сарир, выражавшемся как в религиозной, так и в политической плоскостях. Во-первых, в первой половине X в. вместо христианства «армянского толка» в Сарире утверждается православие, в чем следует видеть результат влияния Византии через посредство Грузии. Этот акт совпадает по времени с крещением царя Алании (914/915 г.) и переходом в православие правителя так называемого второго Албанского царства, располагавшегося в Алазанской долине (40-е гг. X в.). Во-вторых, военные силы Сарира используются Византией для борьбы со своими оппонентами — Хазарским каганатом, арабами и отчасти в качестве рычага давления на Армению с целью склонить ее к принятию православия. Помимо

Византийской империи, важнейшим союзником Сарира становится Алания, цари которой заключают между собой династические браки. Эти события совпадают с благоприятной внешнеполитической обстановкой, позволившей Сариру значительно расширить свои границы и стать ведущей военно-политической силой на Восточном Кавказе в X–XII вв. На основе широкого круга письменных источников определены границы данного государства и вкратце охарактеризованы его внешнеполитические взаимоотношения. Показателем уровня развития Сарира стала чеканка собственной монеты в XIII в., которая не только должна была способствовать активизации внешнеэкономических связей, но и продемонстрировать политическую субъектность, поскольку чеканка собственной монеты — один из важнейших признаков независимости государства.

Ключевые слова: Сарир, Авар, Дагестан, Византийская империя, Хазарский каганат, христианство, ислам, Грузия, Армения.

Цитирование: *Хапизов Ш.М.* Царство Сарир («Авар») в X–XIII вв. — независимое государство или вассал государства ромеев? (К вопросу о границах и внешнеполитической ориентации) // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* 2024. Т. 2. С. 271–287.

Original article

The Kingdom of Sarir (“Avar”) in the 10th–13th Centuries: An Independent State or a Vassal of the State of the Romans? (The Issue of Borders and Foreign Policy Orientation Revisited)

Shakhban M. KHAPIZOV

Candidate of Sciences (History); Senior Researcher; Department of Ethnography; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 75 Yaragskogo st., 367030 Makhachkala, Russian Federation; markozul@mail.ru

Abstract: The article presents an analysis of sources on the history of the kingdom of Sarir (called Avar in local sources) in the 10th–12th centuries. Arab sources of the 10th century testify to the entry of this state entity into the union of Christian polities under the leadership of the Byzantine Empire (“state of the Romans”). Armenian sources have also been studied, the analysis and interpretation of which allows us to support the opinion about the broad influence of the Byzantine Empire on the kingdom of Sarir, expressed both in religious and political terms. Firstly, in the first half of the 10th century, instead of Christianity of the “Armenian persuasion”, Orthodoxy was established in Sarir, which should be seen as the result of the influence of Byzantium through Georgia. This act coincides in time with the baptism

of the king of Alania (914/915) and the conversion to Orthodoxy of the ruler of the so-called second Albanian kingdom, located in the Alazani Valley (40s of the 10th century). Secondly, the military forces of Sarir are used by Byzantium to fight against its opponents — the Khazar Khaganate, the Arabs and partly as a lever of pressure on Armenia in order to persuade it to adopt Orthodoxy. In addition to the Byzantine Empire, Alania becomes Sarir's most important ally, whose kings enter into dynastic marriages with each other. These events coincide with a favourable foreign policy environment that allowed Sarir to significantly expand its borders and become the leading military-political force in the Eastern Caucasus in the 10th–12th centuries. Based on a wide range of written sources, the borders of this state are determined and its foreign policy relations are briefly characterized. An indicator of the level of Sarir's development was the minting of its own coins in the 13th century, which not only was supposed to promote the activation of foreign economic relations, but also to demonstrate political subjectivity, since the minting of its own coins is one of the most important signs of a state's independence.

Keywords: Sarir, Avar, Dagestan, Byzantine Empire, Khazar Khaganate, Christianity, Islam, Georgia, Armenia.

For citation: Khapizov, Sh.M. "The Kingdom of Sarir ("Avar") in the 10th–13th Centuries: An Independent State or a Vassal of the State of the Romans? (The Issue of Borders and Foreign Policy Orientation Revisited)." *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 271–287 (in Russian).

В X–XII вв. одним из крупных государственных образований Кавказа являлось царство Сарир, известное в местных дагестанских источниках как «Авар»¹. Являясь официально христианским государством, оно, согласно арабским источникам X–XI вв., подпало под влияние Византийской империи.

Арабский путешественник, один из наиболее известных и компетентных географов X в. ибн Хаукал, будучи выходцем с территории современного Ирака, свое первое путешествие предпринял в мае 943 г. из Багдада. Как пишет И.Ю. Крачковский, под видом купца, а в действительности, быть может, в роли политического агента, он долго странствовал по Африке, Европе (Испании и Италии) и Азии (Иран, Индия). Будучи образованным человеком с широким политическим кругозором, ибн Хаукал составил обобщающий труд по политической географии известного ему мира. В предисловии к нему он пишет: «Вот вид земли, заселенных и незаселенных частей ее. Опор государства на земле четыре: самое населенное, благоденствующее с лучшим политическим строем, порядком заселения

¹ История Дагестана / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Т. 1. М., 1967. С. 123: «Дагестанские хроники никогда не называли территорию нагорного Дагестана Сариром. Они знают Аварию. Что касается названия Сарир, то оно связано с персидско-арабской географической традицией».

и обилием сборов — государство Ираншехр; центр его — вавилонский округ, оно же государство Фарса. Границы этого государства во времена персов известны; когда же появился ислам, оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус, у государства синов — Маверааннахр и присоединило к себе эти обширные государства. В государство румов входят пределы славян и соседних с ним русов, ас-Серир, ал-Лан, армян и исповедующих христианство. В государство ас-Син входят все области тюрок, часть Тибета и исповедующие из них идолопоклонство. В государство Хинд входят ас-Синд, Кашмир, часть Тибета и исповедующие их религию»².

Из «Книги видов земли» Абу-Зайда Ахмеда Ибн-Сахл ал-Балхи (умер в 40–50-х гг. X в.) также следует, что «в государство Рум входят пограничные земли славян и их соседей, как-то: Рус, Серир, Аллан, Арман и (другие), которые исповедуют христианскую веру»³. В географическом труде анонимного автора под названием «Худуд ал-‘Алам», т. е. «Границы мира», составленном в 372 г. хиджры (982/983), также приводятся сведения о том, что Сарир «относится к Руму», т. е. к Византии⁴. В состав Византии включает Сарир также придворный лекарь сельджукского султана Малик-шаха (ум. 1092 г.) и натуралист ал-Марвази⁵.

Таким образом, становится очевидным вхождение в первой половине X в. Сарира в союз христианских стран, находившихся под влиянием Византийской империи. Этот шаг совпал с периодом усиления влияния Сарира. Целый ряд письменных источников свидетельствует о том, что в X в. Сарир явно усиливается и расширяет свои границы. Источники середины X в. свидетельствуют об изменении ситуации в регионе. По мнению А.В. Гадло, «разгром Хазарского каганата благотворно отразился на дальнейшем развитии тех этнополитических объединений, которые сложились на Северном Кавказе к X в.». В частности, Сарир «получил возможность выйти в северные предгорья и даже расширить свои владения в сторону плоскости»⁶. По его мнению, к X в. «наиболее крупными образованиями нового периода стали царство Сарир в горах Дагестана и Аланское царство, к которому перешли авторитет и значение Хазарии в зоне степи»⁷. Вместе с тем Сарир и Алания хотя и «расширили

² Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М., 2004. С. 201.

³ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.) / Пер. и комм. А.Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 273.

⁴ Ḥudūd al-‘Ālam, “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H./982 A.D. / Translated and explained by Vladimir Minorsky. London, 1937. P. 67.

⁵ Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 344–345.

⁶ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, 1979. С. 207–208.

⁷ Там же. С. 212.

свои территории в направлении степи», но сконцентрировали свои крепости и крупные стационарные поселения в предгорной зоне⁸.

Вместе с расширением своих границ на север, Сарир усиливается и на южных рубежах. Меняется расклад сил в противостоянии с мусульманскими государствами Восточного Кавказа. В конце IX в. произошло несколько нападений на Сарир правителя Ширвана (861) и амира Дербента (876/877, 878/879), но с начала X в. Сарир уже переходит в наступление⁹. В месяце зул-ка‘да 292 г. х. (сентябрь 905 г.) Мухаммад б. Хашим встретился с Бухт-Йишо, правителем Сарира, который захватил его в плен с десятью начальниками, но затем, выказав им любезность и одарив их подарками, очистил для них путь¹⁰. Еще через несколько лет, в 909 или 912 г., войско Сарира с хазарами и прочими союзниками разгромило объединенные силы правителей Ширвана и Дербента («ал-Баб») и захватило в плен около 10 тысяч мусульман¹¹.

В историографии встречается точка зрения, что борьба хазар с арабами имела результатом спасение европейской цивилизации от натиска ислама, сравнивая хазар с франками Карла Мартелла. А.П. Новосельцев правильно подчеркивает, что последнее вообще несопоставимо с событиями на Кавказе в 30-х гг. VIII в. Франкский мажордом разгромил арабов и остановил их натиск в Западной Европе, тогда как в это же время арабы нанесли сокрушительное поражение хазарам в Восточной Европе. Вместе с тем арабы никогда не пытались закрепиться к северу от Кавказских гор и не могли это сделать, имея у себя в тылу горный Кавказ — очаг постоянного сопротивления. Одной из причин этого было влияние Сарира в горном Кавказе. Его правители и прежде лавировали между Хазарией и Халифатом, по сути дела, не подчиняясь ни той ни другой державе. Теперь же они (возможно, по подстрекательству хазар и византийцев) свели на нет все победы арабских военачальников. Поход совпал с военными действиями против Византии, что, на взгляд А.П. Новосельцева, говорит о том, что последняя подстрекала нуцала Аварии (Сарира), используя для этого материальные ресурсы¹².

Армянские источники, на наш взгляд, также содержат свидетельства о том, что Византийская империя использовала военные силы Сарира и на других направлениях, против своих оппонентов. Степанос Таронечи (рубеж X–XI вв.) пишет, что в 943 г. «князь Апхазов, [вышедший] из земли Сарматов, что по ту сторону гор кавказских, предпринял поход во главе

⁸ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 53–54.

⁹ Атаев М.М. Авария в X–XV вв. Махачкала, 1995. С. 113–117.

¹⁰ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963. С. 65.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 187.

войска» на Армению. Перейдя Куру, войско это под командованием князя по имени Бер напало на армян, но правитель «апхазов» попал в плен и содержался в городе Карс, пока не был выкуплен «ценою золота» и заключения мирного договора¹³. Правителем Армении тогда являлся царь Абас I Багратуни (929–953), а поход, вероятно, состоялся в 932 г.¹⁴

Следует отметить, что выдающийся представитель иранской историографии ибн Джабир ат-Табари (839–923) также упоминает неких «абхазов», размещая их рядом с Баланджаром, т. е. в низовьях р. Сулак¹⁵. Все три автора жили во время расцвета государства, известного как Абхазское царство (VIII–X), и, соответственно, дошедшие до них сведения об *Aurhaz/Auharz* они предпочитали увязывать с общеизвестными абхазами, а не малознакомыми аварцами Дагестана. Вместе с тем локализация этих «абхазов» во всех трех источниках никак не привязана к побережью Черного моря, где расположена Абхазия и западная Грузия в целом. Таронечи четко указывает, что царь «апхазов» Бер пришел с Северного Кавказа, Арцруни называет их среди народов Восточного Кавказа, а Табари размещает в Северном Дагестане вместе с баланджарами и банджарами.

На наш взгляд, наиболее объективно к вопросу подошел В.Ф. Минорский, который считает, что упоминаемый в данном сочинении народ *Aurhaz-k* «соответствует аварцам»¹⁶, а никак не абхамам, как это следует из современного перевода на русский язык «Истории дома Арцруни». А.П. Новосельцев солидарен с В.Ф. Минорским, указывая, что в некоторых переводах «аврхаз[к]» заменяется на «апхазнер», т. е. абхазы, «хотя оснований для этого нет. Абхазы жили далеко от цанар, названных рядом, да к тому же христианство было в раннем средневековье и у аварцев»¹⁷. С этим мнением соглашаются и современные исследователи¹⁸, считая, что Товма Арцруни называет сарирцев *awrhazk'* (աւրհազք). Р. Томсон переводит этот этноним как *Arkhaz* с примечанием: «В тексте Патканяна читается *Awrhazk'*, а Броссе переводит его как “Avars”, Патканян предлагает, возможно, *Arkhaz*, а Варданян — *Abkhaz*»¹⁹. Однако Р. Томсон не берет во внимание исторический контекст, рассуждая с точки зрения

¹³ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу — писателя XI столетия / Пер. с арм. и коммент. Н. Эмина. М., 1864. С. 117–118.

¹⁴ Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М., 2015. С. 72.

¹⁵ The History of al-Ṭabarī (Ta'rikh al-rusul wa'l muluk) / Translated and annotated by С.Е. Bosworth. Vol. 5. New York, 1999. P. 151, 153.

¹⁶ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 134.

¹⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 155.

¹⁸ Vacca A.M. Conflict and Community in the Medieval Caucasus // Al-'Uṣūr al-Wuṣṭā. № 25. 2017. P. 66–112 (здесь: P. 82).

¹⁹ Arcruni T'ovma. History of the House of the Artsrunik': Translation and Commentary / Transl. by R. Thomson. Detroit, 1985. P. 240 and N. 6.

филолога. В данном этнониме *-k'* обозначает именительный падеж множественного числа, *-hr-* перешло в *-rh* путем метатезы, а *-z* представляет собой иранский суффикс по образцу Лакза и Гурза²⁰. Подробно наша аргументация по данному вопросу изложена в специальном исследовании, к которому мы отсылаем заинтересованных читателей²¹.

При этом следует учесть, что среди правителей Абхазского царства не было царей с именем Бер. В указанный период правителем Абхазии являлся Георгий II (922–957)²², а правителем Тао-Кларджети — Ашот II Куропалат (937–954). Несмотря на то, что выдвинуты гипотезы о том, что указанный Бер являлся «каким-то полководцем» абхазского царя²³ или же правителем алан²⁴, мы считаем возможным предположить, что в данном контексте речь идет об одном из правителей Сарира. В генеалогии аварских нуцалов, вошедшей в состав хроники «Тарих Дагестан», седьмым предком Сураката, самого известного доисламского правителя Сарира, указан нуцал по имени Байар²⁵, который, по нашим расчетам, родился в самом начале X в. (в источниках зафиксировано всего 4 нуцала, носивших имя Байар). Исходя из этого сопоставления, нам представляется, что *Бер* — это искаженная форма настоящего имени Байар²⁶. Вследствие этого упомянутых в сообщении Таронеци «апхазов» также следует рассматривать в русле реконструкции данного этнонима, предложенной В.Ф. Минорским. Следовательно, вышеуказанный Бер является аварским нуцалом Байаром II (варианты: Бер, Бухт-Йишо II; ≈ 10–60-е гг. X в.).

Усиление государства Сарир совпало по времени с ослаблением Арабского халифата и Хазарского каганата. Этим воспользовались правители Сарира, расширив свои границы на север и вернув в состав своего государства равнинную часть современного Дагестана. Вероятно, с этим обстоятельством связано известие арабского историка ал-Масуди в сочи-

²⁰ Ḥudūd al-‘Ālam... Р. 447–448. См.: Markwart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. Р. 496.

²¹ Хатизов Ш.М. Армянские источники по средневековой истории Дагестана // Вестник Матенадарана. Вып. 32. Ереван, 2022. С. 284–303.

²² Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура... С. 88.

²³ Там же. С. 71–72.

²⁴ Алемань А. Аланы... С. 386–387.

²⁵ Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 98.

²⁶ Слово «байар» в современном аварском языке используется для обозначения «военачальника». В качестве аварского мужского имени оно имеет различные формы: Майра, Майар, Байар и опосредованно: Байсар, Байту, Байсулав, Барси, Барти. См.: Хатизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Кладбище поселения Чолода как источник по истории и антропонимии горной Аварии // CAUCASO-CASPICA. Труды Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона. Ереван, 2016. С. 113–124 (здесь: С. 120).

нении «Мурудж аз-захаб» (завершено в 956 г.) о том, что столица Сарира называлась Хунзах, а у его правителя «было 12 тыс. селений, из которых он набирал столько слуг, сколько желал. Его страна суровая, и по этой причине недоступная, будучи расположена на одном из отрогов Кабха. Царь совершает нападения на хазар и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах»²⁷. Вероятно, этим же временем следует датировать сведения анонимного источника «Китаб акам ал-марджан фи зикр ал-мадаин ал-машхура фи кулли макан» («Книга скопления кораллов в упоминании известных городов во всех местах») о том, что на хазар «нападает народ ас-Сарира»²⁸.

В сочинении грузинского историка XI в. Леонти Мровели говорится о том, что основателем города Хунзах был некий «Хозоних, что был самым знаменитым в роду Лекана»²⁹. На взгляд Г.В. Цулая, «Хозонихе-ти — средневековое грузинское название известного по литературным источникам древнеаварского государства Серир, возникшего в V в. н. э. на территории нагорного Дагестана. В XI в. (период жизни и деятельности Л. Мровели) Серир-Авария была крупной политической единицей, игравшей важную роль на восточных рубежах Грузинского царства»³⁰.

Согласно А.В. Гадло, «Алания и находившиеся с нею в теснейшем взаимодействии Сарир на востоке и Касахия/Зихия на западе на полтора столетия создали в горах Северного Кавказа относительно устойчивое равновесие, которое стойко противостояло кочевому миру степи. Степные сообщества в течение X–XIII вв. не смогли объединиться и создать противовес горцам. Горцы же, напротив, сумели отвоевать и освоить самые благодатные земли края — предгорья и низменные долины рек»³¹. О тесных связях Сарира и Алании говорит множество источников. По сообщению Масуди, царь Сарира установил с царем Алании династические связи, «поскольку каждый из них женился на сестре другого»³². Контакты с Аланией нашли отражение и в ономастике, в частности в именах аварских правителей, матери которых довольно часто являлись аланскими принцессами³³.

В X в. под влиянием Византийской империи на Кавказе происходит усиление роли и влияния Грузинской Православной Церкви, происходившее за счет ослабления армянской. Согласно Иованессу Драсханакертци,

²⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 204.

²⁸ Ḥudūd al-‘Ālam... Р. 141–150.

²⁹ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 25.

³⁰ Там же. С. 56.

³¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 175.

³² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 204.

³³ Атаев М.М. Авария... С. 112.

в 910 г. царем Алванка «на северо-востоке Кавказа» являлся Атрнерсех, а великим ишханом — Саак. Он же указывает, что «они из нашего народа и паства пажити нашей»³⁴, т. е. придерживаются христианства армянского толка. Но уже его сын от Динар, дочери Адарнарсэ Багратиони из Тао-Кларджети (юго-западная Грузия), известный под именем Ишханик (943–959)³⁵, под воздействием своей матери ввел в царстве вместо «армянского» толка христианства «грузинское», т. е. диофизитское, вероисповедание³⁶.

Очевидно, что в X в. аналогичные процессы проходили и в Сарире. При описании вышеуказанного похода «Бера»/Байара армянские источники увязывают это действо с требованием освятить вновь построенную церковь Святых Апостолов в Карсе по халкидонитскому чину. Учитывая, что в 30-е гг. X в. при анийском царе Абасе (929–953) произошел разрыв союза Византийской империи и Армении, а также начавшиеся тогда же гонения на армянских монахов-монофизитов в Византийской империи, откуда они массово прибывают в Анийское царство, становятся очевидными корни указанного конфликта и проходивших тогда процессов в христианском мире Кавказа. Поскольку церковь в Ани была освящена в 931–932 гг., то поход тоже прошел в этот период и наверняка был инспирирован Византией, стремившейся покончить с независимостью Армянской церкви³⁷. Вероятно, и переход от монофизитства к диофизитству в «Алванке», произошедший в 30-е гг. X в., а также аналогичный процесс в Сарире — следствие политики Византийской империи.

О первоначальном успехе усилий именно армянской, а не грузинской церкви в деле распространения христианства среди аварцев свидетельствует наличие армянского по происхождению термина *хъанг* в качестве обозначения креста в аварском языке, а не грузинского — *джвари*. В отличие от чеченцев, ингушей и других соседей аварцев, находившихся под влиянием Грузинской церкви, в аварском языке не прижились грузинские церковные термины для обозначения церкви, священника, службы и других явлений христианской культуры.

Границы Сарира

Мы уже указали, что территория Сарира в X–XII вв. значительно расширилась в северном и западном направлениях. Арабские и арабоязычные историки и географы, писавшие в X–XII вв., под этим названием начинают

³⁴ *Иованнес Драсханакертци*. История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 161.

³⁵ Очерки истории Грузии. Т. 2. С. 274.

³⁶ *Мусхелишвили Д.Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982. С. 38–40.

³⁷ *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Церковная архитектура... С. 70–72.

подразумевать территорию, превышающую размеры собственно Аварии³⁸. К этому времени Сарир становится одним из наиболее влиятельных государств на Восточном Кавказе³⁹. Сарир «предстает перед нами как крупнейшее государство, которое по количеству входящих в него селений превосходит другие государства Восточного Кавказа»⁴⁰. Это обстоятельство позволяет нам поддержать точку зрения, согласно которой Сарир являлся общедагестанским государством, включавшим в свой состав почти все территории, населенные дагестаноязычными народами в X–XI вв.⁴¹

Наиболее информативным источником начала XIII в. по Сариру является анонимное сочинение «‘Аджа’иб ад-дунйа» («Диковины мира», «Чудеса мира»), составленное на персидском языке. Согласно этому источнику «Сарир — область между Абхазом, Кипчаком, Ширваном и Дарбандом; (это) — очень благоустроенная, труднодоступная и густонаселенная область»⁴².

Об этом же говорят и дагестанские письменные источники⁴³. Интересно, что территория, подвластная Суракату (нуцал Авара/царь Сарира в конце XII — первой половине XIII в.), согласно «Тарих Дагестан»⁴⁴, примерно соответствовала Сариру, известному нам по описаниям этого государства мусульманскими авторами классической эпохи. В то время, согласно «Тарих Дагестан», в казну Авара поступали налоги «от всех обитателей Дагестана, начиная от Черкесии (видимо, Малой Кабарды, располагавшейся около современного Моздока) и до города Шемахи», который располагается в Ширване, в пределах современного Азербайджана. Также известно, что в борьбе с газиями, захватившими в XIII в. Хунзах, внук Сураката привлекает в свое войско горцев, живущих от Цунты до Ариштиал (Орстхой — субэтнос на границе Ингушетии и Чечни)⁴⁵. Сообщается также, что Суракату принадлежала область Тушети («область Туш, а они его райийаты»⁴⁶). Согласно грузинским источникам,

³⁸ История Дагестана. Т. 1. М., 1967. Т. I. С. 182.

³⁹ ‘Аджа’иб ад-Дунйа (Чудеса мира) / Пер. Л.П. Смирнова. М., 1993. С. 530.

⁴⁰ Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана: С древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 239.

⁴¹ См. подробнее: Гаджиев Т.В. Титул «шамхал» в свете исторической традиции и исторической реальности // Исламоведение. 2012. № 3. С. 108–115.

⁴² ‘Аджа’иб ад-Дунйа (Чудеса мира) / перевод Л.П. Смирнова. М., 1993. С. 530.

⁴³ Айтберов Т.М. Вопросы датировки «Тарих Дагестан» // Актуальные проблемы развития государственности народов Кавказа: Материалы Всероссийской научной конференции 19 декабря 2012 г. (к 80-летию со дня рождения видного ученого-кавказоведа, д.и.н., профессора, заслуженного деятеля науки РД Магомедова М.Г.). Махачкала, 2013. С. 63–70.

⁴⁴ Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. С. 98.

⁴⁵ Атаев М.М. Авария... С. 111–112.

⁴⁶ Там же. С. 102.

«тушины и дидойцы хотя входили в состав удела Лекоса», т. е. в пределы расселения дагестаноязычных племен, но потом были покорены грузинскими царями⁴⁷.

Русские авторы XIX в. на основе рукописных преданий и хроник также считали, что в христианский период «аварцы были, как теперь, первенствующим народом в Дагестане, и тогдашний нуцал их Суракат противопоставил сильный отпор арабам. По преданиям, Суракат... повелевал народами от Шемахи до Кабарды и держал в своей зависимости чеченцев и тушин»⁴⁸. Эту информацию о границах государства Сарир от Шемахи до Кабарды, которая простиралась до Терека, отчасти подтверждают и известные арабские ученые, бывшие современниками той эпохи. Согласно исследователю этих источников, «арабские географы считали, что ас-Сарир — это государство (и город с тем же именем), расположенное между ал-Ланом и Баб ал-Абвабом»⁴⁹.

Возвращаясь к определению внешних границ Сарира в сочинении «‘Аджа’иб ад-дунья», следует отметить, что если «Дарбанд» (Дербент и его округа), «Абхаз» (Грузия) и «Ширван» (северная часть современного Азербайджана) вполне уверенно локализуются в определенных границах, то определение пределов области «Кипчак» представляется более сложной задачей. На территории Северного Кавказа средневековых погребальных комплексов кочевников выявлено не так много. Однако среди имеющихся археологических памятников «кыпчакские курганы зафиксированы в западной и центральной частях региона <...> Достоверно кыпчакских погребений в восточной части края до сих пор не обнаружено <...> Бесспорно кыпчакскими являются на Северном Кавказе каменные изваяния — „бабы“, принадлежность которых тюркам-кочевникам XI–XIII вв. сомнений сейчас не вызывает»⁵⁰. Эти изваяния, связанные с местами захоронения глав родоплеменных подразделений и родовыми святилищами, некогда были рассеяны по местам расселения кыпчаков. Об их предназначении пишет известный классик Низами Гянджеви:

*И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчака спина.
Пеший путник придет или явится конный,
Покорит любого кумир их исконный.*

⁴⁷ Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукетии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикети // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 81.

⁴⁸ Воронов Н. Несколько слов об аварцах // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 2. Тифлис, 1869. С. 6–7.

⁴⁹ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 124.

⁵⁰ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. С. 141.

*Всадник медлит и, коня придержав,
Он стрелу, наклонясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, мимо гонящий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо⁵¹.*

Т.М. Минаева, специально занимавшаяся сбором материалов о половецких (кыпчакских) каменных бабах Северного Кавказа, пришла к выводу, что наибольшее их число было поставлено по рекам и речкам степного Ставрополья (Егорлык, Уруп, Калаус, Кума), в восточной части современного Краснодарского края и на юго-востоке Ростовской области, по Манычу и Салу. В восточной части Северного Кавказа, т. е. в северном Дагестане каменных баб почти нет⁵². Я.А. и Г.С. Федоровы отмечают известную им находку в Северном Дагестане⁵³. Это говорит о том, что пребывание кыпчаков в равнинном Дагестане носило не стационарный характер, т. е. они могли прибывать сюда на временное кочевье, но постоянного населения здесь не было и они не считали эти земли своими родовыми угодьями, раз не размещали здесь святилищ и могил знатных кыпчаков.

Согласно А.В. Гадло, «факт неравномерности распространения каменных изваяний кыпчакского времени на территории Северного Кавказа весьма многозначителен. Его нельзя объяснить ни недостаточной изученностью отдельных районов, ни сознательным уничтожением их в каких-то местах при сохранении в других. Это факт чисто культурный, этнический»⁵⁴. При этом восточной границей распространения этих каменных изваяний являются восточные склоны Ставропольской возвышенности⁵⁵. На территории Дагестана встречаются лишь их единичные экземпляры, что показывает отсутствие здесь зон компактного проживания кыпчаков.

Таким образом, область проживания кыпчаков в пределах современной территории Дагестана охватывала лишь долину реки Кума, не доходя даже до низовий Терека, который, возможно, и являлся южной границей их кочевий. Исходя из этих реалий, а также сообщений вышеприведенного письменного источника начала XIII в. о том, что Сарир с севера граничил с областью Кипчак, можно предполагать, что граница между ними в домонгольский период проходила по степям, расположенным между

⁵¹ Низами Гянджеви. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1986. Т. 5: Искандер-наме / Пер. с фарси К. Липскерова. С. 266.

⁵² См.: Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 2. Ставрополь, 1964. С. 167–196 (здесь: С. 167); Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. С. 142.

⁵³ Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 240.

⁵⁴ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. С. 142.

⁵⁵ Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 3. М.; Л., 1941. С. 7–50 (здесь: С. 30).

Тереком и Кумой. Разумеется, граница эта носила вполне условный характер, и, кроме скотоводов с их отарами, стационарных поселений здесь не фиксируется.

Согласно арабским источникам, уже в середине IX в. Кайтаг вышел из состава Арабского халифата и вошел в состав Сарира⁵⁶. В персидском географическом сочинении 982 г. этот же Хайдак⁵⁷ указан как резиденция военачальников царя Сарира⁵⁸, основной обязанностью которых являлась оборона юго-восточных рубежей Сарира со стороны Дербента. Анализ источников подтверждает, что территория Гумика и Филана в X в. входила в состав Сарира⁵⁹. Согласно Йакуту ал-Хамави (1179–1229) Филан соответствует части Сарира⁶⁰. На Восточном Кавказе раннесредневековые источники упоминают политические объединения (Филан, Туман, Лайзан, Шандан, Хайдак и др.), касательно которых А.П.Новосельцев заключает: «У нас нет доказательств, что все эти политические объединения можно рассматривать как государства»⁶¹. Таким образом, Сарир вполне логично воспринимается В. Гаджиевым как «общедагестанское государство, предшествовавшее шамхальству»⁶².

Согласно письменным источникам, в XII – начале XIII в., границы Сарира не претерпели на северном направлении существенных изменений. Об этом мы можем судить на основании сведений сирийского историка и географа Абу-л-Фида Имад ад-Дина⁶³ (1273–1331) и Ибн Саида ал-Магриби⁶⁴ (XIII в.). Согласно ал-Магриби, владения Сарира в XIII в. распространялись и на низовья реки Терек, хотя постоянного населения там из-за постоянной военной опасности и неблагоприятных климатических условий Сарир не имел и использовал эти земли в качестве пастбищ, охотничьих угодий и для рыболовства⁶⁵. Абу-л-Фида Имад ад-Дин о границах Сарира сообщает следующее: «К востоку от Матрахи течет река ал-Ганам, которая пересекает страну ас-Сарир. Главный город [страны] ас-Сарир

⁵⁶ Айтберов Т.М. Центральная часть восточного Дагестана в VII–XIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 22–40 (здесь: С. 27).

⁵⁷ В тексте неправильно: Хандан.

⁵⁸ *Ḥudūd al-‘Ālam*... Р. 161, 449.

⁵⁹ Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана... С. 237.

⁶⁰ Шихсаидов А.Р. Очерки истории... С. 250–251.

⁶¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 105, 156.

⁶² Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 169.

⁶³ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 117.

⁶⁴ Там же. С. 68.

⁶⁵ См.: Хализов Ш.М. Саламезр, Эндирей, Аух (очерки этнической истории населения Терско-Сулакского междуречья). Махачкала, 2014. С. 12–13.

стоит на горе, прилегающей к Горе языков. Река ал-Ганам большая, зимой она замерзает, и выючные животные переправляются через нее. Она впадает в море ал-Хазар...»⁶⁶. Реку ал-Ганам (араб. — «Баранья река») В.Ф. Минорский отождествляет с Сулаком⁶⁷, однако В.В. Бартольд и И.Г. Коновалова считали, что это река Кума (Малый Атил — Терек, а Большой Атил — нижнее течение Волги)⁶⁸. В любом случае очевидно, что в пределы Сарира периода XII – начала XIII в. входила территория современного северного Дагестана, а Сулак являлся внутренней водной артерией этого государства.

На выходе Сулака из горных ущелий на прикаспийскую равнину располагалась северная столица Сарира — древний город Гельбах. Он служил первым форпостом дагестанского государства, откуда его влияние распространялось на северные равнины, занятые большей частью хуторами населения Сарира, а также зачастую принимал первый удар иноземных армий⁶⁹.

Абу-л-Фида, помимо Сарира, на территории Дагестана упоминает только два «народа»: «кайтак» и «лакз» на территориях, соответствующих современным границам расселения даргинцев и лезгин⁷⁰. «Лакз» у данного автора еще и название страны, тогда как «кайтак» — только народ и территория его расселения: «Народ, живущий на горе, которая прилегает к ал-лакз с северной стороны. Ал-кайтак занимаются разбоем, а их гора господствует над “Железными воротами”»⁷¹, т. е. Дербентом.

В связи с этим возникает вопрос о том, входил ли Кайтаг в XIII в. в состав Сарира. Учитывая вышеприведенное свидетельство об отсутствии правителей в Кайтаге, наш интерес вызывает найденная в Кала-Корейше (центре Кайтага) надмогильная плита конца XIII или XIV в., принадлежащая «владельцу Кала Курайша Ах.с.б.р сына Хиздана»⁷². Наличие мусульманина, управляющего Кайтагом в XIII в., тесная связь кайтагских уцмиев с нуцалами Сарира Андуником (при принятии ислама стал именоваться Амир-Султаном) и Сиртаном, а также их союз против газикумукского шамхала в начале XIV в. (также стоит иметь в виду традиционные династийные браки аварских нуцалов и кайтагских уцмиев вплоть до конца XVIII в.) делают возможной постановку вопроса о том, являлся ли этот *Ахсавур* наместником владетеля Сарира. В этой связи стоит отметить наличие в Аварии влиятельной фамилии Ахсавурзаби (авар. — «ахсаву-

⁶⁶ Коновалова И.Г. Восточная Европа... С. 117.

⁶⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 119.

⁶⁸ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 109; Коновалова И.Г. Восточная Европа... С. 68–69.

⁶⁹ Атаев М.М. Авария... С. 126.

⁷⁰ Коновалова И.Г. Восточная Европа... С. 114.

⁷¹ Там же. С. 115.

⁷² Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана... С. 326.

ры»), традиционно обладавшей влиянием и имевшей родственные связи с правящим нуцальским домом⁷³.

На основе этих сведений, а также иных сообщений арабоязычных источников того времени Сарир предстает как обширная труднодоступная территория, расположенная между Грузией и раскинувшейся за Терекоем бескрайней степью, заполненной кипчаками, а также к северу от Дербента и Самурской долины, подвластных ширваншахам и дербентским амирам. В начале XIII в. Сарир соответствовал, по-видимому, большей части современного Дагестана и Чечни с возможным включением отдельных территорий в Цоре (Алазанской долине) и, кроме того, охватывал равнинные земли в районе Терека, где имелись зимние кутаны (сезонные поселения) Сарира⁷⁴.

Только нашествие монголов коренным образом изменило ситуацию на Восточном Кавказе и привело к лишению Сарира равнинных территорий на западном побережье Каспийского моря и постепенной экономической и политической деградации данного государства. Другое дело, что этот процесс затянулся на продолжительное время и первую половину XIII в. мы можем охарактеризовать как период относительного процветания Сарира — Аварского нуцальства. Наиболее ярким свидетельством этого является выявление факта чеканки медной монеты с собственным именем царем Сарира (нуцалом Аварии) по имени Байар, который правил в первой половине XIII в.⁷⁵

References

- Aitberov, T.M. "Voprosy datirovki "Tarikh Dagestan" [Questions of dating "Tarikh Dagestan"]." In *Aktual'nye problemy razvitiia gosudarstvennosti narodov Kavkaza: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 19 dekabrya 2012 g. (k 80-letiiu so dn'a rozhdeniia vidnogo uch'onogo-kavkazoveda, d.i.n., professora, zaslužennogo deyatelya nauki RD Magomedova M.G. Makhachkala, 2013. P. 63–70.*
- Aitberov, T.M. "Central'naia chast' vostochnogo Dagestana v VII–XIII vv. [The Central Part of Eastern Dagestan in the 7th–13th Centuries]." *Osvoboditel'naia bor'ba narodov Dagestana v ehpokhu srednevekov'ia*. Makhachkala, 1986. P. 22–40 (in Russian).
- Aitberov, T.M. *Drevnii Khunzakh i khunzakhtsy [Ancient Hunzakh and Hunzakhians]*. Makhachkala, 1990 (in Russian).
- Akopyan, A.V. "Baïar, nutsal Avarii i ego monety [Bayar, the Nutsal of Avaria, and His Coins]." *Khristianskii vostok* 8 (2017). P. 411–426 (in Russian).

⁷³ Феодальные отношения в Дагестане (XIX – начало XX в.). Архивные материалы / Сост., пред. и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 277.

⁷⁴ Айтберов Т.М. Древний Хунзах... С. 77.

⁷⁵ Акопян А.В. Байар, нуцал Аварии, и его монеты // Христианский Восток. Т. 8. СПб., 2017. С. 411–426 (здесь: С. 412).

- Aleman', A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [*The Alans in Ancient and Medieval Written Sources*]. Moscow, 2003 (in Russian).
- Ataev, M.M. *Avariia v X–XV vv.* [*Avaria in the 10th–15th Centuries*]. Makhachkala, 1995 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. *Sochineniia* [Works]. Vol. 8. Moscow, 1973 (in Russian).
- Bosworth, C.E., transl. *The History of al-Ṭabarī (Ta'rikh al-rusul wa'l muluk)*. Vol. 5. New York, 1999.
- F'odorov, Ya.A., and F'odorov G.S. *Rannie t'urki na Severnom Kavkaze* [*Early Turks in the North Caucasus*]. Moscow, 1978 (in Russian).
- Gadlo, A.V. *Etnicheskaiia istoriia Severnogo Kavkaza X–XIII vv.* [*Ethnic History of the North Caucasus from the Tenth to Thirteenth Centuries*]. Saint-Petersburg, 1994 (in Russian).
- Gadlo, A.V. *Etnicheskaiia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [*Ethnic History of the North Caucasus from the Fourth to Tenth Centuries*]. Leningrad, 1979 (in Russian).
- Gadzhiev, M.G., Davudov, O.M., and Shikhsaidov, A.R. *Istoriia Dagestana: S drevneishikh vremen do kontsa XV v.* [*History of Dagestan: From Ancient Times to the End of the 15th Century*]. Makhachkala, 1996 (in Russian).
- Gadzhiev, T.V. "Titul «shamkhal» v svete istoricheskoi traditsii i istoricheskoi real'nosti [The Title "Shamkhal" in the Light of Historical Tradition and Historical Reality]." *Islamovedenie* 3 (2012). P. 108–115 (in Russian).
- Gadzhiev, V.G. *Sochinenie I. Gerbera «Opisanie stran i narodov, mezhdru Astrakhan'iu i rekoiu Kuroi nakhodyashchikhsia» kak istoricheskii istochnik po istorii narodov Kavkaza* [*The Work of I. Gerber "Description of the Countries and Peoples Located between Astrakhan and the Kura River" as a Historical Source on the History of the Peoples of the Caucasus*]. Moscow, 1979 (in Russian).
- Gadzhiev, V.G., ed. *Istoriia Dagestana* [*The History of Dagestan*]. Vol. 1. Moscow, 1967 (in Russian).
- Iessen, A.A. "Arkheologicheskie pam'atniki Kabardino-Balkarii [Archaeological Monuments of Kabardino-Balkaria]." *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Issue 3. Moscow; Leningrad, 1941. P. 7–50 (in Russian).
- Kalinina, T.M. *Svedeniia rannikh uchenykh Arabskogo khalifata. Teksty, perevod, kommentarii* [*Information from the Early Scholars of the Arab Caliphate. Texts, Translation, Comments*]. Moscow, 1988 (in Russian).
- Khapizov, Sh.M. "Arm'anskii istochnik po srednevekovoi istorii Dagestana [Armenian Sources on the Medieval History of Dagestan]." In *Vestnik Matenadarana*. Issue 32. Erevan, 2022. P. 284–303 (in Russian).
- Khapizov, Sh.M. *Salameer, Endirei, Aukh (ocherki etnicheskoi istorii naseleniia Tersko-Sulakskogo mezhdurech'ya)* [*Salameer, Endirei, Aukh (Essays on the Ethnic History of the Population of the Terek-Sulak Interfluvium)*]. Makhachkala, 2014 (in Russian).
- Khapizov, Sh.M., and Shekhmagomedov, M.G. "Kladbishche poseleniia Choloda kak istochnik po istorii i antropologii gornoj Avarii [The Cemetery

- of the Settlement of Kholod as a Source of History and Anthroponymy of the Mountainous Avaria].” In *CAUCASO-CASPICA. Trudy Instituta avtokhtonnykh narodov Kavkazsko-Kaspiiskogo regiona*. Erevan, 2016. P. 113–124 (in Russian).
- Khashaeva, Kh.-M., ed. *Feodal’nye otnosheniia v Dagestane (XIX – nachalo XX v.)*. *Arkhivnye materialy [Feudal Relations in Dagestan (19th – early 20th century). Archival Materials]*. Moscow, 1969 (in Russian).
- Konovalova, I.G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. [Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries]*. Moscow, 2009 (in Russian).
- Krachkovski, I.Iu. *Arabskaia geograficheskaia literatura [Arabic Geographical Literature]*. Moscow, 2004 (in Russian).
- Lordkipanidze, M.D., and Muskhelishvili, D.L., eds. *Ocherki istorii Gruzii [Essays on the History of Georgia]*. Vol. 2. Tbilisi, 1988 (in Russian).
- Minaeva, T.M. “K voprosu o polovtsakh na Stavropol’e po arkheologicheskim dannym [On the Issue of the Polovtsians in Stavropol according to Archaeological Data].” In *Materialy po izucheniiu Stavropol’skogo kraia*. Issue 2. Stavropol, 1964. P. 167–196 (in Russian).
- Minorskii, V., transl. *Ḥudūd al-‘Ālam, “The Regions of the World”, a Persian Geography 372 A.H./982 A.D.* London, 1937.
- Minorskii, V.F. *Istoriia Shirvana i Derbenda X–XI vekov [History of Shirvan and Derbent in the 18th–19th centuries]*. Moscow, 1963 (in Russian).
- Muskhelishvili, D.L. *Iz istoricheskoi geografii Vostochnoi Gruzii (Shaki i Gogarena) [From the Historical Geography of Eastern Georgia (Shaki and Gogarena)]*. Tbilisi, 1982 (in Russian).
- Novosel’tsev, A.P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol’ v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza [The Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus]*. Moscow, 1990 (in Russian).
- Shikhsaidov, A.R. *Ocherki istorii, istochnikovedeniia, arkheografii srednevekovogo Dagestana [Essays on the History, Source Studies, Archeography of Medieval Dagestan]*. Makhachkala, 2008 (in Russian).
- Shikhsaidov, A.R., Aitberov, T.M., and Orazaev, G.M.-R. *Dagestanskii istoricheskie sochineniia [Dagestan Historical Works]*. Moscow, 1993 (in Russian).
- Thomson, R., transl. *Arctruni, T’ovma. History of the House of the Artsrunik’. Translation and Commentary*. Detroit, 1985.
- Vacca, A.M. “Conflict and Community in the Medieval Caucasus.” *Al-’Uṣūr al-Wuṣṭā* 25 (2017). P. 66–112.
- Vinogradov, A.Iu., and Beletskii, D.V. *Cerkovnaia arkhitektura Abkhazii v ehpokhu Abkhazskogo tsarstva. Konets VIII – X v. [Church Architecture of Abkhazia during the Era of the Abkhazian Kingdom. Late 8th–10th Century]*. Moscow, 2015 (in Russian).

BYZANTINOTAUURICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 288–302

BYZANTINOTAUURICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 288–302

Научная статья

Металлические накладки с растительным декором в материальной культуре Московской Руси во второй половине XIV–XV вв.: археологический контекст и восточно-средиземноморские влияния

Сергей Владимирович Шполянский

Научный сотрудник; Отдел археологических памятников; Государственный исторический музей; Красная площадь, д. 1, 109012 Москва; shpol@yandex.ru

Аннотация: В работе представлены металлические накладки с растительным декором, найденные при археологических исследованиях в пределах земель, подвластных московским князьям. Рассматривается контекст находки, география распространения, отмечается наличие свидетельств местного производства части изделий, что говорит об устойчивой моде на их использование. Начало бытования таких накладок определяется в пределах второй половины XIV — начала XV в. и соотносится с представлениями о влиянии культуры Востока на русское декоративно-прикладное искусство, архитектуру и материальную культуру в целом.

Ключевые слова: растительный орнамент, накладка, позднее средневековье, Северо-Восточная Русь, культура Востока

Цитирование: Шполянский С.В. Металлические накладки с растительным декором в материальной культуре Московской Руси во второй половине XIV–XV

© Шполянский С.В., 2024

вв.: археологический контекст и восточно-средиземноморские влияния // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2024. Т. 2. С. 288–302.

Original article

Metal Overlays with Floral Decoration in the Material Culture of Moscow Russia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Archaeological Context and Eastern Mediterranean Influences

Sergey V. SHPOLYANSKIY

Researcher; Department of Archaeological Monuments; State Historical Museum; 1 Krasnaya ploshad, 109012 Moscow, Russian Federation; shpol@yandex.ru

Abstract: The work presents metal overlays with floral decoration found during archaeological research within the lands subject to the Moscow princes. The context of the find, the geography of distribution are considered, the presence of evidence of local production of some items is marked, which indicates a stable fashion for their use. The beginning of the existence of such overlays is determined within the limits of the second half of the 14th – beginning of the 15th centuries. It correlates with the ideas about the influence of Oriental culture on Russian decorative and applied art, architecture and material culture in general.

Keywords: floral ornament, overlay, late Middle Ages, North-Eastern Russia, culture of the East.

For citation: Shpolyanskiy, S.V. “Metal Overlays with Floral Decoration in the Material Culture of Moscow Russia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Archaeological Context and Eastern Mediterranean Influences.” *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 288–302 (in Russian).

Особенности материальной культуры Московского великого княжества как основы для оформления национального своеобразия будущей Московской Руси обсуждаются уже довольно давно¹. Основные источники ее формирования также уже назывались, но при недостатке исследований, посвященных конкретным сюжетам, раскрывающим содержание происходивших изменений, составить целостную картину довольно сложно.

¹ Беляев Л.А. Московские типы: к истокам традиций // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 166–177.

И поиск групп предметов или категорий вещей, которые могли бы служить выразительными маркерами этих изменений, представляется значимой задачей.

Одним из заметных событий последних десятилетий стало выявление в составе материалов, полученных при изучении памятников Северо-Восточной Руси XIII–XV вв., различных, преимущественно металлических, накладок, ранее редко попадавших в поле зрения исследователей. Значительное типологическое разнообразие, выраженная вариативность форм позволяют говорить о развитой традиции их использования в качестве декоративного и конструктивного элемента разных категорий вещей (ременные, уздечные, сумочные, книжные и т. п.)².

Выделение среди них предметов, обладающих стилистически выраженными особенностями, дает возможность связать их появление на Руси с определенным культурным импульсом, ставшим основой для оформления местной традиции изготовления и использования подобных вещей.

В 1986 г. при раскопках Суздальского кремля М.В. Седовой была найдена небольшая орнаментированная накладка из цветного металла, отнесенная к числу изделий городских ювелиров³. Накладка представляет собой предмет щитовидной формы с выступающим треугольным завершением, украшенный орнаментом в виде двух побегов, скрученных в спирали, частично пересекающиеся между собой в центральной части щитка. (Рис. 1, 1а). Еще две очень близкие по форме и декору накладки происходят из недавних раскопок в предполье Окольного города Суздаля (Рис. 2, 2а) и небольшой крепости — форпоста Московского княжества в Нижегородском Поволжье, Нижнего Новгорода Малого (Рис. 3, 3а) (работы Волжской экспедицией ИА РАН). Наиболее определенно можно говорить о датировке нижегородской находки, которая ограничивается временем существования памятника, второй третью — концом XV в⁴.

Почти полное совпадение размеров, близость формы и литого декора позволяет видеть в рассматриваемых предметах если и не продукцию одной мастерской, то изготовление по образцу с целью получить одинаковые изделия.

Это предполагает примерно одно время бытования, которое, исходя из контекста обнаружения находок, можно определить в пределах второй половины — конца XIV–XV вв. Учитывая минимальные различия в морфологии предметов, вероятнее всего, датировка может быть сужена, но сейчас для этого нет достаточных оснований.

² Шполянский С.В. Металлические накладки в материальной культуре Северо-Восточной Руси // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара. 2020: в 3-х томах / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. 2. С. 325–326.

³ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 177. Рис. 64, № 16.

⁴ Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: в поисках утраченного города. М., 2018.

Рис. 1. Суздальские накладки щитовидной формы с орнаментом в виде побега, скрученного в спираль и их аналогии.

1-1а — из раскопа 1986 г. в Суздальском кремле; 2-2а — из раскопа в Суздале на ул. Ярунова гора, 27 в 2019 г.; 3-3а — из раскопок на городище Городок в Нижнем Новгороде 2022 г.; 4 — из фондов Александровского художественно-краеведческого музея; 5 — г. Болгар (по Г.Ф. Поляковой — 1996); 6 — Рюриково городище, из фондов Новгородского музея-заповедника; 7 — Хадыжинский могильник, из фондов Государственного исторического музея; 8 — курганы у станции Белореченской, из фондов Государственного исторического музея; 9 — Московский Кремль, раскоп 2007 г. Цветной металл

Поиск аналогий этой небольшой серии накладок может развиваться в двух направлениях: среди изделий близкой функции и морфологии (украшений наборных поясов, других элементов костюма, узды) и соответствия отдельных элементов орнамента и декоративной композиции в целом.

Наборные пояса, безусловно, использовались в позднесредневековой Руси⁵, но их детали крайне слабо отражены в публикациях археологического материала. Круг аналогий суздальской находки, происходящих с памятников русского средневековья, сейчас может быть представлен небольшим количеством предметов, в первую очередь теми, у которых растительный декор дополняется прорезным фоном.

Накладка, хранящаяся в Александровском художественно-краеведческом музее (АХКМ – 7420/62, номер Госкаталога 33594612), отличается от суздальских вещей особенностями композиции: в пределах орнаментальной зоны с прорезным фоном располагаются только одна крупная спираль с хорошо читающимися мелкими завитками, расположенными внутри свернутого побега (Рис. 1, 4).

Близкой аналогией изделию из Александровского музея можно назвать находку из Болгара (Рис. 1, 5), отнесенную Г.Ф. Поляковой к отделу В-Х ее классификации (пятиугольные) к типу В-Х-1 — с ажурным растительным декором⁶.

Из случайных находок на Рюриковом городище под Великим Новгородом происходит еще один предмет (НГМ КП 41481/20)⁷ (Рис. 1, 6) — пятиугольной формы, с дугообразным верхним краем, ассиметрично-треугольными выступами по углам и завершением, украшенным фигурой в форме трилистника. Растительный орнамент на прорезном фоне представлен двумя смыкающимися в центре накладки спиралями, с крупными завитками с внутренней стороны, которые соединены маленькими колечками. В нижней трети накладки располагается фигура ромбовидной формы с рельефным бортиком и крином в центре, соединенная со спиралями такими же колечками. Несмотря на различия, городищенская находка вполне сопоставима по размеру, общему абрису контура и основным мотивам орнаментальной композиции с изделиями рассматриваемой серии.

Накладка с Рюрикова городища почти идентична двум вещам, хранящимся в фондах ГИМ (ГИМ-91637/1–2 номера Госкаталога 32131880, 32131850), отличаясь только в мелких деталях (Рис. 1, 7). Эти предметы найдены далеко

⁵ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 77.

⁶ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. 1996. С. 154–257 (здесь: С. 203, Рис. 67, 37).

⁷ <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/214306?query=41481%2F20&index=0> (дата обращения: 07.05.2024).

за пределами средневековой Руси, на северо-западном Кавказе, при раскопках Хадыжинского могильника⁸, входящего в группу памятников, по месту первых исследований получивших собирательное название Белореченских курганов. Среди погребального инвентаря курганов, датируемых XIV – нач. XVI вв.⁹, есть серия декоративных элементов поясных наборов, с которыми изделия, происходящие с русских памятников, находят очевидные параллели¹⁰. В их числе семь накладок с прорезным фоном и литым орнаментом, композиция которого сходна с той, которая украшает суздальские находки (ГИМ-37258/430-436, номера Госкаталога 28603795, 28603767, 28603910, 28603972, 28603783, 28603791, 28606841) (Рис. 1, 8).

Близкую вариацию формы и орнамента белореченских вещей представляет фрагментарно сохранившаяся накладка из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (Рис. 1, 9)¹¹. Кремлевская находка сделана гораздо грубее, но, тем не менее, хорошо заметна схожесть общего абриса предмета, присутствует прорезной фон и рельефный литой декор в виде соприкасающихся в центральной части накладки двойных спиралей.

Кроме накладок щитовидной или пятиугольной формы можно привести еще несколько аналогий из числа ременной или сбруйной фурнитуры. У крупной (4 x 3,6 см) треугольной бляхи, найденной в 1998 г. в окрестностях Перемышля Московского, литой декор из смыкающихся спиралей покрывает лицевую сторону изделия (Рис. 2, 5). И хотя качество литья невысокое, орнамент достаточно узнаваем¹².

В Новгороде Великом на территории Славенского конца (ул. Славная, 22) в 2020 г. найдены две бляхи, сравнимые с находкой из окрестностей Перемышля, происходившие с двух разных усадеб (раскопы Нутный III и IV),

⁸ Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки к 100-летию работы В.А. Гордцова в Государственном Историческом музее. М., 2003. С. 59, 118.

⁹ См.: Веселовский Н.И. Производство археологических раскопок и разведок. Кубанская область. // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 1–65 (здесь: С. 2); Левашева В.И. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. 22. М., 1953. С. 163–213 (здесь: С. 209); Дружинина И.А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. // Byzantino-Caucasica. Вып. 2. М., 2022. С. 201–232; Она же. Связи черкесов Закубанья и Мамлюкского султаната в XIV – начале XVI в. по материалам раскопок Белореченских курганов // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918). СПб., 2024. С. 170–172.

¹⁰ Левашева В.И. Белореченские курганы... С. 199–201. Рис. 8, 7–8, 9, 1–5.

¹¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность В.С. Курмановскому за предоставленную информацию.

¹² Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Государственным Историческим музеем в Подольской и Чеховском районах Московской области. М., 1999. Архив ИА РАН. С. 6–7, 42. Рис. 11.

разделенных настилом мостовой¹³. Это накладки подтреугольной формы с контурами, оформленными в виде сегментов окружности со скобчатым верхним краем и килевидным завершением. Литой орнамент из спиралей занимает все поле лицевой стороны накладки, в центре располагается выступ миндалевидной формы (Рис. 2, б). Датированы новгородские находки XIV–XV вв.

Не углубляясь в дискуссию о происхождении растительного орнамента в виде скрученного в спираль побега, стоит отметить, что она развивается в основном с опорой на высокохудожественные образцы ювелирного искусства. Наиболее взвешенной представляется позиция, предлагающая видеть в использовании такого декора результат транзита культурных традиций между Византией, Западом, исламским миром и Русью XIV – первой половины XV вв.¹⁴ Альтернативой этой точке зрения выглядит мнение М.Г. Крамаровского, который появление в культурном пространстве Европы и Ближнего Востока филигрانی «спирального стиля» связывает с процессами глобализации в Евразии эпохи империи Чингизидов¹⁵.

Конечно, когда речь не идет об изделиях элитарного характера, распространение орнаментальной традиции и ременных накладок новых (для Руси) форм связано с более широким процессом чем просто тиражирование престижных вещей в демократичном исполнении. Вероятно, можно говорить о следовании моде на изделия с таким декором, уже без привязки к конкретным образцам.

Интересным примером может служить серия вещей, собранная на верхнем Дону, в пределах территории Елецкого княжества. Находки происходят с поселения Аргамач-Пальна 3 и датируются второй половиной XIV – первой половиной XV вв. В числе деталей ременной фурнитуры, найденных на поселении, есть три предмета с важными особенностями орнамента. (номера в Госкаталоге 22202294, 22202295, 22202296, ЕКМ ОФ 13749/2-4). Свернутые в спирали побеги лишь частично отображены на лицевой стороне накладок, изображения сильно обрезаны по периметру, и читаются в виде сегментов окружностей (Рис. 2, 1–3). Это обстоятель-

¹³ Шуреев А.В., Петров М.И. Спасательные археологические исследования на территории Славенского конца Великого Новгорода в 2020 г. (Славная, 22) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXV научной конференции, посвященной 80-летию А.С. Хорошева. Вып. 35. Великий Новгород, 2022. С. 70–78 (здесь: С. 74–75. Рис. 5, 2).

¹⁴ Bosselmann-Ruickbie A. The Ornamental Decoration of the Late Byzantine Bessarion Cross: Medieval Cultural Transfer Between Byzantium, the West, the Islamic World and Russia // La stauroteca di Bessarione fra Costantinopoli e Venezia. Venezia, 2017. P. 183–223 (здесь: P. 189).

¹⁵ Крамаровский М.Г. Pax Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 19–24.

ство свидетельствует об их местном производстве, что подтверждается и наличием предметов с литейным браком (Рис. 2, 4)¹⁶.

Иногда, при сохранении морфологии, менялось назначение изделий. Отражением смены функции при воспроизведении узнаваемой формы предмета может быть еще одна суздальская находка. Это круглая накладка диаметром 49 x 49,5 мм, с краем, оформленным в виде восьми лепестков килевидной формы (Рис. 2, 8). В центре каждого из лепестков размещались крепежные штифты с грибовидными шляпками. В центре бляхи находилось круглое отверстие диаметром 15 мм, а по ее периметру с внутренней стороны располагался бортик высотой 3,5–4 мм.

Облик накладки снова заставляет обратиться к материалам Белореченских курганов, где в женском погребении кургана № 8 в 1896 г. найдена двусторонняя серебряная позолоченная шестилепестковая бляха (Рис. 2, 9)¹⁷, входившая в состав одного из наиболее известных поясных наборов золотоордынского времени¹⁸. Несмотря на отличия в количестве лепестков и размерах, разницу в статусе предметов очевидна морфологическая близость изделий, что говорит о единстве ювелирной традиции, в которой они изготовлены.

Однако есть несомненные различия в конструкции и в назначении вещей, что становится ясно при взгляде на полностью сохранившийся сумочный замок из погребения у деревни Рикликяй (Riklikų) в Литве¹⁹ (Рис. 2, 10а-б). Подтверждением довольно широкого распространения изделий такой формы, можно считать находки на селищах Марийско-Чувашского Поволжья Нижние Шелаболки 1 (Рис. 2, 7)²⁰ и Большое Янгильдино: в последнем случае предмет интерпретируется авторами публикации как бляха от головного убора (Рис. 2, 11)²¹.

По-видимому, практика использования растительного декора в изготовлении металлических накладных деталей, к моменту появления во второй половине – конце XIV столетия новых орнаментов и форм изделий, была уже сформировавшейся традицией в предметном мире русского средневековья. Наиболее выразительным представляется использование мотива

¹⁶ Тропин Н.А. Предметы вооружения и воинского снаряжения второй половины XIV – начала XV в. Елецкого княжества // Краткие сообщения Института археологии. № 262. М., 2021. С. 339–358 (здесь: С. 339–340, 351–352. Рис. 5, 2–3,5).

¹⁷ Веселовский Н.И. Производство археологических раскопок... С. 48, 50. Рис. 248 а-б.

¹⁸ Золотая Орда и северное Причерноморье. Уроки Чингизидской империи. Каталог выставки. М., 2019. С. 388–389. № 297.

¹⁹ Svetikas E. Tretininkų odiniai kapšėliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. 2003. T. 24. P. 241–266 (здесь: P. 246).

²⁰ Автор очень признателен доктору исторических наук Татьяне Багишевне Никитиной за предоставленную информацию.

²¹ Мясников Н.С., Грибов Н.Н. Большаянгильдинское селище XIV–XV вв. в Чувашско-Марийском Поволжье // Новгород земли Низовской. М., 2024. С. 133–155 (здесь: С. 143–144, Рис. 3, 1).

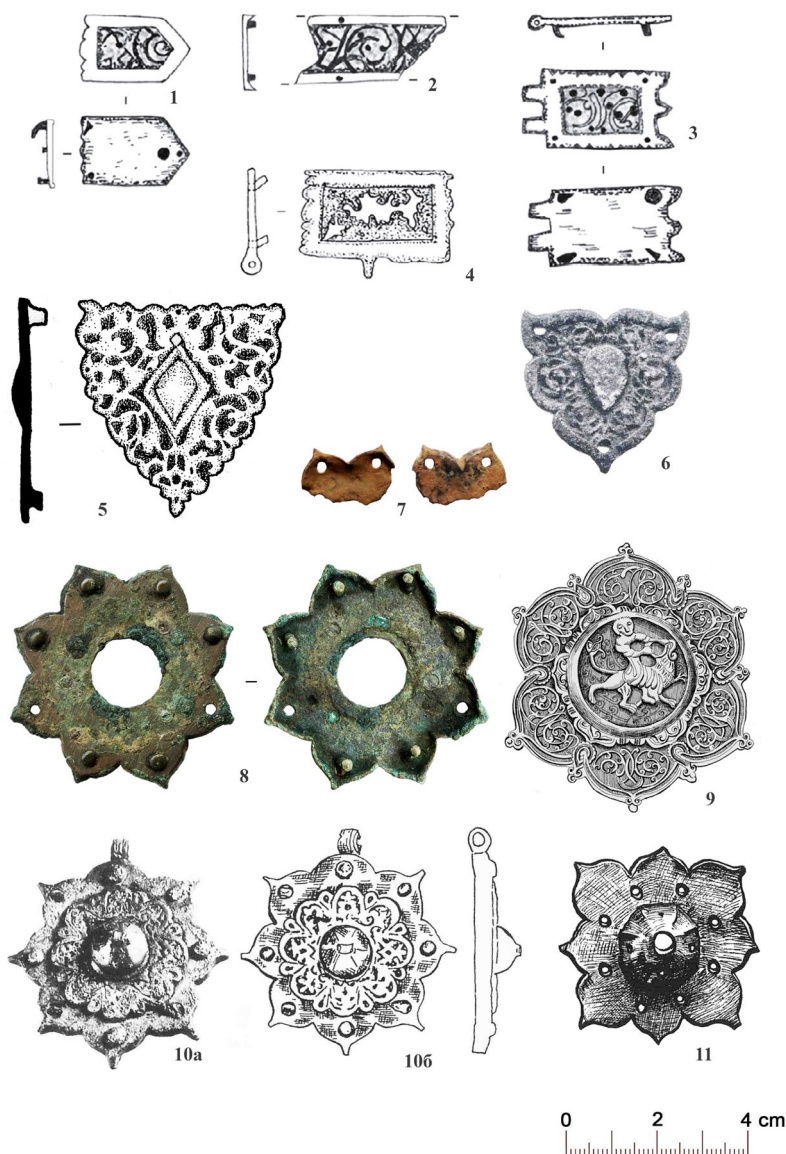

Рис. 2. Накладки с орнаментом в виде побега, скрученного в спираль разных форм и в виде многолепестковой розетки.

1–4 — накладки с поселения Аргамач-Пальна 3 под Ельцом (по Н.А. Тропину, 2021); 5 — треугольная бляха с селища Сатино-Татарское 1Б из окрестностей Перемышля Московского; 6 — накладка из раскопа в Славенском конце Новгорода Великого (по А.В. Шурееву., М.И. Петрову, 2022). 7 — фрагмент восьмилепестковой накладки с селища Нижние Шелаболки 1 (республика Марий Эл); 8 — восьмилепестковая накладка из Суздаля; 9 — шестилепестковая орнаментированная бляха из погребения в кургане 8 Белореченских курганов (по: М.Г. Крамаровский, 2019, С. 50, Илл.25); 10а-б — сумочный замок из погребения в окрестностях Рикликий (Литва) (по: Е. Svetikas, 2003); 11 — бляха от конического головного убора с селища Большое Янгильдино (Чувашия) (по: Н.С. Мясников, Н.Н. Грибов, 2024). Цветной металл

пальметты или крина, чаще всего, в составе розеток сердцевидной формы — хорошо известной композиции древнерусского орнамента²². Такие накладки, судя по сравнительно небольшим размерам и конструкции крепления (на три штифта), вероятно, были частью декора наборных поясов.

Время появления изделий в форме трилистника в сердцевидном обрамлении на территории Северо-Восточной Руси пока нельзя определить в полной мере достоверно: вероятно, первые образцы литья, воспроизводящие орнаменты на памятниках архитектуры и декоративно-прикладного искусства, относятся к концу XII – первой половине XIII вв., хотя сама композиция появляется гораздо раньше²³.

Вещи подобной формы найдены в Москве, Суздале, Владимире, малых городах Поочья, Старой Руссе (Рис. 3, 2–5). Накладку из Старой Руссы²⁴ (Рис. 3, 5) можно сравнить с изделиями характерными для традиционного костюма даугавских ливов, в котором с XII столетия получают широкое распространение вещи с христианской символикой, в первую очередь цепедержатели и отдельные украшения поясов с изображением сердцевидной розетки, бытующие вплоть до XIV в.²⁵

Сохранение в позднем средневековье традиции использования декоративных деталей в виде трилистника в сердцевидном обрамлении документируется находкой на одном из посадов г. Любутска (Рис. 3, 3), расположенного в калужском течении р. Оки, впервые упоминаемого в 1372 г.²⁶

Среди деталей ременной гарнитуры наиболее выразителен железный портупейный крюк из Суздальского кремля (номер в Госкаталоге 2726492), в средней части которого располагается прорезная сердцевидная фигура с крупным трилистником в центре (Рис. 3, 1).

Из числа накладок, оформленных с использованием мотива трилистника и отличающихся оригинальностью формы, выделяются две находки

²² Макарова Т.И. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 370–377; Она же. Черное дело Древней Руси. М., 1986. С. 15.

²³ Гладкая М.С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире. Восточный фасад // Дмитриевский собор во Владимире. Материалы и исследования. Вып. 6. М., 2009. С. 64–68.

²⁴ Торопова Е.В. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2015 г.: в 3-х томах. Т. 2. 2016. С. 51.

²⁵ Спиргис Р. Растительный орнамент древних ливов — декор или христианская символика? [Acta Archaeologica Albaruthenica; 9]. Минск, 2013. С. 73–111.

²⁶ Болдин И.В. Летописные города Великого стояния: Любутск. История и археология // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 86–98.

Рис. 3. Накладки в виде пальметты или трилистника в сердцевидном обрамлении и их аналогии.

1, 6 — Суздаль, кремль; 2 — г. Ростиславль Рязанский; 3 — неукрепленный посад г. Любутска (селище 3); 4 — г. Владимир, Ветшаный город; 7-8 — селище Минино 1, среднее течение Москва-реки; 9 — селище Гостево 3, Суздальское Ополье.

1, 4, 9 — железо, остальное — цветной металл

с подмосковного селища Мякинино 1²⁷. Одна из них (ажурная) каплевидной формы, с выступающими криноподобными фигурами, морфологически близкая некоторым композициям белокаменной резьбы Владимирского Дмитриевского собора²⁸ (Рис. 3, 8), сходна по стилистике с фрагментом накладной детали из Суздальского кремля, которую, в свою очередь, можно сравнить с декором, украшающим суздальские Златые врата²⁹. Чрезвычайная устойчивость в практике использования таких форм накладок в сочетании с новыми декоративными композициями хорошо видна по литому окладу рукописной Псалтири рубежа XIV–XV вв. — вложению в Троице-Сергиеву Лавру Ивана Грозного³⁰.

Вторая накладка из Мякининского 1-го селища — лунничной формы, с выступающим из центра крином, побеги в его средней части помещены в пасти змеевидных зверей, исходящих из окончаний изделия. Внутренний контур изделия, тела животных и центральный выступ трилистника повторяют форму накладок с сердцевидным контуром. Щиток лунницы украшен орнаментом в виде стилизованной лозы (Рис. 3, 7).

Важным для формирования картины сочетания восходящей к византийской и восточной декоративной традиций в средневековой русской культуре представляется находка с одного из селищ Суздальского Ополя. Она представлена обломком железной накладки, в центре которой внутри вытянутой шестиугольной рамки располагается фигура, напоминающая абрисом цветов лотоса³¹ (Рис. 3, 9).

В целом можно сказать, что появление в культурных слоях русских поселений второй половины XIV–XV вв. накладок с растительным «спиральным» декором в форме многолепестковой розетки вместе с продолжением использования изделий в виде пальметты или крина вполне соотносится с представлениями о влиянии культуры Восточного Средиземноморья (или, в широком смысле, культуры Востока) на русское декоративно-прикладное искусство и архитектуру³². Наличие понятного археологического контекста, делает возможным наполнить представления о «восточном

²⁷ Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Мякининское 1 селище в поселенческой структуре Северо-Западного Подмосковья // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М., 2008. С. 319–332.

²⁸ Гладкая М.С. Каталог белокаменной резьбы... С. 342–343.

²⁹ Овчинников А.Н. Суздальские златые врата. М., 1978. Рис. 65, 70, 84, 114.

³⁰ Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 167–168. Рис. 57.

³¹ Шполянский С.В. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // *Археология Подмосковья*. Вып. 15. М., 2019. С. 227–245 (здесь: С. 240).

³² Стерлигова И.А. К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики // *Вестник сектора древнерусского искусства: журнал по истории древнерусского искусства*. 2019. № 1. С. 43–52.

компоненте» в материальной культуре Северо-Восточной Руси позднего Средневековья конкретным содержанием.

References

- Belyaev, L.A. "Moskovskie tipy: k istokam traditsii [Moscow Types: To the Origins of the Tradition]." In *Rus' v XIII–XV vekakh. Novye otkrytia v oblasti arkheologii i istorii*. Moscow, 2021. P. 166–177 (in Russian).
- Boldin, I.V. "Letopisnye goroda Velikogo stoianii: Lyubutsk. Istoriia i arkheologija [Chronicle Cities of the Great Stand: Lyubutsk. History and Archaeology]." *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii (30 marta – 1 aprelya 2017 g., Kaluga)*. Kaluga, 2017. P. 86–98 (in Russian).
- Bosselmann-Ruickbie, A. "The Ornamental Decoration of the Late Byzantine Bessarion Cross: Medieval Cultural Transfer Between Byzantium, the West, the Islamic World and Russia." In *La stauroteca di bessarione fra Costantinopoli e Venezia*. Venezia, 2017. P. 183–223.
- Druzhinina, I.A. "Maml'uki na Severnom Kavkaze v XIV – nachale XVI v. [Mamluks in the North Caucasus in the 14th – early 16th Centuries]." In *Byzantino-Caucasica*. Issue 2. Moscow, 2022. P. 201–232 (in Russian).
- Druzhinina, I.A. "Sv'azi cherkesov Zakuban'ia i Maml'ukского sultanata v XIV – nachale XVI v. po materialam raskopok Belorechenskikh kurganov [Relations between the Circassians of Trans-Kuban and the Mamluk Sultanate in the 14th – early 16th Centuries Based on Excavation Materials from the Belorechensk Mounds]." In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia, Kavkaza i Srednei Azii: ot otkrytii N.I. Veselovskogo k sovremennoi nauke: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 175-letiiu Nikolaia Ivanovicha Veselovskogo (1848–1918)*. Saint-Petersburg, 2024. P. 170–172 (in Russian).
- Engovatova, A.V., and Koval', V.Iu. "M'akininskoe 1 selishche v poselencheskoi strukture Severo-Zapadnogo Podmoskov'ia [M'akininskoe 1 Settlement in the Settlement Structure of the North-West Moscow Region]." In *Sel'skaia Rus' v IX–XVI vekakh*. Moscow, 2008. P. 319–332 (in Russian).
- Gladkaya, M.S. "Katalog belokamennoi rez'by Dmitrievskogo sobora vo Vladimire. Vostochnyi fasad [Catalogue of White Stone Carvings of the Cathedral of St. Demetrius in Vladimir. Eastern Facade]." In *Dmitrievskii sobor vo Vladimire. Materialy i issledovaniia*. Issue 6. Moscow, 2009. P. 64–68 (in Russian).
- Gribov, N.N. *Nizhnii Novgorod v XV veke: v poiskakh utrachennogo goroda [Nizhny Novgorod in the 15th Century: In Search of the Lost City]*. Moscow, 2018 (in Russian).
- Kon' i vsadnik. *Vzgl'ad skvoz' veka. Katalog vystavki k 100-letiiu raboty V.A. Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee [Horse and Rider.*

- A View Through the Ages. Catalogue of the Exhibition Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov's Work at the State Historical Museum*. Moscow, 2003 (in Russian).
- Kramarovskiy, M.G. "Pax Mongolica and the Problems of the Globalization of Eurasian Culture." *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* 10 (2017). P. 19–24 (in Russian).
- Levasheva, V.I. "Belorechenskie kurgany [Belorechensk Burial Mounds]." In *Arkheologicheskii sbornik. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. Issue 22. Moscow, 1953. P. 163–213 (in Russian).
- Makarova, T.I. "Simmetriia v rastitel'nom ornamente Drevnei Rusi [Symmetry in the Plant Ornament of Ancient Rus']." In *Drevn'aia Rus' i slav'ane*. Moscow, 1978. P. 370–377 (in Russian).
- Makarova, T.I. *Chernevoe delo Drevnei Rusi [Blacksmithing of Ancient Rus]*. Moscow, 1986 (in Russian).
- Murasheva, V.V. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.) [Old Russian Belt Ornaments (10th – 13th Centuries)]*. Moscow, 2000 (in Russian).
- Myasnikov, N.S., and Gribov, N.N. "Bol'sheiangil'dinskoe selishche XIV–XV vv. v Chuvashsko-Mariiskom Povolzh'ie [Bol'sheiangil'dinskoe Settlement of the 14th–15th Centuries in the Chuvash-Mari Volga Region]." In *Novgorod zemli Nizovskoi*. Moscow, 2024. P. 133–155 (in Russian).
- Nikolaeva, T.V. *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi [Applied Art of Muscovite Rus']*. Moscow, 1976 (in Russian).
- Ovchinnikov, A.N. *Suzdal'skie zlatye vrata [Suzdal's Golden Gates]*. Moscow, 1978 (in Russian).
- Polyakova, G.F. "Izdeliia iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov [Products Made of Non-Ferrous and Precious Metals]." In *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov*. Kazan, 1996. P. 154–257 (in Russian).
- Sedova, M.V. *Suzdal' v X–XV vekakh [Suzdal in the 10th–15th Centuries]*. Moscow, 1997 (in Russian).
- Shpolyanskiy, S.V. "Belt Fittings of Iron from the Medieval Sites of Suzdal Opol'ye." *Arkheologiiia Podmoskov'ia*. Issue 15. Moscow, 2019. P. 227–245 (in Russian).
- Shpolyanskiy, S.V. "Metallicheskie nakladki v material'noi kul'ture Severo-Vostochnoi Rusi [Metal Overlays in the Material Culture of North-Eastern Rus']." In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare. Samara. 2020: v 3-kh tomakh*, ed. by A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov. Vol. 2. P. 325–326 (in Russian).
- Shureev, A.V., and Petrov, M.I. "Spasatel'nye arkheologicheskie issledovaniia na territorii Slavenskogo kontsa Velikogo Novgoroda v 2020 g. (Slavnaia, 22) [Rescue Archaeological Research on the Territory of the Slavensky end of Veliky Novgorod in 2020 (Slavnaya, 22)]." In *Novgorod i Novgorodskaia zeml'a. Istoriia i arkheologiiia. Materialy XXXV nauchnoi konferentsii, posv'ashchennoi 80-letiiu A.S. Khorosheva*. Issue 35. Veliky Novgorod, 2022. P. 70–78 (in Russian).

- Spirgis, R. *Rastitel'nyi ornament drevnikh livov — dekor ili khristianskaia simvoli-ka?* [*Plant Ornament of the Ancient Livs: Decoration or Christian Symbolism?*]. [Acta Archaeologica Albaruthenica; 9]. Minsk, 2013 (in Russian).
- Sterligova, I.A. "Studying the "Mongolian" Period in the History of Old Russian Toreutics." *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva: zhurnal po istorii drevnerusskogo iskusstva* 1 (2019). P. 43–52 (in Russian).
- Svetikas, E. "Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika." *Lietuvos archeologija* 24 (2003). P. 241–266.
- Tropin, N.A. "Predmety vooruzheniia i voinskogo snar'azheniia vtoroi poloviny XIV – nachala XV v. Eleckogo kn'azhestva [Items of Armament and Military Equipment of the Second Half of the 14th – Beginning of the 15th of the Yelets Principality]." In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*. No. 262. Moscow, 2021. P. 339–358 (in Russian).
- Zolotaia Orda i severnoe Prichernomor'e. Uroki Chingizidskoi imperii. Katalog vystavki [*The Golden Horde and the Northern Black Sea Region. Lessons of the Genghisian Empire. Exhibition Catalogue*]. Moscow, 2019 (in Russian).

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 303–316

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 303–316

Научная статья

Применение искусственного интеллекта для развития исторического знания: перспективы и ограничения

Николай Игоревич Быстрицкий

Старший научный сотрудник; Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века; Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119992 Москва; nbystritskiy@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются появляющиеся возможности использования приложений искусственного интеллекта в исторической науке. Чат-боты на базе больших языковых моделей могут служить полезным инструментом в исторических исследованиях для ряда вспомогательных задач: проведения первоначального анализа текстов и документов, создания сводок или резюме, анализа длинных текстов для выявления ключевых тем и идей. Обсуждаются перспективные направления использования ИИ и возможные ограничения.

Ключевые слова: историческое знание, цифровая история, методология истории, историография, византиноведение, византиноведческие информационные ресурсы, искусственный интеллект, нейросетевые модели, большие языковые модели, чат-боты, GPT.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00167.

Цитирование: Быстрицкий Н.И. Применение искусственного интеллекта для развития исторического знания: перспективы и ограничения // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024 Т. 2 С. 303–316.

Original article

Application of Artificial Intelligence for the Development of Historical Knowledge: Prospects and Limitations

Nikolay I. BYSTRITSKIY

Senior Researcher; Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages; Faculty of History; Lomonosov Moscow State University; Lomonosovsky prospect, 27–4, 119192 Moscow, Russian Federation; nbysritrskiy@yandex.ru

Abstract: This article examines the emerging possibilities of using artificial intelligence applications in historical science. Chatbots based on large language models can serve as a useful tool in historical research for a number of auxiliary tasks: conducting initial analysis of texts and documents, creating summaries or summaries, analyzing long texts to identify key topics and ideas. Promising areas of AI applications and possible limitations are discussed.

Keywords: historical knowledge; Digital History; historical methodology, historiography, Byzantine studies, information resources for Byzantine studies, artificial intelligence, neural network models, large language models, chatbots, GPT.

Funding: the research is carried out within the project «Black Sea Region and the Mediterranean World during Periods of Crisis and Changes in the Middle Ages», funded by the Russian Science Foundation (no. 22–18–00167).

For citation: Bystritskiy, N.I. “Application of Artificial Intelligence for the Development of Historical Knowledge: Prospects and Limitations.” *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 303–316 (in Russian).

Недавно состоявшийся в Венеции и Падуе XXIV Международный Конгресс византийских исследований продемонстрировал уверенный рост использования цифровых ресурсов в современных исторических исследованиях¹. Такие ресурсы стали сегодня полезными инструментами византиноведческих исследований². У историков возрастают потребности

¹ Карпов С.П. XXIV Международный Конгресс византийских исследований в Венеции и Падуе // Византийский временник. 2022. Т. 106. С. 371–375.

² См.: Быстрицкий Н.И. Византиноведческие информационные ресурсы. Тенденции и перспективы // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 286–295; Он же. Византиноведческие информационные ресурсы. Πάντα μεταβάλλεται // Византийский временник. 2017. Т. 101. С. 290–298; Он же. Византиноведческие цифровые информационные ресурсы // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII Международной научной конференции (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.). В 2 т. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2024. С. 43–45.

в эффективных способах извлечения новой информации из оцифрованных источников, для чего могут быть использованы технологии искусственного интеллекта³, которые уже начали применяться в других областях знания.

В современном понимании искусственный интеллект (ИИ) — это симуляция и моделирование процессов человеческого интеллекта машинами, особенно цифровыми системами⁴. По степени интеллектуальности реализации ИИ подразделяют на четыре уровня⁵:

- Реактивный (быстрый) ИИ — не имеет памяти и ориентирован на выполнение конкретной задачи (*Deep Blue*);
- ИИ с ограниченной памятью, имеющий ограниченные возможности к накоплению опыта и обучению (беспилотные автомобили). Текущее состояние ИИ находится на этом уровне.
- «Теория сознания» — этот психологический термин применительно к ИИ означает, что система должна обладать социальным интеллектом, чтобы понимать человеческие намерения и предсказывать поведение. Она должна уметь анализировать человеческие мотивы и рассуждения.
- Самосознание, при котором ИИ обладают «чувством собственного «я»», понимают свое текущее состояние. Интеллект человеческого уровня, который также может обойти наш интеллект. ИИ такого уровня еще долго не будет реализован.

Несмотря на то, что сейчас технологии ИИ находятся только на втором уровне развития и имеют сугубо ограниченные возможности, их функциональность уже впечатляет. Текущие области применения искусственного интеллекта включают экспертные системы, обработку информации на естественном языке (NLP), распознавание речи и машинное зрение.

Одним из перспективных направлений создания ИИ является искусственные нейронные сети. Первые разработки в этой области начали появляться в середине XX в. Пионерами здесь явились нейрофизиолог Уоррен Мак-Каллок и математик Уолтер Питтс, которые в 1943 г. предложили простую математическую сетевую модель, известную как нейрон Маккаллока-Питтса⁶. Их последователь Марвин Мински в 1951 г. (вместе

³ См.: Chen S. Scientists Reveal Ancient Social Networks Using AI — and X-Rays // WIRED. 21.03.2019. URL: <https://www.wired.com/story/scientists-reveal-ancient-social-networks-using-ai-and-x-rays/> (дата обращения: 22.12.2024); Быстрицкий Н.И. История и конвергентные технологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4. № 4. С. 52–66.

⁴ Чесалов А.Ю. и др. Глоссарий по искусственному интеллекту. М.: Ridero, 2023. С. 54.

⁵ Hintze A. Understanding the Four Types of Artificial Intelligence // Government Technology. 14.11.2016. URL: <https://www.govtech.com/computing/understanding-the-four-types-of-artificial-intelligence.html> (дата обращения: 22.12.2024).

⁶ McCulloch W.S., Pitts W. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. Vol. 5. P. 115–133.

с Дином Эдмондсом) создал первую машину, использовавшую в своей работе принцип нейронных сетей — SNARC, в 1969 г. (совместно с Сеймуром Пейпертом) издал книгу «Перцептроны», которая стала основополагающей работой в области анализа искусственных нейронных сетей, а также в 1974 г. описал способ представления знаний в искусственном интеллекте — концепцию фрейма⁷. В 1956 г. в Дартмутском университете проходил продолжительный семинар, где обсуждались вопросы создания действующих моделей рационального мышления, в ходе которого было предложено название «искусственный интеллект». Параллельно стали появляться работы по нейронному обучению. В 1949 г. нейропсихолог Дональд Хебб описывает функционирование нейрона и первый алгоритм обучения⁸. Принципы машинного обучения с вознаграждением были предложены в 1961 г. советским математиком Михаилом Львовичем Цетлиным⁹.

Прошли десятилетия, характеризовавшиеся то подъемами, то спадами («зима ИИ») в разработке нейросетевых моделей, пока в середине 10-х гг. XXI в. не наступил серьезный прорыв, называемый «бумом ИИ», или «ИИ-революцией» и связанный с достижениями в области «глубокого обучения» и «больших языковых моделей»¹⁰. Так, последние достижения в технологиях нейронных сетей на основе моделей глубокого обучения привели в начале 20-х гг. XXI в. к созданию продуктивных приложений генеративных систем ИИ (*generative AI*, *GenAI*, *GAI*), которые оказываются способными генерировать текст, изображения, программный код или другие данные с использованием больших генеративных моделей, в ответ на подсказки (промпты, *prompts*).

Большая языковая модель (БЯМ, *Large Language Model*, *LLM*) — это программное средство, реализующее искусственную нейронную сеть, самообученную на больших наборах текстовых данных, которая понимает человеческий язык, генерирует на нем тексты и решает другие задачи, такие как классификация. В большинстве случаев для реализации БЯМ используется архитектура трансформера, появившаяся в 2017 г.¹¹

⁷ См.: *Minsky M.* A Neural-Analogue Calculator Based upon a Probability Model of Reinforcement. Cambridge: Harvard University Psychological Laboratories, 1952; *Minsky M., Papert S.* Perceptrons. Cambridge, MA: MIT Press, 1969; *Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge. MIT-AI Laboratory Memo 306. Cambridge: MIT, 1974. (Русский перевод: *Минский М.Л., Пепперт С.* Перцептроны. М., 1971; *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979).

⁸ *Hebb D.O.* The Organization of Behavior. A Neuropsychological Theory. New York, 1949.

⁹ *Цетлин М.Л.* О поведении конечных автоматов в случайных средах // Автоматика и телемеханика. 1961. Т. 22. № 10. С. 1345–1354.

¹⁰ *Уоссермен Ф.* Нейрокомпьютерная техника: Теория и практика. М., 1992; *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2015; *Лекун Я.* Как учится машина. Революция в области нейронных сетей и глубокого обучения. М., 2021.

¹¹ *Vaswani A. et al.* Attention Is All You Need // 31st Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2017). Long Beach, 2017.

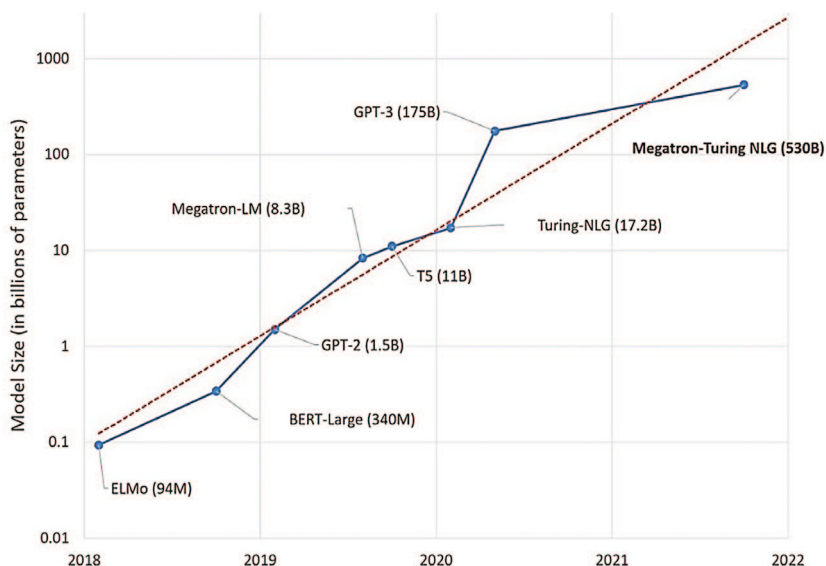

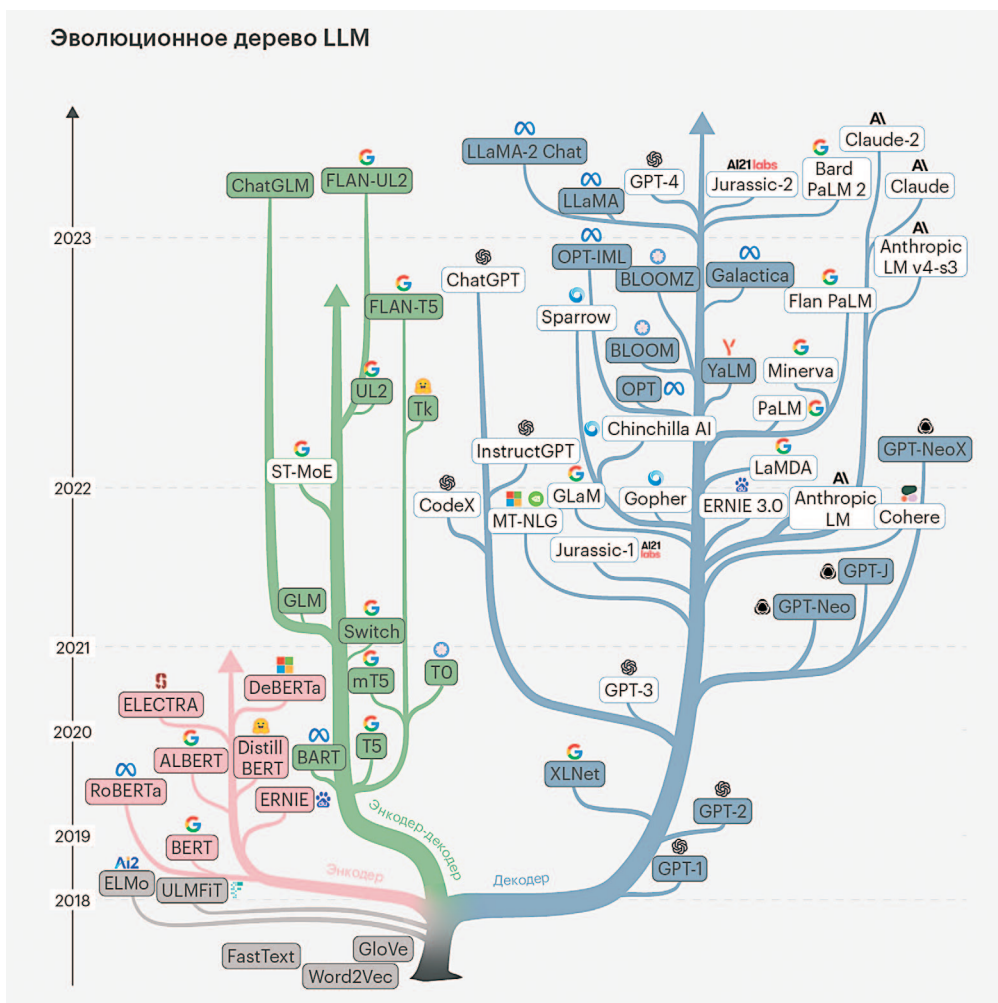
Рис. 1. Развитие БЯМ (размер моделей в миллиардах параметров)¹²

Трансформер включает в себя две основные подсистемы — кодировщик и декодировщик. Кодировщик отвечает за перевод текста во внутренний язык модели и выявление его смысла (т. н. контекстная векторизация). Он используется для текстовой аналитики. Декодировщик позволяет реализовывать специализированные задачи пользователя: генерирует текст, изображение, создает аннотации и пр.

К сегодняшнему дню с момента своего появления трансформеры претерпели бурную эволюцию, каждый год появляются десятки новых моделей, а максимальный размер таких моделей увеличивается практически на порядок (Рис. 1), приближаясь к 10 триллионов параметров¹³. Сегодня количество известных БЯМ перевалило уже за отметку в полтысячи. Их список включает такие модели как: *BERT*, *T5*, *GLaM*, *LaMDA*, *PaLM*, *Minerva* и *Gemini* (Google, США), *Megatron-Turing NLG* (Microsoft и NVIDIA, США), *Phi*, *Kosmos* (Microsoft, США), *Galactica*, *LLaMA* и *Chameleon* (Meta, США), *BloombergGPT* (Bloomberg, США), *BLOOM* и *Zephyr*

¹² Источник: Guide to Working with Large Language Models // Artificial Intelligence (AI) playbook. Microsoft Learn, 2024. URL: <https://learn.microsoft.com/ru-ru/ai/playbook/technology-guidance/generative-ai/working-with-llms/> (дата обращения: 22.12.2024).

¹³ Параметр нейронной сети — вычисление, которое приписывает больший или меньший вес к некоторому аспекту данных, чтобы придать этому аспекту большую или меньшую значимость в общем вычислении в процессе обучения сети. См.: Ray T. OpenAI's gigantic GPT-3 hints at the limits of language models for AI // ZDNet. May 31, 2020. URL: <https://www.zdnet.com/article/openais-gigantic-gpt-3-hints-at-the-limits-of-language-models-for-ai/> (дата обращения: 22.12.2024).

Рис. 2. Генеалогическое дерево эволюции БЯМ¹⁴

(Hugging Face, США), *Claude* (Anthropic, США), *Stable Beluga* (Stability AI, Великобритания, США), *Gopher* и *Chinchilla* (DeepMind, Великобритания, США), *Mistral* (Mistral AI, Франция), *Ernie* (Baidu, КНР), *PanGu* (Huawei, КНР), *Fugaku-LLM* (Fujitsu, TIT, Япония), *Falcon* (Technology Innovation Institute, ОАЭ), *Jurassic* (AI21 Labs, Израиль) плюс разновидности генеративного предварительно обученного трансформера (GPT): *GPT-1*, *GPT-2*, *GPT-3*, *GPT-3.5*, *GPT-4*, *GPT-5* (компания OpenAI, США), *GPT-Neo* (EleutherAI), *YandexGPT*, *YaLM* (Яндекс, РФ), *mGPT* (Салют-

¹⁴ Источник: Yang J. et al. Harnessing the Power of LLMs in Practice: A Survey on ChatGPT and Beyond // arXiv. 2023. 2304.13712 URL: <https://arxiv.org/abs/2304.13712> (дата обращения: 22.12.2024).

Девайсы, Сбер, РФ), *NExT-GPT* (NUS, Сингапур), *AnyGPT* (Фуданьский университет, КНР) и др.

Генеалогическое древо эволюции (Рис. 2) явственно показывает, что на современном этапе развитие БЯМ идет в направлении усовершенствования и обучения декодеров. Исследовательские группы ведущих университетов и корпораций активно наращивают разработки в этой перспективной области генеративного ИИ. К настоящему моменту инвестиции в область разработки БЯМ превысили сумму в несколько триллионов Евро.

Востребованным и популярным пользовательским приложением БЯМ являются чат-боты и сервисы генерации изображений. Чат-бот (chatbot, виртуальный ассистент) — это программное приложение, или веб-интерфейс, предназначенный для имитации человеческого разговора посредством текстового или голосового взаимодействия. Современные чат-боты, как правило, представляют собой пользовательский веб-интерфейс для БЯМ, реализованный на ПК, планшетах, смартфонах. Они способны поддерживать разговор с пользователем на естественном языке и имитировать поведение человека в качестве собеседника. Известными чат-ботами являются сервисы *ChatGPT* (компания OpenAI, США), *Bing Chat* и *Copilot* (Microsoft, США), *Gemini* (Google, США), *Grok* (xAI, США), *BlenderBot* (Meta, США), *Alexa™* (Amazon, США), *Perplexity* (Perplexity, США), *Claude* (Anthropic, США), *Zephyr Chat* и *HuggingChat* (Hugging Face, США), *Stable Chat* (Stability AI, Великобритания, США), *Алиса* (Яндекс, РФ), *GigaChat* (Сбер, РФ), *OpenAssistant* (LAION, ФРГ), *OpenChat* (Университет Цинхуа, КНР), *Ernie bot* (Baidu, КНР), *Celia* (Huawei, КНР) и др.

Функционал чат-ботов наиболее всего подходит для задач по созданию связного и плавного текста:

- написание рассказов;
- описание предметов;
- ответы на вопросы;
- создание заголовков;
- выявление основного содержания;
- аннотирование длинных документов;
- перевод на другие языки;
- генерация описания на естественном языке из структурированных нетекстовых данных;
- разработка программного кода на основе описания задачи.

Тем не менее, как показывает практика, чат-боты могут не справляться с задачами, требующими большего логического мышления, фактических знаний или экспертных знаний в конкретной области. Разрабатываются также художественные приложения БЯМ для генерации изображений,

например: *Stable Diffusion* (Stability AI), *Midjourney* (Midjourney Inc.) и *DALL-E* (OpenAI).

В современных условиях обученный чат-бот может служить полезным инструментом в исторических исследованиях для вспомогательных задач: проведения первоначального анализа текстов и документов, создания сводок или резюме, анализа длинных текстов для выявления ключевых тем и идей¹⁵.

Перспективные области использования генеративного ИИ в исторических исследованиях включают в себя следующие направления исследований:

1. Обработка и каталогизация данных. ИИ может помочь при обработке и классификации больших объемов исторических документов, артефактов, что упростит поиск и доступ к информации для исследователей. Незаменимыми могут стать функции ИИ для составления тематических каталогов и пр.

2. Анализ текстов и переводы. Технологии обработки естественного языка позволят анализировать тексты, проводить контент-анализ, выделять ключевые темы, идеи и взаимосвязи, а также обеспечат возможность автоматического перевода источников и исследований на различные языки. Вместе с этим можно ожидать существенного продвижения в некоторых исследовательских областях, например в доработке корпусов *Thesaurus Linguae Graecae* (TLG), *Perseus* и др. Основными областями приложения цифрового инструментария являются:

- атрибуция текстов (сравнение стиля, орфографии и пр.);
- изучение истории идей (заимствования и переработка);
- установление хронологии текстов.

3. Виртуальные исследовательские помощники, основанные на ИИ, могут помочь исследователям в поиске информации, формулировании вопросов для исследования и предоставлении рекомендаций по литературе и источникам.

4. Анализ больших данных. С использованием алгоритмов машинного обучения и ИИ можно проводить более глубокий анализ больших объемов исторических данных для обнаружения закономерностей, тенденций и неизвестных фактов. ИИ позволит реализовать глубокий анализ фактографического материала.

5. Реконструкция исторических процессов. С использованием современных технологий виртуальной реальности и моделирования можно воссоздать исторические события, места и предметы для более наглядного понимания и изучения.

¹⁵ См.: Быстрицкий Н.И. Вопросы трансформации исторического знания в цифровую эпоху // *Digital Orientalia*. 2023. Vol. 3. № 3–4. P. 9–14; Bystritskiy N. System Approach for Digital History // *ITM Web of Conferences*. 2020. Vol. 33. P. 1–10.

Применение приложений ИИ позволяет исследователям анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности и связи со скоростью, ранее им недостижимой, открывая возможности создания более динамичных способов изучения и представления исторического и культурного знания. Цифровые инструменты историка на базе ИИ могут быть чрезвычайно актуальны для разработки новых и более эффективных методов исследования первоисточников и вторичной литературы, поддерживая неизменное стремление исторического знания к истине.

К настоящему времени практически не существует реализованных на ИИ цифровых инструментов, ориентированных на византиноведческие исследования. Стоит надеяться на скорейшее появление специальных приложений и моделей ИИ, спроектированных для обучаемых на исторических научных данных.

1. Единственным примером пока может служить пионерский проект французских исследователей из Сорбонны «Гибридный ИИ для византийской сигиллографии (BNAI)», призванный облегчить исследователям изучение печатей¹⁶. При помощи гибридных методов ИИ, на основе пространственных связей и пространственной логики, приложение проводит распознавание надписей, анализ иконографических сцен, интерпретацию и реконструкцию поврежденных участков печатей. К настоящему времени осуществлена обработка изображений около 100 печатей и результаты проекта обнадеживают.

2. Проект Transcribus — это комплексная платформа для оцифровки, распознавания текста и транскрипции исторических документов на базе искусственного интеллекта¹⁷. Она использует обученные нейросетевые модели. На ее основе создано более 150 находящихся в свободном доступе моделей распознавания для различных языков и письменностей, включая: древнегреческий, латинский, древнерусский, церковнославянский и др.

3. Исследования специалистов Стэнфордского университета отзывов ученых на рецензирование их публикаций ИИ выполненный на специализированной БЯМ GPT-4 показывают, что подавляющее большинство из них считают полезными содержание таких рецензий¹⁸. В исследо-

¹⁶ См.: *Cheyne J.-C.* La sigillographie. État des lieux, innovations, apport à d'autres disciplines // The 24th International Congress of Byzantine Studies, Venice and Padua, 22–27 August 2022. Proceedings of the Plenary Sessions. Venezia, 2022. P. 79–92; *Eyharabide V., Caseau B., Cheynet J.-C. et al.* Byzantine Sigillography meets Artificial Intelligence: The BNAI Project // Numismatics, Sphragistics and Epigraphy. 2022. Vol. 18. 18 p.

¹⁷ *Rabus A.* Recognizing Handwritten Text in Slavic Manuscripts: A Neural-Network Approach Using Transcribus // Scripta & e-Scripta. 2019. Vol. 19. P. 9–32.

¹⁸ *Liang W.* Can large language models provide useful feedback on research papers? A large-scale empirical analysis // arXiv. 2023. 2310.01783 URL: <https://arxiv.org/abs/2310.01783> (дата обращения: 22.12.2024).

вании участвовало около 5000 публикаций более 300 американских ученых.

4. Чат-боты позволяют осуществлять генерацию черновиков научных статей и проводить изменение авторского языка и стилистики текста. Недавно участники отечественной ассоциации «История и компьютер» живо обсуждали осуществление одного такого примера, так как он создает прецедент публикации в рецензируемом научном журнале статьи, созданной с помощью чат-бота¹⁹. Это создает проблемы оригинальности и авторства научных публикаций.

Теперь коснемся опасений и ограничений, связанных с использованием современных возможностей ИИ. Прежде всего, необходимо учитывать, что обычные приложения ИИ не являются специализированными инструментами для выполнения основных исследовательских задач и здесь всё же следует обращаться к профессиональным ресурсам и методам.

Отметим, что непростая ситуация складывается в области языкознания. По мнению специалистов, функционал БЯМ достиг такого уровня, что перевод, выполненный с их помощью превосходит по качеству профессиональных переводчиков. Важно отметить, что такая ситуация наблюдается не только для европейских языков, но и для более сложных восточных языков. Конечно, стоит иметь в виду, что для древних языков, интересующих антиковеда и медиевиста, данная ситуация не будет столь острой и сложится несколько позже. Следует уточнить, что новейшие интеллектуальные технологии перевода, предоставляемые ИИ, основаны на анализе большого массива текстов БЯМ, а не на технологиях машинного перевода, разрабатываемых лингвистами на протяжении последних 70 лет. Хотя еще в начале 80-х гг. XX в. московский лингвист Милослав Александрович Балабан, а за ним и японский информатик Макото Нагао предлагали новые подходы к машинному переводу — перевод по аналогии и «прецедентный» перевод, являющиеся предтечами принципов перевода при помощи БЯМ²⁰. Следует, видимо ожидать, что из-за роста переводческих возможностей ИИ, профессия переводчика станет в ближайшем будущем маловостребованной.

¹⁹ Обсуждаемая статья: *Водин Д.В.* База данных как один из важных элементов создания информационного ресурса в исторических исследованиях // *НаукоСфера*. 2024. № 7 (1). С. 9–12.

²⁰ *Балабан М.А.* Прецедентная база данных для машинного перевода // *Международный семинар по машинному переводу* (Москва, 5–10 декабря 1983 г.). Тезисы докладов. М., 1983. С. 32–34; *Nagao M.* A Framework of a Mechanical Translation Between Japanese and English by Analogy Principle // *Artificial and Human Intelligence*. Edited review papers presented at the International NATO Symposium on Artificial and Human Intelligence (Lyon, France. October 1981) / Ed. by A. Elithorn, R. Banerji. Amsterdam, 1984. P. 173–180.

Историки также со временем имеют возможность оказаться на месте лингвистов. Правда, стоит признать, что современные технологии ИИ пока еще не могут претендовать на полную автоматизацию исторических исследований, потому что объем и сложность исторических данных по-прежнему намного превосходят любые доступные емкости цифровых систем хранения и возможности машинного обучения. Но, как было сказано выше, технологии ИИ быстро совершенствуются. Специалисты сегодня констатируют, что в последнее время гуманитаристика оказывается в серьезной методико-гносеологической зависимости от информационных технологий и историческое знание здесь не исключение.

Не вызывает сомнений, что использование результатов деятельности ИИ в исторических исследованиях требует осторожности и подлежит экспертной проверке, так как не защищено от появления ошибок («галлюцинаций» ИИ), фейков и односторонних заключений. Кроме того, использование в качестве обучающих наборов данных непроверенных и не научных материалов таких сервисов, как сетевая энциклопедия *Wikipedia*, либо контента публичной истории, будет приводить к недовольности результатов, генерируемых ИИ. Увеличение же в сети доли ИИ-генерируемого контента, который проникает в обучающие наборы данных, будет умножать степень искажения реальности. Это может создать серьезные, не только научные, но и общественные риски. Решением этой проблемы должен быть однозначный подход, при котором обучение приложений ИИ для исторического знания должно вестись под наблюдением экспертов-историков и только на верифицированных исторических научных данных.

Не стоит забывать, что процесс цифровизации и использования ИИ ускоряется и становится уже необратимым. Все больше приложений ИИ будет использоваться в профессиональной деятельности историков. Также на доступную продукцию ИИ будут всё больше и больше опираться потребители исторического знания: журналисты, писатели, дипломаты, политики. Имеются серьезные риски, что ошибки, генерируемые с помощью ИИ, могут оказаться непоправимыми и в итоге приведут к катастрофическим последствиям. Как сказал на совещании по вопросам культуры президент РФ В.В. Путин: «Если невозможно остановить, то нужно возглавить и соответствующим образом направлять»²¹. Вот и место историков сегодня — быть в рядах активных разработчиков и ревизоров приложений ИИ. Современная ситуация требует широкой вовлеченности сообщества историков и их активного участия в подготовке приложений ИИ для исторической области. Ведь мы уже имеем весьма

²¹ Заседание Совета по культуре и искусству. Санкт-Петербург, 15 декабря 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59416> (дата обращения: 22.12.2024).

печальные последствия бесконтрольного искажения истории в учебниках. Но возникает закономерный вопрос: готово ли историческое сообщество к такой деятельности?

В заключении хочется поразмышлять о возможности наступления в недалеком будущем «золотого века» историографии, обеспеченным достижениями цифровых технологий и развитием ИИ.

Прежде всего, станут доступными на русском языке большинство сохранившихся исторических источников по всем эпохам и странам. Можно ожидать тотального расширения доступа к мировой исследовательской литературе на всех языках, преодоления языковой изоляции отдельных национальных историографических школ и периодов. С новейшими возможностями ИИ число переведенных произведений возрастет на порядки. В выигрыше окажется прежде всего исследователь и читатель. Станет больше самих вариантов перевода, у читателя появится возможность настраивать перевод под свои вкусы, меняя его даже по ходу чтения. Ведущий специалист в области цифровой лингвистики Александр Вячеславович Костыркин заметил: «Мировые тексты ждет новая эра перевода. Будет впервые переведено много непереведенного и наново переведено всё переведенное прежде, ибо только сейчас человек наконец обретает инструменты перевода по-настоящему адекватные сложности этой задачи».

Научные журналы в «новую эру перевода» станут многоязычными — будут выходить одновременно на различных языках. У ученых многих стран появится возможность немедленно знакомиться с достижениями передовой научной мысли, не важно на каком языке было первоначально описано открытие. Общение ученых на международных конференциях также приобретет с возможностями моментального синхронного перевода новый характер.

Аналитические способности ИИ позволят делать качественные обобщения над накопленным историческим материалом и находить в нем неявные закономерности. Будут созданы интеллектуальные приложения по глубокому схематическому, динамическому и стохастическому анализу исторических данных, в которых реализован функционал широкого гипотетического и контрфактического моделирования. Все это приведет к появлению целого спектра новых, невиданных доселе удобных и эффективных исследовательских инструментов и цифровых ресурсов историка.

Благодаря помощи ИИ может быть выстроена подлинно «всемирная история», сможет оказаться, возможно, свободной от идеологических и националистических влияний. Перевод всего необъятного массива исторических данных в единый цифровой формат позволит интегрировать и синхронизировать наработки различных исторических школ

разных стран в общемировой исторический нарратив и выработать его корректное объяснение.

Ясно, конечно, что такой «золотой век» может случиться при условии, если историки и шире — гуманитарии — справятся с возникающими вызовами эпохи становления ИИ.

References

- Balaban, M.A. "A Precedent-based Database for Machine Translation." In *International Seminar on Machine Translation (Moscow, December 5–10, 1983). Abstracts*. Moscow, 1983. P. 32–34 (in Russian).
- Bostrom, N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford, 2014.
- Bystritskiy, N.I. "Information Resources in Byzantine Studies: Trends and Current Prospect." *Vizantiiskii vremennik* 71 (2012). P. 286–295 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. "Information Resources in Byzantine Studies. Πάντα μεταβάλλεται." *Vizantiiskii vremennik* 101 (2017). P. 290–298 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. "History and Convergent Technologies." *Research Result. SHR* 4-4 (2018). P. 52–66 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. "System Approach for Digital History." *ITM Web of Conferences* 33 (2020). P. 1–10.
- Bystritskiy, N.I. "Digital Information Resources of Byzantine Studies." In *Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East: Proceedings of the VIII International Scientific Conference (Sevastopol, June 3–8, 2024)*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2024. P. 43–45 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. "Issues of Transformation of Historical Knowledge in the Digital Age." *Digital Orientalia* 3/3–4 (2023). P. 9–14 (in Russian).
- Chen, S. "Scientists Reveal Ancient Social Networks Using AI — and X-Rays" *WIRED* 21.03.2019. URL: <https://www.wired.com/story/scientists-reveal-ancient-social-networks-using-ai-and-x-rays/> accessed: 22.12.2024.
- Chesalov, A.Y. et al. *Glossarium po iskusstvennomu intellektu [Glossary of Artificial Intelligence]*. Moscow, 2023 (in Russian).
- Cheyne, J.-C. "La sigillographie. État des lieux, innovations, apport à d'autres disciplines." In *The 24th International Congress of Byzantine Studies, Venice and Padua, 22–27 August 2022. Proceedings of the Plenary Sessions*. Venezia, 2022. P. 79–92.
- Eyharabide, V., Caseau, B., Cheynet, J.-C. et al. "Byzantine Sigillography meets Artificial Intelligence: The BHAI Project." *Numismatics, Sphragistics and Epigraphy* 18 (2022).
- Hebb, D.O. *The Organization of Behavior. A Neuropsychological Theory*. New York, 1949.
- Hintze, A. "Understanding the Four Types of Artificial Intelligence." In *Government Technology* 14.11.2016. URL: <https://www.govtech.com/computing/understanding-the-four-types-of-artificial-intelligence.html> accessed: 22.12.2024.

- Karpov, S.P. "24th International Congress of Byzantine Studies in Venice and Padua." *Vizantiiskii vremennik* 106 (2022). P. 371–375 (in Russian).
- Le Cun, Y. *Quand la machine apprend: La révolution des neurones artificiels et de l'apprentissage profond*. Paris: Éditions Odile Jacob, 2019.
- Liang, W. "Can Large Language Models provide Useful Feedback on Research Papers? A Large-Scale Empirical Analysis." *arXiv* 2310.01783 (2023). URL: <https://arxiv.org/abs/2310.01783> accessed: 22.12.2024.
- McCulloch, W.S., Pitts, W. "A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity." *Bulletin of Mathematical Biophysics* 5 (1943). P. 115–133.
- Minsky, M. *A Neural-Analogue Calculator Based upon a Probability Model of Reinforcement*. Cambridge, 1952.
- Minsky, M., and Papert, S. *Perceptrons*. Cambridge, 1969.
- Minsky, M. *A Framework for Representing Knowledge*. MIT-AI Laboratory Memo 306. Cambridge, 1974.
- Nagao, M. "A Framework of a Mechanical Translation Between Japanese and English by Analogy Principle." In *Artificial and Human Intelligence. Edited review papers presented at the International NATO Symposium on Artificial and Human Intelligence (Lyon, France. October 1981)*. Amsterdam, 1984. P. 173–180.
- Rabus, A. "Recognizing Handwritten Text in Slavic Manuscripts: A Neural-Network Approach Using Transkribus." *Scripta & e-Scripta* 19 (2019). P. 9–32.
- Ray, T. "OpenAI's Gigantic GPT-3 Hints at the Limits of Language Models for AI." *ZDNet* 31.05.2020. URL: <https://www.zdnet.com/article/openais-gigantic-gpt-3-hints-at-the-limits-of-language-models-for-ai/> accessed: 22.12.2024.
- Tsetlin, M.L. "On the Behavior of Finite Automata in Random Environments." *Automation and Telemekhanics* 22/10 (1961). P. 1345–1354 (in Russian).
- Vaswani, A. et al. "Attention Is All You Need." In *31st Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2017)*. Long Beach, 2017.
- Wasserman, P.D. *Neural Computing: Theory and Practice*. New York, 1989.
- Yang, J. et al. "Harnessing the Power of LLMs in Practice: A Survey on ChatGPT and Beyond." *arXiv* 2304.13712 (2023). URL: <https://arxiv.org/abs/2304.13712> accessed: 22.12.2024.

Научная статья

Мозаика северной пристройки херсонесской Базилики в базилике: символика, композиция, реконструкция

Элла Николаевна КАРНАУШЕНКО

Лаборант-исследователь; НИЛ «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, д. 33, 299053 Севастополь; ankarnaushenko@sevsu.ru

Аннотация: В статье рассматривается и анализируется мозаичный пол северной пристройки ранней херсонесской Базилики в базилике 1889 года, предположительно служившей баптистерием. Разбираются символические смыслы мозаики, ее образный строй и влияние этих факторов на композицию. Предлагается один из возможных вариантов цифровой реконструкции напольного декора помещения северной пристройки.

Ключевые слова: мозаика, орнамент, ранневизантийский, павлин, христианство, символ.

Финансирование: работа выполнена в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур и населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям» (FEFM-2024-0014).

Цитирование: Карнаушенко Э.Н. Мозаика северной пристройки херсонесской Базилики в базилике: символика, композиция, реконструкция // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 317–327.

Original article

Mosaic of the Northern Extension of the Chersonesos 'Basilica in the Basilica': Symbolism, Composition, Reconstruction

Ella N. KARNAUSHENKO

Laboratory research assistant; Research Laboratory "Digital Technologies in Historical and Archaeological Research"; Sevastopol State University; Universitetskaya st., 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; ankarnaushenko@sevsu.ru

Abstract: This article examines and analyzes the mosaic floor of the northern extension of the early Chersonesos 'Basilica in the basilica' of 1889, which presumably served as a baptistery. The symbolic meanings of the mosaic, its figurative structure and the influence of these factors on the composition are analyzed. One of the possible options for the digital reconstruction of the floor decor of the northern extension is proposed.

Keywords: mosaic, ornament, early Byzantine, peacock, Christianity, symbol.

Funding: the work on the article was carried out within the framework of the State assignment of the Sevastopol State University "Formation and functioning of settlement structures and population of Crimea from the Middle Ages to the Modern time according to archaeological data and interdisciplinary research" (FEFM-2024-0014).

For citation: Karnaushenko, E.N. "Mosaic of the Northern Extension of the Chersonesos 'Basilica in the basilica': Symbolism, Composition, Reconstruction." *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 317–327 (in Russian).

Искусство мозаики, развиваясь на протяжении столетий, достигло высокого совершенства, а после возникновения христианства получило новый стимул к развитию. Сохранившиеся до наших дней херсонесские мозаики представлены целым рядом памятников. В основном это напольные покрытия храмов, относящиеся к концу IV–VII вв. н. э.

В данной статье речь пойдет о мозаичном поле северной пристройки ранней херсонесской Базилики в базилике — предполагаемого баптистерия, датируемого VI в. (Рис. 1). В центре композиции изображен павлин, а вокруг него — голуби, цесарки и плоды. Изображения павлинов можно часто встретить на мозаиках начиная с эллинистических времен. Цесарок, распространенных еще в Античности, также изображали на мозаиках. На рассматриваемом нами панно цесарки расположены у ног павлина. По углам композиции размещены дикие голуби — вяхири. На шее вяхи-

Рис. 1. Мозаичный пол северной пристройки херсонесской Базилики 1889 года.
Современное состояние мозаики в экспозиции музея (фотограмметрия).
Фото 06.06.2024

Рис. 2.
Изображения
павлинов
в катакомбах
Св. Присциллы
в Риме

рей, встречающихся в дикой природе, есть полоска, что и отображено мастером мозаики¹.

Реально существующие птицы изображены на панно неслучайно. Все образы наделены символическим смыслом. Образ павлина еще в древнегреческом мире считался символом бессмертия души, так как существовало поверье о нетленности его мяса. Роскошный распушенный хвост павлина ассоциировался с небесной полусферой, покрытой звездами. Поэтому древние греки посвящали эту птицу Юноне, царице неба².

В христианстве павлин — символ воскресения из мертвых. В росписях раннехристианских катакомб нередко встречается изображение павлина — например, в катакомбах св. Присциллы в Риме (Рис. 2). Образ павлина символизирует чередование времен года, весеннее обновление, весну и май. Тертуллиан связал чередование времен с воскресением: «Зима и лето, весна и осень возвращаются со своими силами, со своими влияниями, со своими плодами... И так всё это круговращение природы есть свидетельство воскресения мертвых»³.

Образ павлина тесно связан с символикой рая. На равеннской мозаике базилики Сан Витале в конхе апсиды изображен Христос во славе с ангелами и святыми в райском саду, и у их ног размещены павлины и голуби. Весьма часто встречаются изображения двух павлинов, пьющих из одной чаши, что символизирует Таинство Причастия. Этот сюжет, иногда усложняющийся произрастающей из чаши виноградной лозой, довольно распространен. Ближайшее к нам изображение находилось в центре Загородного храма Херсонеса (Рис. 3).

Цесарки, в Древней Греции священные птицы, изображались и на христианских мозаиках, например в доме Евстолия в Курионе на Кипре. Об этих птицах известно, что они пугливы, живут сообществами и следуют за вожаком. Можно предположить, что на херсонесской мозаике они изображены как противоположность павлину. Если павлин символизирует звездное небо и райский сад, то цесарки — земное состояние. Они также могут символизировать народ, следующий за вождем (Рис. 4).

Голубь уже в античном искусстве являлся символом небесной любви и дружбы, а в христианской символике стал знаком мира, будучи изображаем с оливковой ветвью в клюве (*Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли* [Быт. 8:11]), простоты и незлобия (*Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* [Мф. 10:16]), а также символом Святого Духа (*И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса,*

¹ Цвельх А.Н. Птицы древнего Херсонеса на мозаиках и фресках византийского времени // Природа. 2015. № 8. С. 21–32 (здесь: С. 22).

² Уваров А.С. Христианская символика. М., 1908. С. 200.

³ Там же. С. 201.

Рис. 3. Мозаика с изображением павлинов из Загородного храма Херсонеса

Рис. 4. Изображение цесарок на мозаике баптистерия херсонесской Базилики 1889 года

и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь [Мф. 3:16]). Голубь служил символом души и передавал изобразительно формулу spiritus in расе (дух в мире)⁴.

По полю панно изображены спелые красные и желтые плоды. Они определенно указывают на рай, а «птица, клюющая плоды, есть символ Рая»⁵.

Рассмотрев символику изображенного, обратимся к композиции. Здесь тоже все неслучайно. Композиция в первую очередь обоснована богословски, а во вторую — исполняет эстетическую роль. Поскольку для византийского искусства связь с эллинизмом оставалась достаточно прочной⁶, то типичные для эллинов символы, переосмысленные в христианской догматике, вошли в изобразительный язык церковного искусства. Имеющая античную основу византийская культура испытывала восточные влияния, которые приходили из различных провинциальных областей: Египта, Сирии, Малой Азии и с широких степных окраин, наводненных кочевниками. К VI в. Константинополь претворяет всё воспринятое в византийский стиль⁷.

Мировоззрение византийцев было «теснейшим образом связано с областью религиозных представлений и переживаний, эстетика еще не приобрела самодовлеющего значения»⁸. Главной идеей новой религии было воплощение Сына Божьего, Его искупительная жертва и воскресение из мертвых. Воскресение было обещано всем верным.

Церковные здания, мозаики, фрески, иконы, таинства, песнопения, литургические тексты — всё это являлось грандиозным художественным ансамблем, задачей которого было через эстетическое наслаждение возносить душу верующего к небесам⁹. Новые задачи, поставленные перед религиозным искусством, подразумевали отказ от реализма. Художники изображали не единичное явление, а лежащую в его основании идею. Передавая идею, необходимо было придерживаться ее сущности, и поскольку сущность была неизменной и вечной, то и любое ее отображение должно было отличаться столь же неизменным вневременным и внепространственным характером¹⁰. Византийские иконы и мозаики имеют абстрактный, чаще всего золотой, фон; фигуры лишены объема и отделены от ровного фона четким контуром, выглядя как изолированные, замкнутые

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Лазарев В.Н. История византийской живописи. Т. 1. М., 1986. С. 12: «Для Константинополя он был никогда и ничем не прерываемой живой традицией».

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 17: «В любом акте богослужения верующий усматривал символический намек на сверхчувственный мир».

¹⁰ Там же. С. 18.

Рис. 5.
Мозаичный пол
северной
пристройки
херсонесской
Базилики
1889 года
до цифровой
реконструкции

в себе образы. Ирреальный колорит подчеркивает отрешенность от мира. Этому искусству присущи фронтальное построение композиции и статичность. И все эти черты византийского искусства воплощены в мозаике баптистерия Базилики 1889 года.

Одним из главных таинств новой религии было крещение. Сам акт крещения прообразовал смерть ветхого человека и воскресение нового: *Мы через крещение были погребены с Ним в смерть, чтобы жить новой жизнью, как и Христос был воскрешен из мертвых славой Отца* (Рим. 6:3–5). Крещение вело в Церковь и открывало врата рая в будущей жизни.

Взглянув на композицию херсонесской мозаики, можно увидеть, что она подчинена теме крещения и воскресения (Рис. 5). Мы здесь не увидим изображения крещения Христа, как в равеннских баптистериях, но символика и композиция говорят сами за себя. Композиция строго симметрична. По своей большей стороне, если брать мозаику в первоначальном виде, она делится на три части. Центральная часть с восточной стороны имеет П-образное углубление, занимаемое купелью. Прямо перед купелью в центральную часть вписан шестиуголь-

ник, а в него закомпонован павлин с двумя птицами у его ног. Павлин символизирует Христа воскресшего. Он занимает центральную часть мозаики: если провести диагонали из углов первоначальной мозаики, они сойдутся в центре на груди павлина, в области его сердца. Хоолок на голове павлина напоминает корону, подчеркивая царственность персонажа. Распущенный хвост павлина создает ореол, напоминая мандорлу — символ, родственник нимбу, имеющий древнюю историю. В композицию шестиугольника вписываются круг и ромб. Круг — символ бесконечности, идеального Абсолюта и совершенства. В него вписан павлин, лапами образующий верхнюю часть ромба, в который вписаны две цесарки. В данном случае ромб символизирует землю, а павлин связывает круг и ромб, подобно тому, как Христос поднимает земное человечество к Небу. Все части композиции связывает жгут, который символизирует связь неба и земли. Голуби, окаймляемые окружностью плетеного узора, на мой взгляд, представляют образы спасенных, святых, верных. Круг приобщает их небесному, а образ голубя говорит о достоинствах верных. Справа и слева от центрального шестиугольника — орнамент в виде двоянных трехрогих лунниц.

Неслучайны и символичны цвета мозаики. Белый фон, унаследованный от катакомбных росписей и перешедший с другими эллинистическими традициями в раннехристианское искусство, повсеместно присутствует на мозаиках этого времени. В иерархии цветов белый цвет, как символ абсолютного света, стоит на первом месте, а равный ему золотой означает Божественный свет. Вторым по значению является красный цвет — как символ Воскресения¹¹.

Для более полного восприятия мозаики автором статьи была сделана ее цифровая реконструкция с восстановлением утраченных фрагментов. Были привлечены многочисленные материалы по аналогичным изображениям и реставрационный проект О.И. Домбровского¹².

Кратко коснусь этапов реконструкции, аргументируя именно такую версию восстановленной мозаики. Поскольку мозаика в настоящее время экспонируется под навесом на территории городища Херсонеса, она не удобна для качественной фотофиксации из-за того, что находится под наклоном по отношению к зрителю и из-за слоя пыли, который образуется под навесом. Поэтому на первом этапе была сделана фотограмметрическая съемка, и в программе Agisoft Metashape Professional была создана компьютерная модель, что позволило «повернуть» мозаику фронтальной стороной к зрителю. Далее работа велась в программе Adobe Photoshop 2021. Каждый отдельный кусок мозаики надо было сдвинуть

¹¹ Овчинников А.Н. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 107.

¹² Домбровский О.И. Отчет о реставрации мозаичных полов «Базилики 1889 года» в Херсонесе. Мозаика «Павлин». Симферополь, 1975. С. 21.

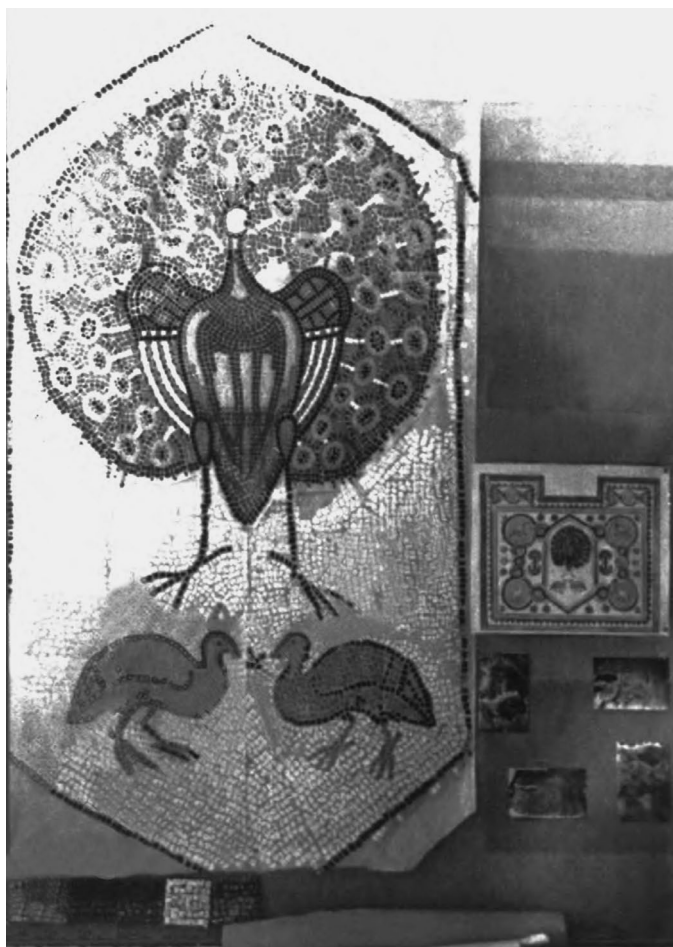

Рис. 6. Проект восстановления фигуры павлина О.И. Домбровского

и соединить с остальными, тем самым избавившись от швов. При этом утраченные на швах тессеры восстанавливались с помощью клонирования. На мозаике есть несколько участков, заклеенных тканью, видимо, из-за выпадения тессер из-за ослабления связующего слоя. Эти участки тоже приходилось исправлять.

Проблемой стала и неравномерная освещенность мозаики, и нечеткость на фото дальней стороны панно. Загрязненность слоем пыли мешала восприятию цвета мозаики. Все эти проблемы приходилось решать в программе Adobe Photoshop.

Но самый острый вопрос вызывали полностью утраченные фрагменты. И прежде всего это относится к центральной части панно, на которую приходится грудь и часть хвоста павлина. Логично было обратиться к вер-

Рис. 7. Мозаичный пол северной пристройки
херсонесской Базилики 1889 года. Предполагаемая реконструкция мозаики

сии О.И. Домбровского (Рис. 6), его трактовке утерянного фрагмента¹³. В «Отчете» автор размещает «Проект восстановленной фигуры павлина», где центральный персонаж предстает с поднятыми крыльями и распушенным хвостом. Однако такая трактовка вызвала сомнения: автор статьи обратилась к аналогичным изображениям павлина соответствующего временного периода, где он был показан анфас. На всех рассмотренных изображениях не было павлина с поднятыми крыльями и распушенным хвостом одновременно. Эта деталь становится понятной, если наблюдать за реальными павлинами. Когда они распускают свой хвост, то крылья они прячут под хвост, так как веер перьев, составляющих то, что мы называем хвостом, растет у павлина уже с середины спины. Чтобы распустить хвост, павлин поднимает заднюю часть туловища, поэтому он никак не может принять гордую осанку, подняв крылья. И хоть искусство допускает различные варианты трактовки персонажа, но на рассмотренных изображениях не нашлось павлина в позе орла.

¹³ Там же. Рис. 6.

Фрагмент слева от головы павлина, который можно принять за крыло — это, вероятно, особое оперение ближе к основанию хвоста.

Финальным пунктом восстановления мозаики было клонирование и зеркальное отражение утраченной левой части. Таким образом автором предложена одна из возможных реконструкций мозаики баптистерия Базилики 1889 года. (Рис. 7). Преимуществом данной версии восстановления мозаики является то, что она никак не вмешивается в существование материального памятника и может быть встроена в цифровую реконструкцию северной пристройки ранней Базилики 1889 года.

References

- Dombrovskii, O.I. *Otchet o restavratsii mozaichnykh polov "Baziliki 1889 goda" v Khersonese. Mozaika "Pavlin" [Report on the Restoration of the Mosaic Floors of the 'Basilica of 1889' in Chersonesos. Mosaic 'Peacock']*. Simferopol, 1975 (in Russian).
- Lazarev, V.N. *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi [History of Byzantine Painting]*. Vol. 1. Moscow, 1986 (in Russian).
- Ovchinnikov, A.N. *Simvolika khristianskogo iskusstva [Symbolism of Christian Art]*. Moscow, 1999 (in Russian).
- Tsvelykh, A.N. "Birds of Ancient Chersonesos on Mosaics and Frescoes of Byzantine Period." *Priroda* 8 (2015). P. 21–32 (in Russian).

Рецензия

BYZANTINOTAURICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2024. Т. 2

С. 328–347

BYZANTINOTAURICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 2: 2024

P. 328–347

Научная статья

Хронология и территория Руси X в.: спорные вопросы. Рецензия на книгу: Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.)

Александр Александрович РОМЕНСКИЙ

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Отдел византийской истории; Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»; ул. Древняя, д. 1, 299045 Севастополь; pergamen-romen@mail.ru

Аннотация: В монографии А.С. Щавелева рассматриваются дискуссионные проблемы хронологии правления первых князей из династии Рюриковичей, а также формирования территориальных границ их владений. Автор ставит перед собой задачу верификации всего массива хронологических данных в источниках, выстраивая различные возможные варианты взаимосвязей между ними. С этой целью исследуются даты русско-византийских договоров X в., известия о росах в «Навмахике» Льва Мудрого, хронологические маркеры трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», писем из дипломатического архива Хасдая ибн Шапрута, хронология «Древнейшего сказания». Автор предлагает новые варианты локализации славянских общностей, а также ойконимов, упоминаемых в *De administrando imperio*. Вместо традиционного меридионального размещения кастронов «внешней Руси» предлагается модель их расположения на притоках Днепра вокруг Киева. В заключительной части работы представлены вехи жизни князей языческого периода. По мнению рецензента, автор монографии успешно продемонстрировал уязвимость устоявшихся трактовок, преимущественно основанных

на летописном нарративе, но его собственные интерпретации также можно оспорить. В частности, содержание договора князя Игоря с византийскими императорами Романом Лакапином, Константином Багрянородным и Стефаном Лакапином склоняет к мысли о том, что он всё же был заключен не до, а после похода на Константинополь в 941 г. С этим же событием целесообразно связывать свидетельство «текста Шехтера» о военных действиях некоего Helgi против византийцев. Не видятся убедительными аргументы в пользу существования ранних текстов, посвященных князю Владимиру Святославичу. Тем не менее, книга представляет собой шаг вперед в освещении вопросов хронологии и этногеографии Руси эпохи первых Рюриковичей.

Ключевые слова: хронотоп, Византия, Древняя Русь, политика Рюриковичей, хронология, верификация датировок, территориальная экспансия.

Цитирование: *Роменский А.А.* Хронология и территория Руси X в.: спорные вопросы. Рецензия на книгу: *Шchavelev A.C.* Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.). М.: Аквилон, 2020. 560 с. // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* 2024. Т. 2. С. 328–347.

Original article

Chronology and Territory of Rus' in the 10th Century: Controversial Issues.

Book review: *Shchavelev A.S.* Chronotop derzhavy Riurikovichei (911–987)

Alexandr A. ROMENSKY

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher; Department of Byzantine History; The State Museum-Preserve "Tauric Chersonesos"; 1, Drevniaia st., 299045 Sevastopol, Russian Federation; pergamen-romen@mail.ru

Abstract: The monograph by A.S. Shchavelev examines controversial problems of the chronology of the reign of the first princes from the Rurikid dynasty, as well as the formation of the territorial boundaries of their possessions. The author sets himself the task of verifying the entire array of chronological data in the sources, building various possible options for the relationships between them. For this purpose, the dates of Rus-Byzantine treaties of the 10th century, the evidence about Rhos people in Leo the Wise's "Naumachika", the chronological markers of Constantine Porphyrogenitus' treatise "De administrando imperio", the letters from the diplomatic archive of Hasdai ibn Shaprut, and the chronology of the "Ancient Tale" are examined. The author offers new options for the localization of Slavic communities, as well as oikonyms mentioned in "De administrando imperio". Instead of traditional meridional placement of castrons of "external Rhosia", a model of their location on the tributaries of the Dnieper around Kyiv is proposed. The final part of the work

presents milestones of the life of the princes of the pagan period. According to the reviewer, the author of the monograph has successfully demonstrated the vulnerability of established interpretations, mainly based on the chronicle narrative, but his own interpretations can also be challenged. In particular, the content of the agreement between Prince Igor and the Byzantine emperors Roman Lekapenos, Constantine Porphyrogenitus and Stephan Lekapenos suggests that it was concluded not before, but after the campaign against Constantinople in 941. It is advisable to associate the evidence of the Schlechter Letter about the military actions of a certain Helgi against the Byzantines with the same event. The arguments in favour of the existence of early texts dedicated to Prince Vladimir Sviatoslavich do not seem convincing. Nevertheless, the book represents a step forward in covering the issues of chronology and ethnogeography of Rus' in the era of the first Rurikids.

Keywords: chronotope, Byzantium, Old Rus', Rurikid polity, chronology, dating verification, territorial expansion.

For citation: Romensky, A.A. "Chronology and Territory of Rus' in the 10th Century: Controversial Issues. Book review: Shchhavelev, A.S. *Chronotop derzhavy Riurikovichei* (911–987). Moscow: Aquilon, 2020. 560 p." *Byzantinoturica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 328–347 (in Russian).

Фундаментальная монография А.С. Щавелева представляет собой попытку критического пересмотра устоявшейся схемы ранней истории Руси¹, в основе которой, как справедливо отмечает автор, до сих пор находится классический летописный нарратив. Различные варианты ревизии доминирующего дискурса историописания, построенного на хронологии «Повести временных лет», всё чаще предпринимаются исследователями²,

¹ Здесь и далее термин «русь» фигурирует для обозначения социума или корпорации, сплотившейся вокруг первых Рюриковичей. Написание Русь с заглавной буквы применяется в качестве названия страны.

² См.: Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Ed. par M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. P. 95–120; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 55–77 (более полный перевод статьи: Археология. 2003. № 1. С. 76–99); Он же. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб., 2007. С. 343–351; Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015; Щавелев А.С. Захват территорий славянских племен «державой Рюриковичей» в первой половине X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2015. С. 328–335; Он же. Славянские «племена» Восточной Европы X — первой половины XI в.: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. С. 99–133; Он же. «Держава Рюриковичей» в первой половине X в.: хронология, территория и социальная структура // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1 (21). С. 82–112.

и несмотря на то, что предлагаемые версии исторической реконструкции уязвимы для критики³, в целом этот подход, предполагающий отказ от априорной, во многом основанной на стереотипах, модели реконструкции событий, в пользу переосмысления источников и верификации их сведений, можно считать наиболее продуктивным. Книга уже рецензировалась специалистами⁴, тем не менее актуальность и дискуссионность поднятых исследователем проблем побуждает к их новому осмыслению.

Прежде всего, следует кратко остановиться на терминах, использованных в рассматриваемой работе. Для характеристики политической организации, созданной князьями народа русь, автор выбирает наименование «полития», избегая рассмотрения общества дохристианской руси в привычной опции раннего государства (в восточноевропейской медиавистике зачастую именуемого «дружинным»)⁵. Исследователь согласен с оценками Н.Н. Крадина и Е.А. Шинакова об изначально гетерархической (корпоративной) модели организации социума русов, лишь впоследствии

³ См.: *Петрухин В.Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // *Славяноведение*. 2001. № 4. С. 78–82; *Толочко П.П.* Русь изначальная // *Археология*. 2003. № 1. С. 100–103; *Седов В.В.* О русах и Русском каганате IX в. (в связи со статьей К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // *Славяноведение*. 2003. № 2. С. 3–14; *Калинина Т.М.* Восточные источники о древнерусской государственности (к статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // *Славяноведение*. 2003. № 2. С. 15–19; *Иванов С.А.* Концепция К. Цукермана и византийские источники о христианизации Руси в IX в. // *Славяноведение*. 2003. № 2. С. 20–22; *Мусин А.Е.* Некоторые мысли, возникающие после прочтения новых книг. Об «Очерках начальной руси», составленных Алексеем Петровичем Толочко // *Княжа доба: історія і культура*. 2016. Вип. 10. С. 242–257.

⁴ См.: *Еманов А.Г.* Рецензия на книгу: *Щавелев А.С.* 2020. Хронотоп державы Рюриковичей. Москва: Аквилон // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2022. № 14. С. 435–441; *Козлов С.А.* О перспективах аналитической хронотопографии ранней Руси // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Вып. 3 (113). Режим доступа: <https://gas.jes.su/history/s207987840018359-3-1> (последнее посещение — 29.06.2024).

⁵ См.: *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // *Древнейшие государства Восточной Европы: 1992–1993* / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995. С. 16–32 (здесь: С. 22); *Котляр Н.Ф.* Языческая Русь (генезис государственности в IX–X вв.) // *Światowit*. 1995. Т. 40. С. 53–69 (здесь: С. 63–67); *Войтович Л.В.* Проблеми історичної термінології середньовічної Русі: дружинна держава, феодалізм, князівство, волость, лен, кормління, вотчина // *Colloquia Russica. Series II. Vol. 4*. Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 9–20; *Он же.* Княжа доба на Русі (837–1492). Т. 1 (Становлення імперії Русь). Львів, 2021. С. 78–80. Ср.: *Schmid H.F.* Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen Organisation // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge*. 1926. Bd. 2. H. 2. S. 81–132 (здесь: S. 103–104); *Mühle E.* Slavs in the Middle Ages: Between Idea and Reality. Leiden; Boston, 2023. P. 100.

приобретшего иерархические черты⁶. Дискуссия о грани между сложным / составным вожжеством и ранним государством далека от завершения, равно как и не всегда однозначны критерии их определения, применяемые по отношению к конкретно-исторической ситуации «начальной руси» X в.⁷ Еще одно часто употребляемое название — «держава Рюриковичей» — восходит, как подчеркивает автор, к С.В. Бахрушину⁸. Между тем заглавие статьи советского историка представляет собой не совсем точный перевод фразы К. Маркса «the empire of the Ruriks». С подачи отца-основателя марксизма в литературе распространилось ставшее тривиальным сравнение «империи Рюриковичей» (которая, по мысли немецкого философа, была исторической предшественницей не только «собственно Московии», но и Польши, Литвы, балтийских поселений и даже, как ни странно, Турции) с империей Карла Великого⁹. Несмотря на очевидные сходные черты этих раннесредневековых государственных образований, не менее понятны и их принципиальные различия, обусловленные прежде всего наличием и отсутствием (на Западе и Востоке Европы, соответственно) преемственности с римским государственным и цивилизационным наследием. Догматические постулаты советского марксизма во многом предопределили и выводы статьи С.В. Бахрушина: поскольку государство в раннем средневековье непременно должно было быть феодальным, а никаких черт классического феодализма на Руси X в. не обнаруживалось, следовательно, «держава Рюриковичей» в эпоху до Владимира оставалась на этапе «военной демократии»¹⁰. С позиций сегодняшнего дня раннее

⁶ См.: Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2012. С. 211–239 (здесь: С. 229–232); Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 166 и др.

⁷ См.: Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61; Он же. Политическая антропология о происхождении государства // Древнейшие государства Восточной Европы: 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., 2016. С. 91–115 (здесь: С. 98–99); Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 192–210 (здесь: С. 195, 204–206); Котышев Д.М. Русская земля в среднем Поднепровье: от потестарных структур к раннему государству // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 2 (10). С. 24–47.

⁸ Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 88–98.

⁹ Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899. P. 76.

¹⁰ Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей». С. 94–98.

государство на Руси, разумеется, не выглядит непременно тождественным феодальному государству западноевропейского образца. Наконец, концепт «хронотоп» уже уверенно и прочно вошел в методологический инструментарий гуманитарных наук и, пожалуй, не нуждается в подробном разъяснении. Главный фокус внимания автора сосредоточен на проблемах хронологии правления русских князей X в., а также формировании территориальных границ их владений¹¹. А.С. Щавелев вполне оправданно, на наш взгляд, отказался от произвольного соотнесения датировок письменных и археологических источников, отмечая недостатки такой практики¹².

В соответствии с исследовательскими задачами, первые главы книги посвящены изучению хронологических маркеров важнейших письменных свидетельств о руси X в., в заключительных главах (VI и VII) автор аргументирует свое видение территориальной трансформации владений Рюриковичей и датировок жизни и деятельности князей.

Исследование начинается с верификации дат русско-византийских договоров X в., сохранившихся в тексте «Повести временных лет». В настоящее время нет сомнений, что они представляют собой старославянский перевод со среднегреческого оригинала, сохранившегося в византийской копиях в книге и ставшего доступным летописцу лишь к началу XII в., что вынудило его изменить последовательность изложения событий в своем нарративе. Как и большинство других специалистов, автор считает, что текст договора под 6415 (907) г. является литературным конструктом, экстрактом из «большого» соглашения 911 г.¹³ По какой-то причине летописец поместил отдельно две наиболее важные статьи — о торговле руси в Константинополе и тех, кто приходил к византийцам «бес купли». Вслед за ними размещены остальные статьи договора, заключенного от имени Олега, «великого князя Роускаго и ѿ всѣх иж соут под роукою єѣ свѣтлых и великих кнѣзь. и єѣ великих боляръ», а также византийских императоров-соправителей Льва, Александра и малолетнего Константина¹⁴. Его дата — 2 сентября 15 индикта 6420 г. — не вызывает у историка (как и у большинства специалистов) возражений¹⁵.

Датировка следующего договора — между князем Игорем и императорами Романом Лакапином, Константином Багрянородным и Стефаном Лакапином — гораздо менее очевидна, поскольку сам текст не содержит точной даты, будучи помещен в «Повесть временных лет» под 6453 г. Как доказывает исследователь, эта дата стала следствием творческого

¹¹ Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей. М., 2020. С. 14.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 57–59.

¹⁴ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926. Стб. 32–33. (Далее: ПСРЛ).

¹⁵ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 66.

осмысления летописцем имеющегося у него славянского перевода хроники Георгия Амартола, содержащего так называемое завещание Романа Лакапина, согласно которому Роман выдвинул на первое место Константина Багрянородного в 6453 г., а в следующем году — лишился власти. Сопоставив эти сведения с порядком перечисления византийских императоров в преамбуле договора, составитель ПВЛ получил искомый год¹⁶. Точно датировать договор, таким образом, не представляется возможным; летописец поместил его после похода Игоря на Константинополь в 941 г., следуя своей общей идее о том, что все договоры русов с Византией появились в результате успешных военных кампаний. Между тем, как показывает упрек о нарушении Игорем клятвенного договора, вложенный Львом Диаконом в уста императора Иоанна Цимисхия, существует и другая вероятность¹⁷. Договор мог появиться в диапазоне августа 931 — декабря 944 гг. (от смерти не упомянутого в тексте старшего сына Романа Лакапина, Христофора до заговора Стефана и Константина Лакапинов против отца)¹⁸. Договор Святослава с Иоанном Цимисхием, как показывают источники, следует относить к последней декаде июля 971 г. (после 21 июля, когда состоялась решающая битва русов с ромеями)¹⁹.

С вышеуказанными соображениями исследователя в целом можно согласиться. Однако, на наш взгляд, есть возможности и для более узкой датировки договора Игоря, проистекающие из самого текста. Прежде всего заслуживает внимания статья о взаимном выкупе пленных: христиан у руси и, соответственно, руси у греков (за христианского юношу или девушку требовалось десять солидов, за человека среднего возраста — восемь, за старика или ребенка — пять; пленные русины выкупались по десять солидов, а купленные у работорговцев — по той цене, по которой их купили)²⁰. Наличие существенного количества пленников, судьбу которых приходилось оговаривать отдельным пунктом соглашения, само по себе намекает на предшествующий военный конфликт. Вторая, не менее интересная в этом контексте статья — о «Корсунской стране» (феме Херсона), указывающая на отсутствие каких-либо политических притязаний русского князя по отношению к городам византийской Таврики, и на взаимную военную помощь, которую стороны обеспечивают друг другу в Северном Причерноморье: во-первых, византийцы по просьбе князя должны оказывать ему военную поддержку в том размере, в котором будет нужно, во-вторых, русский князь обязуется не пускать «черных

¹⁶ Там же. С. 70–71.

¹⁷ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Rec. C.B. Hasius. [Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; 11]. Bonnae, 1828. P. 106.

¹⁸ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 75.

¹⁹ Там же. С. 85.

²⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т.1. Л., 1926. Стб. 50.

болгар», представляющих угрозу для византийских владений²¹. Как представляется, для правового урегулирования этих аспектов потребовался некий прецедент (в предыдущем договоре 911 г. нет статей, касающихся Причерноморья). Вероятнее всего, эти пункты появились в ответ на ситуацию, описанную в «Кембриджском Анониме»: вторжение «царя русов» HLGW (Helgi) на хазарскую территорию (С-м-к-рай) по наущению Романа Лакапина и ответная карательная акция «булшци» Песаха против византийцев и русов: его поход на Херсон (ŠWRŠWN), разгром и подчинение Хельги, вынужденного хазарами идти морем на Константинополь, что привело к гибели его «доблестных мужей» благодаря огню²². Несмотря на то, что «текст Шехтера» допускает различные интерпретации (в частности, вызывает полемику сама личность Хельги и возможность его отождествления с летописным Олегом), очевидно, что подробности похода на Константинополь наиболее соответствуют кампании 941 г.²³. Отмечая эти совпадения, А.С. Щавелев утверждает, что по этому сценарию должна была идти любая война руси с ромеями, относя действия «мэлэха» Хельги ко времени «около (сразу после?) 932 г.» либо 943–944 гг. (датировка упомянутых в «Анониме» гонений на евреев при Романе Лакапине) и считая, что этот поход вовсе не отразился в византийских источниках²⁴. Между тем, из текста источника никак не следует, что поход Хельги против хазар, ответные действия Песаха и дальнейшая морская война русов с византийцами произошли *сразу* после гонений. Тем более маловероятно, чтобы все эти события уложились в один год: «мэлэх» Хельги, несомненно, нуждался во времени для того, чтобы собрать силы для нового похода после поражения от хазар.

²¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т.1. Л., 1926. Стб. 50–51.

²² См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. / Науч. ред. В.Я. Петрухина. Изд. 2. М., 2003. С. 141–142; См.: Науменко В.Е. К военнополитической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // Хазарский альманах. 2014. Т. 12. С. 118–134.

²³ Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. 1995. Т. 53. Р. 237–270 (здесь: Р. 257–259).

²⁴ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 341–346. Отметим, что в нарративах всё же встречаются различные сценарии русско-византийских войн: походы на Константинополь 941 и 1043 гг. действительно закончились поражением руси после применения «греческого огня», тогда как в 860 г. «народу рос» с успехом удалось разграбить окрестности византийской столицы, а их уход трактовался как проявление чудесного заступничества Богородицы. См.: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 3–172 (особ. С. 60). Источникам известна лишь одна война руси с Византией в правление Романа Лакапина — поход 941 г. В этом случае «не следует множить сущности без необходимости».

Таким образом, рассмотренные пункты договора Игоря с византийскими императорами позволяют считать временем его заключения период после июня–сентября 941 г. – до декабря 944 г. Сопоставление сведений «Кембриджского анонима» со статьей договора о «Корсунской стране» проясняет странную, на первый взгляд, информацию о возможности просьбы русского князя к Византии о военной помощи: эти условия русско-византийского союза были направлены против хазар с целью воспрепятствовать им в нарушении устоявшегося баланса сил в Северном Причерноморье.

Второй раздел книги посвящен сведениям о руси в разделе *Ναυμαχικά* из трактата о тактике императора Льва Мудрого. Сопоставляя различные списки «Навмахики», исследователь показывает первичность чтения с этнонимом *οἱ Ῥῶς* (вариант рукописи Codex Ambrosianus B 119-sup.). Касается он и терминологии, применяемой византийцами для обозначения кораблей руси — *ὁ ἀκατὸς μικρὸς, τὸ καράβιον*, лексема *τὸ μονόξυλον*, появляющаяся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»²⁵. А.С. Щавелев также анализирует серию известий об участии руси на византийской военной службе, начиная с пассажа о «росах-дромитах» в «Хронике» Псевдо-Симеона Логофета. Не могу согласиться с автором в том, что экскурс о росах является «имманентной и органичной» частью текста, хронологически связанной с походом на Византию Льва Триполита в 904 г.²⁶ Как представляется, больше оснований доверять тем исследователям, которые считают эту схолию вставкой, не имеющей прямого отношения к предыдущим сведениям²⁷. Предпринятое нами исследование позволяет распознать в тексте Псевдо-Симеона ссылку на текст книги Иезекииля (в варианте Септуагинты); упоминаемый в схолии «Рос», вероятнее всего, тождествен Гогу, «архонту Роса, Мешеха и Фувала» (Иез. 38:3–6)²⁸. Контекст других рассматриваемых сведений о росах в составе византийских войск (в 911, 935, 949, 956 и 968 гг.) вполне позволяет признать, что их социум привлек активное внимание византийцев в первой

²⁵ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 87–101.

²⁶ Там же. С. 104. Автор ссылается на: Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. СПб., 2011. С. 7–35 (здесь: С. 15–23).

²⁷ Успенский Ф.И. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-дромиты у Симеона Магистра // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Январь. Ч. 267. С. 1–35 (здесь: С. 1); Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. Т. 49. 1988. С. 112–118 (здесь: С. 116–117); Горский А. А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 55–59 (здесь: С. 55–56).

²⁸ См. подробнее: Роменский А.А. Хельги у ворот Константинополя. Русь между Хазарией и Византией в начале Х в. // Хазарский альманах. 2017. Т. 15. С. 166–198 (здесь: С. 180–181). Наша точка зрения поддержана: Цукерман К. Веселись, могучий Рос! Свидетельство Псевдо-Симеона // *Disablót*. Сборник коллег и учеников к юбилею Е.А. Мельниковой. М., 2021. С. 168–176.

половине X в., следовательно, полития в Среднем Поднепровье сформировалась не раньше этого времени.

Глава третья рассматривает хронологические маркеры в трактате «Об управлении империей». Традиционная точка зрения, устоявшаяся со времени Дж. Бьюри, датирует написание трактата между 948 и 952 гг.²⁹ А.С. Щавелев считает, что оригинал источника был составлен в последние годы жизни Константина Багрянородного (после 952 г. (дата, содержащаяся в 45-й главе трактата) и до ноября 959 г.) и не содержит никаких более поздних интерполяций; единственный же список с оригинала, составленный для кесаря Иоанна Дуки, относится к промежутку между 1059 и 1073 гг.³⁰ Противоположную точку зрения — о существенных вставках в первоначальный текст — недавно обосновал К. Цукерман, развивший осторожное предположение Дж. Ховарда-Джонстона³¹. Плодотворной можно считать гипотезу о двух авторах трактата, которые начинали повествование двумя вводными оборотами — *ἰοτέον, ὅτι* («Анонимный сотрудник») и *ὅτι* (личные заметки и выписки Константина Багрянородного)³². Спорными являются некоторые детали интерпретации этнической географии трактата: так, автор безоговорочно принимает точку зрения о локализации «черной Вулгарии» на Волге, которая при этом, несмотря на расстояние, могла напрямую угрожать «Корсунской стране», а «черные болгары» в Поволжье якобы сосуществовали с «серебряными»³³. Обоснованную несколькими специалистами версию о расположении кочевий «черных болгар» в степях Приазовья исследователь не комментирует³⁴.

²⁹ Bury J.B. The Treatise De administrando imperio // *Byzantinische Zeitschrift*. 1906. Bd. 15. P. 517–577 (здесь: P. 524).

³⁰ См.: Щавелев А.С. Хронотоп... С. 115–116. Впрочем, одна из описок писца Михаила Роизайта, заменившего *Ῥωμάνους* на *Κομάνους* свидетельствует в пользу более поздней датировки рукописи Parisinus gr. 2009 (предположительно, восьмидесятью годами XI в.): Mondrain B. La lecture du *De administrando imperio* à Byzance au cours des siècles // *Travaux et Mémoires*. 2002. T. 14. P. 485–498 (здесь: P. 491); Zuckerman C. The eleventh century in *De administrando imperio* // *Travaux et Mémoires*. 2022. T. 26. P. 743–758 (здесь: P. 754–755).

³¹ Zuckerman C. The eleventh century... P. 743–758. Ср.: Howard-Johnston J. The *De administrando imperio*: A Re-Examination of the Text and a Reevaluation of its Evidence about the Rus // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* / Éd. par M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. P. 301–336 (здесь: P. 304).

³² Щавелев А.С. Хронотоп... С. 127–156.

³³ Там же. С. 162–169.

³⁴ См.: Тортика А.А. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. 2012. Т. 5. С. 23–31; Бубенок О.Б. Коли Тмутаракань стала володінням Русі? // Княжа доба. Історія і культура. 2016. Вип. 10. С. 69–76 (здесь: С. 72); Он же. «Черные», «внутренние» и «серебряные» болгары (семантика и генезис этнонимов) // Дриновський збірник. 2017. Т. 10. С. 128–140; Головка О.Б. Степова політика Русі в період правління князя Володимира Святославовича // Княжа доба. Історія і культура. 2016. Вип. 10. С. 103–115 (здесь: С. 110–111).

В следующей главе монографии автор концентрируется на датировке писем из «архива» кордовского царедворца Хасдая ибн Шапрута, относящихся к его «хазарскому проекту». А.С. Щавелев несколько сдвигает принятые в историографии даты создания этих документов: так, письмо царю Иосифу от Хасдая ибн Шапрута он относит к промежутку 956–961 гг., ответное письмо — к первой половине 60-х гг.: 965 г., по мнению ученого, — дата возможного путешествия Хасдая в Хазарию³⁵. Датировка «Кембриджского документа» обычно приурочивается к одному из дипломатических контактов Византии и Кордовского халифата. К. Цукерман аргументировал, что составление этого послания связано с кордовским посольством, прибывшим в Константинополь осенью 949 г. Предыдущее византийское посольство в Кордову датируется 948 г.: именно в это время Кордову посетил Ибн Хаукал, лично встречавшийся с Хасдаем ибн Шапрутом, который, в свою очередь, сообщил, что сведения о Хазарии он получил от византийского посла³⁶. А.С. Щавелев датирует рассматриваемый источник 955–956 гг., ссылаясь на стилистическое влияние книги «Иосиппон», составленной в 953 г.³⁷ Письмо от Хасдая к некой «анонимной госпоже» исследователь связывает не с супругой Константина Багрянородного Еленой Лакапиной, а с его невесткой Феофано, являвшейся регентом империи в 963 г. Еще один документ — письмо к «великому царю», которое, по мысли историка, адресовано не Константину Багрянородному, а его сыну Роману и было составлено в 959–961 гг. (от воцарения Романа II до смерти упомянутого кордовского халифа Абд ар-Рахмана III)³⁸. Принятая в литературе ранее дата письма о походе византийцев на Сицилию — 956 г. — позже была оспорена, и эта военная кампания сейчас соотносится с походом Георгия Маниака в 20-е гг. XI в.³⁹ Вероятно, полемика о дипломатической активности кордовского сановника будет продолжена; на данный момент «традиционная» датировка комплекса документов видится более предпочтительной.

В дальнейшем автор рассматривает «Древнейшее сказание» о князьях Рюриковичах (реконструируемый, не разделенный на годовые статьи древнейший летописный нарратив). Исследователь разделяет основные выводы А.А. Шахматова и его последователей о схеме развития древне-

³⁵ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 183.

³⁶ См.: Zuckerman C. Le voyage d'Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946 // Travaux et Mémoires. 2000. Т. 13. Р. 647–672 (здесь: Р. 654–660); Цукерман К. Хазарский проект Хасдая Ибн Шапрута в контексте дипломатических связей между Кордовой и Константинополем // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 г.: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Т.М. Калининой / Отв. ред. Е.В. Литовских, Е.А. Мельникова, Б.Е. Рашковский. М., 2021. С. 448–457 (здесь: С. 454–455).

³⁷ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 184–185.

³⁸ Там же. С. 185–188.

³⁹ Цукерман К. Хазарский проект... С. 452.

русского летописания и стратификации летописного текста. Составление «Древнейшего сказания» А.С. Щавелев весьма осторожно датирует второй половиной 40-х — началом 50-х гг. XI в., замечая, что оно стыкуется тематически с написанным в то же время «Словом о законе и благодати»⁴⁰. Очень дискуссионным выглядит предположение о существовании в древнерусской историографии нескольких других ранних текстов, таких, как энкомий или «царская надпись» о деяниях князя Владимира, а также анналы, ведшиеся в Киеве при Десятинной церкви⁴¹. Гипотеза Т.В. Гимона о «царской надписи», лежащей в основе хронологических известий «Памяти и похвалы Иакова Мниха», не представляется нам убедительной⁴². Трудно согласиться с самим термином, применяемым, чаще всего, по отношению к памятникам письменности Древнего Востока. Никаких, даже отдаленных, аналогий с ними на Руси не обнаруживается. Кроме того, нельзя преувеличивать древность самих «летописных заметок» «Памяти и похвалы», внешний архаизм которых вполне может быть мнимым⁴³. Компилятивный текст, приписываемый Иакову Мниху, едва ли древнее корсунского рассказа летописи, обычно относимого к 60-м — 70-м гг. XI в.⁴⁴ (а вероятно, гораздо более поздний)⁴⁵. Нельзя согласиться и с тем, что некую «раннюю традицию» отражает переполненное ошибками и искажениями «Житие князя Владимира особого состава»⁴⁶.

Шестая глава исследования посвящена территории политики Рюриковичей. Начинается она с неоднократно дискутировавшегося в литературе вопроса о времени формирования так называемой «Русской земли в узком смысле слов». А.С. Щавелев — противник популярной точки зрения о ретроспективном удревнении этого термина. По его мнению, ядро «державы Рюриковичей» сформировалось не раньше второй половины (конца) X — начала XI в.⁴⁷ Как представляется, свежий взгляд на проблему проливает

⁴⁰ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 227–228.

⁴¹ Там же. С. 210–211.

⁴² См.: Гимон Т.В. Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания // У истоков и источников на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2018. С. 73–89; Он же. Князь Владимир и письменность // Древнейшие государства Восточной Европы: 2017–2018. Ранние формы и функции письма / Отв. ред. Т.В. Гимон. М., 2019. С. 216–240.

⁴³ Толочко А.П. Очерки начальной руси. С. 38–39.

⁴⁴ Виноградов А.Ю. Роль брака в формировании преданий о крещении Владимира Святославича // Восточная Европа в древности и средневековье / Отв. ред. Е.А. Мельникова. Вып. 36. М., 2024. С. 30–35 (здесь: С. 32).

⁴⁵ См.: Бугославский С.А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // Известия отделения русского языка и словесности. 1925. Вып. 29. С. 105–159 (здесь: С. 136–141).

⁴⁶ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 231.

⁴⁷ Там же. С. 256.

недавняя работа А.В. Мартынюка, показавшего, что широкое толкование термина предшествовало узкому, узкое же значение хоронима «Русская земля» появляется лишь в эпоху политической дезинтеграции XII в.⁴⁸

Следующий параграф рассматривает изменения территориальных владений народа руси в Среднем Поднепровье. Подробно освещаются варианты локализации конкретных славянских общностей и названных в DAI принадлежащих «росам» ойконимов. Автор выдвигает несколько новых остроумных интерпретаций, считая, что Νεμογαρδός Константина Багрянородного соответствует не Рюрикову городищу, а Новгороду Северскому, под именем Μιλινίσκα зашифрован не Смоленск, а топоним «Малин», известный с XVI в., а Τελιούτζα скрывает гипотетический ойконим «Теличь». Эти рассуждения необходимы для того, чтобы заменить привычную схему расположения кастронов «внешней России» в меридиональном направлении (на «пути из Варяг в Греки») новой, более компактной моделью их размещения на притоках Днепра вокруг Киева⁴⁹. Исследователь убедительно демонстрирует слабые стороны прежних трактовок, но его собственные версии также не лишены уязвимостей. К примеру, если Святослав Игоревич действительно княжил в Новгороде-Северском, то почему известия об этом важном политическом центре впоследствии надолго пропадают в источниках?⁵⁰ Критикует историк и взгляд о бинарной (на севере и юге) структуре владений первых Рюриковичей, замечая, что эти летописные известия могут быть проекцией более поздней практики⁵¹. Интересна гипотеза о локализации известного по рунической надписи топонима Ustahólmr в устье Днепра⁵². Вполне оправдано прочтение летописного текста о победах князя Святослава над вятичами и хазарами как одного рассказа⁵³. Тем не менее, некоторые предположения, как, например, о кочевом образе жизни русов в IX в. (реконструируемом благодаря одной фразе из гомилий патриарха Фотия) или политической власти печенегов над «Росией», на наш взгляд, нуждаются в дополнительном обосновании⁵⁴.

⁴⁸ Мартынюк А.В. Некоторые наблюдения по поводу условий и механизма появления феномена «Русская земля в узком смысле слова» // *Colloquia Russica*. 2018. Series II. Vol. 4. С. 149–156 (здесь: С. 155).

⁴⁹ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 302.

⁵⁰ См.: Поляков А.Н. К вопросу о возникновении Новгорода-Северского // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2000. № 3. С. 4–6.

⁵¹ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 308–314. Примечательно, что наличие двух основных политических центров прослеживается не только на Руси, но и, например, в раннесредневековой Польше эпохи Пястов: Далецкий З. Политическая и идеологическая роль столичных центров в Польше в эпоху раннего средневековья // *Столица и провинция в истории России и Польши* / Ред. Б.Г. Носов. М., 2008. С. 31–43.

⁵² Щавелев А.С. Хронотоп... С. 314–323.

⁵³ Там же. С. 328.

⁵⁴ Там же. С. 258–261.

Заключительная глава подытоживает разыскания исследователя, в ней приводятся вехи жизни князей языческого периода. Рассматривая различные варианты отождествления трех известных персонажей со скандинавским именем Helgi (фигуранта договора 911 г., летописного правителя Киева и Н-Л-Г-В из «Кембрижского анонима»), автор аргументированно приходит к выводу, что дата договора с ромеями — единственный несомненный хронологический ориентир в биографии этого предводителя руси⁵⁵. Непреложно устанавливаемый факт жизни Игоря — поход на Константинополь в июне–сентябре 941 г. (впрочем, возможно, его возглавил, согласно «Анониму», тот же Helgi). А.С. Щавелев стремится продлить годы жизни князя, указывая, что в DAI не упоминается о его гибели. Но в 9-й главе DAI сообщается о княжении в Немогарде «Сфендослава, сына Ингора, архонта Росии», как о достопримечательном факте из прошлого (употреблена форма имперфекта ἐκαθέζετο)⁵⁶, из чего вовсе не следует, что это известие отражало актуальную политическую информацию на момент окончательного редактирования трактата. Вполне можно допустить, что в источнике 9-й главы отражалась ситуация 40-х гг. X в. Не столь однозначна и датировка грамоты «архонту Росии» из «Книги церемоний» (DC II.48)⁵⁷. Не исключен вариант ее подписания Константином VII Багрянородным вместе с Романом Лакапином (между 920–922 гг.)⁵⁸; если же согласиться с предположением А.С. Щавелева, что грамоту подписали Константин VII и его сын Роман II, это позволит сузить искомую дату смерти Игоря: после 23 февраля 945 г. – до 946 г. — наиболее предпочтительного, согласно хронологии дипломатических приемов *De cerimoniis*, времени поездки «архонтииссы» Ольги в Константинополь⁵⁹. Впрочем, этот вопрос окончательно не разрешен, и датировку 957 г., обоснованную рядом специалистов (и предпочитаемую автором), тоже нельзя исключать. Не вызывает сомнений дата посольства Ольги-Елены к Оттону Великому в 959 г., удостоверяющая, что на этот момент она все еще выполняла лидерские политические функции⁶⁰. Из событий времен самостоятельного княжения Святослава в Киеве достоверна лишь датировка двух Балканских походов в 968–969 и 969–971 гг., увенчавшихся договором июля 971 г.⁶¹.

⁵⁵ Там же. С. 349.

⁵⁶ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 44, 45, 311. Примеч. 7–8.

⁵⁷ *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies* / Éd. par G. Dagron. [Corpus fontium historiae byzantinae; 52/3]. Т. III. Livre II. Paris, 2020. P. 373.

⁵⁸ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 66–68.

⁵⁹ Кузенков П.В. Дата визита княгини Ольги в Константинополь в свете новых данных: 946 г. // Византийский временник. 2020. Т. 104. С. 127–149.

⁶⁰ Щавелев А.С. Хронотоп... С. 356–357.

⁶¹ Там же. С. 369–376.

Рассматривая хронологию событий жизни Владимира Святославича, исследователь выдвигает не встречавшуюся ранее в литературе версию о его походе на балканских хорватов вместе с венецианцами в 998–1000 гг.⁶² (отметим, что в таком случае, участие руси в кампании едва ли могло бы ускользнуть от внимания византийских авторов или «Венецианской хроники» Иоанна Диакона). Относя крещение Владимира Святославича к 987 г., а его поход на Херсон — «на третье лето», после 13 апреля 989 г., автор исходит из предпосылки о древности «раннего источника» летописных заметок «Памяти и похвалы», искаженной в разных списках даты, содержащейся в «Чтении о житии Бориса и Глеба» Нестора (который, в видении исследователя, почему-то опирался не на источники, доступные в своем Печерском монастыре, а на некую «историографическую традицию» клира Десятинной церкви)⁶³ и, наконец, из предложенной В.Г. Васильевским, В.Р. Розеном и Ф.И. Успенским интерпретации противоречий в византийских и арабских текстах⁶⁴. По нашему мнению, их ключевая мысль — об отождествлении «огненных столбов» в «Истории» Льва Диакона с подобием «столпа», упоминаемого Яхъей Антиохийским в Каире, а, следовательно, о нарушении византийцами условий соглашения с Владимиром — не имеет прямого подтверждения в источниках⁶⁵.

Наше несогласие с некоторыми интерпретациями автора несколько не умаляет явных достоинств рассматриваемого труда. Книга А.С. Щавелева, безусловно, знаменует собой шаг вперед, обобщая на современной методологической основе всю совокупность сведений о хронологии и территориальном развитии Руси X в. К преимуществам исследовательского подхода историка следует отнести то обстоятельство, что он предпочитает выдвигать несколько альтернативных вариантов взаимосвязей между потенциально возможными датами, не настаивая на какой-либо одной из гипотез. Нет сомнений в том, что поиск верифицированных ориентиров в историческом времени и пространстве Восточной Европы X в. будет продолжен, и рецензируемая монография видится значительным вкладом в разработку проблемы и отличным стимулом для дальнейших исследований.

⁶² Там же. С. 387–391.

⁶³ Там же. С. 404.

⁶⁴ См.: *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. // Труды В.Г.Васильевского. Вып. 2/1. СПб., 1909. С. 99–101; *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883. С. 214–215; *Успенский Ф.И.* Рец.: Император Василий Болгаробойца. Извлечения из Яхъи Антиохийского. Барона В.Р. Розена. СПб., 1883 // Журнал министерства народного просвещения 1884. Ч. 232. № 4. С. 282–315 (здесь: С. 314).

⁶⁵ См.: *Роменский А.А.* «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в хронологии русско-византийских отношений конца X в. // *Ῥωμαϊός: сборник статей к 60-летию С.Б. Сорочана.* Харьков, 2013. С. 310–328 (здесь: С. 311).

References

- Bakhrushin, S.V. "Derzhava R'urikovichei [The State of Rurikids]." *Vestnik drevnei istorii* 2 (1938). P. 88–98 (in Russian).
- Bubenok, O.B. "When Did Tmutarakan' Become a Possession of Rus'?" *Knyazha doba. Istoriia i kul'tura* 10 (2016). P. 69–76 (in Ukrainian).
- Bubenok, O.B. "“Black” “Inner” and “Silver” Bulgarians: Semantics and Genesis of Ethnic Names." *Drinovs'ky zbirnyk* 10 (2017). P. 128–140 (in Russian).
- Bugoslavskiy, S.A. "K literaturnoy istorii "Pam'ati i pokhvaly" kn'azyu Vladimiru [On the Literary History of "Memory and Eulogy to Prince Vladimir"]." *Izvestiia otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti* 29 (1925). P. 105–159 (in Russian).
- Dagron, G., ed. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies*. Vol. 3. Book 2. Paris, 2020.
- Gimon, T.V. "Istoricheskie zametki iz «Pam'ati i pokhvaly» Iakova Mnikha i zarozhdenie drevnerusskogo istoriopisan'ia [Historical notes from "Memory and Eulogy" by Jacob the Monk and the origins of ancient Rus historical writing]. In *U istokov i istochnikov na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileyyny sbornik v chest' A. V. Nazarenko*, ed. Yu.A. Petrov. Moscow; Saint-Petersburg, 2019. P. 73–89 (in Russian).
- Gimon, T.V. "Prince Vladimir and Writing." In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2017–2018. Rannie formy i funktsii pis'ma*, ed. T.V. Gimon. Moscow, 2019. P. 216–240 (in Russian).
- Golb, N., and Pritsak, O. *Khazarsko-evreiskie dokumenty X v. [Khazar-Hebrew Documents of the 10th Century]*, ed. V.Ya. Petrukhin. Moscow, 2003 (in Russian).
- Golovko, O.B. "Steppe Policy of Rus' During the Reign of Prince Volodymyr Svyatoslavych." *Kn'azha doba. Istoriia i kul'tura*. 10 (2016). P. 103–115 (in Ukrainian).
- Gorskiy, A.A. "Rus' "ot roda frankov" [Rus of Frankish Origin]." *Drevn'aia Rus'. Voprosy medievistiki* 2 (2008). P. 55–59 (in Russian).
- Gorskiy, A. A. "O stadii razvitiia vostochnoslavianskogo obshchestva nakanune obrazovaniia gosudarstva Rus' [On the Stage of Development of East Slavic Society on the Eve of the Formation of the State of Rus']." In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, ed. E.A. Mel'nikova. Moscow, 2012. P. 192–210 (in Russian).
- Howard-Johnston, J. "The De administrando imperio: A Re-Examination of the Text and A Reevaluation of Its Evidence about the Rus." In *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. By M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. P. 301–336.
- Dalevskiy, Z. "Politicheskaya i ideologicheskaya rol' stolichnykh tsentrov v Pol'she v epokhu rannego srednevekov'ia [The Political and Ideological Role of Capitals in Poland in the Early Middle Ages]. In *Stolitsa i provintsiia v istorii Rossii i Pol'shi*, ed. B.G. Nosov. Moscow, 2008. P. 31–43 (in Russian).

- Emanov, A.G. "Retsenziia na knigu: Shchhavelev A.S. 2020. Khronotop derzhavy Ryurikovichy. Moskva: Akvilon" [Review of: Shchhavelev A.S. Chronotope of the State of Rurikids]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* 14 (2022). P. 435–441 (in Russian).
- Ivanov, S.A. "Kontseptsii K. Tsukermana i vizantiiskie istochniki o khristianizatsii Rusi v IX v. [The Conception of C. Zuckerman and Byzantine Sources about the Christianization of Rus' in the 9th Century]." *Slav'anovedenie* 2 (2003). P. 20–22 (in Russian).
- Kalinina, T.M. "Vostochnye istochniki o drevnerusskoi gosudarstvennosti (k stat'e K. Tsukermana "Dva etapa formirovaniia Drevnerusskogo gosudarstva") [Eastern Sources on Old Russian Statehood (To the Article by C. Zuckerman "Two stages in the formation of the Old Russian state")." *Slav'anovedenie* 2 (2003). P. 15–19 (in Russian).
- Karpozilos, A. "Ros-dromity i problema pokhoda Olega protiv Konstantinopol'a [Rhos-Dromitai and the Problem of Oleg's Campaign against Constantinople]." *Vizantiiskii vremennik* 49 (1988). P. 112–118 (in Russian).
- Kozlov, S.A. "O perspektivakh analiticheskoi khronotopografii rannei Rusi [On the Prospects of Analytical Chronotopography of Early Rus']." *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»* 3 (2022). (in Russian).
- Litavrin, G.G., Novosel'tsev, A.P., eds. *Konstantin Bagrianorodnyi. Ob upravlenii imperiei. Tekst, perevod, kommentarii [Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Text, Translation and Commentaries]*. Moscow, 1991 (in Russian).
- Kotl'ar, N.F. "Iazycheskaia Rus' (genezis gosudarstvennosti v IX–X vv.) [The Pagan Rus (Genesis of Statehood in 9th–10th Centuries)]." *Światowit* 40 (1995). P. 53–69 (in Russian).
- Kotyshev, D.M. "Russkaia zeml'a v srednem Podneprov'e: ot potestarnykh struktur k rannemu gosudarstvu [Russian Land in the Middle Dnieper Region: From Potestary Structures to the Early State]." *Paleorosiiia. Drevn'aia Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* 2 (2019). P. 24–47 (in Russian).
- Kradin, N.N. "Vozhdestvo: sovremennoe sostoianie i problemy izucheniia [Chiefdom: Current State of Research and Problems of Study]." In *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*, ed. V.A. Popov. Moscow, 1995. P. 11–61 (in Russian).
- Kradin, N.N. "Stanovlenie gosudarstvennosti na Rusi v svete dannykh politicheskoi antropologii [The Formation of Statehood in Rus' in the Light of Political Anthropology]." In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2010. Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, ed. E.A. Mel'nikova. Moscow, 2012. P. 211–239 (in Russian).
- Kradin, N.N. "Political Anthropology on State Origins." In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2014 god: Drevn'aia Rus' i srednevekovaia Evropa: vzniknovenie gosudarstv*, ed. by T.N. Dzhakson. Moscow, 2016. P. 91–115 (in Russian).

- Kuzenkov, P.V. "Pokhod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh" [The Campaign of 860 against Constantinople and the First Baptism of Rus' in Medieval Written Sources]." In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2000 g.: Problemy istochnikovedeniia*, ed. L.V. Stol'arova. Moscow, 2003. P. 3–172 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V. "The Rus' of Oleg at Constantinople in A.D. 904." *Prichernomor'e v Srednie veka*, ed. S.P. Karpov. Issue 8. Saint-Petersburg, 2011. P. 7–35 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V. "The Date of Princess Olga's Visit to Constantinople in the Light of New Data: AD 946." *Vizantiiskii vremennik* 104 (2020). P. 127–149 (in Russian).
- Litavrin, G.G. *Vizantiia, Bolgariia, Drevn'aia Rus' (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Rus (9th – Beginning of 12th Centuries)]. Saint-Petersburg, 2000 (in Russian).
- Martyn'uk, A.V. "Some Remarks about the Conditions and Mechanism of the Origin of the Phenomenon "Rus' Land in the Narrow Sense of the Word." In *Colloquia Russica*. 2018. Series II. Vol. 4. P. 149–156 (in Russian).
- Mel'nikova, E.A. "K tipologii predgosudarstvennykh i rannegosudarstvennykh obrazovaniu v Severnoi i Severo-Vostochnoi Evrope. Postanovka problem [Typology of Pre-State and Early State Formations in Northern and North-Eastern Europe Revisited. Formulation of a Problem]." In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 1992–1993*, ed. A.P. Novosel'tsev. Moscow, 1995. P. 16–32 (in Russian).
- Mondrain, B. "La lecture du De administrando imperio à Byzance au cours des siècles." *Travaux et Mémoires* 14 (2002). P. 485–498.
- Musin, A.E. "Nekotorye mysli, vznikaiushchie posle prochteniiia novykh knig. Ob "Ocherkakh nachal'noi rusi", sostavlennykh Alekseem Petrovichem Tolochko [Some Thoughts that arise after Reading New Books. About "Essays on Early Rus'" Compiled by Alexei Petrovich Tolochko]." *Kn'azha doba: istoriia i kul'tura* 10 (2016). P. 242–257 (in Russian).
- Mühle, E. *Slavs in the Middle Ages: between Idea and Reality*. Leiden, Boston, 2023.
- Naumenko, V.E. "To the Military-Political History of Tauric in the 10th Century: Russian-Byzantine Conflict in 935–941 and the So-Called "Hike of Pesakh"." *Khazarskii al'manakh* 12 (2014). P. 118–134 (in Russian).
- Petrukhin, V.Y. "O "Russkom kaganate", nachal'nom letopisanii, poiskakh i nedorazumeniiakh v noveishei istoriografii [About the "Russian Kaganate", the Initial Chronicle Writing, Searches and Misunderstandings in the Modern Historiography]." *Slav'anovedenie* 4 (2001). P. 78–82 (in Russian).
- Pol'akov, A.N. "K voprosu o vzniknovenii Novgoroda-Severskogo [On the Issue of the Origins of Novgorod-Seversky]." *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* 3 (2000). P. 4–6 (in Russian).
- Romenskii, A.A. "Kogda pal Khersones?" K voprosu o kl'uchevom momente v khronologii russko-vizantiiskikh otnoshenii kontsa X v. ["When did Cher-

- sonesos fall?" The Question of the Key Moment in the Chronology of Russian-Byzantine Relations at the End of the 10th Century Revisited].” In *Rhomaios: sbornik statey k 60-letiiu S.B. Sorochana*. Kharkov, 2013. P. 310–328 (in Russian).
- Romenskii, A.A. “Helgi at the Gates of Constantinople. Rus’ between Khazaria and Byzantium at the Beginning of the 10th Century.” *Khazarskii al’manakh* 15 (2017). P. 166–198 (in Russian).
- Sedov, V.V. “O rusakh i Russkom kaganate IX v. (v svyazi so stat’ei C. Zuckermana “Dva etapa formirovaniia Drevnerusskogo gosudarstva”) [About the Rus and the Russian Kaganate of the 9th century (in Connection with the Article by C. Zuckerman “Two Stages in the Formation of the Old Russian State)].” *Slav’anovedenie* 2 (2003). P. 3–14 (in Russian).
- Shchhavelev, A.S. “Zakhvat territoriy slavyanskikh plemen «derzhavoi y R’urikovichei» v pervoi polovine X v.” [The Seizure of the Territories of the Slavic Tribes by the “Rurikid State” in the First Half of the 10th Century]. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e. Gosudarstvennaia territoriiia kak faktor politogeneza*, ed. E.A. Mel’nikova. Moscow, 2015. P. 328–335 (in Russian).
- Shchhavelev, A.S. “Slavic “Tribes” of Eastern Europe in the 10th – the first half of the 11th Century: Authentication, Localization and Chronology.” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2 (2015). P. 99–133 (in Russian).
- Shchhavelev, A.S. “The Rurikids’ Polity in the First Half of the 10th Century: Chronology, Territory and Social Structure.” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1 (2017). P. 82–112 (in Russian).
- Shchhavelev, A.S. *Khronotop derzhavy Ryurikovichy [Chronotope of the Rurikid polity (911–987)]*. Moscow, 2020. (in Russian).
- Schmid, H.F. “Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen Organisation.” *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. Neue Folge. 2/2 (1926). P. 81–132.
- Sh’nakov, E.A. *Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva. Sravnitel’no-istoricheskii aspect [The Formation of the Old Russian State. Comparative Historical Aspect]*. Moscow, 2009. (in Russian).
- Tolochko, A. P. *Ocherki nachal’noi rusi [Essays on Early Rus’]*. Kiev; Saint-Petersburg, 2015. (in Russian).
- Tolochko, P.P. “Rus’ iznachal’naia [Initial Rus].” *Arkheologiiia* 1 (2003). P. 100–103 (in Russian).
- Tortika, A.A. ““Chernaia Bulgariia” traktata Konstantina Bagr’anorodnogo “Ob upravlenii imperiei” i “chernye bolgary” “Povesti vremennykh let”: problemy lokalizatsii [“Black Bulgaria” of Constantine Porphyrogenitus’ Treatise *De administrando imperio* and “Black Bulgarians” of “The Tale of Bygone Years”: Problems of Localization].” *Drinovs’kiy zbirnyk* 5 (2012). P. 23–31 (in Russian).
- Vinogradov, A.Yu. “Rol’ braka v formirovanii predanii o kreshchenii Vladimira Sv’atoslavicha [The Role of Marriage in the Formation of Legends about

- the Baptism of Vladimir Svyatoslavich].” In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e*, ed. E.A. Mel’nikova. Vol. 36. Moscow, 2024. P. 30–35 (in Russian).
- Voytovych, L.V. “Problems of Historical Terminology of Mediaeval Rus: The Military Government, Feudalism, Principality, *volost*, *lehn*, *benefice*, *fief*.” In *Colloquia Russica*. 2018. Series 2. Vol. 4. P. 9–20 (in Ukrainian).
- Voytovych, L.V. *Kn’azha doba na Rusi (837–1492) [Princely Era in Rus (837–1492)]*. Vol. 1. L’vov, 2021 (in Ukrainian).
- Zuckerman, C. “On the Date of the Khazars’ Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo.” *Revue des études byzantines*. 53 (1995). P. 237–270.
- Zuckerman, C. “Deux étapes de la formation de l’ancien État russe.” In *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. by M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. P. 95–120.
- Zuckerman, C. “Le voyage d’Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946.” *Travaux et Mémoires* 13 (2000). P. 647–672.
- Zuckerman, C. “Dva etapa formirovaniia drevnerusskogo gosudarstva” [Two Stages in the Formation of the Old Russian State].” *Slav’anovedenie* 4 (2001). P. 55–77 (in Russian).
- Zuckerman, C. “Dva etapa formirovaniia drevnerusskogo gosudarstva” [Two Stages in the Formation of the Old Russian State].” *Arkheologiya* 1 (2003). P. 76–99 (in Russian).
- Zuckerman, C. “Perestroika drevneishei russkoi istorii [Rebuilding of Ancient Russian History].” In *U istokov russkoi gosudarstvennosti. K 30-letiiu arkheologicheskogo izucheniiia Novgorodskogo R’urikova Gorodishcha i Novgorodskoi oblastnoy arkheologicheskoi ekspeditsii. Istoriko-arkheologicheskii sbornik*, ed. by E.N. Nosov, A.E. Musin. Saint-Petersburg, 2007. P. 343–351 (in Russian).
- Zuckerman, C. “Rejoice, Ye Mighty Ros! The Evidence of Pseudo-Symeon.” In *Dísablót. Sbornik kolleg i uchenikov k iubileiu E.A. Mel’nikovoi*, ed. T.V. Gimon. Moscow, 2021. P. 168–176 (in Russian).
- Zuckerman, C. “The Khazar Project of Hasdai Ibn Shaprut in the Context of the Diplomatic Ties Between Cordoba and Constantinople.” In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2021 g.: Vostochnaia Evropa i mir islama. K iubileiu T.M. Kalininoi*, ed. by E.V. Litovskikh, E.A. Mel’nikova, B.E. Rashkovskii. Moscow, 2021. P. 448–457 (in Russian).
- Zuckerman, C. “The Eleventh Century in *De administrando imperio*.” *Travaux et Mémoires* 26 (2022). P. 743–758.

Знак информационной
продукции **16+**

Научное издание

BYZANTINOT AURICA

**ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 2

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

«Н.Оріанда»™

ИП Пинчук А.В. 23 №008849391 от 15.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 24.09.2024. Формат 60х90 1/16.

Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ № .

«Н.Оріанда»™ 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, а/я 13

Тел.: 8 (800) 505-15-19, 8 (3652) 60-49-19

E-mail: n-orianda@mail.ru; <https://n-orianda.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета

на полиграфическом оборудовании ООО «Форма».

295034, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34, оф. 13.

Тел.: +7 (978) 725-35-78; Formacrimea@gmail.com